ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

Навстречу XXVII съезду КПСС

СОЦИАЛИЗМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА ДВУХ МИРОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

НА СТРАЖЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

ИСТОРИОГРАФИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

ПРОТИВ ТЕОРИИ «АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»

ПАВЛОДАР-ЭКИБАСТУЗСКИЙ КОМПЛЕКС

2

МОСКВА · 1986

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ, МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1986

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу XXVII съезду КПСС

СТАТЬИ

В. И. Касьяненко — Построение социализма в СССР и идеологическая борьба двух миров 3
А. П. Тюрина — Экономические отношения в сельском хозяйстве СССР 21
В. М. Кулиш — На страже мира и безопасности народов 41
Член-корреспондент АН СССР **Г. Ф. Ким** — Актуальные вопросы историографии новой и новейшей истории стран Азии и Африки . 58
И. П. Дементьев — Теория «американской исключительности» в исторической мысли США 81

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

К. Б. Бижанов (Алма-Ата) — Павлодар-Экибастузский комплекс . 103
Н. П. Ефремова — М. К. Цебрикова — деятель революционной демократии 114

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

А. Ш. и В. П.— В Бюро Отделения 122

В высшей школе

И. В. Галактионов (Саратов) — 50-летие Истфака Саратовского университета 125

Обзоры

Т. А. Сивохина — Новейшая историография рабочего класса союзных республик на современном этапе 127

Рецензии

А. П. Ненароков — В годы войны. Статьи и очерки 135
К. А. Хмелевский — М. И. Гиоев. Антиденикинский фронт на Кавказе 137
Хаджи Мурат Ибрагимбейли — Ж. Ж. Гакаев. Большевики в борьбе за массы в годы первой мировой империалистической войны (1914— март 1917 г.) 140
Д. Б. Петров — Ю. М. Мельников. Имперская политика США: истоки и современность 141
С. И. Илларионов — В. Н. Москаленко. Внешняя политика Пакистана (Формирование и основные этапы эволюции) 143

Коротко о книгах: **Н. К. Стрелкова** — Дипломатический вестник. Год 1984; **В. В. Комин** (Калинин) — В. В. Микшин. В. И. Ленин о нравственных началах в создании партии нового типа; **К. И. Седов** — И. М. Ионенко, В. А. Попов. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны; **З. Т. Захарова** — Герцен — мыслитель, писатель, борец. Сборник научных трудов; **Н. В. Минаева** — А. Ф. Возный. Петрашевский и тайная полиция 146

Новые книги 149
Статьи в советских периодических изданиях 152
В. Н. Павленко — «Круглый стол» историков и литераторов . . . 155

Хроникальные заметки 157

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Н. И. Егорова — У. С. Коул. Рузвельт и изоляционисты, 1932—1945 160
Коротко о книгах: **Н. И. Кудрявцева** (Свердловск) — Э. Пахали. История нелегального партактива КПГ в концлагере Бухенвальд. Ч. 1 (1937—1941), ч. 2 (1941—1945); **И. А. Лисовой** (Львов) — А. Бартонек. Золотые Микены; **А. Я. Шевеленко** — Самоуправление, хозяйство и культура ганзейских городов 163

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 165
Рецензии на советские издания 167

Хроникальные заметки 168

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Б. Брентьес (ГДР) — Использование востоковедов фашистскими шпионскими службами 171
В. А. Кучкин — О дате рождения Александра Невского 174

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Л. М. Майоров — Машинист Василий Богданов 177
Е. Н. Рафиенко — Становление Музея Красной Армии в Москве . . 182
М. И. Пашаев (Баку) — Стачка железнодорожников в Азербайджане 185

Сведения об авторах 189
Резюме статей на английском языке 190

© Издательство «Правда». «Вопросы истории» 198

СТАТЬИ

ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В СССР И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА ДВУХ МИРОВ

В. И. Касьяненко

Победа социализма в СССР означала дальнейшее углубление общего кризиса капитализма. А, как подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «общий кризис капитализма — не только обострение его экономических, социальных и политических противоречий. Это и кризис духовный, кризис идейный и нравственный» [1]. Правильность этих слов подтверждается историческим опытом идеологического противоборства на мировой арене в 30-х годах. Уже тогда на фоне гигантского прогресса советского общества были совершенно очевидны проявления духовного кризиса капитализма. Идейно-теоретическое бессилие его апологетов, утрата ими исторической инициативы в духовной жизни, заимствование многих стереотипов и оценок у белоэмигрантов, троцкистов, меньшевиков, кадетов и других врагов ленинской партии и Советской власти, враждебно-агрессивная реакция на рождение новой цивилизации в лице социалистического общества — эти и другие проявления духовного кризиса капитализма не могли быть компенсированы политикой и пропагандой оголтелого антисоветизма и антикоммунизма.

Исторический опыт подтверждает выводы проекта новой редакции Программы КПСС о неодолимости социализма в его противоборстве с силами старого мира, об антигуманной сущности идеологии и пропаганды современного капитализма, о пагубной роли буржуазных средств массовой информации [2]. Эти выводы подтверждаются опытом борьбы против антисоветизма и антикоммунизма в 30-е годы, когда **«в СССР было в основном построено социалистическое общество»** [3], а идеологическое наступление на противников марксизма-ленинизма и реального социализма вступило в качественно новый этап. Уже тогда были развенчаны многие антисоветские концепции, используемые идеологами и пропагандистами империализма и социал-реформизма. Опыт контрпропаганды тех лет весьма полезен для совершенствования приемов современной идеологической борьбы с противниками социализма на мировой арене.

Советская историография богата работами, в которых обобщается опыт идеологической борьбы КПСС на современном этапе. В то же время крайне мало внимания уделяется обществоведами анализу ее истории. Обычно об этом упоминается мимоходом и по конкретным вопросам. В предлагаемой статье предпринимается попытка показать влия-

---

[1] Горбачев М. С. Живое творчество народа. М. 1984, с. 35.

[2] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). Проект. М. 1985, с. 15.

[3] Там же, с. 8.

ние построения социализма в СССР на идеологическое противоборство двух миров, на международное общественное мнение и на углубление кризиса антисоветизма в середине 30-х годов.

* * *

Опыт построения социализма в СССР стал, с одной стороны, достоянием всего прогрессивного человечества, а с другой — объектом фальсификации и клеветы. В борьбе за умы людей главными были вопросы о том, какой способ производства — социалистический или капиталистический — более эффективен, какая демократия — советская или буржуазная — лучше обеспечивает реальные права и свободы всем гражданам.

История преподнесла миру наглядный и поучительный пример: в то время, как капиталистические страны переживали тогда экономический кризис или преодолевали его последствия, СССР успешно выполнил первую и вторую пятилетки и наметил пути дальнейшего развития социализма. Сама реальная практика общественной жизни двух миров отвечала на поставленные идеологическим противоборством вопросы [4].

Главным достижением Коммунистической партии и советского народа явилось создание социалистического способа производства. К концу второй пятилетки социалистическая собственность на средства производства — государственная и колхозно-кооперативная — охватывала 98,7% всех производственных фондов. Небывалыми были масштабы технического прогресса, обеспечившего решение ряда народнохозяйственных и социальных проблем и превратившего СССР в экономически независимое государство. По многим показателям СССР вышел на ведущие позиции в мире. На основе осуществленных в стране революционных преобразований коренным образом изменились классовая структура, духовная жизнь и быт советского общества.

Было закономерным, что в те годы советские люди в печати и на собраниях сравнивали свою старую и новую жизнь, мир капитализма и мир социализма [5]. Мировая прогрессивная общественность тоже объективно оценивала выдающиеся победы социализма. Опыт экономического развития СССР подтверждал жизненность и преимущества централизованного управления и планирования народного хозяйства. Успех 1-й и 2-й пятилеток привел к тому, что в зарубежной печати заметно уменьшилось число публикаций, в которых социалистическое планирование изображалось как «большевистский эксперимент», «принудительная система» без участия народа и т. п. «Планирование»,— писал генеральный

---

[4] Советские ученые и публицисты развернули тогда критику экономических, политических и духовных основ капитализма. См.: Сегалл Я. Е. Мировой кризис и противоречия капитализма. М. 1932; Кризис капитализма, угроза новых войн и интервенции. Статьи, материалы. М. 1932; Рубинштейн М. И. Наука, техника и экономика в Советском Союзе и в капиталистических странах. М.-Л. 1932; его же. Экономическое соревнование двух систем. М. 1939; Эвентов Л. Итоги борьбы двух систем в первой пятилетке. М. 1934; Общий кризис капитализма. Сб. ст. Вып. 1—2. М. 1934; Вольфсон С. Я. Культура и идеология загнивающего капитализма. М. 1935; Варга Е. Производительные силы бунтуют против капитализма. Плановое хозяйство у нас — «плановый» обман у них. М. 1935; его же. Капитализм и социализм за 20 лет. М. 1938; его же. Капиталистический мир на пороге нового кризиса. М. 1938.

[5] См., напр., об этом: Мануильский Д. З. Итоги социалистического строительства в СССР. М. 1935; Борилин Б. Советская демократия. М. 1935; Ундревич В. Новая эпоха советской демократии. Л. 1935; СССР и страны капитализма. М. 1937; День мира. М. 1937; Карпинский В. Жизнь рабочих и крестьян раньше и теперь, у нас и за границей. М. 1937; Коган Ю. Я., Мегружан Ф. О свободе совести (в царской России, в капиталистических странах и в СССР). М. 1938; Лиссовский П. СССР и капиталистическое окружение. М. 1939; Маркус Б. Л. Труд в социалистическом обществе. М. 1939; Светлов В. И. Брак и семья при капитализме и социализме. М. 1939; и др.

секретарь Компартии Великобритании Г. Поллит,— стало лозунгом дня. Буржуазия пыталась, таким образом, умиротворить массы. Буржуазные «пятилетние планы» стали расти как грибы. Но рабочим массам становилось все более ясно, что на основе капиталистического хозяйства планирование невозможно»[6]. Об этом же писали тогда советские авторы: для планирования необходимы общественная собственность на средства производства, централизованная государственная система управления и активное участие трудящихся в составлении и реализации планов[7].

Именно утверждение и функционирование социалистических производственных отношений вызвало новые стимулы труда и социального творчества участников производства, о чем свидетельствовали массовые почины по мере развертывания соревнования и стахановского движения. Новая трудовая мораль и производственный энтузиазм масс опровергали утверждения апологетов капитализма о том, что частная собственность и конкуренция, погоня за прибылью являются наиболее эффективными двигателями экономического и технического прогресса.

Победа социализма в СССР дала ответ на многие сложные политические и теоретические вопросы, которые были долгое время предметом острых споров внутри страны и идеологической борьбы на мировой арене. Это — планирование и управление народным хозяйством на основе принципов демократического централизма, сущность товарно-денежных отношений при социализме, методы и последствия социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, стимулы социалистического труда и технического прогресса, и др. Антисоветчикам стало гораздо труднее игнорировать практику реального социализма, извращать и чернить опыт СССР, подрывать веру советских людей в правильность экономической политики партии и методов ее осуществления.

Самоотверженный труд советского народа, политика и организующая деятельность партии обеспечили стране невиданный в истории экономический, социальный и технический прогресс[8]. Только за 1-ю и 2-ю пятилетки в СССР было построено 6 тыс. крупных промышленных предприятий, создано 243,7 тыс. колхозов и 3992 совхоза, осуществлена техническая реконструкция народного хозяйства, его электрификация; производительность труда в промышленности поднялась на 82%, осуществлена настоящая революция в социально-экономических отношениях и всем укладе жизни деревни. Победа социализма опровергла утверждения троцкистов и меньшевистские теории о невозможности построения нового общества в России из-за консерватизма крестьянства. Несмотря на трудности и некоторые издержки, коллективизация сельского хозяйства опровергла эти суждения, подтвердив жизненность аграрной теории марксизма-ленинизма и политики партии. Не менее впечатляющим был

---

[6] Поллит Г. СССР и революционизирование рабочих капиталистических стран.— Коммунистической Интернационал, 1935, № 20—21, с. 68. Позднее английский историк Э. Карр написал книгу о советском влиянии на западный мир, в которой среди многих направлений этого воздействия особо выделял стремление Запада перенять идею планирования. «Утомительно было бы перечислять,— писал он,— многочисленные подражания советскому пятилетнему плану во всем мире» (Carr E. H. The Soviet Impact on the Western World. N. Y. 1947, pp. VII, 20).

[7] См.: Дж. П. Карикатура на планирование.— Большевик, 1934, № 18; его же. Плановое и бесплановое хозяйство.— Там же, № 16; Тивель А. Они хотят прививать апельсины к луковице (Обзор буржуазной литературы о плановом хозяйстве в СССР).— Там же, № 19—20; Варга Е. Производительные силы капитализма и социализма за двадцать лет.— Там же, 1937, №№ 16—17.

[8] Советская литература и печать 30-х годов были наполнены фактическим, статистическим и иллюстративным материалом, популяризировавшим успехи советского народа в индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции и становлении социалистического общежития. Они производили сильное впечатление на советских и зарубежных читателей.

переход ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм, от кочевого образа жизни к оседлому. Ушла в прошлое национальная рознь, нормой жизни стали братская дружба, сотрудничество и взаимопомощь народов. СССР превратился в индустриально-колхозную державу, которая по темпам роста производства, размаху и глубине технического прогресса опережала развитые капиталистические страны.

Своими исследованиями советские экономисты опровергали клеветнические характеристики экономической политики Советского государства как политики автаркии и демпинга. Продолжая исследования и пропаганду курса СССР на индустриализацию страны и обеспечение ее экономической независимости, они доказывали объективный характер этого курса. В ряде их работ [9], а также в выступлениях делегатов XVIII съезда ВКП(б) [10] на большом фактическом материале доказывался объективно необходимый характер экономической и научно-технической политики Советского государства, обеспечившей невиданный социальный прогресс и укрепление международного авторитета нашей страны.

Предупреждая против недооценки трудностей, порождаемых враждебностью капиталистического окружения, XVIII съезд ВКП(б) констатировал факт превращения СССР «в независимую экономически страну, обеспечивающую свое хозяйство и нужды обороны всем необходимым техническим вооружением» [11]. Это историческое завоевание советского народа развенчало антисоветские мифы о демпинге, автаркии, о какой-то особой роли импорта и иностранной технической помощи в индустриальном и техническом прогрессе СССР. Решение этой сложной задачи в короткий исторический срок свидетельствовало в пользу преимуществ социалистической системы хозяйства, монополии внешней торговли, против опровергнутых практикой «теорий» всех скептиков о перспективах развития экономики, науки и техники в СССР.

Несмотря на то, что советский народ вынужден был напрягать все силы, нередко отказывать себе в самом необходимом ради индустриализации и укрепления обороны страны, для борьбы с происками враждебного капиталистического окружения, СССР совершил в 30-е годы гигантский скачок в экономическом и культурном развитии, в улучшении материальных условий жизни трудящихся. Им пришлось преодолеть «лишения и трудности, порожденные хозяйственной разрухой, контрреволюционными заговорами и саботажем буржуазии, технико-экономической и культурной отсталостью страны. Классовая борьба в переходный период временами приобретала характер острых столкновений. Страна Советов подвергалась ожесточенным атакам враждебного капиталистического окружения, многочисленным военным и политическим провокациям» [12]. Через завесы лжи и дезинформации зарубежные трудящиеся узнавали о таких невероятных для капитализма явлениях, как социалистическая система распределения материальных и духовных благ, общественные фонды, полная занятость трудоспособного

---

[9] См., напр.: Афанасьев В., Щетинин С. Освободимся от импорта. Л. 1932; За технико-экономическую независимость. Сб. ст. Л. 1932; Юрин А. За экономическую независимость СССР. М.-Л. 1932; Андерс Р. Кризис капиталистического машиностроения и импорт машин в СССР. М. 1934; Булат П., Свердлин С. Борьба за технико-экономическую независимость СССР. Л. 1935; Гинзбург И. С. Внешняя торговля СССР. М. 1937; Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР. М. 1938.

[10] См. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стеногр. отч. М. 1939, с. 218—221, 334—337.

[11] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 5, с. 339.

[12] Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). Проект, с. 7.

населения и ликвидация безработицы, рабочий контроль, шефство и т. д.

Навсегда покончив с господством частной собственности на средства производства, социализм ликвидировал условия, порождавшие эксплуатацию человека человеком, претворил в жизнь принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Вся жизнь советского общества основывалась на принципах коллективизма, гуманизма, интернационализма, социалистического самоуправления. Были созданы благоприятные условия для сотрудничества народов, населяющих СССР. Безвозвратно ушли в прошлое безработица и нищета трудящихся масс, политическое бесправие, социальный и национальный гнет, были подорваны корни религиозного миропонимания и старого быта, мещанской психологии, утверждались принципы и нормы социалистического общежития. Усилиями трудящихся под руководством партии в основном была преодолена огромная сила исторической инерции в сфере труда, быта, морали.

К концу переходного периода повысился уровень общей и политической культуры населения СССР, расширилась его информированность о зарубежных друзьях и врагах; массовый характер приобрел интерес к политике и международной деятельности Советского государства. Несмотря на незавершенность процессов социалистического строительства (социализм был построен пока еще в основном), налицо было единство идейно-политических интересов и целей советских людей. Марксистско-ленинская идеология, социалистические ценности, пролетарская солидарность стали играть определяющую роль в духовной жизни общества, в средствах массовой информации и культурных центрах государства. В стране был «осуществлен социальный переворот всемирно-исторического значения — навсегда покончено с вековым господством частной собственности, ликвидирована эксплуатация человека человеком. На базе общих интересов рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, трудящихся всех национальностей сложилось социально-политическое и идейное единство советского общества. Человек труда стал полновластным хозяином страны» [13]. Морально-политическое единство советского народа позволяло не только покончить с остатками враждебных классов, с их чуждыми влияниями и дать отпор всяким враждебным покушениям извне, но и служить лучшей гарантией дальнейшего роста и расцвета социалистической Родины [14].

В результате победы социализма в СССР исчезла социальная база для деятельности эксплуататорских классов и классовой борьбы в прежних формах, для антагонистических противоречий и катаклизмов. Диктатура пролетариата и руководящая деятельность Коммунистической партии обеспечили условия для невиданного в истории социального творчества масс и их морального обновления. Благодаря им в короткий срок формируется единство политики, морали и культуры, союз физического и умственного труда, обеспечивается нравственное и культурное богатство духовной жизни социалистического общества. Советский народ сплотился вокруг Коммунистической партии. Отныне ее идеологическая, контрпропагандистская деятельность опиралась на такой могучий фактор, как идейно-политическое единство общества. Вопреки антикоммунистической пропаганде, клевете и наветам на программные цели и политику партии все классы и социальные слои признали в ней испытанного вождя и руководителя. Полный крах потерпели надежды врагов на разрыв ее связей с массами, на идейное перерождение советского общества.

---

[13] Там же, с. 8.
[14] КПСС в резолюциях. Т. 5, с. 335, 336.

Победа социализма, установление идейно-политического единства общества, идеологическая работа партии в массах обеспечили утверждение новых, присущих только социализму принципов пропаганды и контрпропаганды. Главными среди них были классовость, коммунистическая партийность, нравственность, историзм, правдивость и непримиримость к ложным наветам и искажениям действительности. Особую роль в идеологической борьбе на международной арене играли советский патриотизм и пролетарский интернационализм.

В документах XVIII съезда ВКП(б), Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, VII конгресса Коминтерна, в докладах и выступлениях на них руководителей ВКП(б), деятелей международного коммунистического движения, Советского государства, работников идеологического фронта обобщался опыт социалистического созидания, содержалась критика антисоветских концепций и оценок буржуазных идеологов и пропагандистов. Было показано, что победа социализма превратила СССР в мощную государственно-политическую и экономическую силу, активно воздействующую на международные отношения и идеологическую борьбу на мировой арене. Она, как отмечал член Президиума и секретарь Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильский, «производит революцию в сознании миллионов людей на земном шаре, опрокидывает и разбивает вдребезги все те предрассудки, которые правящие классы воспитывали десятилетиями у масс в отношении социализма» [15]. На съездах ВКП(б) и Советов, конгрессах и пленумах Исполкома Коминтерна раскрывались неодолимость творческих сил нового общества, прочность идейно-политических устоев советского строя, непримиримость рабочего класса, всех патриотически настроенных трудящихся СССР к буржуазной и реформистской идеологии. В документах ВКП(б) и Коминтерна, в литературе того времени были обстоятельно показаны внутренние и международные факторы краха империалистической интервенции, экономической и информационной блокады, «крестовых походов» и других антисоветских кампаний, организованных буржуазными и реформистскими центрами, клерикальным антикоммунизмом и белоэмигрантами.

Обобщая и пропагандируя достижения реального социализма, советские обществоведы одновременно показывали причины хронического кризиса экономики, идеологии и морали капиталистических стран. Попутно критиковались утверждения о том, что участие социал-реформистов в буржуазных правительствах будто бы обеспечивает мирный переход к социализму. Труды обществоведов и публицистов, в которых содержалась правдивая информация о советской действительности, использовались коммунистами зарубежных стран, всеми прогрессивными людьми для разоблачения буржуазных фальсификаций о недемократичности диктатуры пролетариата, «насильственных методах» внедрения атеизма, о нежизненности коллективистских форм труда и быта населения СССР и т. п. Все это было опровергнуто реальными фактами.

Прогрессивное человечество приветствовало победу социализма в СССР как историческое событие. В советской и прогрессивной зарубежной печати публиковались восторженные отклики о советском обществе, его людях, о Конституции СССР. «Ныне социализм живой, во плоти и крови — перед вашими глазами, рабочие всех стран! — говорилось в воззвании ИККИ «К двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции».— Живой социализм — это уничтожение эксплуатации человека человеком. Живой социализм — это ликвидация безработицы и нищеты, это непрерывный рост материального и культурного уровня трудящихся масс... Живой социализм — это гарантированное

[15] Коммунистический Интернационал, 1937, № 10—11, с. 29.

каждому гражданину право на труд, право на отдых, право на образование» [16]. Переведенный на основные языки народов мира, этот документ сыграл свою роль в формировании мирового общественного мнения об исторической миссии реального социализма, об СССР — как факторе мира и бастионе борьбы против фашизма.

Не только в советской науке и пропаганде, а и в зарубежной прогрессивной литературе широко использовался тогда метод сравнительного анализа и сопоставлений противоположных экономических и политических систем, образов жизни, культуры и сотрудничества народов. Реальный социализм, его способ производства, демократизм и образ жизни стали главными источниками политической и трудовой активности советских людей, их идейной непримиримости к классовому противнику, его идеологии, морали и пропаганде. Социалистический идеал стал реальной действительностью, основой коммунистического воспитания трудящихся. Их социальный оптимизм, уверенные перспективы совершенствования построенного в основном социалистического общества стали веским аргументом в пользу нового строя. Успехи СССР, отмечал видный деятель итальянского и международного коммунистического движения П. Тольятти, которые антисоветчики «ранее объявляли невозможными или отрицали, произвели ошеломляющее впечатление на массы, дали им в руки объективное доказательство того, что перед человечеством открылся новый путь развития... Победы Советского Союза озаряли ярким светом сознание людей, конкретно раскрывали перед ними перспективы будущего, становились — подобно Октябрьской революции — путеводной звездой в деле формирования социалистического сознания масс и воспитания наших лучших кадров» [17].

Идеология, политика и пропаганда антисоветизма перед лицом исторических успехов СССР вынуждены были менять приемы одурманивания масс. Теперь уже нельзя было, как прежде, в первые годы Советской власти, изображать большевистскую партию как разрушительную силу, а диктатуру пролетариата как террор и мало кто верил в антисоветские мифы и клеветнические кампании, характерные для 20-х годов. Существенно изменилось отношение мирового общественного мнения к СССР. Победа социализма закрепляла в нем прогрессивные тенденции, давала уверенность и новые надежды друзьям Страны Советов. Этому способствовали социалистическая действительность, документы Коммунистической партии и Советского правительства, а также литература для советских и зарубежных читателей. Наряду с очевидными успехами социализма в них говорилось о пережитках капитализма, недостатках и незрелых формах социалистических отношений, диспропорциях, имевших тогда место в общественной жизни СССР. Аргументированная критика антисоветизма базировалась в этих документах и литературе на обобщении практического опыта и анализе негативных явлений в сфере экономики, культуры, морали и быта, на которых спекулировали антисоветчики.

Многие зарубежные непредубежденные социологи признавали впечатляющими успехи социализма в области культуры и народного благосостояния, национальных отношений, советского образа жизни, в решении женского вопроса. Правду о социализме в СССР распространяли за рубежом коммунистические партии, прогрессивные общественные организации, такие деятели культуры, как Р. Роллан, П. Ланжевен, П. Пикассо, Л. Арагон, М. А. Нексе, Ю. Фучик, Т. Драйзер, Э. Синклер, Л. Фейхтвангер, С. и Б. Вебб и др. Их выступления в печати,

---

[16] Там же, с. 9—10.

[17] Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сб. ст. и док. М. 1953, с. 255.

на собраниях и митингах заставляли людей задумываться над причинами антисоветизма буржуазной пропаганды. «Почему мы осведомлены о Советской России так плохо, как ни об одном другом участке земной поверхности?» — спрашивал датский писатель М. А. Нексе [18]. После того как в СССР был построен социализм, политика замалчивания или умышленная дезинформация, характерные для западных стран, нередко давали обратный эффект — интерес и симпатии трудящихся к советскому обществу возрастали, пропаганда антисоветизма не достигала желаемых целей.

Уже тогда антисоветская пропаганда широко прибегала к тому, что замалчивались (или выдавались за «советскую пропаганду») коренные преимущества социализма и достижения СССР в его создании, а неизбежные издержки классовой борьбы и революционного переустройства общества, допущенные ошибки и недостатки (например, в ходе коллективизации сельского хозяйства, в соблюдении социалистической законности, в антирелигиозной работе, бытовом обслуживании) выдавались за «истинный социализм». Позднее были даны объяснения негативных явлений переходного периода. «Это был первый в истории опыт построения социалистического общества, формировавшегося в процессе исканий, проверки на практике многих истин, известных до этого социалистам лишь в общих чертах, в теории. На протяжении более четверти века Советская страна была единственной страной, прокладывавшей человечеству путь к социализму. Она была подобна осажденной крепости, находившейся в капиталистическом окружении» [19]. В обстановке постоянных антисоветских происков и угрозы войны партия вынуждена была заботиться о повышении бдительности и мобилизационной готовности советского народа. Допущенные ошибки и просчеты затрудняли борьбу с подлинными его врагами, но не могли изменить природы и преимуществ социалистического строя. Они не могли затмить громадных успехов социалистического созидания [20]. Об этом напоминает еще раз проект новой редакции Программы КПСС [21].

Лучшие представители рабочего класса и прогрессивной интеллигенции отмечали торжество социализма в СССР как событие всемирно-историческое. При переполненных залах проходили конгрессы мира и дружбы с СССР в Англии, Франции, Чехословакии, Испании, США, Голландии, Бельгии, Швеции, Швейцарии. Участники этих форумов выражали солидарность с советским народом и давали отпор клеветникам на СССР и ВКП(б).

Объективно, выделяя успехи и преимущества социалистического общежития в СССР, не замалчивая трудности, сложности и противоречия в жизни советского общества, писали в книгах о нашей стране деятели английского реформистского рабочего движения С. и Б. Вебб. Несмотря на некоторые неточности в оценках и выводах, они с объективных позиций освещали трудовую, социально-политическую, нравственную и бытовую сферы жизни советских людей. Коллективный труд и соревнование, субботники и ударничество, отсутствие эксплуатации и жажды наживы, формы материального и морального стимулирования, разнообразные виды шефства (над госаппаратом, Красной Армией, деревней), новые взаимоотношения города и деревни, культ науки, забота о молодом поколении, постановка народного образования и здравоохранения, отсутствие безработицы и порнографии, атеизм и мно-

---

[18] Нексе М. А. Два мира. Мысли и впечатления от поездки в СССР. Л. 1935, с. 4.
[19] КПСС в резолюциях. Т. 7, с. 204.
[20] Там же, с. 205—209.
[21] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). Проект, с. 9.

гое другое, чем характеризовалось советское общество,— все это получило отражение в их двухтомнике [22].

Пропаганде и защите советского опыта построения социалистического общества были посвящены многие издания зарубежных коммунистов и прогрессивных исследователей. Научно-публицистический труд деятеля антифашистского Народного фронта Франции А. Рибара и книга деятеля французской культуры П. Гзелля убедительно доказывали наличие в СССР подлинной демократии, свобод и прав граждан, сопоставляли «мир наизнанку» (буржуазное общество) с советским образом жизни, особенно его политической и культурной сферами [23]. Ж. Рено в книге, написанной на основе собственных впечатлений от поездки в СССР летом 1935 г., рассказал о коренном изменении жизни крестьян в условиях коллективного производства и быта, изменении их морально-политического облика, раскрепощении женщин [24]. Даже буржуазные и социал-реформистские газеты и журналы отвели многие страницы 20-й годовщине Великого Октября [25]. Независимо от политических убеждений и партийной принадлежности честные люди за границей выражали свои надежды на лучшее будущее, связывая их с появлением могучего Союза ССР. Некоторые органы печати напоминали в этой связи историю борьбы двух миров. Так, консервативная лондонская газета «Daily Express» писала: «Полагали, что большевистский режим удержится полгода. Однако он существует уже двадцать лет. Сегодня большевизм построен из стали и господствует в величайшей стране мира. Советская власть вправе праздновать свою годовщину, так как она осуществила грандиозное дело» [26].

Буржуазные идеологи, социал-реформисты прилагали немалые усилия, чтобы ослабить революционизирующее влияние победы социализма в СССР на трудящиеся массы капиталистических стран и мировое общественное мнение. С этой целью делались попытки оживить старые антисоветские мифы и лозунги. Однако эффективность их резко упала: трудящиеся всего мира воочию убеждались в преимуществах социализма, в гуманизме Советской власти и способности СССР противостоять силам реакции и войны. Даже среди лидеров социал-реформизма были деятели, признавшие за большевиками и Советской властью победу в историческом споре с капитализмом. Не раз критиковавший раньше большевизм и предсказывавший гибель Советской власти один из лидеров австрийской социал-демократии — О. Бауэр в 1936 г. характеризовал победоносное развитие социализма в СССР как «важнейший фактор послевоенной истории». Он писал: «Там, на далеких просторах, от Балтийского и Черного морей до Великого океана, социалистическое общество становится действительностью! Там растет мощная социалистическая держава, в союзе с которой вы, рабочие всего мира, разобьете капитализм, установите социалистическое общество»[27]. Он констатировал факт разочарования рабочих масс в «реформистском социализме», предсказывал светлые перспективы советскому обществу, призывал к защите СССР от угрозы фашистской агрессии, выступал «против любого нападения на СССР», полагая, что «западная демократия и русский большевизм борются за общую цель — сохранение мира» [28].

Если раньше буржуазные и реформистские идеологи и пропаганди-

---

[22] Вебб С. и Б. Советский коммунизм — новая цивилизация? Тт. I—II. М. 1937.

[23] Ribard A. La peuple au Pouvoir. P. 1936; Gsell P. Le monde à l'endroit. P. 1936.

[24] Renaud J. Lettre sovietique. Sovkhoz et kolkhoz. P. 1936.

[25] Подробнее об этом см.: Коммунистический Интернационал, 1937, № 12, с. 97—105.

[26] Там же, с. 97.

[27] Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Bratislawa. 1936, S. 326—327.

[28] Ibid., S. 248, 265, 311, 326.

сты, фальсифицируя советскую действительность, писали о несбыточности «большевистского эксперимента», то теперь перед лицом неопровержимых фактов они уже не могли выступать с откровенно клеветнических позиций. Стало очевидно, что социализм обеспечивает прогресс в сфере экономики и культуры, нравственности и быта, в деле воспитания нового человека и сотрудничества народов. На пути клеветы и фальсификаций появилась могучая преграда — реальный социализм, демонстрировавший свои преимущества и замечательные перспективы. Буржуазной и реформистской социологии и пропаганде был нанесен сокрушительный удар.

Уже тогда в западной и советской литературе противопоставлялись буржуазные, социал-реформистские и марксистско-ленинские концепции политической организации общества и демократии, гражданских прав и свобод. Участники XVII и XVIII съездов партии, Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР убедительно доказывали преимущества социализма в политической организации общества, критиковали буржуазные и социал-реформистские концепции, разоблачали их тенденциозность в оценках ряда явлений политической жизни советского общества. Например, определенные ограничения демократии, ее нарушения и перегибы являлись временными, их нельзя было изображать в качестве имманентно присущих социализму, как это делали западные политики и пропагандисты. Тенденциозность информации об СССР проявлялась в стремлении вызвать у населения капиталистических стран страх перед «советской угрозой», недоверие к сообщениям ТАСС о выполнении пятилетних и годовых планов в области экономики, культуры и социального развития нашей страны, в попытках использовать и раздуть негативные явления, драматизировать и обобщать некоторые издержки, вызванные классовой борьбой в переходный период.

Со времени победы Великого Октября в мире, пожалуй, не было события, которое вызвало бы столь широкий международный резонанс, как принятие новой Конституции СССР. После опубликования (июнь 1936 г.) ее проекта состоялась невиданная в истории международная дискуссия о конституционном устройстве общества и гражданских правах, свободах и обязанностях, о противоположностях буржуазного и социалистического общежития. «Лицемерам, которые клевещут на социализм и стараются вводить массы в заблуждение, изображая перед ними социалистический строй как строй подавления человеческой индивидуальности и свободы, как строй казарменный, как режим бедности, «общности благ»,— говорилось в передовой статье журнала «Коммунистический Интернационал»,— мы отвечаем: взгляните на советскую Конституцию и на социалистическое государство, основным законом которого она является» [29].

Критикуя Конституцию СССР, буржуазная печать и литература распространяли искаженные сведения о советском образе жизни. «Даже самые враждебные органы печати,— замечал по этому поводу советский публицист Л. Ю. Тивель,— злостно комментируя отдельные положения Конституции, вынуждены все же как-то излагать их содержание и тем самым волей-неволей способствовать распространению сведений о Конституции СССР. В ряде случаев газеты приводят и высказывания советской печати, значения которых не может уничтожить никакая клевета» [30]. Это была острая борьба вокруг экономических, политических и социальных основ советского и буржуазного обществ. Конечно, центральными в ней были вопросы демократии, права на труд, социальной справедливости, соотношения общественной и личной собственности.

---

[29] Коммунистический Интернационал, 1936, № 11—12, с. 34.
[30] Большевик, 1936, № 14, с. 89.

Уже в те годы буржуазные социологи и журналисты пытались доказать «преимущества» капитализма в сфере благосостояния.

Злобные нападки буржуазных «критиков» вызвало положение Конституции СССР (ст. 126) о Коммунистической партии как о руководящем ядре всех организаций трудящихся Советского Союза. «Наличие одной партии исключает возможность демократии», «чувство хозяина у советских людей — иллюзия», «признание права на личную собственность и сбережения — первый реванш капитализма» — подобные выводы буржуазной печати о Конституции СССР были взяты фальсификаторами на вооружение и затем долгие годы использовались ими в идеологической борьбе против СССР [31]. Когда принимались первые советские конституции 1918 г. и 1924 г., которыми ограничивались избирательные права нетрудовых элементов, буржуазная пропаганда много шумела о недемократичности и нарушении свобод в советском обществе. Конституция 1936 г., закрепившая победу социализма в СССР, упразднила ограничения избирательных прав по классовому признаку. Несмотря на это, она продолжала подвергаться пропагандистским атакам противников социализма.

Во время обсуждения проекта новой Конституции СССР и ее принятия советские обществоведы и пропагандисты анализировали ее преимущества, сопоставляли советскую политическую систему с буржуазной, вновь подвергали критике старые мифы о диктатуре пролетариата, гражданских правах и свободах, раскрывали сущность и реальные проявления социалистической демократии и советского коллективизма, социальной справедливости и подлинного равенства, исторической миссии Коммунистической партии и Советского государства в строительстве новых форм жизнедеятельности людей, их воспитания в духе принципов и норм социалистического общежития. Во многих работах давалась тогда резкая, но объективная критика фальсификаций советской действительности и социальной политики нашей партии, участия трудящихся масс в управлении обществом и государством, в строительстве новой жизни. «Конституция,— говорил на съезде Советов писатель В. П. Ставский,— подводит итог развития... величайшего в мире гуманизма пролетариата. В отличие от так называемого гуманизма буржуазного этот гуманизм не является болтовней для прикрытия капиталистического гнета, его цель — освободить трудящихся всего мира от позорного, кровавого рабства. Этот гуманизм требует беззаветной преданности делу освобождения трудящихся и угнетенных, требует ненависти к старому миру, к власти капитализма, их наемникам и приспешникам» [32].

В связи с принятием новой Конституции СССР в советской печати, по радио, на митингах и собраниях трудящихся звучали высказывания советских граждан, в которых сравнивались смысл, содержание и условия жизни двух миров, критиковались фальшь буржуазной демократии, лицемерие западной пропаганды. В период избирательных кампаний 1937—1938 гг. на весь мир по радио транслировались митинги, собрания, репортажи, выступления кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик, в которых говорилось о достижениях и перспективах развития экономики и культуры, национальных отношений в советском обществе, о социалистическом образе жизни. Эта яркая и правдивая информация опровергала небылицы буржуазной пропаганды.

Проявлением честного, правдивого и убедительного раскрытия преимуществ победившего в СССР социализма с одновременной бичующей критикой антисоветизма и дезинформации, практикуемой буржуазны-

---

[31] Обзор зарубежной печати по этому вопросу см.: там же, с. 76—90.

[32] Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. 25 ноября — 5 декабря 1936 г. Стеногр. отч. М. 1936, Бюллетень № 10, с. 29.

ми органами печати и враждебной пропаганды, явились выступления делегатов на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов в ноябре — декабре 1936 года. Обсуждая и принимая новую Конституцию СССР, они на многочисленных примерах и фактах показывали итоги экономического и социального прогресса, коренные преобразования во всех сферах жизни народов СССР. Они опровергали буржуазных критиков проекта новой Конституции СССР и сомнения в прочности и перспективности развития советского общества по пути социализма. Подчеркивая историческое значение новой Конституции СССР, в одной из своих статей акад. Е. В. Тарле писал, что она и «проясняет мысли» у врагов и усиливает злобу к нашей Родине. «Этот новый взрыв звериной злобы,— писал он,— уже сам по себе показывает, насколько новая Конституция пришлась кстати в переживаемую минуту, когда силы старого, капиталистического мира в самой отталкивающей, наиболее омерзительной форме идут сомкнутым строем не только против социализма, но и против основ буржуазной демократии» [33].

Особое внимание буржуазных политиков и критиков привлекала десятая глава Конституции СССР, в которой провозглашались права и обязанности граждан. «Вполне понятно, почему среди врагов и буржуазных и мелкобуржуазных демократов таким вниманием пользуется этот раздел Конституции,— говорил секретарь ЦК КП(б) Украины С. В. Косиор.— Потому что такие наши достижения, как право на труд, образование, полное равноправие национальностей, полное равноправие женщин — это есть вещь, для них совершенно недостижимая, и, даже я сказал бы, непостижимая» [34]. В советской печати раскрывались исторические завоевания социальной политики Коммунистической партии и Советского государства, закрепленные в Конституции СССР, показывались реально существующие права граждан, разоблачалась несостоятельность враждебной пропаганды. Еще долгие годы вопросы о диктатуре пролетариата, гражданских правах и свободах будут находиться в центре идеологической борьбы на мировой арене. «Нас хотят знать,— кто мы, каков наш моральный облик, как мы живем...— говорил А. Толстой на VIII съезде Советов.— Мы хотим знать себя, и еще больше нас хочет знать весь мир, потому что в нас хотят видеть пример мужества, воли ума, одаренности, полнокровия, оптимизма. Сколько раз за границей я видел на себе завистливый взгляд, сколько раз я слышал вздох: «Эх-хе-хе, счастливые вы, русские!» [35].

Было естественным, что во время обсуждения проекта новой Конституции СССР представители народов нашей страны вспоминали свое прошлое, сопоставляли его с настоящим. «Ни меньшевики, ни эсеры, ни ханы, ни тем более националистические партии, громко кричавшие о защите народа, ничего не сделали для того, чтобы положить конец издевательству над народами Туркестана,— вспоминал председатель СНК УзССР Ф. Ходжаев.— При Временном правительстве, когда эти партии получили власть в свои руки, трудящиеся Узбекистана увидели подлинное лицо этих «друзей народа», которые сделали все зависящее от них, чтобы еще более усилить гнет и рабство народа. Действительным защитником интересов узбекского народа стал русский пролетариат» [36].

В те годы партия сделала многое для антифашистского воспитания населения СССР. Все средства массовой информации, научная и публицистическая литература были пронизаны критикой и осуждением идео-

---

[33] Тарле Е. О буржуазной демократии и новой Конституции СССР.— Историк-марксист, 1937, кн. 1 (59), с. 138.

[34] Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, 25 ноября — 5 декабря 1936 г., Бюллетень № 8, с. 57.

[35] Там же, Бюллетень № 9, с. 1.

[36] Там же, Бюллетень № 4, с. 3—4.

логии фашистов, прежде всего германских. При этом партия открыто говорила народу об их подготовке к войне против СССР под завесой антикоммунизма и «спасения» Европы; разоблачала бредовые идеи и замыслы фашистов в отношении «варварских славянских народов». Острыми, разоблачительными, предупреждающими были публичные выступления руководителей Коммунистической партии и Советского государства, ученых, пропагандистов, рабочих и крестьян.

Как международную силу, разрушающую буржуазную демократию, пропагандирующую антикоммунизм и вражду между народами, характеризовал фашизм нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов. Смехотворны утверждения о том, говорил он, что коммунисты стремятся создать на Пиренейском полуострове (или в Каталонии) Советское государство и включить его в состав СССР [37]. «Той же цели,— продолжал он, характеризуя ведомство Геббельса,— служит распространение лживых сообщений про другие страны, для чего создается специальное государственное учреждение, называемое министерством пропаганды, во главе которого ставится человек, который, надо отдать ему справедливость, в качестве создателя и распространителя нелепейших вымыслов и самых лживых сообщений является, как англичане говорят, надлежащим человеком на надлежащем месте» [38].

Известно, что VII конгресс Коминтерна (июль 1935 г.) специально призвал к борьбе против фашистской фальсификации истории, «чтобы исторически правильно освещать перед трудящимися массами прошлое их собственного народа, чтобы увязать свою теперешнюю борьбу с революционными традициями». Идеи и призывы конгресса широко пропагандировались как в СССР, так и среди трудящихся капиталистических стран. Между коммунистами и социал-демократами шли дискуссии о практическом осуществлении тактики единого фронта, об отношении к СССР и Коминтерну. Это движение вызвало ярость среди идеологов и политиков буржуазии ряда стран Европы, новую волну антикоммунизма и антисоветизма. Фашистская печать, особенно Германии, призывала общественность европейских стран бороться против «коммунистической пропаганды», а также поддерживать гитлеровскую Германию как бастион против большевизма и оплот «культурного мира».

Пропаганда идей расизма и «жизненного пространства», насилия и террора, ярого шовинизма и антикоммунизма сопровождалась социальной демагогией и ложью. История не знала такого цинизма, фальсификаций, клеветы и нескрываемой ненависти к другим народам, какими характеризовалась геббельсовская психологическая обработка немецкого народа и народов других стран. «Фашистские историки,— указывал советский историк Ф. И. Нотович,— пытаются доказать определенный, уже канонизированный тезис германских фашистов, согласно которому советская внешняя политика является не чем иным, как «продолжением» царской внешней политики, и что советско-французский договор 1935 г. о взаимной помощи против агрессора является якобы не чем иным, как продолжением договоров 1859—1881 гг. между царской Россией и Францией. Из этого нелепого тезиса делался вывод: Франция и СССР угрожают «третьему рейху», пытаются его «окружить», а поэтому он находится в состоянии обороны точно так же, как в прошлом «миролюбивая бисмарковская Германия будто бы так же находилась в состоянии обороны против России и Франции» [39].

Фашистская пропаганда вела активную идеологическую подготовку войны, используя для этого весь арсенал антисоветизма и антикомму-

---

[37] Там же, Бюллетень № 7, с. 17.
[38] Там же, с. 19.
[39] Историк-марксист, 1937, кн. 2, с. 144.

низма. Главным в нем был старый миф об «угрозе» международного коммунизма, о «заговоре» Коминтерна. Изо дня в день печать и радио, церковь и кино отравляли сознание масс ядом антикоммунистической, антисоветской пропаганды и расистской идеологии. Пропаганда «превосходства арийской расы», разнузданная клевета на СССР и славянские народы, фарисейская проповедь «спасения человечества» — все это использовалось для обработки общественного мнения. Однако не все защитники капитализма участвовали тогда в этой кампании. Страшась всевозрастающей мощи и популярности СССР, с одной стороны, и агрессивности фашизма,— с другой, политики и идеологи буржуазии занимали позицию лавирования и попустительства. Немало лицемерных слов было произнесено ими о стремлении к умиротворению фашистов, «демократическом» решении международных проблем.

Было совершенно очевидно, что развернувшееся антивоенное движение заключало в себе стремление трудящихся СССР, народов всех стран к упрочению мира, отпору поджигателям войны. Внешняя политика Советского государства, его борьба за мир между народами отражали собою гуманизм, справедливость и миролюбие социалистического общества. Победа социализма в СССР, укрепление его обороноспособности и завоевание им экономической независимости, его многолетняя борьба за мир и сотрудничество между народами значительно повысили международный престиж Советского государства. Оно выступало как реальная сила, способная защищать не только себя, но и всеобщий мир. В сознании многих людей за рубежом понятия «социализм», «мир» и «СССР» сливались воедино. На XVII и XVIII съездах партии, в советской печати и по радио разоблачалась агрессивная политика германского фашизма и японского милитаризма, предупреждающе звучала критика политики западных держав сначала по созданию вокруг СССР «санитарных кордонов», «антикоминтерновских пактов», а затем — поощрения фашистских держав под видом «невмешательства» и «умиротворения». Исторической заслугой Советского правительства было разоблачение истинных целей фашистов, а также преступных маневров империалистических держав. Это содействовало повышению бдительности народов, мобилизации их на борьбу против фашистов и их пособников.

Проблемы кризиса буржуазной исторической науки, критики фашистской фальсификации истории и использования ее в пропагандистско-националистических целях обсуждались в Институте истории Коммунистической академии, в Академии наук СССР, в вузах страны. Актуально, например, прозвучали и доклады акад. АН БССР В. К. Щербакова «Кризис буржуазной исторической науки и историческое образование в СССР и БССР», прочитанные на истфаке Белорусского университета в октябре 1934 г.[40]; Ф. И. Нотовича — «Вопрос о виновниках войны в фашистской историографии» (в АН СССР в феврале 1938 г.)[41]; Е. В. Тарле — «Фашистская фальсификация исторической науки в Германии» (в Ленинградском университете в апреле 1939 г.)[42]. Против фальсификаторов истории народов СССР были нацелены труды и сессии историков по вопросам происхождения и борьбы их с германской агрессией[43]. Коллективом Института истории АН СССР была подготовлена серия брошюр о героическом прошлом русского народа, борьбе с иноземными захватчиками и о культуре советского народа[44]. Советские ученые на международных конгрессах, в книгах и периодической

---

[40] Там же, 1934, т. 6, с. 104—105.
[41] Там же, 1938, т. 3, с. 153—155.
[42] 120 лет ЛГУ. Научная сессия. Тезисы докладов. Л. 1939, с. 5.
[43] Историк-марксист, 1940, тт. 6, 11; Вестник АН СССР, 1941, № 9—10.
[44] Материалы к истории АН СССР за советские годы. 1917—1947. М.-Л. 1950, с. 250.

печати разоблачали антинаучность, антисоветизм, «наглую фантасмагорию» гитлеровцев. Известную роль в этом отношении сыграли сборники статей, подготовленные коллективами Института философии и Института истории АН СССР [45].

В условиях нарастания военной опасности со стороны германского фашизма и японского милитаризма общественные науки — как основа пропаганды и контрпропаганды — были нацелены на разоблачение политики гитлеровцев, на критику беззубого пацифизма, мобилизацию общественного мнения СССР и других стран против фашистской агрессии [46]. Духовная жизнь советского общества была пронизана непримиримостью к фашизму, к политическим и пропагандистским диверсиям извне, к малейшим нарушениям принципов советского патриотизма и пролетарского интернационализма. С негодованием и возмущением разоблачалась пропаганда антисоветизма прогрессивной общественностью, компартиями и Коминтерном. Силы мира и демократии, антифашизма и друзей СССР вели активную и мужественную борьбу против антисоветизма и войны. И хотя тогда не удалось создать широкого единого народного фронта борьбы за мир, против войны, целенаправленная пропаганда, а главное — логика борьбы сил прогресса с фашизмом способствовали формированию в годы второй мировой войны движения Сопротивления в ряде стран Европы.

Одним из центров антисоветской пропаганды являлись в довоенное время США. В 1939 г. здесь действовало не менее 750 фашистских организаций, наводнявших страну антисоветскими газетами, информационными бюллетенями [47]. Все они существовали «во имя спасения Америки от коммунизма». Нью-Йоркский институт анализа пропаганды не раз отмечал необъективность американской прессы в отношении СССР [48]. И здесь же в США одно время действовали на общественных началах «бюро правды», а по инициативе общества «Друзей СССР» в 1937 г. была создана «Золотая книга», в которой были собраны подписи нескольких сотен тысяч американских граждан, поздравлявших советский народ с двадцатой годовщиной Октябрьской революции [49]. Общие интересы борьбы против гитлеризма, антифашистские настроения и деятельность друзей СССР способствовали созданию в дальнейшем антигитлеровской коалиции.

Сопоставление двух миров, их политики, морали, образов жизни приводило к глубоким сдвигам в настроениях и отношении к СССР всех честных людей на Западе. Осенью 1936 г. в открытом письме Р. Роллана, П. Ланжевена, П. Пикассо и Л. Арагона отмечалось, что интеллигенция Франции «выражает свою признательность СССР за то, что в хаосе и обскурантизме, царящем в настоящее время, он спас нерушимые принципы справедливости, достоинства и мира» [50]. Реальный социализм стал мощной революционизирующей силой, возросло воздействие идей марксизма-ленинизма на трудящиеся массы. Вопреки

---

[45] Против фашистского мракобесия и демагогии (М. 1936 г.), Против фашистской фальсификации истории (М. 1939 г.).

[46] См., напр., об этом: Ерусалимский А. Германский фашизм у власти. М.-Л. 1934; Лемин И. Пропаганда войны в Японии и Германии. М. 1934; его же. Фашистская Германия — очаг войны. М. 1936; его же. Блок агрессоров. М. 1938; Литвинов М. М. СССР в борьбе за мир. М. 1934; его же. Против агрессии. М. 1938; Вольфсон С. Я. Культура и идеология загнивающего капитализма. М. 1935; Бернар Л. Фашистская Германия — очаг варварства и мракобесия. М. 1936; Древние германцы. Сб. док. М. 1937; Против войны и фашизма. Сб. м-лов. Ростов-н/Д. 1938; Гальянов В. Фашистские агрессоры и их пособники. М. 1938.

[47] См.: Сейерс М., Кан А. Тайная война против России. М. 1947, с. 402.

[48] Там же, с. 378.

[49] За рубежом, 1937, № 31, с. 7.

[50] Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937 гг.). М. 1961, с. 433.

трубадурам антисоветизма и антикоммунизма симпатии к СССР распространялись среди все новых слоев трудящихся и прогрессивной интеллигенции. О глубоком воздействии на общественное мнение стран Запада говорили тысячи писем из-за границы в СССР в связи с разработкой новой Конституции и 20-летием Великого Октября. Эти письма свидетельствовали о продолжавшемся повороте рабочих масс к идеологии и политике реального социализма. «За 20 лет своего существования Советский Союз дал миру больше, чем 20 веков предыдущей цивилизации»,— писали бельгийские рабочие [51].

Изменения в мировом общественном мнении в пользу СССР затрудняли буржуазии проведение антисоветской политики и пропаганды. Победа социализма в СССР укрепила веру его зарубежных друзей в новую цивилизацию, заставила многих людей за границей сомневаться в объективности информации буржуазной прессы, искать иные каналы познания советской действительности. В формировании объективного общественного мнения за рубежом об СССР большую роль сыграли выступления в печати деятелей науки и культуры, посещавших нашу страну. Среди них был немецкий писатель-антифашист Л. Фейхтвангер. Побывав в Москве, он написал своеобразный отчет о своей поездке. «Советский Союз ведет борьбу с многими врагами, и его союзники оказывают ему только слабую поддержку,— отмечал он,— тупость, злая воля и косность стремятся к тому, чтобы опорочить, оклеветать, отрицать все плодотворное, возникающее на Востоке. Но писатель, увидевший великое, не смеет уклоняться от дачи свидетельских показаний, если даже это великое непопулярно и его слова будут многим неприятны» [52]. Не все удалось этому прогрессивному писателю правильно оценить в СССР. Однако в главном выводе он был прав: «Когда из этой гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности (Запада.— *В. К.*) попадешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легко. Здесь не прячутся за мистически-пышными фразами, здесь господствует разумная этика» [53].

Стремление увидеть и понять причины успехов СССР, самостоятельно разобраться в правильности оценок советского общества нашло конкретное воплощение в посещении СССР и в написанной затем книге Х. Джонсона. Объездив нашу страну, убедившись в резком контрасте увиденного и прочитанного о «большевистском эксперименте» в западной печати, он издал в 1939 г. книгу, вызвавшую злобную кампанию антисоветчиков. Дело в том, что автор утверждал в ней: частная собственность пережила свое время; она разрушает старые устои жизни и мораль, тормозит науку, не сдерживает бедность. «Заря идет с Востока,— писал английский священник Х. Джонсон,— и в этой светлой заре люди видят обещание нового мира, не какого-либо абсолютного совершенного мира и не утопического мира, но, по крайней мере, свободного от бедности и эксплуатации, с возросшими возможностями для всех работать совместно для общего блага мира» [54]. Джонсон высоко оценил Конституцию СССР за ее демократизм и гуманизм.

Победа социализма в СССР, его материальные и духовные завоевания, идейно-политический потенциал и морально-политическое един-

---

[51] Это и другие письма коммунистов, трудящихся и прогрессивных организаций зарубежных стран, поступившие в связи с принятием Конституции СССР 1936 г., 20-летием Великого Октября и построением социализма в СССР, собраны в «Золотые книги», которые хранятся в Музее Революции СССР. Лишь часть из них была тогда опубликована.

[52] Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М. 1937, с. 9. Первоначально книга была издана на немецком языке в Амстердаме и получила широкое распространение на Западе.

[53] Там же, с. 118.

[54] Johnson H. The Socialist sixth of the World. Lnd. 1939, p. 384. (Эта книга в 1939—1944 гг. выдержала в Англии 19 изданий).

ство общества, накопленный партией опыт борьбы с враждебной идеологией и пропагандой стали важнейшими факторами, влиявшими на ход, содержание и методы идеологической борьбы с враждебным капиталистическим окружением. Они укрепляли уверенность советских людей в правильности разработанных партией планов, веру в собственные силы, перспективы социалистического созидания. Коммунистические идеи, советский патриотизм и реальные ценности социализма являлись непосредственным источником и мотивом действий советских людей, когда они противостояли идеологическим диверсиям империализма. Вопреки усилиям антисоветских сил могучая социалистическая держава оказывала всевозрастающее влияние на международные отношения и мировое общественное мнение. Реальный социализм стал самым веским аргументом против фальсификаций и дезинформации, идеологической агрессии, демагогии и клеветы идеологов и пропагандистов империализма.

Критика политики и пропаганды антисоветизма в документах партии и правительства, в трудах советских обществоведов и публицистов базировалась на всестороннем изучении политических, экономических и духовных основ капитализма, классовом конкретно-историческом анализе закономерностей и тенденций идеологической борьбы на мировой арене, выявлении истинных причин враждебности к СССР. Принципиальную правильность оценок сущности кризиса антисоветизма, сделанных партией, ее идеологическими кадрами в 30-х годах подтвердила сама жизнь. Тем самым был нанесен удар представлениям об объективности и независимости средств массовой информации в условиях капитализма. «Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю,— писал в свое время Ф. Энгельс.— В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то историческое сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»[55].

Под напором правды о социализме «информационный антисоветизм» вынужден был в ряде случаев приспосабливаться к новым условиям. Г. Поллит по этому поводу тогда верно заметил, что «буржуазная пресса, не будучи больше в состоянии заниматься сплошными измышлениями и сплошной клеветой, в отличие от предыдущего периода, посвящает много места достижениям Советского Союза, снабжая, однако, свое вынужденное признание этих достижений такими «тонкими» комментариями, которые служат ее целям не менее чем прежняя сплошная клевета»[56]. Стараниями наиболее реакционных и изощренных в идеологической обработке людей буржуазных пропагандистов капитализму все же удалось тогда удержать значительную часть мелкобуржуазного населения в сфере своего влияния. Однако в сознании зарубежных трудящихся во второй половине 30-х годов преобладала тенденция к объективной оценке опыта социалистического строительства в СССР.

Коммунисты учитывали тот факт, что в идеологической борьбе, которая шла в зарубежных странах по вопросу о реальном социализме, действовали две основные тенденции. Одна — антисоветская, антикоммунистическая, основанная на клевете и дезинформации и направленная на подготовку агрессии против СССР. Главным носителем ее был фашизм. Другая — либерально-буржуазная. Будучи приверженцами капитализма, носители ее по крайней мере на словах призывали к объективному освещению жизни советского общества и даже к сотрудничеству с СССР. Не уступая ни грана в принципиальных вопросах идеологии,

---

[55] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16, с. 524.
[56] Поллит Г. Ук. соч., с. 73.

мировое коммунистическое движение решительно боролось против первой тенденции и стремилось наладить взаимодействие со сторонниками второй тенденции.

В идеологической, контрпропагандистской работе партии в 30-е годы ярко проявились принципиальность и реализм, твердость и непреклонность в идейных, классовых вопросах, умение видеть и учитывать все разнородные силы, настроения и течения капиталистического мира. Эта работа была тесно увязана с внешнеполитической деятельностью Советского государства. При этом партия исходила как тогда, так и теперь из того, что «социализм доказывает свои преимущества не силой оружия, а силой примера во всех областях общественной жизни — динамичным развитием экономики, науки и культуры, повышением жизненного уровня трудящихся, углублением социалистической демократии» [57]. Опыт идеологической борьбы 30-х годов подтвердил эффективность принципов и методов коммунистической контрпропаганды. Она содействовала идейному и организационному укреплению международного рабочего и коммунистического движения, усилению дружественных чувств трудящихся зарубежных стран в отношении СССР, углублению идейно-политического единства советского общества, что было особенно важно в связи с приближавшимся военным столкновением.

И сегодня КПСС видит свою задачу в том, чтобы нести народам правду о реальном социализме, внутренней и внешней политике Советского Союза, активно пропагандировать советский образ жизни, наступательно, аргументированно раскрывать антинародный, бесчеловечный характер империализма и его эксплуататорскую сущность.

---

[57] Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). Проект, с. 66—67.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

А. П. Тюрина

XXVII съезду КПСС предстоит принять крупномасштабную программу планомерного совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму. Высшей целью партии является неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа. Реализация этой цели требует ускорения социально-экономического развития, всемерной интенсификации и повышения эффективности общественного производства на базе научно-технического прогресса [1]. Развернутая концепция ускорения развития страны и достижения на этой основе нового качественного состояния советского общества выдвинута и обоснована партией на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, совещании по вопросам научно-технического прогресса, в документах октябрьского (1985 г.) Пленума Центрального Комитета, одобрившего проекты новой редакции Программы КПСС, изменений в Уставе КПСС, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Эти документы, как подчеркнуто в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на октябрьском Пленуме, предусматривают преобразования действительно исторического масштаба — осуществление новой технической реконструкции народного хозяйства, завершение его перевода на рельсы интенсификации, выход советской экономики на высший уровень организации и эффективности [2].

К важнейшим условиям, которые призваны обеспечить коренной поворот в развитии социалистической экономики, партия относит необходимость дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, методов планирования и управления, укрепление дисциплины и ответственности на всех участках, всемерное развитие творческой инициативы масс. «Ускорение социально-экономического развития страны,— говорится в проекте новой редакции Программы КПСС,— требует постоянного **совершенствования руководства народным хозяйством,** надежного и эффективного функционирования хозяйственного механизма, включающего в себя разнообразные, гибкие формы и методы хозяйствования, добиваясь их соответствия меняющимся условиям экономического развития и характеру решаемых задач» [3].

Центральное место в хозяйственном механизме занимают экономические отношения, в которых переплетаются и взаимодействуют все категории интересов — общенародные, коллективные и личные. Еще

---

[1] См. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Проект. М. 1985, с. 10.

[2] См. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 года. М. 1985, с. 7.

[3] Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). Проект. М. 1985, с. 33.

Ф. Энгельс отметил, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*»[4]. Эти интересы реализуются в процессе производства, распределения и потребления общественного продукта. От того, насколько сбалансированы все группы интересов, в конечном счете зависит успешное функционирование общественного производства, решение главных социально-экономических задач. Объективная возможность гармонизации интересов различных групп, создаваемая социалистической собственностью, не может автоматически превратиться в действительность. Для этого требуются активные действия общества, направленные на сознательное совершенствование всех форм и методов ее реализации, всей системы общественных отношений на основе научной теории и исторического опыта.

В связи с этим представляет интерес, и не только в научных, но и в практических целях, осмысление и обобщение опыта реализации экономической политики в сельском хозяйстве СССР, выявление значимости этого опыта для дальнейшего совершенствования экономической стратегии партии. Эта стратегия строится на соблюдении принципа преемственности в использовании тех форм и методов, которые себя оправдали и требуют лишь совершенствования с учетом новых условий, и смелом устранении всего отжившего, мешающего двигаться вперед. «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня,— подчеркивал В. И. Ленин,— если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»[5]. Не претендуя на полноту освещения столь сложной и многогранной проблемы, автор данной статьи делает попытку охарактеризовать комплекс экономических мер, осуществленных в 1965—1982 гг. в целях подъема сельского хозяйства, через призму хозяйственной деятельности колхозов и совхозов показать воздействие этих мер на конечные результаты производства.

Указанные хронологические рамки избраны потому, что 1965—1982 гг. являются важным этапом в развитии сельского хозяйства страны. Этому периоду присущи единство в принципах и методах осуществления аграрной политики, характере экономических и организационных мер, формах управления и руководства деятельностью сельскохозяйственных предприятий. Начальная дата обусловлена существенным поворотом в аграрной политике, который наметился в середине 60-х годов и был закреплен в решениях мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, конечная — принятием майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС Продовольственной программы, открывшей новый этап в современной аграрной политике партии. Исследование опыта экономических отношений в сельском хозяйстве СССР в 1965—1982 гг. особенно важно потому, что в Продовольственной программе преемственно развиваются и углубляются основные направления аграрной политики, выработанные и опробованные в указанные годы. Этот опыт позволяет лучше понять необходимость нового крупного шага в перестройке системы управления и экономических отношений в агропромышленном комплексе (АПК) страны, который предпринят в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании управления агропромышленным комплексом» (ноябрь 1985 г.).

На всех этапах социалистического строительства Коммунистическая партия большое внимание уделяла совершенствованию экономической политики в сельском хозяйстве, принципов планирования производства и заготовок сельскохозяйственной продукции, создавала условия для расширения производственно-хозяйственных связей города и деревни, рабочего класса и крестьянства. Именно в этой сфере экономики наиболее тесно переплетались и сталкивались жизненные интере-

[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18, с. 271.
[5] Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 205.

сы классов, поэтому важно было найти ту степень сочетания и учета этих интересов, которая обеспечивала бы дальнейшее укрепление производственной смычки и политического союза рабочего класса и колхозного крестьянства, города и деревни. Творчески развивая идеи ленинского кооперативного плана, КПСС вносила изменения в аграрную политику в соответствии с накопленным опытом, мерой познания объективных закономерностей социалистического строительства.

Важным этапом на пути совершенствования экономических отношений в сельском хозяйстве, принципов планирования производства и заготовок сельскохозяйственной продукции, расширения и углубления производственно-хозяйственных связей рабочего класса и колхозного крестьянства стал мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. С того времени КПСС последовательно проводит линию на известное перераспределение национального дохода в пользу сельского хозяйства, развитие и укрепление принципа эквивалентности экономического обмена между городом и деревней, расширение сферы товарно-денежных отношений между государством и колхозно-кооперативным сектором, повышение материальной заинтересованности тружеников села в развитии общественного производства. Рост государственных капиталовложений с середины 60-х годов стал тем экономическим базисом, который обеспечил значительный прогресс во всех сферах сельскохозяйственного производства. Если за 1961—1965 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство составили по всему комплексу работ 48,2 млрд. руб. (20% к общему объему капитальных вложений по народному хозяйству), то в 10-й пятилетке — 171 млрд. руб. (27%). За 1965—1982 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство составили 470,8 млрд. руб., в том числе государственные вложения — 303,3 млрд. руб., или 64,4% [6].

Увеличение доли государственных вложений в аграрную сферу производства вызывалось рядом объективных причин. Во-первых, сельское хозяйство как отрасль экономики и деревня как сфера проживания населения на предшествующих этапах строительства социализма имели ограниченные финансовые ресурсы, поскольку основные средства и силы страны были сосредоточены на развитии базовых отраслей, прежде всего промышленности [7]. Это было одной из важнейших причин недостаточных темпов прироста общественного производства в деревне, его относительно низкой технологической культуры. Во-вторых, коренным образом изменились потребности самого сельского хозяйства. Перевод его на промышленную основу, строительство комплексов и других крупных производственных объектов, изменение демографической ситуации, потребовавшей ускорения социальных преобразований на селе,— все это выявило острейшую потребность в притоке государственных средств в агросферу. Но и сегодня, несмотря на принятые меры, материально-техническая обеспеченность сельскохозяйственного производства еще далека от оптимального уровня, отстает от технологических потребностей производства.

Эти обстоятельства предопределили и основные направления капитальных вложений в сельское хозяйство. Свыше 80% средств использовалось на производственное строительство и техническое оснащение колхозов и совхозов. Так, за 1976—1980 гг. из 155,2 млрд. руб. капиталовложений государства и колхозов 128,5 млрд. руб. (83%) было направлено на строительство объектов производственного назначения и приобретение техники и 26,7 млрд. (17%) — в непроизводственную сферу [8]. Вложения в непроизводственную сферу, на жилищное и куль-

---

[6] Народное хозяйство СССР в 1983 г. М. 1984, с. 362.

[7] См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 6, с. 387.

[8] Народное хозяйство СССР в 1983 г., с. 364.

турно-бытовое строительство все же были недостаточными, особенно если учесть существенное отставание в этом отношении деревни от города. Относительный дефицит финансовых средств не позволял планомерно увеличивать их долю на социальные нужды. Положение стало улучшаться с конца 70-х годов, когда июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС указал на необходимость «сделать более крутой поворот к строительству на селе и улучшению культурно-бытовых условий сельских тружеников» [9]. Эта линия получила дальнейшее развитие в документах майского (1982 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС.

Решение проблемы интенсификации сельскохозяйственного производства, перевод его на индустриальные методы труда (в ряде отраслей этот процесс в 60—70-х годах практически начинался с внедрения первичной механизации), осуществление комплекса других мер — все это объективно требовало вложения огромных средств в производственную сферу, постоянного наращивания объемов их прироста. Особое значение приобретали в этих условиях вопросы правильного использования капиталовложений, сосредоточения их на магистральных направлениях развития производительных сил в целях получения быстрой отдачи от вложенных средств. Это было особенно важно еще и потому, что в практике использования капиталовложений имелись существенные недочеты, продолжала действовать инерция прошлых лет, когда средства, выделенные сельскому хозяйству, нередко использовались не по назначению, для решения других хозяйственных задач. Примеры неправильного использования капиталовложений были, в частности, приведены на октябрьском (1968 г.) Пленуме ЦК КПСС. В Азербайджане в 1967 г. из выделенных сельскому хозяйству средств 3,1 млн. руб. передали на строительство метрополитена и жилых домов в Баку. Подобные факты имели место в Украинской, Латвийской ССР, Российской Федерации. Пленум решительно осудил такие действия, указал на необходимость усилить контроль за использованием капиталовложений, предназначенных для сельского хозяйства. Однако подобная практика оказалась живучей, и в последующие годы появились новые каналы использования сельскохозяйственных средств не по назначению.

Отвлечение больших средств из колхозов и совхозов тяжело отражалось на их развитии, искусственно удорожало себестоимость продукции, нарушало экономический механизм хозяйствования. В 70-е годы это явление приняло такие масштабы, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О предотвращении фактов отвлечения средств, предназначенных для развития сельского хозяйства» (20 июля 1978 г.) [10]. Комитет народного контроля СССР, отмечалось в этом документе, вскрыл многочисленные факты нарушений установленного порядка использования этих средств. В 1975—1977 гг. республиканскими, краевыми, областными и районными органами было изъято из государственных капиталовложений сельскохозяйственного назначения и передано в другие отрасли народного хозяйства более 250 млн. рублей. В ряде случаев за счет средств колхозов и совхозов проводилось благоустройство городов и районных центров. Большое распространение получила практика безвозмездной передачи зданий и сооружений, построенных на средства колхозов и совхозов, другим организациям и учреждениям: только за 1974—1976 гг. колхозы передали безвозмездно здания и сооружения стоимостью более 1 млрд. рублей. КПСС и Совет Министров СССР осудили практику использования колхозных средств на цели, не связанные с сельскохозяйственным производством, обязали партийные и советские органы на местах принять

[9] Правда, 4.VII.1978.

[10] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 12. М. 1979, с. 406—407.

меры к недопущению подобных фактов, привлечь к строгой ответственности должностных лиц, виновных в нарушениях государственной дисциплины. Этот партийно-государственный документ имел большое значение для наведения порядка в использовании сельскохозяйственных ассигнований.

В то же время серьезные недостатки в использовании капиталовложений имели место и в самом сельском хозяйстве, прежде всего в производственном строительстве. На июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС была подвергнута критике практика распыления капиталовложений по большому числу строек и резкого удорожания производственного строительства, что срывало планы ввода в действие мощностей в сельском хозяйстве, вело к росту незавершенного строительства. Большие государственные средства, вложенные в эти объекты, длительное время не давали экономической отдачи. Ведомственная разобщенность, просчеты в планировании, безответственность некоторых работников, призванных обеспечивать правильное и эффективное использование общенародных средств, оборачивались значительными потерями, наносившими ущерб не только сельскому хозяйству, но и экономике страны в целом, замедляли рост благосостояния населения.

Большое значение для успешного развития сельского хозяйства имело расширение возможностей государственного кредитования, использования долгосрочных и краткосрочных кредитов целевого назначения. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 декабря 1965 г. «Об улучшении кредитования колхозов»[11] с 1966 г. был начат и к концу 8-й пятилетки закончен перевод колхозов на прямое банковское кредитование. Уже в 1969 г. 97,8% колхозов перешли на новый порядок кредитования[12]. За 1966—1980 гг. долгосрочные кредиты на капитальные вложения колхозов составили 47,2 млрд. рублей. Эти средства были затрачены на строительство животноводческих помещений и других производственных объектов, механизацию ферм — 24,6 млрд. руб. (52,1%), на водохозяйственное строительство — 1,6 млрд. руб. (3,3%), на покупку сельскохозяйственной техники, автомобилей и других транспортных средств — 11,1 млрд. руб. (23,5%) и т. д.[13] Почти 80% общей суммы кредитов было использовано на осуществление мероприятий, обеспечивающих повышение уровня индустриализации труда, специализацию и концентрацию производства. В то же время возросла роль кредита в решении социальных проблем села, в преобразовании его культурно-бытовой сферы. Это способствовало сближению деревни с городом по уровню социально-экономического развития.

Однако расширение кредитных возможностей наряду с положительными имело и негативные стороны. Не во всех случаях кредитные средства использовались в колхозах и совхозах рационально. Возможность получения широких кредитов породила у некоторых руководителей хозяйств иждивенчество, привычку брать средств больше, чем они могли возвратить. Нередко за счет кредитов погашались просроченные платежи, велось строительство второстепенных объектов, прикрывалась бесхозяйственность. Такое расходование кредитов не могло способствовать росту производства в колхозах, своевременности их расчетов с государством. В результате возникли большая закредитованность хозяйств и (как ее следствие) нарастание процентных платежей. Если в 1966 г. долгосрочные кредиты составляли в колхозах 3,9 млрд., то

---

[11] Там же. Т. 5, М. 1968, с. 739—740.

[12] Хозяйственная реформа в СССР. М. 1969, с. 79.

[13] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1968 г. М. 1969, с. 781; Народное хозяйство СССР в 1970 г. М. 1971, с. 738—739; Народное хозяйство СССР в 1975 г. М. 1976, с. 748—749; Народное хозяйство СССР в 1980 г. М. 1981, с. 531.

в 1982 г.— 42,2 млрд. рублей [14]. Учитывая сложное экономическое положение колхозов и совхозов, государство проводило списание с них больших сумм задолженности: по неполным данным, за 1965—1982 гг. было списано свыше 22 млрд. руб., не обеспеченных выплатами кредитов [15].

Списание кредитов покрывало не только издержки и потери, связанные с объективными факторами, например, с неблагоприятными погодными условиями, но и плохую организаторскую работу некоторых руководителей и специалистов сельского хозяйства, их некомпетентность и безответственность в использовании общенародных средств. Так, в колхозе «Звезда» Нижнедевицкого р-на Воронежской обл. за счет государственных кредитов в начале 70-х годов были построены нефтебаза стоимостью в 330 тыс. руб., здание крупного кормоцеха стоимостью свыше 100 тыс. рублей. Оба объекта с момента строительства свыше 10 лет бездействовали, поскольку реальной потребности в их эксплуатации у хозяйства не было. За 10-ю пятилетку фондоотдача в колхозе снизилась в 2 раза, а кредитная задолженность государству составила 800 тыс. рублей [16]. Это типичный пример расточительства, нехозяйского использования предоставленных государством средств, безответственного отношения руководства и планово-экономической службы колхоза к ведению общественного хозяйства. Подобные факты (а их можно привести немало) свидетельствуют также об отсутствии должного контроля за расходованием финансовых средств, серьезных просчетах в постановке экономической службы в сельском хозяйстве. Не все его руководящие кадры овладели экономическими методами хозяйствования, поняли суть хозрасчетных отношений, призванных содействовать ускорению роста производства и его эффективности. «Экономическое мышление части руководителей и специалистов,— подчеркнул М. С. Горбачев в докладе на Всесоюзном экономическом совещании по проблемам агропромышленного комплекса,— несет на себе отпечатки тех методов и форм руководства, которые сегодня себя изживают... Государство не может финансировать нерадивость и некомпетентность иных хозяйственников» [17]. В связи с этим закономерными представляются меры, направленные на упорядочение системы получения и использования государственных кредитов, ограничение их размеров.

Наряду с оказанием прямой финансовой помощи колхозам в соответствии с решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС был осуществлен комплекс других экономических мер, в частности, внесены существенные изменения в действовавший порядок начисления подоходного налога. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1965 г. «О подоходном налоге с колхозов» [18] исчисление его стало производиться с чистого дохода колхоза при уровне рентабельности выше 15%. С 1970 г. налог стал исчисляться дифференцированно, в зависимости от уровня рентабельности хозяйства, исходя из ставки в размере 0,3% за каждый процент рентабельности свыше 15%. Эти меры уменьшили годовую сумму подоходного налога, но для части

---

[14] Народное хозяйство СССР в 1982 г. М. 1983, с. 530—531.

[15] См.: Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1971 гг.). М. 1971, с. 34; Правда, 4.VII.1978; Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М. 1982, с. 86.

[16] Алексеев П. Продовольственное дело — забота общая.— Коммунист, 1982, № 2, с. 30—31.

[17] Резервы аграрной экономики. Материалы Всесоюзного экономического совещания по проблемам агропромышленного комплекса. М. 1984, с. 31.

[18] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5, с. 622—626.

колхозов он все еще оставался обременительным. Учитывая это, июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС признал целесообразным освободить от уплаты подоходного налога колхозы с рентабельностью ниже 25%. Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС определил еще большую дифференциацию в ставках подоходного налога: при рентабельности 25—30% подоходный налог составляет 0,1% чистого дохода за каждый процент рентабельности свыше 25%; при рентабельности 30—40% — 0,2%, 40—50% — 0,4%, свыше 50% — 0,5%, но не более 25% суммы облагаемого чистого дохода [19]. В этих мерах четко прослеживается линия партии на укрепление экономики слабых хозяйств, создание для всех колхозов равных условий хозяйствования, обеспечение им предпосылок для внедрения хозрасчетных отношений.

Большое внимание в исследуемые годы партия уделяла совершенствованию заготовительной политики в сельском хозяйстве — центрального звена в экономических связях между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством. Не случайно с первых дней социалистического строительства заготовки сельскохозяйственной продукции проводились как государственное дело, имеющее общенародное значение. «Настоящие основы хозяйства,— говорил Ленин в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов,— это продовольственный фонд... Без такого фонда социалистическая политика останется только пожеланием» [20]. Принципиальные изменения в систему заготовок сельхозпродуктов были внесены еще в 1958 году. В соответствии с постановлением Пленума ЦК КПСС «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» [21] система обязательных поставок, носивших налоговый характер, и натуроплаты за работы МТС была заменена единой формой государственных заготовок — закупками сельхозпродуктов по установленным ценам.

Переход в заготовительной политике к плановым закупкам означал качественно новый этап в развитии экономических отношений государства и колхозов: с этого времени они строятся преимущественно на товарно-денежной основе, колхозы выступают как партнеры государства и представляющих его организаций в системе экономического обмена. Продавая свою продукцию государству, они покупают технику и другие средства производства, оплачивают услуги, оказываемые им различными организациями. В этих условиях особо важное значение приобрели паритетность экономического обмена, соблюдение интересов обеих сторон, создание в колхозах возможностей для расширенного воспроизводства. Однако в годы семилетки по ряду причин не удалось сформировать систему экономических связей в том виде, в каком она была предусмотрена. Были допущены серьезные нарушения в планировании заготовок, в ценообразовании, финансировании, кредитовании сельского хозяйства [22].

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС критически рассмотрел допущенные просчеты, разработал конкретные пути их преодоления, развил и углубил важнейшие положения аграрной политики. Сохранив принцип свободных закупок на основе государственного плана, Пленум установил с 1965 г. вместо ежегодных твердые планы закупок на пятилетие, подчеркнув при этом, что в плановых заданиях должны гармонично сочетаться общегосударственные и внутрихозяйственные интересы, а утвержденный план является законом и его никто не имеет пра-

---

[19] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 14. М. 1983, с. 514; Правда, 4.VII.1978.

[20] Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 150.

[21] КПСС в резолюциях. Т. 7, с. 330—338.

[22] См. Пленум ЦК КПСС 24—26 марта 1965 года. Стеногр. отч. М. 1965, с. 7.

ва менять [23]. Были предусмотрены также сверхплановые закупки основных видов сельскохозяйственной продукции с 50-процентной надбавкой к основной закупочной цене. Начиная с урожая 1965 г. заготовительные цены на все основные сельскохозяйственные продукты были значительно повышены. Политика цен была направлена на выравнивание экономических условий работы колхозов и совхозов в различных природно-климатических зонах, стимулирование их материальной заинтересованности в расширении производства. За 1965—1981 гг. закупочные цены на колхозную продукцию возросли примерно в 1,7 раза, на совхозную — в 1,8 раза, на продукцию животноводства — в 1,9 раза [24]. Эти меры были осуществлены без изменения розничных цен.

Улучшая экономические условия заготовок сельхозпродукции, ЦК КПСС и Совет Министров СССР стремились поднять материальную заинтересованность колхозов и совхозов в увеличении производства и тем самым полнее обеспечить запросы страны в продуктах питания, а промышленности — в сырье. Развитие сельскохозяйственного производства после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС подтвердило правильность выработанного партией курса, его объективную экономическую необходимость, вытекающую из общей стратегической линии развития народного хозяйства. Поощрительная заготовительная политика и другие меры экономического характера способствовали росту доходности колхозно-совхозного производства. В годы 8-й пятилетки прибыль колхозов составила 34,5 млрд. руб., что на 9,6 млрд. (38,5%) превышало уровень предшествующего пятилетия. Совхозное производство из убыточного стало доходным — прибыль за 1966—1970 гг. составила 8,4 млрд. рублей [25]. Однако в 70-е годы темп прироста прибыли в колхозах и совхозах резко замедлился. Совокупная рентабельность производства в колхозах уменьшилась с 34% за 1966—1970 гг. до 23% за 1971—1975 гг., в совхозах (Минсельхоза СССР) — соответственно с 11 до 7%. В хозяйствах сократились возможности для осуществления расширенного воспроизводства, многие из них попали в разряд экономически слабых, нерентабельных. Если за годы 8-й пятилетки число убыточных колхозов сократилось с 4382 до 1507, то в 9-й пятилетке, напротив, их число возросло с 1870 в 1971 г. до 5350 в 1975 году. В совхозной системе число убыточных хозяйств увеличилось более чем в 2 раза. В 1975 г. в колхозно-кооперативном секторе удельный вес убыточных хозяйств равнялся 18,6% к общему числу колхозов, в государственном — 51,6% [26]. На сложившуюся экономическую ситуацию, безусловно, оказали влияние крайне неблагоприятные климатические условия 1972 и 1975 гг., в силу чего произошел значительный недобор сельскохозяйственной продукции, а соответственно этому упали и доходы сельхозпредприятий.

Однако и в годы 10-й пятилетки запланированные темпы прироста продукции не были достигнуты, экономическая ситуация в колхозах и совхозах продолжала ухудшаться. За 1976—1980 гг. валовая продукция сельского хозяйства увеличилась по сравнению с 1971—1975 гг. на 9% вместо планируемых 14—17%. Рентабельность производства сельхозпродукции в 1980—1981 гг. упала до 5% [27]. Это свидетельствова-

---

[23] См. там же, с. 10, 18.

[24] Решения партии и правительства по сельскому хозяйству, с. 45, 163, 218, 292, 389, 390, 456—457, 459—461; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 11. М. 1977, с. 28—30; Емельянов А. М. Экономический механизм и укрепление экономики колхозов и совхозов. М. 1983, с. 19.

[25] Семенов В. Н. Повысить эффективность дополнительных вложений в сельское хозяйство.— Финансы СССР, 1978, № 4, с. 11.

[26] Подробнее см.: Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980. М. 1982, с. 22—24.

[27] Материалы XXV съезда КПСС. М. 1976, с. 124; Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 36.

ло о том, что дело было не только в погодных факторах. В колхозном секторе валовой доход на протяжении 70-х годов по существу оставался на одном уровне. В 1970 г. (по сопоставимому с 1983 г. кругу колхозов) он равнялся 20,7 млрд. руб., в 1975 г.— 21,3, в 1980 г.— 19,4, в 1981 г.— 20,0, в 1982 г.— 21,8 млрд. рублей [28]. Хозяйства испытывали трудности с формированием фондов накопления, что не только сдерживало рост производства, но и оказывало серьезное моральное воздействие на работника, снижало его материальную заинтересованность.

Каковы же причины, в силу которых не удалось добиться высокой эффективности экономических мер, рассчитанных на подъем сельского хозяйства, обеспечить колхозам и совхозам необходимый для расширенного воспроизводства уровень доходов? Одна из важнейших причин заключалась в несоблюдении необходимого уровня эквивалентности экономического обмена между сельским хозяйством и обслуживающими его нужды промышленными и другими предприятиями. Это привело к резкому увеличению издержек производства в колхозах и совхозах, возрастанию себестоимости сельскохозяйственной продукции.

Анализ данных о доходной и расходной частях бюджета колхозов (равно как и совхозов) показывает, что в закупочных ценах на продукцию (хотя они неоднократно повышались) не нашел в должной мере отражения процесс удорожания ее производства, что привело к снижению рентабельности производства почти всех основных сельскохозяйственных продуктов. Цены возмещали хозяйствам лишь производственные затраты (и то не всегда) или обеспечивали доходы на таком низком уровне, что прибыли не оказывали существенного влияния на темпы роста общественного производства. Так, себестоимость производства зерна выросла в 1975 г. по сравнению с 1965 г. на 58,5%, а цена его реализации увеличилась за тот же период на 13,7% (в расчете за 1 т продукции), хлопка-сырца — соответственно на 33,4 и 27,9%, картофеля — на 97,6 и 32,8%, привеса крупного рогатого скота — на 55,5 и 50,2%. Себестоимость молока и закупочная цена на него росли примерно равными темпами — 43,7 и 43,8%. В 1975 г. совокупная рентабельность животноводческой продукции, проданной колхозами государству, снизилась до 5% (в 1965 г.— 8%, в 1970 г.— 20%). Рентабельность производства молока составляла в 1975 г. минус 3%, мяса крупного рогатого скота — 12%, свинины — 3%, овец — минус 3 %, птицы — минус 14 %, шерсти — минус 2 %, яиц — 11 %. Снижение доходности, хотя и в меньшей мере, наблюдалось и в земледельческих отраслях. Совокупная рентабельность растениеводства в колхозах снизилась с 63 % в 1965 г. до 56 % в 1970 г. и 42 % в 1975 году. Рентабельность производства зерна (в расчете стоимости 1 т) упала со 129% в 1965 г. до 65% в 1975 г., сахарной свеклы — соответственно с 33 до 10%, хлопка-сырца — с 42 до 36%, картофеля — с 51 до 2% [29].

Рост производственных затрат, не обеспечиваемый в общественно необходимых пропорциях последующим восполнением через закупочные цены и другие распределительные каналы, привел во второй половине 70-х годов к дестабилизации экономического положения в колхозах и совхозах, стал одной из основных причин снижения темпов производства сельскохозяйственной продукции в стране. Повышение себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов зависело от комплекса причин, среди которых не последнюю роль играли объективные факторы. В процессе перевода сельского хозяйства на индустриальную основу существенно менялись источники формирования средств производства отрасли. Основная их часть создается в промышленности, и, как следствие этого, в структуре производственных затрат колхозов и сов-

[28] Народное хозяйство СССР в 1983 г., с. 273.
[29] ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 4, д. 2151, л. 1.

хозов возрастают затраты овеществленного труда. Так, удельный вес материальных затрат несельскохозяйственного происхождения в общей сумме материальных затрат колхозов и совхозов (в текущих ценах) составлял в 1966 г. 49,8 %, в 1972 г.— 51,9 %, в 1980 г.— 64 % [30].

В этих условиях механизм экономического обмена между сельским хозяйством и промышленными отраслями должен был в большей мере учитывать интересы потребителя, задачи дальнейшей индустриализации сельскохозяйственного труда. На практике произошло обратное. Как показывают расчеты экономистов, стоимость промышленных средств производства была необоснованно завышена. Так, за 1966—1972 гг. затраты труда, вложенного отраслями агропромышленного комплекса в сельское хозяйство, увеличились на 22,9%, а денежные средства сельского хозяйства, затраченные на оплату этого труда,— в 2,5 раза [31]. В 10-й пятилетке по сравнению с 8-й стоимость пахотного и посевного агрегатов поднялась почти в 3 раза, технических средств на один гектар орошения — в 2,8 раза. Произошло также удорожание материалов, оборудования для животноводства [32]. Однако в силу ряда причин, в том числе недостаточной комплексности поставок технических средств, их воздействие на повышение производительности сельскохозяйственного труда оказалось ограниченным.

В 70-х годах значительно подорожало производственное строительство. В результате введения с 1 июня 1969 г. новых индексов стоимости строительно-монтажных работ их сметная стоимость возросла на 55%. На покрытие этого удорожания колхозы и совхозы израсходовали только в 1971—1975 гг. 21,6 млрд. рублей [33]. Возрастание расходов на строительные работы не только тяжело отражалось на экономическом состоянии колхозов и совхозов, но и сдерживало масштабы строительства крайне необходимых им производственных объектов, что, в свою очередь, еще более усугубляло нелегкое положение хозяйств. Достаточно сказать, что в 1982 г. только 12% зерновых емкостей в хозяйствах было механизировано, а обеспеченность потребностей в хранилищах для овощей и фруктов составляла 40—60% [34].

Большие издержки колхозов и совхозов, к тому же ежегодно возраставшие, были связаны с оплатой услуг, которые оказывали им различные государственные организации, прежде всего Сельхозтехника, Сельхозхимия, Сельхозэлектро. Экономические интересы хозяйств и предприятий сферы обслуживания часто не совпадали, не были сбалансированы и увязаны с конечными результатами сельскохозяйственного производства. Для колхозов и совхозов повышение эффективности производства означало снижение затрат на единицу продукции, выполнение планов с меньшими издержками. Промышленные же предприятия и организации сферы обслуживания проблему повышения рентабельности своего производства нередко решали путем увеличения цен и тарифов, завышения стоимости оказываемых услуг. Это можно показать на примере Сельхозтехники. С 1965 по 1977 г. общий объем ее производственных услуг (без торговли) в денежном выражении увеличился в 4 раза, а прибыль — в 7,6 раза. Денежные расходы колхозов и совхозов, связанные с оплатой ремонтных работ, в расчете на единицу оборудования возросли за 1966—1972 гг. в 2,2 раза, а на единицу стоимо-

---

[30] Аграрные проблемы развитого социализма. М. 1980, с. 37; Сельская жизнь, 6.V.1980.

[31] Аграрные проблемы развитого социализма, с. 233.

[32] Правда, 1.X.1982.

[33] ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 4, д. 2151, л. 167.

[34] Бобылев С. Вопросы сохранности сельскохозяйственной продукции.— Коммунист, 1982, № 12, с. 41.

сти сельскохозяйственной продукции — в 3,3 раза [35]. Кроме того, предприятия Сельхозтехники фактически не несли материальной ответственности за плохое качество ремонта машинного парка и за тот ущерб, который терпели хозяйства из-за простоя машин.

Такая система «необязательных» отношений приводила к тому, что предприятия сферы обслуживания и переработки сельскохозяйственной продукции получали высокие прибыли вне зависимости от итогов экономического состояния самих хозяйств. Например, в Пестречинском р-не Татарской АССР за 10-ю пятилетку производство молока принесло колхозам около 1 млн. руб. убытка, а молокозавод, небольшой филиал Казанского комбината, получил 1384 тыс. руб. прибыли. Такое же положение было в других районах. Убытки хозяйств от производства молока в целом по республике за пятилетку исчислялись миллионами рублей, а производственное объединение молочной промышленности ежегодно получало почти 19 млн. руб. прибыли [36]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах страны. Расчеты экономистов показывают, что через механизм цен из сельского хозяйства изымалась и реализовывалась в легкой и пищевой промышленности часть чистого дохода, созданного в колхозах и совхозах, причем эта часть возрастала: в 1965 г.— 24 млрд., в 1970 г.— 30,4 млрд., в 1975 г.— 37,3 млрд., в 1978 г.— 46,3 млрд. рублей [37].

Все это свидетельствовало о том, что экономические отношения внутри агропромышленного комплекса не были в должной мере отрегулированы. Ведомственная разобщенность предприятий мешала их эффективному кооперированию на взаимовыгодной основе. Обслуживающие организации, являясь держателями материально-технических фондов, нередко диктовали свои условия колхозам и совхозам, произвольно устанавливали расценки за выполненные работы. Таким образом, значительная часть накоплений, созданных трудом колхозников и рабочих совхозов, в результате несбалансированного экономического обмена оседала в промышленности, заготовительных организациях, торговле и сфере обслуживания. Это не только снижало материальную заинтересованность работников сельского хозяйства в увеличении объемов производства, но и создавало неправильное представление о низкой эффективности колхозов и совхозов, что явилось одной из причин усиления административных методов управления ими, снижения действенности экономических стимулов. Несовершенство механизма экономического обмена между партнерами агропромышленного комплекса приводило к тому, что нередко ведомственные, групповые интересы выдвигались на первый план в ущерб интересам общенародным.

В исследуемые годы в межотраслевом экономическом обмене не получили должного отражения уровень и характер развития производительных сил сельского хозяйства, исходящие из этого новые потребности колхозов и совхозов, необходимые для производства сельскохозяйственной продукции. Всесторонняя интенсификация сельского хозяйства, ускорение процессов комплексной механизации труда, проведение в широких масштабах химизации и мелиорации земель, внедрение достижений научно-технического прогресса в практику колхозов и совхозов качественно изменили, как уже отмечалось, соотношение в конечном продукте производства овеществленного и живого труда. В то же время все большая часть сельскохозяйственной продукции подвергалась промышленной переработке, становилась сырьем: ее удельный вес вы-

---

[35] Тихонов В. А. О доле сельского хозяйства в производстве и потреблении национального дохода.— Вестник сельскохозяйственной науки, 1981, № 6, с. 94; Аграрные проблемы развитого социализма, с. 233.

[36] Алексеев П. Ук. соч., с. 28—29.

[37] Тихонов В. А. Ук. соч., с. 93.

рос с 39,6% в 1959 г. до 55,1% в 1975 г. и 60,2% в 1980 году. В производственных целях сельское хозяйство потребляло продукцию около 60 отраслей и поставляло свою продукцию в 82 отрасли народного хозяйства [38]. Вследствие этого условия межотраслевого экономического обмена, степень его эквивалентности стали оказывать всевозрастающее влияние на финансовые результаты хозяйственной деятельности колхозов и совхозов, определять темпы их расширенного воспроизводства. Возросшая взаимосвязь отраслей агропромышленного комплекса объективно требовала хорошо отлаженного сотрудничества партнеров, внесения существенных коррективов в распределительные отношения сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей, создания устойчивых экономических условий для хозяйственной деятельности колхозов и совхозов.

На темпах расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве сказались также диспропорции, имевшие место в оплате труда и его производительности. Темпы роста последней значительно отставали от темпов роста оплаты труда. Так, в Могилевской обл. за 1971—1980 гг. производительность сельскохозяйственного труда выросла на 38%, а его оплата в колхозах увеличилась на 86%, в совхозах — на 45% [39]. По стране в целом за 1966—1980 гг. оплата труда в колхозно-совхозном производстве увеличилась в среднем более чем в 2 раза, а его производительность — лишь на 70% [40]. Такое несоответствие привело к тому, что полученный здесь валовой доход стал в значительной степени использоваться на нужды потребления. В 1965 г. фонд оплаты труда в колхозах составлял 64 % валового дохода, в 1970 г.— 66, в 1978 г.— 77, в 1979 г.— 84, в 1980 г.— 96 %. Таким образом, на протяжении 70-х годов тенденция «проедания» валового дохода не ослабевала, а усиливалась. Она была следствием снижения общей доходности производства, нестабильности темпов его прироста. В 1980 г. свыше 50 % колхозов страны не произвели отчислений в неделимые фонды, в том числе по РСФСР — 68%, МССР — 67, БССР — 59, УССР — 56, КазССР — 50 % [41].

Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в самих хозяйствах не использовались в должной мере резервы снижения себестоимости производства, сокращения издержек на единицу продукции. Слабо внедрялись хозрасчетные принципы организации труда, в частности бригадный подряд, звенья конечной продукции и др.; в ряде случаев хозрасчет проводился формально, что, естественно, не имело реального воздействия на экономию средств и сокращение издержек производства. Большие возможности экономии затрат крылись в повышении производительности труда, его лучшей организации, развитии социалистического соревнования за снижение себестоимости продукции, повышении уровня специализации и концентрации общественного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. В пользу этого мнения говорит тот факт, что хозяйства, находившиеся примерно в равных экономических и природно-климатических условиях, нередко имели существенно различающиеся хозяйственно-финансовые результаты.

Все это, вместе взятое, и привело к тому, что значительная часть доходов, полученных колхозами и совхозами за счет повышения закупочных цен и роста объемов производства, шла на покрытие возросших производственных затрат, сокращая тем самым возможности для

---

[38] История социалистической экономики СССР. Т. 7. М. 1980, с. 331; Емельянов А. М. Ук. соч., с. 39.

[39] Сельская жизнь, 4.IX.1983.

[40] Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 40, 254, 271.

[41] Там же, с. 254; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 2181, л. 34 (подсчет автора).

расширенного воспроизводства, снижая материальную заинтересованность работников сельского хозяйства в дальнейшем увеличении производства. О соотношении доходной и расходной частей бюджета сельскохозяйственных предприятий дают представление следующие данные. За 1965—1974 гг. дополнительные доходы, полученные колхозами и совхозами за счет повышения цен и других экономических мероприятий, составили 221,1 млрд. руб., в том числе от повышения закупочных цен — 110,6 млрд. рублей. Но за тот же период дополнительные расходы возросли на 111,6 млрд. руб., что составляло более 50% суммы прироста доходов [42]. Экономические выгоды, полученные от новых условий реализации продукции, в значительной степени были нивелированы возросшими производственными расходами, удорожанием промышленной продукции, потребляемой в сельском хозяйстве.

В экономических взаимоотношениях колхозов и совхозов с их партнерами по агропромышленному комплексу отчетливо выявились противоречия, которые, накапливаясь во времени и в масштабах, сдерживали поступательный процесс развития сельскохозяйственного производства, нейтрализовали эффективность экономических мер, осуществлявшихся в целях повышения материальной заинтересованности земледельца в росте общественного хозяйства. Июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС, рассмотрев вопросы экономического развития колхозов и совхозов, констатировал, что, несмотря на предпринятые усилия, экономические отношения в агропромышленном комплексе отрегулировать в полной мере не удалось. Закупочные цены на некоторые виды продукции не возмещали хозяйствам затрат, производство их было убыточным. Пленум указал на необходимость привести экономические отношения в АПК в соответствие с принципами социалистического хозяйствования [43].

В целях улучшения экономического и финансового состояния колхозов и совхозов, повышения доходности общественного производства с 1 января 1979 г. были повышены закупочные цены на многие виды сельскохозяйственной продукции, всего на общую сумму 3,2 млрд. руб. в расчете на год. Улучшены были и условия взимания подоходного налога с колхозов. Повышался до 1 млрд. руб. размер возмещения совхозам потерь от стихийных бедствий. Списывалась кредитная задолженность колхозов и совхозов Госбанку СССР на сумму 7,3 млрд. руб., отсрочивалось на 12 лет погашение кредитов на сумму 4 млрд. рублей [44].

Развивая положения июльского (1978 г.) Пленума в области экономической политики, ЦК КПСС и Совет Министров СССР 14 ноября 1980 г. приняли постановление «Об улучшении планирования и экономического стимулирования производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов». С 1 января 1981 г. было проведено очередное повышение закупочных цен на сельхозпродукцию за счет включения в них суммы надбавок, выплачиваемых ранее за сверхплановую продажу продукции. Одновременно вводилась 50-процентная надбавка к закупочным ценам на продукцию, проданную государству сверх среднего уровня, достигнутого в 10-й пятилетке [45]. Это был новый важный шаг в совершенствовании принципов планирования и экономического стимулирования заготовок сельхозпродуктов, обеспечении условий расширенного воспроизводства в колхозах и совхозах. Достигнутый хозяйствами уровень (и соответственно сверхплановая продажа) стал определяться не одним предыдущим годом, а средним показателем за пятилетку, что

---

[42] ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 4, д. 2151, л. 167.
[43] См. КПСС в резолюциях. Т. 13, с. 192.
[44] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 12, с. 395.
[45] Там же. Т. 13. М. 1981, с. 487—504.

делало сверхплановую продажу более реальной, открывало путь к расширению инициативы и предприимчивости хозяйств в целях увеличения размеров производства продукции. Постановление предусматривало и ряд других мер, которые преемственно были развиты и углублены в Продовольственной программе СССР.

Анализ экономических мер, осуществленных КПСС в сельском хозяйстве за 1965—1980 гг. (совершенствование принципов планирования производства и закупок сельскохозяйственных продуктов, ценообразования, кредитования, оплаты труда), показывает, что они были направлены на достижение большей гармоничности в реализации интересов города и деревни, рабочего класса и крестьянства, на устранение негативных явлений, тормозивших процесс перевода сельского хозяйства на интенсивные методы развития. Общественно-экономические отношения в деревне в эти годы характеризовались непрерывным поиском, выработкой и опробованием комплекса практических мер, направленных на укрепление экономики колхозов и совхозов, повышение материальной заинтересованности тружеников села в росте общественного производства. В правильном учете и соотношении интересов всех сторон, участвующих в производстве и реализации продукции (государства, колхозов, совхозов и непосредственных производителей продуктов), партия видела один из основных принципов социалистического хозяйствования. Своей политикой в рассматриваемый период она стремилась создать устойчивые экономические условия для деятельности сельскохозяйственных предприятий и на этой основе обеспечить решение задач не только ускорения темпов роста общественного производства в деревне, но и преобразования всей ее социально-бытовой сферы.

Работа по совершенствованию хозяйственного механизма носила комплексный характер, охватывала всю систему экономических отношений сельского хозяйства и его партнеров по агропромышленному комплексу. Такой подход позволил Советскому государству, с одной стороны, добиться определенного улучшения функционирования экономического механизма в сельском хозяйстве, отработать его структуру с учетом объективных потребностей производства, а с другой — выявить наиболее уязвимые стороны, слабые звенья, мешавшие проявлению потенциальных возможностей, заложенных в экономических мероприятиях этих лет.

Опыт 70-х годов по совершенствованию механизма экономических связей сельского хозяйства с другими отраслями народнохозяйственного комплекса и сферой обслуживания, использованию в этих целях товарно-денежных отношений и ценообразования со всей очевидностью показал, что частичные улучшения сложившейся системы связей и принципов управления отраслью оказываются уже малоэффективными, заметно не влияют на темпы роста производства. Попытки подтянуть уровень цен к растущей себестоимости продукции не дали большого эффекта и еще более усилили дифференциацию доходов отдельных колхозов и совхозов. Причина заключалась в том, что сложившийся механизм планирования, управления и экономического стимулирования, сыгравший положительную роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и совхозов в условиях многоотраслевого характера производства, преимущественно экстенсивных методов его развития, перестал соответствовать новым задачам, которые встали перед сельским хозяйством в процессе концентрации и специализации производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, последовательного перевода его на индустриальные методы труда.

Недостаточная эффективность экономических мероприятий объясняется и тем, что в исследуемые годы не удалось преодолеть бумажно-

административные методы руководства хозяйственной деятельностью колхозов и совхозов со стороны местных органов. Мелочная опека и администрирование, шаблонные агрономические рекомендации в масштабах страны, не учитывающие разнообразия производственных и природно-климатических особенностей, сдерживали хозяйственную инициативу колхозно-совхозных кадров, снижали их ответственность за развитие производства и его результаты, подменяли конкретную организаторскую работу канцелярщиной, отписками в соответствующие органы. Плановые производственные показатели, которые доводились до колхозов и совхозов, нередко не соответствовали их реальным возможностям, поскольку при составлении планов хозяйства часто не имели решающего голоса. Производственная деятельность колхозов и совхозов по-прежнему регламентировалась до мелочей: сверху предписывались сроки посева и уборки, рационы кормления животных, набор сельскохозяйственных культур. «Шутка ли: почти восемьсот телефонограмм получили в минувшем году,— писал председатель колхоза «Путь к коммунизму» Николаевской обл. Я. Ипатенко.— Когда навоз вывозить, дождевальные машины включать. Даже как с мышами бороться, райсельхозуправление нас поучало. Хочется сказать от всех односельчан: не циркуляров на прополку ждем от вас, а содействия в лучшей организации производства» [46].

Июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что установленные твердые планы производства и закупок сельхозпродукции не соблюдались, появилась множественность планов, кое-где возродилась практика частых и необоснованных их изменений [47]. Принцип демократического централизма подменялся бюрократическим шаблоном. Еще в годы становления социалистических принципов планирования и руководства экономикой Ленин предостерегал от этого опасного явления. «Нет ничего ошибочней,— писал он,— как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией... централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» [48]. Эти ленинские указания не только сохраняют свою актуальность, но и приобретают еще большее значение в условиях, когда колхозы и совхозы накопили значительный опыт социалистического хозяйствования, превратились в крупные предприятия, оснащенные мощной техникой, обеспеченные квалифицированными кадрами специалистов.

В конце 70-х годов все настоятельнее ощущалась объективная необходимость коренного изменения принципов организационных и экономических связей сельского хозяйства с другими отраслями агропромышленного комплекса в целях обеспечения устойчивых экономических условий для расширенного воспроизводства в колхозах и совхозах, оптимального сочетания государственных, коллективных и личных интересов в производстве сельскохозяйственной продукции. Эта назревшая общественная потребность нашла отражение в Продовольственной программе СССР и других документах, принятых майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС и обогативших аграрную политику КПСС новыми теоретическими положениями и практическими решениями, вытекавшими из социально-экономического развития советской деревни на современном этапе. Пленум выработал комплекс политических, экономических, организационных и социальных мер, нацеленных на ускорение темпов развития сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей,

---

[46] Правда, 3.I.1983.
[47] Правда, 4.VII.1978.
[48] Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 152.

на дальнейшее упрочение союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Важнейшей составной частью выработанных мер являлось совершенствование экономического механизма хозяйствования и управления в агропромышленном комплексе. Это нашло отражение и в принятых ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановлениях «Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса» и «О мерах по совершенствованию экономического механизма и укреплению экономики колхозов и совхозов»[49]. Для руководства АПК создавались соответствующие органы, были разработаны и утверждены типовые положения о его организационном и правовом статусе[50]. В 1983 г. в стране действовало 3105 районных агропромышленных объединений, в которые входило 99,7 тыс. предприятий и организаций, в том числе 52 тыс. сельскохозяйственных[51].

Особое внимание в решениях Пленума уделялось дальнейшему совершенствованию принципов заготовительной политики в деревне, укреплению экономических позиций колхозов и совхозов. С января 1983 г. были повышены закупочные цены на важнейшие виды сельскохозяйственной продукции. Общая сумма надбавок к закупочным ценам составляла 16 млрд. руб. в расчете на год. Впервые введен в действие дифференцированный коэффициент к закупочным ценам на продукцию, реализуемую государству низкорентабельными и убыточными колхозами и совхозами. Для улучшения финансового положения этой группы хозяйств с них списывалась кредитная задолженность в сумме 9,7 млрд. руб. и переносилось на более поздние сроки погашение задолженности в размере свыше 11 млрд. рублей. На маломощные колхозы распространен действующий для совхозов порядок финансирования за счет средств государственного бюджета жилищного и культурно-бытового строительства, содержания детских учреждений и других нужд социального характера. На эти цели предусмотрено выделять ежегодно 3,3 млрд. рублей.

В результате осуществления этих мер на селе создавались условия, при которых каждое хозяйство имело возможность получать доход, повышать рентабельность за счет лучшего использования имеющихся ресурсов. Особенно заметны положительные сдвиги в тех хозяйствах, которые внедрили хозрасчетные принципы работы, по-новому организовали труд, повысили ответственность всех категорий работников. «Осуществление крупных мер по улучшению экономического положения колхозов и совхозов на основе более высоких закупочных цен и надбавок к ним,— подчеркнул М. С. Горбачев на совещании партийно-хозяйственного актива в Целинограде,— благоприятно сказывается на их экономическом положении и результатах хозяйственной деятельности. Благотворно влияет на отношение людей к делу, на результаты труда внедрение хозяйственного расчета и коллективного подряда. Оценивая сделанное, можно сказать, что в развитии агропромышленного комплекса мы выбрали правильное направление»[52].

Благодаря осуществленным экономическим мерам и улучшению организаторской работы в хозяйствах произошли позитивные изменения в экономике деревни. Валовая продукция сельского хозяйства за 1983—1984 гг. увеличилась против предыдущих двух лет пятилетки на 22 млрд. руб., или на 9%. Среднегодовое производство мяса за эти годы возросло на 9%, молока — на 8%, яиц — на 6%. Количество

---

[49] Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации, с. 76—85, 85—90.

[50] Сельская жизнь, 10.XII.1982.

[51] Народное хозяйство СССР в 1983 г., с. 204—205.

[52] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М. 1985, с. 260.

убыточных хозяйств сократилось в 1984 г. по сравнению с 1982 г. почти в 3 раза. Повысился средний уровень рентабельности колхозно-совхозного производства. Чистая прибыль колхозов и совхозов достигла в 1983 г. почти 24 млрд. руб., уровень рентабельности — 22 %, в 1984 г., более сложном по погодным условиям, соответственно около 20 млрд. руб. и 18 %. Полностью ликвидирована убыточность хозяйств в Литве, Латвии и Эстонии, Ленинградской и Гродненской областях. Все это свидетельствовало о том, что принятые меры себя оправдывали. В то же время достигнутые результаты нельзя было признать достаточными. Производство сельскохозяйственной продукции еще отставало от растущих потребностей страны. Полностью проблема обеспечения населения продуктами питания пока не решена. Высокой оставалась и себестоимость производства некоторых важнейших продуктов. В частности, мясо реализовывалось в розничной торговле по цене в 2—3 раза ниже затрат. Эта разница покрывалась дотацией государства, которая составляла по мясу почти 20 млрд. руб. в год. В ряде областей РСФСР, Украины, Казахстана, Узбекистана допущено снижение объемов производства продукции сельского хозяйства, несмотря на заметное повышение уровня его фондооснащенности. Так, в Курганской обл. производственные фонды колхозов и совхозов за 1983—1984 гг. увеличились почти на 13 %, а объем валовой продукции снизился на 12 % [53].

К числу сдерживавших факторов роста общественного производства в колхозах и совхозах относились недостаточная эффективность действовавшего хозяйственного механизма в агропромышленном комплексе, не преодоленные до конца элементы ведомственности и разобщенности в реализации интересов партнеров по АПК, инерция старого подхода к решению проблем развития сельского хозяйства. На майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС со всей настойчивостью было подчеркнуто, что методы управления и планирования, хозяйственный механизм должны создавать условия для высокопроизводительного труда, взаимовыгодного межотраслевого экономического обмена, взаимной ответственности всех партнеров агропромышленного комплекса за конечный результат. Эти принципы и были заложены в Продовольственную программу и ряд специальных постановлений, направленных на всемерное повышение эффективности общественного сельского хозяйства.

Однако, как показал трехлетний опыт, незавершенность созданной структуры управления агропромышленным комплексом на союзном и республиканском уровнях препятствовала достижению интеграции интересов партнеров по комплексу на взаимовыгодной основе, сдерживала отлаживание экономического механизма взаимоотношений колхозов и совхозов с обслуживающими их организациями [54]. Эти вопросы были подняты на встрече в ЦК КПСС с руководителями промышленных объединений и предприятий, колхозов и совхозов, производственных бригад, специалистами и учеными 8 апреля 1985 года. Майский Пленум, отмечали участники встречи, взял верное направление в совершенствовании экономических взаимоотношений в агропромышленном комплексе, но многое из того, что намечалось, не реализовано, особенно в районном звене. Главное — не преодолена ведомственная разобщенность партнеров земледельца, что создает условия для ущемления интересов непосредственных производителей сельхозпродукции — колхозов и совхозов, проявления групповщины и местничества. «К сожалению, агропромышленные объединения оказались бессильны в решении многих важных вопросов,— высказал свое мнение председатель колхоза «Прогресс» Гродненской обл. А. И. Дубко.— РАПО пока не оправды-

[53] Там же, с. 261—263; Правда, 12.IV. 1985.
[54] Правда, 23.XI.1985.

вает надежд, которые мы возлагали на него. Агропромышленный комплекс района, по сути, не стал самостоятельным объектом планирования и управления, как это намечалось. Совет объединения не наделен функциями и полномочиями, которые позволяли бы ему планировать работу всех организаций, входящих в АПК, распределять между ними материально-технические ресурсы. Каждое ведомство по-прежнему заботится в основном о своих интересах» [55].

Эти черты в деятельности РАПО являлись типичными для большинства районов страны. «Обслуживающие организации,— писал председатель совета Николаевского РАПО Волгоградской обл. Н. Николенко,— под всякими предлогами стремятся избежать участия в копилке РАПО. Из 33 членов нашего объединения только 13 вносят деньги в централизованные фонды. К примеру, заготконтора, имеющая прибыль исключительно от закупок сельскохозяйственной продукции, отказалась вложить свою долю, сославшись на запрет облпотребсоюза. Совхозы производственного объединения «Волгоградплодоовощхоз» сначала перечислили деньги, а затем забрали их по указанию вышестоящего ведомства». Обобщая опыт работы за два года, Н. Николенко отмечал, что многое в районе изменилось к лучшему, партнеры по АПК действуют согласованнее, четче, однако РАПО не смогли изменить главного — системы планирования работы партнеров [56].

Можно было бы привести немало других примеров, которые свидетельствовали о том, что на пути создания эффективного хозяйственного механизма в АПК стояли ведомственные барьеры, слабая материальная заинтересованность обслуживающих организаций в конечных результатах сельскохозяйственного производства, отсутствие четких экономических критериев и методик в оценке деятельности партнеров, несоблюдение плановой договорной дисциплины. Не только колхозы и совхозы, но и РАПО фактически не располагали сколько-нибудь существенными экономическими или другими рычагами, с помощью которых можно было бы призвать партнеров к ответу за плохую работу. Находясь в другой ведомственной подчиненности, эти организации легко уходили от ответственности, перекладывая ущерб за некачественное исполнение своих обязанностей на плечи колхозов и совхозов. Опыт показывал, что полумерами здесь нельзя добиться решающего перелома, но можно дискредитировать новые формы управления АПК, затормозить процесс перевода сельского хозяйства на интенсивный путь развития.

Жизнь настоятельно диктовала необходимость принятия новых решений в целях дальнейшего совершенствования структуры управления в АПК и экономических отношений между его подразделениями. Для их выработки значительный интерес представлял опыт, накопленный в Грузии, где на базе трех бывших ведомств — Минсельхоза, Минводхоза и Грузсельхозтехники создан единый Государственный комитет сельскохозяйственного производства. Руководители колхозов и совхозов положительно оценивали эту перестройку. «Считаю, что такая перестройка на пользу делу,— сказал на встрече в ЦК КПСС председатель колхоза им. Ленина Махарадзевского р-на Г. А. Цитлидзе.— До создания нового комитета РАПО, как оно ни старалось, не могло устранить ведомственную разобщенность. А теперь агропромышленное объединение взяло на себя всю полноту управления. И у нас отпала нужда тратить уйму времени на выбивание запланированных нам ресурсов, на хождение по кабинетам в обслуживающих организациях. Более того, теперь все нужное нам — автомашины, тракторы, комбикорма, горючее— доставляется прямо в колхоз. И руководители хозяйства получили возможность основное рабочее время уделять вопросам эффективности

[55] Правда, 12.IV.1985.
[56] Правда, 22.I.1985.

производства. Ныне предприятия по ремонту и эксплуатации машинно-тракторного парка, управления мелиорации и водного хозяйства, базы снабжения на равных правах входят в РАПО. Все встало на свои места: не мы для них, а они для нас, и все в равной степени несут ответственность за конечные результаты. Вот что значит управлять агропромышленным комплексом на безведомственной основе»[57]. Аналогичный опыт Эстонской ССР также подтверждал эффективность работы Агропрома на безведомственной основе.

Рациональное использование значительного материально-технического потенциала, накопленного в агропромышленном комплексе, перевод его на интенсивные методы хозяйствования диктовали необходимость целенаправленного совершенствования структуры АПК, принципов экономических отношений между его партнерами, усиления политического воздействия на решение хозяйственных проблем. «Дальнейшего совершенствования требует и управление агропромышленным комплексом,— подчеркнул в докладе на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев.— Здесь сделано еще далеко не все. Под воздействием ведомственных интересов районные и областные объединения нередко не могут в должной мере согласованно решать вопросы комплексного развития сельского хозяйства и связанных с ним отраслей. Если мы твердо убеждены в том, что на земле должен быть единый хозяин и агропромышленные объединения несут всю полноту ответственности за выполнение Продовольственной программы — в чем, думается, ни у кого сомнения нет — то следует осуществить меры, которые позволят управлять, планировать и финансировать агропромышленный комплекс как единое целое на всех уровнях»[58].

Установки апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС нашли отражение в проекте Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. В этом документе поставлена задача «осуществить необходимые организационно-экономические меры с тем, чтобы агропромышленный комплекс управлялся, планировался и финансировался как единое целое на всех уровнях. Поднять роль агропромышленных объединений в руководстве хозяйственной деятельностью всех звеньев комплекса, повысить их ответственность за обеспечение населения продовольствием»[59].

В развитие этих положений ЦК КПСС и Совет Министров СССР в ноябре 1985 г. приняли постановление «О дальнейшем совершенствовании управления агропромышленным комплексом»[60]. В нем признано необходимым образовать союзно-республиканский Государственный агропромышленный комитет СССР (Госагропром СССР) на базе ряда упраздненных министерств и ведомств (министерств сельского хозяйства, плодоовощного хозяйства, мясной и молочной промышленности, пищевой промышленности, сельского строительства и Госкомсельхозтехники). Признано также целесообразным передать в Госагропром соответствующие подразделения из министерств заготовок, легкой промышленности, мелиорации и водного хозяйства. Постановлением определено, что Госагропром СССР является центральным органом управления АПК страны и наряду с Советами Министров союзных республик несет всю полноту ответственности за производство продовольствия, сельскохозяйственного сырья, их переработку и сохранность. В этих целях комитету предоставлены соответствующие права и полномочия в области планирования, финансирования и обеспече-

---

[57] Правда, 12.IV.1985.

[58] Горбачев М. С. Ук. соч., с. 15.

[59] Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Проект, с. 43—44.

[60] Правда, 23.XI.1985.

ния материально-техническими ресурсами агропромышленного комплекса.

Госагропром СССР как центральный орган управления должен обеспечить совершенствование экономических методов ведения хозяйства и хозрасчетных отношений, осуществление научно обоснованного ценообразования, внедрения прогрессивных форм организации и оплаты труда, нормативных методов материально-технического снабжения. Переход к планированию, финансированию и управлению агропромышленным комплексом как единым целым на всех уровнях позволит устранить ведомственную разобщенность, усилить интеграцию между сельским хозяйством, перерабатывающей промышленностью и обслуживающими отраслями, создать необходимые предпосылки для дальнейшего улучшения экономического механизма хозяйствования. Эти меры будут способствовать повышению хозяйственной самостоятельности и инициативы трудовых коллективов, развитию творческой активности, деловитости и ответственности руководителей и специалистов за увеличение производства продукции, укрепление экономики всех отраслей, безусловное выполнение государственных планов и обязательств. Особое внимание обращается в постановлении на недопустимость мелочной опеки и администрирования. Отныне контрольные цифры развития АПК доводятся до местных органов без разбивки по отраслям. Планы экономического и социального развития на основе контрольных цифр разрабатываются снизу — в колхозах, совхозах, обслуживающих предприятиях. Новые органы призваны прежде всего сосредоточить свое внимание на решении основных проблем ускорения научно-технического прогресса во всех отраслях АПК, выполнении планов производства и закупок сельскохозяйственной продукции, обеспечении потребностей населения страны в продовольствии.

Таким образом, выработан принципиально новый подход к проблемам становления агропромышленного комплекса как единой социально-экономической структуры. Путь к новым формам и методам руководства им был сложным и трудным, не все принимавшиеся в разное время меры оправдали надежды, выявили высокую эффективность. На этом пути пришлось преодолевать не только инерцию и косность экономического мышления, догматизм в подходе к решению ряда конкретных задач, но и объективные трудности, связанные с тем, что на предшествующих этапах социалистического строительства в деревне некоторые проблемы не были решены в полном объеме, как этого требовала жизнь. Современный курс аграрной политики КПСС разработан с учетом всего комплекса задач социально-экономического развития советской деревни, выявления потенциальных возможностей, заложенных в общественных формах производства, эффективного соединения достижений научно-технического прогресса с преимуществами социалистического хозяйствования. Непременным условием социально-экономического прогресса страны, подчеркивается в проекте новой редакции Программы КПСС, является «дальнейшее укрепление и повышение эффективности **агропромышленного комплекса**, полное удовлетворение потребностей страны в его продукции»[61]. Это важнейшая общепартийная, общенародная задача.

[61] Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). Проект, с. 30.

НА СТРАЖЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

В. М. Кулиш

Организация Варшавского Договора (ОВД) — первый в истории оборонительный союз социалистических государств — уже более 30 лет служит делу развития и укрепления сотрудничества между социалистическими государствами, обеспечению их суверенитета, национальной безопасности и нерушимости границ, совместной борьбе за прочный мир и расширение международного сотрудничества. Оценивая значение этого союза, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул: «История не знала другого такого союза, как наш, где отношения основаны на полном равенстве и товарищеской взаимопомощи суверенных государств. Союза, который в подлинном смысле слова является союзом народов. Союза, который никому не угрожает, а всецело посвящен защите мира» [1].

Принятое в 1985 г. решение государств — участников Договора продлить срок его действия еще на 20 лет с последующей пролонгацией на 10 лет само по себе является показателем единства и сплоченности входящих в него государств и их народов, их воли укреплять дружбу и сотрудничество, сообща проводить согласованную политику в международных делах, добиваться и в дальнейшем надежного обеспечения международной безопасности, гарантий прочного и длительного мира в Европе и во всем мире. Продление Договора без каких-либо изменений его текста свидетельствует о том, что он был выработан с учетом коренных и длительных интересов братских стран и на основе тщательного анализа состояния и определяющих тенденций развития современных международных отношений.

Многие аспекты деятельности ОВД уже получили отражение в литературе. В данной статье речь пойдет об исторических предпосылках создания оборонительного союза социалистических государств в Европе, его роли в борьбе за укрепление международной безопасности и предотвращение угрозы войны в 50—70-х годах, а также в период обострения международной обстановки в первой половине 80-х годов.

Варшавский Договор был заключен десять лет спустя после окончания второй мировой войны. Одним из важнейших ее уроков было доказательство исторической бесперспективности стремлений агрессоров завоевать мировое господство. Война еще раз подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы повернуть вспять процесс, начало которому было положено Великим Октябрем, сокрушить социализм, сломить волю народов, отстаивающих свою свободу и независимость. Попытка агрессивных сил мирового империализма, развязавших вторую мировую войну, силой оружия остановить этот процесс и расправиться с социализмом привела к совершенно противоположному результату: от капиталистической системы отпали многие государства, образовалась мировая

---

[1] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М. 1985, с. 31.

социалистическая система. В результате национально-освободительной борьбы был сокрушен колониализм, образовалось много новых независимых государств. Империализм — виновник двух мировых войн — утратил свое господство над значительной частью человечества, сфера его влияния резко сузилась. Мировой социализм усилил свое влияние на развитие международных событий.

Другой, не менее важный урок минувшей войны состоит в том, что народы должны постоянно сохранять бдительность в отношении происков империалистических кругов, создающих опасность новой мировой войны. С этой целью необходимо и вполне возможно активное сотрудничество государств, в том числе и принадлежащих к разным социальным системам, в борьбе за мир и всеобщую безопасность.

Решающая роль Советского Союза в войне против фашизма, освободительные, демократические цели, преследуемые им в этой войне, наконец, рост его могущества и международного престижа способствовали тому, что ленинский принцип мирного сосуществования нашел отражение в решениях конференций глав правительств и государств антигитлеровской коалиции. Это было закреплено в Уставе ООН, где записано, что члены этой международной организации обязываются «избавить грядущие поколения от бедствий войны», «проявлять терпимость и жить в мире друг с другом, как добрые соседи», разрешать все споры «мирными средствами», «осуществлять международное сотрудничество». В Уставе ООН зафиксированы также «суверенное равенство» и «территориальная неприкосновенность» всех ее членов, запрещение вмешательства «в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства» [2].

После окончания второй мировой войны СССР оказывал разностороннюю политическую поддержку и экономическую помощь народам Центральной и Юго-Восточной Европы, вступившим на путь строительства социализма. Важную роль в укреплении мира и создании системы международной безопасности на континенте играли договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенные между государствами этого региона. Китайский народ использовал благоприятную обстановку, которая сложилась после второй мировой войны, помощь и поддержку СССР для достижения победы народной революции. Советский Союз, выполняя свой интернациональный долг, оказал также активную поддержку национально-освободительному движению в колониях и зависимых от империалистических держав странах.

В своих отношениях с развитыми капиталистическими странами СССР преследовал цель установить прочный мир и создать надежную систему безопасности в Европе и других регионах мира, а также развивать разностороннее сотрудничество, основы которого были заложены участниками антигитлеровской коалиции в годы войны. Советский Союз вел упорную борьбу за принятие демократических принципов мирного урегулирования в Европе на Парижской мирной конференции, что способствовало заключению в феврале 1947 г. справедливых мирных договоров с Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией. В своей политике Советский Союз исходил из того, что важнейшим условием сохранения мира и обеспечения международной безопасности является разоружение. Именно поэтому он неустанно боролся и борется за запрещение ядерного оружия, за сокращение обычных вооруженных сил и вооружений и устранение тех причин, которые порождают недоверие и подозрительность в отношениях между государствами с различным общественным строем. Все советские инициативы подкреп-

---

[2] Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. М. 1945, с. 7.

лялись практическими действиями. В тех же направлениях развивалась и внешнеполитическая активность других социалистических государств.

Правящие же круги империалистических держав независимо от того, переоценивалось или недооценивалось ими значение происходивших в мире изменений, в своей международной политике полагались на традиционные методы и средства, которые капитализм использовал на протяжении всей своей истории, хотя архаизм отношений господства и подчинения с образованием мировой системы социализма стал еще более очевидным. Новые условия настоятельно требовали развития равноправного сотрудничества между государствами и народами. Однако правящие круги империалистических держав в решении сложных международных проблем, и особенно в отношениях с Советским Союзом и другими странами, вступившими на путь социалистического развития, как и прежде, предпочитали полагаться на силу.

Конечно, имелись и другие настроения, реально учитывающие происходящие в мире изменения. Еще в августе 1943 г. помощник президента США Ф. Рузвельта Г. Гопкинс привез в Квебек на конференцию руководителей США и Великобритании документ, озаглавленный «Позиция России». Он был подготовлен для президента не названным «весьма высокопоставленным военным стратегом США». В документе говорилось: «Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы... После поражения держав оси... еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией» [3]. Но правительства США и Великобритании не последовали этому совету, взяв курс на проведение политики «с позиции силы».

Запад исходил из необходимости постоянной демонстрации силы, готовности и решимости применить ее. Эти тенденции проявились уже во время второй мировой войны, например, путем демонстрации военно-воздушной мощи США и Англии. Ожесточенные бомбардировки с воздуха немецких и японских городов, зачастую не оправданные военной необходимостью, представляли собой одну из форм такой демонстрации силы. По словам английского военного историка Б. Х. Лиддел-Гарта, это «стало явно выраженной политикой английского правительства» [4]. Командующий английской бомбардировочной авиацией А. Гаррис признал, что одной из целей бомбардировок немецких городов было «показать русским, на что способно бомбардировочное командование» [5]. Ту же политику проводило в последние месяцы второй мировой войны и американское правительство. 13—14 февраля 1945 г. 900 английских и 400 американских тяжелых бомбардировщиков разбомбили крупнейший центр мировой культуры Дрезден, который не имел никакого военного значения, был беззащитен в противовоздушном отношении и к тому же находился в зоне действий Советской Армии.

В августе 1945 г. США продемонстрировали новое оружие, сбросив атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. С этого момента политика запугивания и демонстрации силы приняла форму ядерного шантажа. Президент США Г. Трумэн считал, что в связи с обладанием Соединенными Штатами атомным оружием «баланс силы в мире был кардинально изменен» [6] в их пользу. Антикоммунистически и антисоветски настроенные деятели США уверовали, что монопольное обладание атомной бомбой позволит им диктовать свою волю другим народам, ослабить международные позиции СССР, социализма, всех

---

[3] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М. 1958, с. 431—432.
[4] Лиддел-Гарт Б. Х. Вторая мировая война. М. 1976, с. 558.
[5] Stern, 1983, № 10, S. 121.
[6] Цит. по: Правда, 15.XII.1980.

прогрессивных сил, упрочившиеся в результате победы над фашизмом. Речь бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля, произнесенная в американском городе Фултоне 5 марта 1946 г. в присутствии Г. Трумэна, обнародование «доктрины Трумэна» положили начало новому, антисоциалистическому и главным образом антисоветскому внешнеполитическому курсу обоих государств, предусматривавшему применение всех видов и средств давления на социалистические страны, главным образом военных. Все это привело к крайнему обострению международной напряженности — «холодной войне».

Исключительно по политическим мотивам правительство США прекратило в 1948 г. выдачу лицензий на вывоз промышленного оборудования в Советский Союз. Затем правительства Великобритании и некоторых других западных стран запретили экспорт ряда важных для восстановления народного хозяйства СССР и других социалистических стран товаров, и прежде всего машинного оборудования. В результате торговля социалистических стран с развитыми капиталистическими странами значительно сократилась. Одновременно развернулась кампания политического, идеологического, дипломатического давления на социалистические страны как в двусторонних, так и многосторонних отношениях, включая и ООН.

Главное место в системе мер давления на социализм отводилось военной силе и даже войне. Всего через 51 день после капитуляции Японии в США был разработан план атомной бомбардировки 20 советских городов. Затем Пентагон подготовил ряд вариантов плана ядерной войны против СССР, целью которой было «отбросить в границы 1939 г. советскую военную и политическую силу из всех районов, находящихся под его влиянием и военным контролем», для чего предпринять «стратегические авиационные операции.., нацелив сосредоточенные удары авиации с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, густонаселенных индустриальных районов, отдельных центров по производству нефти и нефтепродуктов на территории Советского Союза с баз, находящихся в Западном полушарии и Великобритании». Ставились и такие задачи, как «ликвидация влияния» Коммунистической партии в СССР, расчленение нашей страны с тем, чтобы «любой режим или режимы, которым будет после войны позволено существовать на традиционной русской территории, не располагали бы военной силой», а если «какой-либо большевистский режим останется на какой-то части Советского Союза», не допустить того, чтобы он сохранил в своем распоряжении военно-промышленный потенциал, «достаточный для того, чтобы вести войну на равных условиях с любым другим режимом или режимами, которым будет позволено существовать на традиционной русской территории» [7].

Эти агрессивные планы сначала разрабатывались как англо-американские, а затем, по мере восстановления военно-экономического потенциала стран Западной Европы, для участия в их осуществлении вовлекались и эти государства. В 1949 г. была завершена разработка плана мировой ядерной войны против СССР и других социалистических стран, который был назван «Дропшот». Одновременно велась интенсивная подготовка к этой войне, начало которой намечалось на 1 января 1957 года. Наращивался военный потенциал США и Великобритании, производились и накапливались вооружения, прежде всего новейшие — стратегические бомбардировщики и атомные бомбы. Была проведена подготовка к тому, чтобы сбросить на СССР 200 атомных бомб, которые должны были уничтожить 30—40% советской промышленно-

[7] См. Dropshot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957. N. Y. 1978, pp. 3, 6, 13, 44—45.

сти, в том числе все нефтяные предприятия, и убить около 6—7 млн. рабочих [8]. В 1948 г. на территории Великобритании размещаются 90 американских стратегических бомбардировщиков, несущих на борту атомные бомбы. Позже в Западной Европе были развернуты американские баллистические ракеты «Тор» и «Юпитер», также оснащенные ядерными зарядами [9].

Одновременно накапливались и развертывались также и обычные вооружения и вооруженные силы, сколачивались военно-политические блоки. 17 марта 1948 г. Великобритания, Бельгия, Франция, Люксембург и Нидерланды подписали Брюссельский договор, положив начало Западному союзу. Его военная организация была создана в июне 1948 года. 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне был подписан Североатлантический договор. Возник военно-политический блок, в который вошли, кроме вышеназванных государств, США, Канада, Италия, Исландия, Португалия, Норвегия, Дания. В его рамках была создана военная организация. В 1952 г. к ней присоединились Греция и Турция, а 5 мая 1955 г. в нее была включена ФРГ. В сентябре 1954 г. был сформирован военно-политический блок в Юго-Восточной Азии (СЕАТО), а в 1955 г.— такой же блок на Ближнем и Среднем Востоке (СЕНТО) [10]. Еще в сентябре 1951 г. под давлением США был создан военный блок АНЗЮС (США, Австралия и Новая Зеландия). К американским и английским базам в Европе, Восточной и Юго-Восточной Азии, Новой Зеландии, Австралии, Африке, Исландии, Центральной Америке, оставшимся от времен второй мировой войны, добавились новые военные базы. Империалистическими военно-политическими блоками и двусторонними договорами, а также системой военных баз в 40—50-х годах оказался опутанным весь мир. Все они были направлены против социалистических стран и народов, освобождающихся от колониальной зависимости.

Империализм не ограничился этим, он предпринял открытые военные действия с целью остановить прогрессивные изменения в мире и испытать на прочность складывающуюся мировую систему социализма. 25 июня 1950 г. начались военные действия против КНДР, которые продолжались более трех лет. В войне против корейского народа участвовали в основном вооруженные силы США. Кроме них, в агрессии принимали участие войска еще 30 капиталистических государств. Французский империализм вел колониальные войны вплоть до марта 1962 года. В войну в Индокитае, которую он вел прежде всего против ДРВ, начиная с 1950 г. стали вмешиваться США, взявшие на себя основную тяжесть этой войны, а затем ставшие главным агрессором в этом регионе. Одновременно развертывается активная подрывная деятельность против стран, в которых победили социалистические революции.

Социалистические государства полагали, что лучшим средством обеспечения мира в Европе является создание системы коллективной безопасности, в которой участвовали бы все ее государства и США. Но предложения, направленные на создание такой системы, исключавшей раздел континента на противостоящие блоки, были отвергнуты западными державами. Между тем затяжка с созданием системы безопасности создавала серьезную опасность для социалистических стран. Хотя двусторонние договоры о дружбе и взаимопомощи, заключенные между ними, сохраняли свое значение для обеспечения безопасности в Европе, но в новой обстановке их уже было недостаточно. В этих усло-

---

[8] Op. cit., pp. 6—7, 202.

[9] Правда, 20.VI.1985.

[10] СЕНТО прекратила свое существование в 1979 г. после выхода из нее сначала Ирака (1958 г.), а затем Ирана и Пакистана (1979 г.). Решение о роспуске СЕАТО было принято в сентябре 1975 г., а в июне 1977 г. она прекратила свое существование.

виях они после неоднократных консультаций и предупреждений западным державам об опасности их политики подписали Варшавский Договор, т. к. сочли необходимым принятие совместных мер по обеспечению своей безопасности и сохранению мира в Европе. Варшавский Договор был заключен социалистическими государствами «для обеспечения своей безопасности и в интересах поддержания мира в Европе» [11]. Такое обязательство стран — участниц ОВД определяется социально-политической природой входящих в нее государств, прежде всего тем, что в социалистических странах нет классов и социальных групп, заинтересованных в завоевании господства над другими народами и, следовательно, в войне и вооруженной силе как средствах для его достижения.

До появления социализма в мире не было силы, способной последовательно вести борьбу против агрессии. С установлением социализма как государственно организованной системы, располагающей растущей материальной и морально-политической мощью для реализации нового подхода к международным делам, возникла сила, способная дать решительный отпор империалистическим агрессорам. Под влиянием социализма и происшедших в мире коренных перемен изменилось и само отношение к агрессии: мировая война уже не рассматривается прогрессивными и миролюбивыми силами как нечто фатально неизбежное. «Агрессивная природа империализма не изменилась. Однако сложились реальные силы, способные сорвать его агрессивные планы... Прошло то время, когда империалисты имели возможность определять по своему произволу — быть или не быть войне»,— отмечалось в заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 года [12].

Содержание первого 20-летнего периода деятельности ОВД (1955—1975 гг.) — это борьба входящих в него стран за укрепление европейской безопасности, смягчение международной напряженности, сокращение вооруженных сил и вооружений, за разоружение. Страны — участницы Варшавского Договора исходят из того, что обеспечение их собственной безопасности и сохранение мира во всем мире неразрывно взаимосвязаны. В отличие от капиталистических держав страны социализма не считают, что война — неизбежное следствие образования двух противостоящих социально-политических систем. Принцип мирного сосуществования, которого они придерживаются, означает, что противоречия современной эпохи, в том числе между капитализмом и социализмом, могут быть разрешены без применения силы. Мирное сосуществование, указывается в проекте новой редакции Программы КПСС,— «это не просто отсутствие войны. Это такой международный порядок, при котором господствовала бы не военная сила, а добрососедство и сотрудничество, происходил широкий обмен достижениями науки и техники, ценностями культуры на пользу всех народов». Осуществление политики мирного сосуществования сопряжено с обязательным соблюдением следующих принципов всеми государствами: «Отказ от войны, от применения силы или угрозы силой как средства решения спорных вопросов, разрешение их путем переговоров; невмешательство во внутренние дела и учет законных интересов друг друга; право народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой; строгое уважение суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости их границ; сотрудничество на основе полного равноправия и взаимной выгоды; добросовестное выполнение обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключен-

[11] Организация Варшавского Договора. Документы и материалы. 1955—1980 (далее — ОВД). М. 1980.

[12] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М. 1961, с. 56.

ных международных договоров» [13]. Такая политика составляет основу деятельности ОВД.

Оказывая решительное противодействие империалистической экспансии, ОВД последовательно добивалась прекращения «холодной войны», укрепления международной стабильности на основе развития взаимовыгодного сотрудничества между странами с различным общественным строем, ликвидации наиболее опасных очагов международной напряженности и создания системы коллективной безопасности сначала в Европе, а затем и в других регионах мира. Страны — участницы ОВД выдвинули программу перестройки системы международных отношений с тем, чтобы исключить возможность возникновения ситуации, в которой политические, экономические, идеологические и другие противоречия и конфликты между двумя мировыми системами, накапливаясь, расширяясь и обостряясь, доходили бы до превращения их в войну.

Страны — участницы ОВД обязались, во-первых, «воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой и ее применения», разрешать свои международные проблемы таким образом, чтобы «не ставить под угрозу международный мир и безопасность». Во-вторых, они заявили «о своей готовности участвовать в духе искреннего сотрудничества во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение международного мира и безопасности». В-третьих, они поставили своей целью добиваться принятия (по соглашению с другими государствами) «эффективных мер к всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения» [14].

Уже в первой совместной декларации, принятой государствами — участниками ОВД 28 января 1956 г. в Праге, отмечалось, что «мирные условия развития европейских народов могут быть лучше всего обеспечены созданием системы коллективной безопасности в Европе, которая заменила бы существующие в Европе военные группировки» [15]. Борьба за создание системы европейской безопасности, а затем распространение ее на другие регионы мира составила основное направление внешнеполитической деятельности стран социалистического содружества. Эта линия последовательно проводилась в предложениях государств — участников ОВД западным странам, в активной деятельности, направленной на их реализацию.

Спустя два месяца после подписания Варшавского Договора СССР при полной поддержке других стран — участниц ОВД внес на рассмотрение совещания глав государств и правительств СССР, США, Англии и Франции, состоявшегося 18—23 июля 1955 г. в Женеве, проект Общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе. В нем предлагалось принять меры, чтобы не допустить дальнейшего углубления раскола Европы на противостоящие военно-политические союзы и создать условия для совместных действий всех государств континента и США в интересах укрепления мира и безопасности европейских народов. На первом этапе предполагалось, что государства—участники существующих в Европе военных группировок впредь до создания системы коллективной безопасности в Европе возьмут на себя обязательства не применять вооруженную силу друг против друга и решать все спорные вопросы мирными средствами. На втором этапе вступали бы в силу обязательства, предусмотренные договором о коллективной безопасности, и одновременно должно было прекратиться действие Североат-

---

[13] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). Проект. М. 1985, с. 21, 67.

[14] ОВД. с. 7.

[15] Там же, с. 17.

лантического пакта и Варшавского Договора. Делегации западных держав отклонили советский проект.

Разрабатывая новые варианты ядерной войны против СССР и других социалистических стран, империалисты продолжали вести подготовку к ней. Несмотря на это, КПСС и Советское правительство сохраняли твердую уверенность в том, что имеются реальные возможности для предотвращения мировой войны и смягчения международной напряженности, что «фатальной неизбежности войн нет» [16]. Этот вывод подтвержден всем последующим развитием международных отношений. Он снова зафиксирован в новой редакции Программы КПСС.

Социалистические государства не могут не считаться с тем, что империализм в решении международных вопросов делает основную ставку на силу, главным образом военную. Наряду с международными политическими и другими мерами, направленными на устранение создаваемой этим постоянной опасности миру, они вынуждены обладать достаточной военной мощью для эффективной защиты своих интересов и отпора агрессивным действиям империализма. Они никогда не стремились к военному превосходству над западными державами, но и не могут допустить, чтобы последние добились военного превосходства над ними. СССР, другие государства социалистического содружества, проводя политику мирного сосуществования и сознавая свою ответственность за судьбы мира, считают, что для укрепления международной безопасности и сохранения мира необходимо не военное превосходство, а укрепление потенциала мира, объединяющего страны социализма, международное коммунистическое и рабочее движение, десятки молодых независимых государств, широкие антивоенные демократические движения.

Во второй половине 40-х годов преимущество США в ядерном оружии, военно-воздушных силах и военно-морском флоте уравновешивалось мощью Советской Армии и благоприятным для социализма развитием международных процессов, главным образом социалистических революций и национально-освободительного движения. В 50-х годах стремление империалистических держав добиться военного превосходства над содружеством социалистических стран путем создания и накопления ядерного и термоядерного оружия и средств его доставки к целям, сколачивания региональных военных блоков было нейтрализовано социалистическими государствами посредством заключения Варшавского Договора, создания ядерных вооружений и развертывания межконтинентальных баллистических ракет. В результате к 60-м годам в Европе сложился примерно одинаковый по мощи уровень вооруженных сил и вооружений ОВД и НАТО. К тому же времени установился примерный паритет военных сил СССР и США.

Военно-стратегическое равновесие между миром социализма и миром капитализма — это завоевание принципиального, исторического значения. Однако процесс осознания этого факта правящими кругами США и их союзниками отставал от реального положения дел. Иллюзии военного, в основном ядерного превосходства США над другими странами и связанная с ними уверенность в военной безнаказанности в 40—50-х годах создавали и поддерживали ложное убеждение агрессивных сил империализма, что единственный язык, на котором они могли бы вести диалог с СССР, другими социалистическими странами, освободившимися государствами,— это язык силы и угроз. Многочисленные провалы планов и действий империализма «с позиции силы» в двусторонних отношениях с социалистическими странами, в ООН и на других международных форумах, поражения в войнах против на-

[16] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отч. Т. II. М. 1956, с. 414.

ционально-освободительных сил, в особенности столь разительные, как в Корее, Индокитае, Алжире и др., каждый раз заставляли творцов этой политики пересматривать свои планы и доктрины.

Примерно с середины 60-х годов в американской и западноевропейской печати стали публиковаться статьи, в которых делались попытки выяснить влияние равновесия военных сил Востока и Запада на отношения между государствами с различным общественным строем и на международную обстановку. И только в 70-х годах капиталистические страны, прежде всего США, вынуждены были признать наличие такого равновесия, а вместе с ним — и принцип равенства в отношениях с Советским Союзом. При этом признание равновесия сил и равенства в отношениях между странами с различным общественным строем было крайне нежелательным для империализма. Один из американских советологов, Р. Дж. Кайзер, пытается даже представить это признание не более как «символический» жест со стороны США. Но и он отмечает: «Баланс военной мощи значительно изменился в пользу Советского Союза, навсегда закрывая эру решительного американского военного превосходства» [17].

Наличие военно-стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО служит фактором, сдерживающим агрессивные устремления империализма, что отвечает интересам всех народов мира, оказывает все более эффективное воздействие на развитие международных процессов. В результате уже в 50-е годы, а тем более в 60-е, сложились реальные предпосылки для смягчения международной напряженности, ликвидации «холодной войны» и разрешения международных проблем путем переговоров. Сторонники политики «с позиции силы» оказывались перед необходимостью пересмотра своего отношения к ее главному средству — военной силе. Касаясь этого вопроса, американский исследователь Э. Дж. Джордан писал: «Похоже, что традиционная роль военной силы как высшего вершителя судеб межгосударственных отношений в какой-то мере изменилась» [18].

Государства — участники ОВД в декларации, принятой 24 мая 1958 г., предложили конкретные меры, направленные на смягчение международной напряженности, укрепление безопасности в Европе и устранение взаимного недоверия между государствами с различным общественным строем. Они предложили западным державам договориться о безотлагательном прекращении испытаний атомного и водородного оружия; отказе от его применения, заключении соглашения о ненападении между государствами, входящими в Североатлантический союз, и государствами — участниками Варшавского Договора; мерах по расширению международных торговых связей; прекращении пропаганды войны; запрещении использования космического пространства в военных целях и о международном сотрудничестве в его изучении; ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях и т. д. [19].

Эти и другие инициативы стран — участниц ОВД не были тогда поддержаны западными державами. Однако настойчивая борьба СССР и других социалистических государств за их реализацию и перемены в соотношении и расстановке сил в мире оказали серьезное воздействие на поведение руководителей крупнейших западноевропейских стран. Если в середине 50-х годов президент США Д. Эйзенхауэр согласился участвовать в созванном по предложению Советского Союза в Женеве совещании глав правительств СССР, США, Англии, Франции, только «не желая выглядеть бессмысленно упрямым в своей позиции по отно-

---

[17] Kaiser R. G. US—Soviet Relations: Goodbye to Détente.—Foreign Affairs, 1981, № 3, vol. 59, p. 504.

[18] Issues of National Security in 1970's. N. Y. 1967, p. 36.

[19] ОВД, с. 30—31.

шению к встрече глав правительств»[20], хотя и был против ее проведения, то уже десятилетия спустя благодаря правильности внешнеполитического курса СССР и других стран социалистического содружества обстановка в мире изменилась к лучшему. Западноевропейские государства проявили большую готовность позитивно реагировать на предложения о нормализации отношений с Советским Союзом и другими восточноевропейскими странами. Помощник президента США Р. Никсона по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер так изобразил в своих мемуарах настроения, царившие в правительствах ряда западноевропейских стран: «В Европе проявилась тенденция... дистанцироваться в какой-то мере от американской политики в отношении Советского Союза... Чем жестче была позиция США в отношениях с Советским Союзом, тем сильней становился соблазн союзных лидеров играть роль «моста» между Востоком и Западом... Союзные страны нашли благоразумным проявить интерес к взаимному сокращению вооруженных сил и давнишнему советскому предложению о созыве общеевропейского совещания по безопасности»[21].

Тенденция к разрядке международной напряженности и развитию сотрудничества между странами с различным общественным строем стала в 60-е годы преобладающей в международных отношениях на европейском континенте. Государства — участники ОВД в декларации, принятой на совещании в Бухаресте 5 июля 1966 г., заявили: «Сознавая свою высокую ответственность перед народами, правительства европейских государств должны предпринять шаги, способные обеспечить поворот в сторону разрядки напряженности в Европе, упрочения безопасности, развертывания мирного взаимовыгодного сотрудничества между европейскими государствами». В декларации содержалось предложение созвать «совещание для обсуждения вопросов обеспечения безопасности в Европе и налаживания общеевропейского сотрудничества»[22].

Подготовка к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе и само Совещание заняли длительное время — почти десять лет. Это был период напряженной политической борьбы и дипломатической активности, массовых выступлений общественности всех стран Европы и Северной Америки в поддержку процесса международной разрядки. США, Англия, ФРГ были вынуждены маневрировать. Обстоятельства складывались так, что США, продолжая упорствовать в проведении политики конфронтации, могли оказаться в стороне от развития европейских событий и выпустить из-под контроля поведение своих европейских союзников, вставших на путь нормализации отношений между Востоком и Западом. Кроме того, затянувшаяся война американского империализма против вьетнамского народа вызывала в западноевропейских странах опасения, что США своей авантюристической политикой могут втянуть их в новую мировую войну. В самих США поднялась волна массовых антивоенных выступлений.

Чтобы не допустить дальнейшего неблагоприятного для США развития международных и внутренних событий, Никсон еще до избрания его президентом в 1968 г. провозгласил, что эра переговоров с Советским Союзом должна сменить эру конфронтации. 18 декабря 1968 г. Киссинджер сообщил советскому представителю, что Никсон вполне серьезно «говорил об эре переговоров. Советское руководство увидит, что новая администрация готовится обсуждать с ним вопросы длительного урегулирования на основе учета подлинных интересов». Киссинджер также сказал, что новая администрация «готовится к переговорам

---

[20] Eisenhower D. D. Mandate for Change. 1953—1956. Lnd. 1963, p. 506.
[21] Kissinger H. White House Years. Boston—Toronto. 1979, pp. 131—132.
[22] ОВД, с. 90, 94.

об ограничении вооружений»[23]. Конечно, это не было изменением существа политики США в отношении социалистических стран. Менялись лишь формы ее проведения. В 1970 г. в послании конгрессу, громко названном «Новая стратегия мира», Никсон изложил три принципа политики его администрации в Европе: укрепление партнерства с союзниками, поддержание военной силы, достаточной для обеспечения интересов США и их союзников, и готовность к ведению совместно с союзниками переговоров с социалистическими государствами (именуемыми им противниками)[24].

В процессе подготовки и проведения общеевропейского совещания было достигнуто международно-правовое закрепление установившихся в Европе в результате войны и послевоенного развития границ ПНР, Чехословакии и ГДР, сложившихся территориальных и политических реальностей, признание политической и юридической недействительности мюнхенского диктата, систематизация и признание принципов международных отношений — нерушимости границ, территориальной целостности государств, их суверенного равенства, неприменения силы или угрозы силой, мирного урегулирования международных споров, невмешательства во внутренние дела государств, уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничества между государствами. Признание западными державами принципа мирного сосуществования, который составляет основу всех вышеназванных принципов, свидетельствовало об успешном развитии процесса международной разрядки, явилось важным показателем эффективности усилий государств — участников ОВД в борьбе за международную безопасность и сотрудничество. Нормализация отношений между социалистическими и капиталистическими странами в Европе, широкое признание ГДР как суверенного государства способствовали стабилизации обстановки на континенте.

Международное сотрудничество в области экономики, науки и техники стало набирать темпы. Увеличивался объем торговли между социалистическими и капиталистическими странами, получили развитие новые формы экономических связей — долгосрочное торгово-производственное и научно-техническое сотрудничество.

В тот же период были созданы более благоприятные предпосылки для прекращения гонки вооружений, ослабления военной конфронтации в Европе, сокращения вооруженных сил и вооружений, уменьшения угрозы ядерной войны. Весьма обнадеживающими в этом отношении были соглашения, договоры и договоренности между СССР и США в области ограничения стратегических вооружений, а также начавшиеся переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Важную роль в достижении взаимного доверия между государствами с различным общественным строем были призваны сыграть принятые участниками общеевропейского совещания меры по укреплению доверия: уведомление о военных учениях, крупных передвижениях войск, обмен наблюдателями на маневрах и др. Однако результаты в области политической разрядки не привели к снижению уровня военного противостояния НАТО и ОВД. Оценивая итоги развития международной разрядки в Европе, государства — участники ОВД в ноябре 1976 г. подчеркнули, что «политика разрядки не имеет разумной альтернативы, она необходима в равной мере всем государствам, независимо от их общественных систем». Задача состоит в том, чтобы придать ей «необратимый характер»[25].

[23] Kissinger H. Op. cit., p. 27.

[24] См.: US Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. February 18, 1970, pp. 8, 28.

[25] ОВД, с. 193, 195.

Государства — участники Варшавского Договора, поставив вопрос о необходимости углубить процесс международной разрядки, сделать его непрерывным, всесторонним и всеобщим по охвату, наметили конкретные мероприятия, направленные на его решение, и развернули активную деятельность, чтобы их осуществить. Они изложили свою концепцию дальнейшего развития международной разрядки в совместной декларации, принятой 26 ноября 1976 г. в Бухаресте [26]. По их мнению, оно могло идти в двух основных направлениях. Первое состояло в том, чтобы общими усилиями стран — участниц общеевропейского совещания совершенствовать мирные, взаимовыгодные, равноправные отношения, в особенности между государствами, относящимися к различным социально-политическим системам. Второе, не менее важное, состояло в распространении процесса разрядки на другие регионы мира, прежде всего на те, в которых напряженность находится на уровне конфликта или приближается к нему.

Создание климата взаимного доверия в отношениях между государствами страны — участницы ОВД считали важнейшим условием сохранения и дальнейшего углубления разрядки. Осуществление этой задачи — дело не только правительств, хотя они несут главную ответственность за поддержание нормальных отношений между государствами, но всех политических партий и групп, общественных сил и организаций, средств массовой информации, всех людей. Массовость общественных движений в поддержку процесса разрядки не только способствует созданию благоприятных условий для сохранения мира, укрепления международной безопасности и сотрудничества, но является эффективным препятствием, ограничивающим свободу деятельности противников разрядки.

Самой острой и неотложной проблемой остается устранение угрозы мировой войны, снижение уровня военного противостояния, развитие международных отношений в духе мирного сосуществования и разрядки. Социалистические государства на заключительном совещании в Хельсинки выдвинули конкретные предложения о том, как дополнить политическую разрядку мерами военной разрядки. К последним они относят: прекращение гонки вооружений, прежде всего ядерных, сокращение и последующую ликвидацию всех видов ядерного оружия, запрещение всех видов его испытаний, укрепление режима его нераспространения, запрещение и уничтожение химического оружия, запрещение создания новых видов и систем оружия массового уничтожения, сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, создание безъядерных зон в ряде районов Европы, зон мира и сотрудничества на Балканах, в районе Индийского океана и других, отвод иностранных войск в свои национальные границы, ликвидацию военных баз на чужих территориях, сокращение военных бюджетов, ограничение продажи и поставок обычных вооружений другим государствам и др. Чтобы преодолеть разделение мира на противоположные военно-политические союзы, страны социалистического содружества выразили и неоднократно подтверждали готовность к роспуску ОВД одновременно с роспуском Североатлантического блока и в качестве первого шага предложили приступить к ликвидации их военных организаций. Кроме того, государства — участники ОВД вновь призвали все государства не предпринимать действий, которые могли бы привести к расширению существующих или к созданию новых замкнутых группировок и военно-политических союзов.

В целях дальнейшего смягчения международной напряженности и укрепления климата доверия государства — участники ОВД предложили заключить Всемирный Договор о неприменении силы в между-

[26] Там же, с. 192—208.

народных отношениях, а государствам — участникам общеевропейского совещания взять на себя обязательство не применять ядерное оружие первыми и принять меры по укреплению гарантий неядерных государств. В 1983 г. они предложили заключить с НАТО Договор о взаимном неприменении силы и поддержании отношений мира [27].

За время существования ОВД входящие в нее государства выдвинули свыше 100 инициатив и предложений, направленных на сокращение вооруженных сил и вооружений, укрепление всеобщего мира [28]. Они заявили о готовности вести переговоры по всем аспектам проблем прекращения гонки вооружений и устранения угрозы мировой войны, «будь то в европейском или общемировом масштабе, применительно к отдельным районам или ко всей планете... Нет такого вида вооружений, которые социалистические государства... не были бы готовы ограничить или сократить на основе строгого соблюдения принципа ненанесения ущерба безопасности ни одной стране»[29].

Социалистическое содружество не только выработало оптимальную программу дальнейшего углубления международной разрядки и ее распространения на другие регионы мира, но принимает практические меры по ее осуществлению. Последовательные действия стран — участниц ОВД придают устойчивость международным отношениям, способствуют мобилизации широкой мировой общественности на борьбу за укрепление международной безопасности и предотвращение войн. «Самый крупный успех прошедших десятилетий состоит в том, что удалось разорвать трагический цикл, когда мир оказывался лишь передышкой между мировыми войнами, развернуть в широчайших масштабах борьбу за то, чтобы навсегда исключить войну из жизни человеческого общества»,— отметили государства — участники ОВД в декларации, принятой 15 мая 1980 г. в Варшаве [30].

В политике западных государств со второй половины 70-х и тем более в первой половине 80-х годов определились два основных направления. Сторонники первого подвергают резкой критике результаты общеевропейского совещания, квалифицируя их как капитуляцию западных держав, прежде всего США, перед Советским Союзом. Это направление объединяет наиболее агрессивные силы империализма, представителей влиятельных монополий, связанных с военным бизнесом, различные правые, реакционные политические организации и группы, заинтересованные в поддержании и обострении международной напряженности, в противопоставлении одних государств другим, в гонке вооружений. Второе направление представляют те буржуазные круги, которые занимают более реалистические позиции в отношении международной разрядки и пытаются практически использовать ее в своих интересах. Однако сторонники этого направления в ряде случаев солидаризируются с приверженцами первого направления, которые в последние годы задают основной тон в области международной политики капиталистических государств.

Эта тенденция проявилась в попытках США и НАТО добиться военного превосходства над социалистическим содружеством. Еще в первой половине 70-х годов США хотели изменить баланс стратегических сил в свою пользу путем развертывания нового поколения стратегических межконтинентальных ракет и ракет, базирующихся на ядерных подводных лодках, оснащенных разделяющимися и самонаводящимися ядерными боевыми частями (РГЧ). Это привело к тому, что в течение 70-х годов число американских ядерных зарядов, обеспеченных достав-

---

[27] Правда, 7.I.1983.
[28] Правда, 21.X.1985.
[29] ОВД, с. 231.
[30] Там же. с. 267.

кой к целям, увеличилось примерно в 2 раза. Принятые Советским Союзом контрмеры не позволили США нарушить установившееся равновесие стратегических сил обеих стран. Более того, военно-стратегический паритет был закреплен рядом согласованных мер, уменьшивших опасность ядерной войны. Договорами и соглашениями между СССР и США ограничивалось количество пусковых установок и носителей ядерного оружия, ограничивались противоракетные системы. Многосторонними договорами запрещалось распространение ядерного оружия, размещение его на морском дне и в космосе. Но опасность ядерной войны не была устранена. Созданная ранее система ядерных вооружений и средств их доставки оставалась нетронутой.

Используя научно-технический задел, осуществленный в 60—70-х годах, США предприняли создание и развертывание нового поколения ядерного оружия и его носителей, модернизацию и замену устаревших систем более эффективными, разработали и производят нейтронное оружие. Развертывание его в Европе увеличивает опасность ядерной войны. Важное место в планах достижения военного превосходства над социалистическим содружеством отводится развертыванию ядерных ракет средней дальности («Першинг-2» и крылатых) в Европе. Проводится перевооружение военных сил НАТО и входящих в нее государств. Наконец, в США фактически началась подготовка к созданию систем ударных и других космических вооружений.

С интенсивным наращиванием военной мощи были связаны изменения во внешнеполитическом курсе США и ряда западноевропейских стран уже во второй половине 70-х годов. Американский империализм вновь (в который раз после второй мировой войны!) заявил претензию на руководство миром и на создание мирового порядка, основанного на силе. Это проявилось в отношении к разрядке, которую реакционная пропаганда на Западе изображает как «ловушку», «обманный маневр Москвы», «улицу с односторонним движением». Еще в 1977 г. Дж. Шлессинджер, министр энергетики в администрации Картера, решительным образом высказался против идеи мирного сосуществования и международной разрядки, заявив: «Теперь, когда Америка снова здорова и обрела прежний национальный дух, мы по-новому осознаем эту неизбежную реальность и готовы предпринять необходимые меры, чтобы вдохнуть в нее жизнь. В ходе своего возрождения мы выбросили за борт необоснованные надежды, связанные с разрядкой»[31]. В начале 80-х годов в США стало распространяться мнение, что «с американской стороны история разрядки является историей путаницы, замешательства, самообмана и самонанесения себе дипломатических ран»[32]. Президент США Р. Рейган, сославшись на результаты принятых его администрацией мер по наращиванию американской военной мощи, 6 апреля 1984 г. заявил: «Американское лидерство восстановлено. Мир, основанный на силе,— теперь не лозунг, а жизненный факт»[33].

США и их европейские союзники развернули ожесточенную пропагандистскую кампанию против социалистических стран на встрече представителей государств—участников общеевропейского совещания, проходившей в Белграде в 1978 году. На три года они затянули аналогичную мадридскую встречу, превратив ее в арену для пропагандистских упражнений и выпадов в адрес социалистических государств. США при поддержке других государств — участников НАТО дезорганизовали начавшийся в 70-е годы процесс ограничения и сокращения ядерных во-

---

[31] Defending America. Towards a New Role in the Post-Détante World. N. Y. 1977, p. XIII.

[32] Kaiser R. G. Op. cit., p. 506.

[33] Realism, Strength, Negotiation: Key Foreign Policy Statesments of the Reagan Administration. Washington. 1984, p. 11.

оружений, отказавшись ратифицировать договор об ОСВ-2, соглашение об ограничении ядерных взрывов, сорвав переговоры по ядерным вооружениям в Европе и стратегическим вооружениям, отказавшись продолжать переговоры о запрещении ядерных испытаний всех видов. США не возобновили также переговоры об ограничении продажи и передачи обычных вооружений другим государствам, блокировали достижение соглашений на Конференции по разоружению в Женеве, загнали в тупик переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, делали все от них зависящее, чтобы такая участь постигла и другие переговоры по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению. На советско-американских переговорах в Женеве США не хотели по-деловому обсуждать и решать вопросы, как предотвратить гонку вооружений в космосе, как прекратить ее на Земле, как ограничить ядерные вооружения и приступить к их радикальному сокращению вплоть до полной ликвидации.

Комбинированный натиск империализма не достигает, однако, ожидаемого силами международной реакции эффекта. Об этом свидетельствует то, что западные державы все же подписали итоговый документ мадридской встречи, в котором выражена решимость государств — участников общеевропейского совещания «прилагать новые усилия к тому, чтобы сделать разрядку эффективным, а также непрерывным, все более жизнеспособным и всесторонним процессом, всеобщим по охвату, в соответствии с обязательством по Заключительному акту» [34]. Они приняли предложение социалистических государств о проведении конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружения в Европе, которая продолжает свою работу в Стокгольме. Кроме того, был намечен ряд мер по сотрудничеству в гуманитарных и других областях.

Тем не менее в последние годы резко усилилась международная напряженность. «Мир приблизился к такой черте, за которой события могут выйти из-под контроля»,— отмечается в Заявлении государств — участников ОВД, принятом на совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, состоявшемся в Софии 22—23 октября 1985 года [35]. Темпы гонки вооружений растут. Развертывание американских ядерных ракет средней дальности в ряде стран Западной Европы создает новую опасную ситуацию на континенте, что вынудило Советский Союз и некоторые другие социалистические страны принять ответные меры. Особую тревогу вызывает угроза распространения гонки вооружений на космическое пространство. Государства — участники ОВД выступили с новыми инициативами, которые развивают их концепцию европейской безопасности. Они вновь призвали западные державы покончить с политикой силы и конфронтации, твердо придерживаться принципов, изложенных в Заключительном акте общеевропейского совещания, не допускать проведения клеветнических кампаний, в искаженном свете представляющих положение в социалистических странах и их политику, прекратить вмешательство во внутренние дела других стран и политику государственного терроризма. Они еще раз указали на то, что «европейская безопасность, как и международная безопасность в целом, не может быть обеспечена военными средствами, военной силой. Прочного мира на континенте можно достичь только на пути разрядки, разоружения, укрепления доверия и развития международного сотрудничества» [36].

Государства — участники ОВД считают, что необходимо полностью освободить Европу от ядерного оружия как средней дальности, так

---

[34] Правда, 19.IX.1983.
[35] Правда, 24.X.1985.
[36] Там же.

и тактического. На пути к этой цели требуется от всех государств — участников общеевропейского совещания приостановить дальнейшее размещение ядерного оружия на континенте и приступить к его сокращению. Страны социалистического содружества предложили всем ядерным державам последовать примеру Советского Союза и взять на себя обязательство не применять ядерное оружие первыми; заморозить ядерные арсеналы всех ядерных держав — на первых порах СССР и США — в количественном и качественном отношениях с тем, чтобы незамедлительно перейти в дальнейшем к сокращению этих вооружений, вплоть до полной их ликвидации; приостановить все работы по созданию, испытанию и развертыванию ударных космических вооружений; прекратить любые ядерные взрывы и договориться о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия и т. д.

Государства — участники ОВД поддержали инициативу Советского Союза, направленную на практическое решение задачи предотвращения гонки вооружений в космосе и прекращения ее на Земле. Они поддержали советское предложение о том, чтобы СССР и США договорились о полном запрете на ударные космические вооружения и осуществление действительно радикального, на 50% сокращения своих ядерных сил, достигающих территории друг друга. В своей согласованной политике государства — участники ОВД исходят из того, что мир неделим, что любой локальный конфликт в современной напряженной обстановке имеет тенденцию к перерастанию в столкновение крупного, даже глобального масштаба. Они считают, что для устранения такой опасности необходимо покончить с империалистической политикой силы и вмешательства во внутренние дела других стран, включая освободившиеся от колониальной и другой зависимости, покончить с политикой и актами агрессии и решать споры между государствами мирным путем, полностью уважать право народов на самостоятельное определение своего социального и политического строя.

Чтобы облегчить ведение переговоров и достижение соглашения по всем намеченным вопросам, СССР, поддержанный другими государствами — участниками ОВД, ввел с 7 апреля вплоть до ноября 1985 г. мораторий на развертывание ракет средней дальности и осуществление других ответных мер [37] и принял решение прекратить в одностороннем порядке любые ядерные взрывы с 6 августа 1985 г. до 1 января 1986 года [38]. Этот срок продлен еще на три месяца. США дается дополнительное время на то, чтобы они по достоинству оценили советское предложение о прекращении ядерных взрывов.

Крупнейшим событием международной жизни стала встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом в Женеве 19—21 ноября 1985 года. В совместном советско-американском заявлении выражено мнение, что ядерная война не должна быть развязана, подчеркнута важность предотвращения любой войны между СССР и США — ядерной или обычной. Руководители СССР и США обязались не стремиться к достижению военного превосходства. Они согласились, что работа на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям будет ускорена, чтобы решить задачи предотвращения гонки вооружений в космосе и прекращения ее на Земле, ограничения и сокращения ядерных вооружений и укрепления стратегической стабильности [39]. Итоги встречи вновь убедительно подтвердили правильность политики КПСС, Советского государства, партий и правительств братских социалистических стран.

Советский Союз выдвинул новый комплекс инициатив, направлен-

---

[37] Правда, 15.V.1985.
[38] Правда, 30.VII.1985.
[39] Правда, 22, 26.XI.1985.

ных на устранение угрозы ядерной войны. В Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС, сделанном 15 января 1986 г., изложен конкретный, развернутый план полной ликвидации ядерного оружия в течение 15 лет. Уже на первом этапе, в ближайшие 5—8 лет, предложено вдвое сократить стратегические вооружения СССР и США, достигающие территории друг друга, и ликвидировать все ракеты средней дальности (баллистические и крылатые) в европейской зоне. На втором этапе к ликвидации ядерного оружия подключаются Франция, Англия и КНР и, кроме того, все ядерные державы ликвидируют тактическое ядерное оружие. На третьем этапе весь процесс завершается, и к концу 1999 г. на Земле не должно оставаться никакого ядерного оружия. Кроме того, СССР предлагает к 2000 г. полностью устранить химическое оружие и промышленную базу его изготовления. Советским планом предусматривается также введение запрета на подготовку и развертывание оружия в космосе, создание неядерных вооружений, основанных на новых физических принципах, укрепление мер доверия и достижение результатов на переговорах в Женеве, Вене и Стокгольме [40].

В новой редакции Программы КПСС указывается, что «в условиях, пока существует империалистический военный блок НАТО, партия считает необходимым всемерно содействовать совершенствованию деятельности Организации Варшавского Договора как инструмента коллективной обороны против агрессивных устремлений империализма, совместной борьбы за прочный мир и расширение международного сотрудничества» [41]. Советский Союз, другие государства социалистического содружества, обладая потенциалом и опытом, достаточными для решительного отпора агрессивным силам империализма, не видят ни смысла, ни пользы в силовом противоборстве. Они готовы к значительному снижению уровня политической и военной конфронтации, уменьшению, а затем и полному устранению военной опасности в мире. Курсу империалистических держав на обострение международной обстановки, интенсификации гонки вооружений, политике военных угроз и вмешательства в чужие дела, подавления народов государства социалистического содружества противопоставляют курс на прекращение гонки вооружений, на защиту суверенных прав и свободы народов, ликвидацию региональных конфликтов коллективными усилиями на справедливых началах, укрепление международной безопасности во всем мире.

---

[40] Правда, 16.I.1986.

[41] Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). Проект, с. 61—62.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Член-корреспондент АН СССР Г. Ф. Ким

В числе острозлободневных и актуальных задач марксистской историографии важное место занимает анализ современного состояния того, как изучается новая и новейшая история стран Востока. Необходимость такой работы особенно назрела в связи с возрастанием «в мировой политике и экономике» роли освободившихся от колониального угнетения народов, ставшем одной из отличительных черт современной эпохи[1], а также и с качественным скачком в последние десятилетия, который произошел в нашей стране и за рубежом в изучении этого периода в истории стран Азии и Африки, введением в научный оборот новых материалов, выдвижением оригинальных концепций. Советские исследователи внимательно исследуют эти процессы, учитывая, что историография Востока является ареной острой идеологической борьбы. В течение длительного времени в западной литературе доминировал европоцентристский подход, для которого характерна явно предвзятая недооценка роли афро-азиатских народов в мировом историческом процессе. Крушение колониализма и образование более 100 новых суверенных государств, невиданная ранее активизация развивающихся стран в мировой политике нашли свое отражение в их борьбе за духовную деколонизацию, важнейшим элементом которой становится воссоздание подлинной истории стран Азии и Африки. Естественно, что формирование национальных исторических школ в этих странах происходит в борьбе против неоколониализма, европо- или западноцентризма. В ходе «выправления» истории нередко допускается чрезмерное выпячивание самобытности Востока, его роли во всемирной истории. Это неизбежно ведет к другой крайности — востокоцентризму, к абсолютизации истории Востока, в ряде случаев — к безудержному национализму и шовинизму. Решение задач, которые в этих условиях встают перед марксистской историографией стран Востока, требует ответа на многие фундаментальные вопросы. Ниже идет речь о некоторых из них, имеющих методологическое значение.

Проблема формации на предколониальном Востоке. Совершенно очевидно, что правильная оценка состояния стран Востока накануне колониальных завоеваний крайне важна для анализа их дальнейшей эволюции. Для марксистов эта проблема формулируется как вопрос о стадиально-формационной характеристике этих стран. Кратко говоря, проблема заключается в следующем: был ли строй, который застали на Востоке колонизаторы, особым, специфическим, не имеющим аналогов в развитии Европы «азиатским», или это был феодализм, который Европа только что преодолела, и далее, если второе верно, то насколько стадиально отставали страны Азии.

---

[1] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). Проект. М. 1985, с. 64.

Еще сравнительно недавно — лет 20 тому назад — было принято упрекать историков-востоковедов (марксистской школы) в приверженности к национально- или регионально-специфическому и недооценке общих закономерностей исторического процесса. Приходится признать, что для подобных упреков были основания. Вот некоторые обстоятельства, объясняющие повышенное тяготение востоковедов именно к изучаемым ими обществам. Во-первых, само востоковедческое образование, где так много времени и усилий уделяется языку, истории, экономике, идеологии и культуре исследуемых стран и регионов, акцентирует внимание будущего специалиста на самых труднопознаваемых, специфических сторонах жизни народов Востока, что невольно ведет к недооценке общеисторических закономерностей. Во-вторых, по историческому уровню, социально-классовым характеристикам, религиозно-идейным воззрениям, достижениям и ценностям духовной культуры афро-азиатские страны более исторически дифференцированы, чем Запад. Арабисту и японисту труднее найти общий предмет интересов, чем специалистам по истории России и, скажем, Испании. Можно в этой связи, наверное, говорить о европейской цивилизации в канун нового времени, но вряд ли мы обнаружим к тому же периоду единую азиатскую цивилизацию. Изучаемый востоковедами мир до Великой Октябрьской социалистической революции был по многим параметрам гораздо разнообразнее, чем Запад, на что справедливо обращал внимание В. И. Ленин [2].

Из сказанного следует вывод о важности конкретного изучения специфичности Востока. По этой проблеме сегодня накоплен огромный эмпирический материал. Вместе с тем по мере возрастания объемов и темпов накопления информации о прошлом и настоящем Востока все более ощущается потребность в фундаментальных обобщающих исследованиях [3]. За необычайным разнообразием форм, внешних выражений и проявлений скрываются сущностно сопоставимые явления и процессы, которые, в свою очередь, нуждаются в типологическом подразделении.

Потребность в форсировании фундаментально-обобщающих трудов диктуется также необходимостью идеологического и практического порядка. Следует учитывать естественное желание народов и лидеров молодых суверенных стран жить согласно «своим» традициям, обычаям, законам и т. п. К тому же на Западе представление о всеобщности исторического процесса искажается прежде всего именно в отношении афро-азиатского мира. Оно сводится, в сущности, к тезису об общности религиозного подхода к урегулированию возникающих здесь социальных конфликтов. Такой подход, хотя внешне выглядит «демократичным» и рассчитан на массовое сознание, не выдерживает критики. Наконец, без обобщающих исследований невозможно правильно оценить движения афро-азиатской солидарности, которые при всех своих внутренних противоречиях и различиях их участников в отношениях с другими мировыми системами стали важными факторами международной политики.

При изучении такой огромной по масштабу темы, как стадиально-формационная эволюция стран Востока и ее место во всемирно-истори-

---

[2] См. Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 381.

[3] За последние годы советские востоковеды создали ряд весьма заметных обобщающих работ по истории и о современном развитии стран Азии и Африки. См.: Национально-освободительное движение. В 3-х тт. (Века неравной борьбы. М. 1967; Пробуждение угнетенных. М. 1968; На новом пути. М. 1968); Развивающиеся страны: закономерности, тенденции и перспективы. М. 1979; Зарубежный Восток и современность. Тт. I—III. М. 1980—1981; Социалистическая ориентация освободившихся стран. М. 1982; Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие. М. 1983; Восток: рубеж 80-х гг. М. 1983; Африка: страны социалистической ориентации в революционном процессе. М. 1984; Революционная демократия и коммунисты Востока. М. 1984; Эволюция азиатских обществ: синтез традиционного и современного. М. 1985 и др.

ческом процессе, следует избегать как теоретических упрощений, так и отрыва конкретных исследований от политико-идеологических основ изучаемых процессов. Для востоковедов-марксистов решающим является правильное определение места и роли афро-азиатского мира в современном историческом процессе. Опыт его развития в условиях достигнутого странами этого мира суверенитета свидетельствует, что ранее отставшие общества не могут набрать таких темпов капиталистического развития, какими характеризовалась в свое время история США и Германии, военно-феодальные империализмы России и Японии, и выйти на уровень зрелого финансово-монополистического, а тем более государственно-монополистического капитализма (ГМК). Пока мы имеем лишь отдельные, анклавные примеры такой эволюции капитализма, в афро-азиатском мире — города-государства и малые государства, да и то без характерных признаков стадии империализма. Видимо, предшествующее отставание, выявившееся на определенных стадиях феодальной формации, а затем общая заторможенность в период колониализма и, наконец, неоколониализм пока оставляют огромное большинство афро-азиатских стран вне пределов ГМК.

Эти рассуждения возвращают нас к теме о соотношении темпов и направления исторического процесса на Западе и Востоке, начиная по крайней мере с формирования классового общества. Не вдаваясь подробно в суть этого дискуссионного вопроса, отметим, однако, что контактность «Запад — Восток», а значит, всемирно-исторический характер исторического процесса в древнее время, как показывают исследования последних лет, были заметно интенсивнее, чем в средневековье. К заслугам востоковедов, в том числе и советских, следует отнести обнаружение немалых воздействий эллинистической культуры (и не только в области искусства) в обширном регионе Ближнего и Среднего Востока, включая территории Ирана, Закавказья, Средней Азии и северных районов Индии. Парадоксально, но факт, что в средние века конфронтация близких по догмату религий — христианства и ислама — проложила гораздо более глубокий водораздел между соприкасающимися обществами Запада и Востока, чем это было в древности. Может быть, это было связано с ликвидацией государств, которые являлись социальными и идеологическими «буферами» между Западом и Востоком, таких, как Византийская империя, а также Армения и Грузия? Конечно, это лишь гипотетическая постановка вопроса.

Новый этап конфронтации «Запад — Восток» был связан с начавшейся колониальной экспансией европейских держав. Для первых из них — Португалии и Испании — в идейной мотивации экспансии важное место принадлежало крестоносной традиции утверждения «истинной веры». Думается, что, сосредоточившись на социально-экономических и военно-политических аспектах колониализма, мы несколько упустили из виду навязывание порабощенным народам чуждых им идейных, социально-психологических, моральных и правовых норм, которые по мере выдвижения на первый план колониальной экспансии Нидерландов, Англии и Франции становились буржуазными, т. е. несовместимыми с тогдашним традиционным сознанием восточных обществ.

Дискуссии о формациях на Востоке, прошедшие в 60—70-х годах, для краткости именуемые обычно дискуссиями об «азиатском способе производства», а по содержанию сведшиеся к спорам о существовании на Востоке рабовладельческой формации[4], поставили коренные методологические вопросы общности и специфичности развития Востока и Запада, характера «традиционного» общества на разных его этапах,

[4] Общее и особенное в историческом развитии Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М. 1966; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М. 1975 (изд. 2-е. М. 1980).

смены докапиталистических формаций во всем мире. Однако в тех дискуссиях шла речь преимущественно о древности, в меньшей степени о средневековье. Нас же сегодня особенно интересует вопрос о строе, существовавшем в наиболее развитых странах Востока накануне периода колониализма.

Столкновение Востока и Запада в XVI—XVIII вв. показало действительно глубокий разрыв, разлом мира на две части, происшедший по крайней мере к этому времени. Результатом каких различий этот разлом явился — цивилизационных (понимаемых как формационных) или стадиальных? Сторонники «азиатского способа производства» подчеркивают цивилизационный аспект этого столкновения. Но здесь возникают два вопроса. Во-первых, провозглашая принципиальную разницу западного и восточного пути развития, они не отвечают на вопрос о единстве всемирно-исторического процесса. Сейчас идея «азиатского способа производства» приобрела определенную популярность среди прогрессивных ученых Востока, прежде всего Индии [5]. Их эта концепция привлекает тем, что она одновременно подчеркивает самобытность истории страны и объясняет трудности, с которыми связано в этих странах развитие капитализма. Для зарубежных историков момент «самобытности» часто настолько привлекателен, что затмевает любые недостатки этой концепции. Ученые-марксисты, сторонники концепции «азиатского способа производства», должны, если они хотят ее защищать, вписать данный способ производства в общую схему формаций, переживавшихся человечеством.

Второй вопрос, который надо задать сторонникам «азиатского способа производства», связан с тем, что предлагаемая ими модель «азиатской» формации недостаточно разработана и дифференцирована от феодальной модели. Азиатский строй, как бы его ни называть, обнаруживает существенное сходство по ряду важных параметров с европейским обществом средних веков. По существу, особенности Востока, по теории «азиатского способа производства», сводятся к значительной роли государства в экономике и к «азиатскому деспотизму» в политике. Уровень развития производительных сил в феодальных азиатских обществах примерно одинаков, и это признают сами сторонники азиатской специфики. Основной хозяйственной единицей в обществах обоих видов служит крестьянское хозяйство, которое выплачивает прибавочный продукт в одном случае в виде частновладельческой ренты, а в другом — в виде ренты-налога. Разница между двумя обществами при таком понимании лежит в организации господствующего класса и в системе правового оформления рентных отношений. Поэтому сторонники «азиатского способа производства» должны ответить на вопрос, как они относятся к типологии феодализма, разработанной медиевистами-западниками, к введенному М. А. Баргом понятию «формационный регион» [6], к идее о двух типах феодализма — частновладельческом и государственном. Исследования последнего времени еще раз подтвердили, что для традиционного азиатского строя было характерно сочетание частновладельческой и государственной эксплуатации, сосуществование частного и государственного секторов. О. Е. Непомнин для Китая XIX в. определяет соотношение между этими секторами как примерно 50 : 50 [7]. Данные эти относятся не к средневековью, да и сами выкладки О. Е. Непомнина могут встретить те или иные частные возражения, однако принци-

---

[5] См.: India. State and Society. A Marxian Approach. Bombay. 1975; Alavi Hamza; Burns P. L., Knight G. R., Mayer P. B., McEachern D. Capitalism and Colonial Production. Lnd. — Canberra. 1982.

[6] См. Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М. 1979, с. 114—120. 309.

[7] Непомнин О. Е. Социально-экономическая история Китая. 1894—1914. М. 1980.

пиально важно, и это подтверждается исследованиями по другим странам, что частный сектор в восточных странах служил неотъемлемым элементом структуры. Наконец, капитализм, преобразуя азиатское общество, вынужден был преодолевать те же характерные препятствия, что и в Европе в свое время: натуральный характер производства, связанность и несвободу непосредственного производителя, иерархичность социального строя и строя мышления, автократичность политической системы. Поэтому сторонники «азиатского способа производства» должны признать, что последний, в том виде, как они его описывают, несмотря на все их усилия, принципиально не слишком отличается от феодализма.

Довольно распространена точка зрения, прямо противоположная концепции об «азиатском способе производства». Согласно ей, на Востоке существовал феодализм, структурно мало отличавшийся от западноевропейского, в связи с чем его не следует даже именовать «восточным» [8]. Используя накопленные за последние годы данные, сторонники этой концепции отрицают преобладание государственной собственности на землю (объявляют ее либо юридической фикцией, либо не более распространенным явлением, чем во многих странах Европы, либо, наконец, вообще выдумкой европейских путешественников XVII в.), бóльшую, чем на Западе, замкнутость хозяйства, несамостоятельность города, «восточную деспотию». И, наоборот, находят на Востоке, как и на Западе, частную собственность, развитие рынка, даже бюргерство как социальный слой.

Обычно это сближение Востока и Запада относится и к уровням их развития, т. е. сторонники «обычного феодализма» находят факты, свидетельствующие о том, что Восток мог самостоятельно перейти от феодализма к капитализму: появление наемного труда, мануфактурного производства, прочих зачатков капитализма. Впрочем, увлечение поисками «зачатков капитализма», сыгравшее в свое время, в 50—60-х годах, весьма положительную роль [9], прошло. Ряд советских исследователей продолжает разрабатывать проблему генезиса капитализма на Востоке еще в доколониальный период [10], но другие все более решительно этот тезис отвергают. Изучение эволюции экономики стран Востока в XVI—XVIII вв. под углом зрения возможного генезиса капиталистических отношений дало многое. Упрощенное представление о Востоке как о совершенно неподвижном обществе, в котором нет ничего, кроме государства, которое определяет все стороны жизни, ушло в прошлое. Но сейчас уже нельзя отрицать структурную разницу между Востоком и Западом, которая выразилась и в разных темпах развития и в различии его уровней, скажем, к XVII веку. Либо типологический, либо стадиальный разрыв, либо и то и другое, вероятно, должны были существовать. Без этого нельзя объяснить последующую историю мира — его раскол на метрополии и колонии.

В. И. Павлов [11] выступил с тезисом, что передовые страны Азии не достигли того уровня, который в Западной Европе называется зрелым феодализмом, почему на Востоке и не было городов-коммун, бюргерства, классов-сословий, сословных монархий. Таким образом, если страны Востока отставали от стран Запада на две стадии феодальной формации (на 700—800 лет), то легко объяснимы как колониальное

[8] Никифоров В. Н. Феодализм на Востоке или «восточный феодализм».— Народы Азии и Африки, 1984, № 1.

[9] О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). Материалы обсуждения. М. 1962.

[10] Смилянская И. М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени. М. 1979.

[11] См. Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Ук. соч., с. 189.

подчинение первых, так и те трудности, которые встречает здесь капитализм буквально до сего дня. Такой значительный стадиальный разрыв равнозначен цивилизационному. Если бы европейцы XVI—XVII вв. своими глазами увидели Европу IX—X вв., они тоже встретились бы с чуждым обществом, с фантастическим для них мировоззрением. Конечно, к самому факту стадиального разрыва следует прибавить и различный темп развития. Очевидно, что в европейском обществе уже в IX—X вв. были заложены предпосылки последующего взлета, в то время как на азиатских обществах XVI—XVII вв. тяжелым грузом лежали тысячелетия застойной эволюции.

Большинство специалистов относится к построению В. И. Павлова критически. Многих не устраивает подход: если мы не видим на Востоке некоторых институтов, появившихся в средневековой Европе, значит, Восток до них не дошел. По их мнению, отсутствие городов-коммун и сословных монархий на Востоке свидетельствует не об отставании, а об особенностях «восточного феодализма». Но если это так, если «восточный феодализм» может в своей зрелой фазе обойтись без ряда институтов, считающихся именно критериями зрелости феодализма в Западной Европе, то требуется разработать иные показатели зрелости, применимые к «восточному феодализму». Однако таких критериев пока нет. Другие историки не согласны с выводом о глубокой отсталости Востока. Действительно, все, что мы знаем о культуре Востока, не позволяет считать, что он в целом к концу средних веков находился на уровне империи Карла Великого. Видимо, надо различать собственное совершенствование данной формации как структуры и развитие в направлении следующей формации, развитие в смысле преодоления существующей структуры.

На концепции «восточного феодализма» основано большинство советских трудов по средневековому и новому Востоку. В рамках понятия «восточный феодализм» или «государственный феодализм» можно было бы разработать модель, адекватно отражающую как общефеодальные черты, так и специфически азиатские, характерные для предколониального восточного общества. Тезис о «восточном феодализме» выдвинут уже более 50 лет назад, за это время конкретно-исторические знания о доколониальном Востоке удесятерились, но убедительной теоретической разработки этой модели пока нет. Между тем такая модель крайне важна как база дальнейших исследований трансформации восточного общества, его многоукладности, перспектив капиталистического и некапиталистического пути развития и т. п. Фигурирующий в работах по современным проблемам «традиционный социальный строй» есть, говоря упрощенно, нечто сконструированное их авторами из тех обрывков знаний по ранним этапам истории Востока, которые они получили еще на студенческой скамье. Конечно, разработка модели «восточного феодализма» возможна только как развитие нашего представления о феодализме вообще и потому должна осуществляться в тесном контакте со специалистами по западноевропейскому и российскому средневековью.

Проблемы колониализма. В вопросе о колониализме советскими специалистами сделано гораздо меньше, чем исследователями на Западе и Востоке. Споры о степени ответственности колониализма за негативные стороны современного социального, культурного и экономического состояния бывших колониальных и зависимых стран зародились чуть ли не с момента появления первых колоний.

Есть тенденция, идущая еще от Дж. С. Фэрнивола [12], английского буржуазного ученого, кстати, в прошлом служившего в британской колониальной администрации, рассматривать колониализм просто как

[12] Furnivall J. S. Colonial Policy and Practice. A Comparative Study of Burma and Netherland India. N. Y. 1956.

разновидность предпринимательской деятельности западного бизнесмена, пришедшего в тропики за прибылью и вынужденного теми социальными и климатическими условиями, в которые он попал, действовать именно так, а не иначе. Сторонники этого направления далеки от апологии колониализма. Они признают факты, которые нельзя не признавать, о негативном воздействии колониальной политики на страны Востока: обезлюдении огромных пространств, ухудшении условий выживания людей, росте задолженности, аграрном кризисе, сдерживании местной предпринимательской активности, деградации ремесел, упадке национальной культуры. Причины этих явлений выводятся ими из объективных, не зависящих от воли колонизаторов и колониальной администрации условий «среды», в которой действовал капитал.

Обеляя колониализм в целом, представители этого направления не опускаются все же до восхваления цивилизаторской и благотворительной миссии европейцев в порабощенных странах. Они видят, что приобщение стран Востока к западной экономической системе сопровождалось нередко культурным отчуждением Запада и Востока. По мнению Фэрнивола, как благотворительность, так и прямое пересаживание чуждых Востоку институтов способны лишь усилить отчуждение Азии и дезинтеграцию мира, вызывая вспышки антиколониальных волнений и антиправительственных мятежей. Правда, при такой постановке вопроса национально-освободительное движение выдается за конфликт разных культур и цивилизаций. В дальнейшем своем развитии эта школа переходит на позиции неоколониализма, обосновывая союз «западной цивилизации», т. е. империализма, с «азиатским национализмом», т. е. национальным капиталом, как реальный способ избежать «распада и дезинтеграции» капиталистического мирового порядка.

Отдельного рассмотрения заслуживает концепция шведского исследователя Г. Мюрдаля [13], не потерявшая до сих пор своего историографического значения. Он обосновал идею специфичности колониальной экономической структуры, характеризующейся противоречивым, конфликтным и в то же время неизбежным взаимодействием колониальных анклавов (плантации, рудники, крупная промышленность) и традиционной азиатской социально-экономической среды. В целом система, по его мнению, претерпевает прогрессивные изменения в сторону приобщения традиционного общества к современным отношениям, но происходит это медленно, с постоянными отступлениями, вызванными прямым и косвенным подавлением местного обрабатывающего производства колонизаторами, их пренебрежением к благосостоянию народов колониальных и зависимых стран. Опираясь на эту свою концепцию, Г. Мюрдаль проанализировал экономическую политику стран Востока после освобождения, стремление к индустриализации, к преодолению колониальной системы производительных сил.

Характерно, что дальнейшая радикализация зарубежных исследований по данной теме происходила в условиях растущего использования ими идей и понятийного аппарата марксизма-ленинизма. Это особенно относится к трактовке колониализма леворадикальными и «неомарксистскими» течениями, разрабатывавшими концепцию т. н. зависимого капитализма. Главными же оппонентами радикалов выступали различные школы «модернизации», основатели культурной антропологии и вообще исследователи, ставившие во главу угла противоположность социокультурной, или цивилизационной среды на Востоке и Западе. Последние развивали концепцию, заключающуюся в том, что общество стран Востока является традиционным по своей природе, обладает мощной системой депрессоров развития (клан, каста, цех, община, авто-

[13] Myrdal G. Asian Drama. An Inquiry into the Poverty of Nations. Vol. I—III. N. Y. 1968.

ритарная власть, религиозное сознание), что мешает ему воспринять стимулы «модернизации», исходящие от индустриальных стран. Эта ситуация и является причиной слабого развития афро-азиатских стран. Отсюда сторонники подобных концепций выводят т. н. третий путь развития, коим якобы следует афро-азиатский мир. В отличие от данной точки зрения сторонники концепции мировой экономики, или «зависимого капитализма», утверждают, что развитые страны влияют на афро-азиатский мир не стимулирующе, а блокирующе. «Традиционное общество» способно к развитию, но, попав в систему мирового капиталистического хозяйства на правах зависимой периферии, оно подвержено эксплуатации, неэквивалентному обмену и другим проявлениям зависимости. Слабое развитие — это результат подчиненного положения отсталых народов по отношению к центрам мировой капиталистической системы.

Оба эти направления, по существу, игнорируют ряд важных факторов и, следовательно, страдают односторонностью. Теория «традиционного общества» не учитывает тот факт, что некоторые колонии и полуколонии Азии и Северной Африки уже к началу XX в. оказались настолько втянутыми в капиталистические отношения обмена и разделения труда, что в них образовался свой национально-капиталистический уклад и стала пробивать себе дорогу тенденция к автономному буржуазному развитию. Механизм же зависимого развития, раскрываемый радикалами, многое объясняет в колониальной практике, но они игнорируют те перемены, которые произошли в этом механизме с завоеванием колониями и полуколониями политической самостоятельности. Они недооценивают роль национальной политической надстройки в послеколониальный период. Общий методологический изъян всех рассмотренных выше концепций колониализма заключается в недостатке историзма. Мировая система колониализма на протяжении своей истории прошла ряд этапов, причем существо отношений зависимости и соотношение тенденций зависимого и самостоятельного развития на каждом из этих этапов менялось.

Советские исследователи за последние годы сравнительно мало занимались историей колониализма. В свое время значительным шагом вперед в осмыслении проблем новой истории вообще, колониального взаимодействия обществ Запада и Востока, в частности, явился том «Века неравной борьбы» из трехтомной монографии «Национально-освободительное движение». Значительный вклад в дальнейшую разработку этих проблем внес Н. А. Симония [14]. Г. К. Широков [15] в книге, в основном касающейся современного экономического развития стран Азии и Африки, также выдвинул ряд актуальных проблем новой истории. Наконец, коллективная монография «Эволюция восточных обществ» многосторонне обосновала тезис о синтезе современного и традиционного на Востоке.

Обобщая позиции советской школы в этом вопросе, можно сформулировать следующие положения: колониальные отношения в широком смысле слова не простая сумма несвязанных, удерживаемых лишь силой, элементов. Это синтезированный общественно-производственный организм, в основе которого лежит международное разделение труда между метрополиями и колониями. «Колониальный синтез» — категория динамичная. В его рамках развивается не только капиталистический способ производства метрополий, но трансформируются также и традиционные производственные отношения колонии — сначала по элементам, а затем в целом. Конечным результатом этой трансформации является специфическая позднеколониальная экономика, которую

[14] Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М. 1975.
[15] Широков Г. К. Промышленная революция в странах Востока. М. 1981.

Н. А. Симония представил в виде суммы следующих основных типов экономических структур: а) уже втянутых в колониальный синтез (та часть экономики, которая реально выступает в качестве аграрно-сырьевого придатка метрополии); б) почти незатронутых структур традиционного способа производства; в) полутрадиционных, еще не вовлеченных в какой-либо новый способ производства; г) формирующегося уклада национального капитализма. Это различение чрезвычайно важно, т. к. подчеркивает реальную сложность взаимоотношений в системе «метрополия — колония». Метрополиям удалось превратить в свои аграрно-сырьевые придатки отнюдь не все страны и не целиком каждую из них. Сначала этому противодействовали традиционные структуры, а затем наряду с ними и во все большей степени национальный капитализм.

С исторической точки зрения синтезированная система «метрополия — колония» представляла собой тупиковую ветвь общественного развития, поскольку она принципиально не могла пойти дальше формирования в колониях анклавного капиталистического уклада, блокированного извне и изнутри. Колониализм сыграл двойственную роль в истории стран Азии и Африки и всего мира. Он явился важным звеном в становлении капиталистической формации как всемирного явления. С одной стороны, он ускорил экономическое развитие отставших стран в пределах вышеупомянутого колониального синтеза. Но, с другой стороны, колониализм принципиально не мог привести их к торжеству буржуазной формации, к ликвидации отсталости, зависимости, бедности. Более того, колониализм несет историческую ответственность за консервацию отсталости, ограбление колониальных народов. Достижение более высокого, системного уровня формационного развития, преодоление вышеупомянутой дезинтегрированности базиса этих стран возможно лишь в условиях независимого политического развития. Лишь антиколониальные национально-освободительные революции, разрушившие колониальную оболочку, дали простор развитию производительных сил и социальных отношений. Однако эти условия возникли тогда, когда перед странами Востока открылись два пути дальнейшего развития — к капитализму или к социализму.

Современный революционный процесс в странах Востока. Все возрастающая роль афро-азиатских государств, бывших колоний и полуколоний, в решении важнейших глобальных проблем делает необходимым углубленный анализ особенностей развития революционного процесса в этих странах. Руководствуясь ленинским принципом историзма, советские ученые и марксисты зарубежных стран накопили и обобщили громадный эмпирический материал, раскрыли наиболее фундаментальные закономерности зарождения, подъема и созревания национально-освободительных движений во временных и пространственных рамках разных эпох. Здесь, помимо уже названных коллективных монографий, следует отметить работы К. Н. Брутенца, Ю. Н. Гаврилова, Анат. А. Громыко, А. В. Кивы, В. Ф. Ли, Г. И. Мирского, Е. М. Примакова, Н. А. Симонии, Р. А. Ульяновского, К. М. Цаголова, В. Е. Чиркина и других.

Как показано советскими исследователями [16], национально-освободительные движения в точном смысле этого термина зародились на

---

[16] Ульяновский Р. А. Социализм и освободившиеся страны. М. 1972; его же. Современные проблемы Азии и Африки. М. 1978; Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М. 1974; Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М. 1979; Гаврилов Ю. Н. Национально-освободительное движение: перспективы развития. М. 1981; Цаголов К. М. Освободившиеся страны. Защита социальной революции. М. 1981; Ким Г. Ф. От национального освобождения к социальному. М. 1982; Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М. 1982; Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М. 1983 и др.

определенной фазе колониализма и становления новых социально-классовых структур в афро-азиатских обществах конца XIX века. Еще Ф. Энгельс допускал, что социалистические революции в передовых странах будут сопровождаться революционными взрывами в колониях. Это положение было развито Лениным, который писал, что «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» [17].

Ленинский прогноз подтвердился. Национально-освободительная борьба объективно переплелась с зарождением и развитием социальных революций, также вызванных объективными сдвигами в самом капитализме, что способствовало общему подъему мирового революционного процесса и победам национально-освободительных революций, приведших к крушению колониальной системы империализма. В трудах советских востоковедов показано, что развитие антиколониальной борьбы оказалось непосредственным образом связанным с ходом и итогами второй мировой войны. Слияние движений сопротивления агрессорам и революционной борьбы привело в новых, послевоенных условиях к победе в ряде стран Европы и Азии народных революций, оказавших глубокое воздействие на национально-освободительное движение в целом.

Завоевание политического суверенитета и государственности стало насущной и неотложной задачей для всех основных классов и слоев большинства стран и районов Азии, а затем и Африки. Однако осознанность и понимание этой задачи были различными у разных социальных групп. Эти субъективные моменты, преломляясь в соответствующих национальных условиях, породили необычайное многообразие в тактике и приемах освободительной борьбы, в формах ее организации и идеологических программах. Немалую роль сыграли в этом отношении предшествующий опыт и традиции.

Национально-освободительные революции выполнили свою главную историческую миссию — завоевание политической независимости. Но национально-освободительное движение продолжается и в условиях независимого развития (либо капиталистического, либо ориентированного на социализм), т. к. предстоит еще окончательное социальное, экономическое и культурное освобождение от неоколониализма. Изучение этой фазы национально-освободительного движения потребовало от востоковедов изменения главного предмета исследования: появилась возможность и необходимость дифференцированного подхода к изучению процесса самостоятельного исторического движения афро-азиатских стран, темп и направление которого зависят прежде всего от того, под руководством какого класса (или коалиции классов) была завоевана национальная независимость. В подавляющем большинстве случаев национальная независимость была достигнута под эгидой национальной буржуазии или мелкой буржуазии, и последующая социальная эволюция в этих странах носила буржуазный характер. Лишь в тех странах, где компартиям удалось перехватить инициативу еще на стадии национально-освободительной борьбы, национальное освобождение само по себе стало исходным моментом качественно нового этапа социального развития и народно-демократической революции.

Как показано в трудах советских исследователей, характер, темпы и направление, фазы социально-экономических преобразований в странах, идущих по пути буржуазной трансформации, отличаются значи-

---

[17] Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 112.

тельным разнообразием. Это порождает различную глубину и остроту кризиса национальных общественных структур и специфику вызревания революционного процесса в отдельных странах. Во многих из них создаются возможности повторных политических революций или революционных сдвигов в характере политической власти. Сама общественная практика побудила советских востоковедов уточнить (или пересмотреть) свои взгляды на отдельные революционные движения в историческом прошлом и сосредоточить свое внимание на их типологии в современном историческом срезе. Нет необходимости сейчас останавливаться на хорошо известных ошибках, связанных прежде всего с необоснованно завышенной оценкой уровня революционного процесса на Востоке на рубеже 20—30-х годов, на огромной роли VII конгресса Коминтерна, восстановившего ленинский курс II конгресса применительно к проблемам единого антиимпериалистического фронта на Востоке.

В вышедших в последнее время исследованиях содержится немало научно-объективной информации о революционном движении в Китае, Корее, Вьетнаме, Иране, Индии, Монголии, освободительных антиимпериалистических войнах Турции и Афганистана после Великого Октября и в последующие годы. Хочется думать, что мы уже освободились от прямолинейных, упрощенных оценок этих сложных и подчас противоречивых явлений. Ленинская методология периодизации революционного движения позволяет точно и конкретно определить их классовое содержание, учесть местную национальную специфику и найти каждому из этих явлений должное место в мировом революционном процессе и мировом антиимпериалистическом фронте. Мы избавились как от идеализации этих движений, когда желаемое принималось за действительное, так и от необоснованного отрицания огромной роли таких непролетарских и немарксистских лидеров, как М. Ганди, Дж. Неру и других патриотов.

От того, какие классы и слои возглавляли национально-освободительные движения, непосредственно зависели тип и институты политической власти, установившиеся в афро-азиатских странах после завоевания суверенитета. Решающим элементом политической власти в них, как и везде, является государственный аппарат и его персонал. Однако неформальные, включая традиционные, институты (конфессиональные, племенные, кастовые, профессиональные, деловые и т. п. общности) сохраняют свое значение практически во всех странах Азии и Африки. Более того, в некоторых из них путь к государственной власти лежит именно через использование названных негосударственных институтов. Проблема роли традиционных институтов в процессе утверждения новой политической власти в освободившихся странах весьма сложна. Политические реальности последнего десятилетия преподносят уроки того, как к этим традиционным институтам власти прибегают силы, не только консервативные идеологически, но и реакционные политически и социально. Что касается прогрессивных сил, то они не могут, понятно, без существенных мировоззренческих издержек сотрудничать с традиционными институтами политической власти.

В этом смысле особый интерес представляет изучение советскими китаистами последствий широкого социального сотрудничества КПК с такими институтами в освобожденных районах в период антияпонской войны, порожденных этим сотрудничеством проблем, обострившихся в ходе аграрной реформы, «великого скачка», «культурной революции». Сходные ситуации возникали в КНДР и ДРВ, но решались и решаются они по-другому. В иной плоскости развивались противоречия между буржуазно-демократическим государственным устройством и традиционными институтами Индии. Конфронтация между ними, подогретая внешними империалистическими силами, стоила стране крупных

жертв — трагически погибли Махатма Ганди и Индира Ганди. Первый пытался путем реформации традиционных представлений и институтов, прежде всего индуизма и его кастовой системы, включить их в современную систему политической власти; вторая же стремилась подчинить современной политической, прежде всего государственной, власти эти представления и институты, используемые реакционными силами.

Реакция традиционной социально-классовой среды на буржуазные преобразования наблюдалась не только в условиях буржуазно-национального государственно-политического строя Индии, но и в несравненно более острых формах в шахском Иране с его, казалось бы, динамичным капиталистическим ростом в обстановке политического террора, супермилитаризации, проимпериалистического внешнеполитического курса и огромных поступлений «нефтяной валюты». Иранская «исламская революция» еще раз подтвердила, что капиталистический путь на Востоке чреват самыми резкими .отклонениями от исторически привычных трафаретов буржуазного развития. Здесь капиталистическая трансформация ведет к накоплению «горючего материала» (воспользуемся ленинским термином) в лагере не только революционных, но и консервативных сил.

Борьба за массы ставит перед революционно-патриотическими силами в новых условиях задачу выработки правильной тактической линии, учитывающей оптимальное сочетание в ходе борьбы за осуществление социально-экономических преобразований национального антиимпериалистического фронта и демократического фронта, объединяющего все патриотические, демократические силы. В условиях завоеванного суверенитета достижение задачи привлечения масс во многом определяется классовой сутью и формой государственной власти, в частности ее аппарата насилия. Авторитарные, тем более террористические, режимы порождают соответствующие формы сопротивления. Его силы принуждены действовать в глубоком подполье, прибегать к вооруженным формам борьбы. Однако не всегда ожесточенность классовой и политической конфронтации автоматически возводит освободительное движение на уровень подлинно революционного. В этой обстановке его подстерегают две главные опасности: экстремизм в тактике и сектантство в программных установках. Опыт Бирмы, Кампучии, Малайи свидетельствует, что даже коммунистические партии в такой обстановке, когда они теряют органическую связь с массами, могут переродиться в мелкобуржуазные террористические организации, ориентированные не на нарастающую поддержку собственных трудовых масс, а на покровительство извне, как это имело, например, место в ряде стран Юго-Восточной Азии.

Вместе с тем при правильном стратегическом курсе революционный переворот, непосредственно произведенный сравнительно узким, но хорошо организованным кругом участников, может затем, опираясь уже на государственную власть, постепенно расширить свою социально-классовую базу и приступить к созданию авангардной, а впоследствии и массовой партии марксистского типа. Такого рода эволюция революционной политической и государственной власти происходит в Афганистане, Народной Республике Конго, Эфиопии, а также в некоторых других освободившихся африканских странах. В странах, где коммунисты и другие прогрессивные силы действуют в обстановке легальности и даже при тех или иных ограничениях допускаются к управлению государством, опасностью для революционных сил является утрата ими перспективы глубоких демократических преобразований, политической и идейной самостоятельности, угроза превращения в перманентное левое крыло национально-буржуазного режима или в его парламентскую верхушечную оппозицию. Оборотная сторона этого «мирного» оппортунизма, лишенного демократической перспективы,— опасность вспышки авантюризма, появления путчистской тактики. К каким трагическим по-

следствиям может привести подобная тактика, свидетельствует разгром крупнейшей на Востоке Компартии Индонезии. Из сказанного видно, сколь актуальным в научно-теоретическом и политическом отношениях является изучение конкретно-исторического опыта деятельности компартий в разных условиях.

«Исламская революция» в Иране, левацкая «революционная» деятельность прогрессивных сил во многих странах Азии и Африки побуждают внимательнее рассмотреть прежние этапы революционного процесса под углом зрения исправления чересчур оптимистических оценок прогрессивности тех или иных событий. В частности, сейчас яснее, чем прежде, видны негативные стороны использования религии для мобилизации масс даже с благородными, прогрессивными целями. Напротив, значение реформаторской деятельности, даже самой умеренной, оказывается довольно значительным. Ее последствия в ряде случаев благотворно повлияли на созревание революционных потенций. Востоковедам предстоит еще очень много работы по осмыслению заново некоторых важных проблем национально-освободительного движения.

Историография некапиталистического пути развития, пути социалистической ориентации. В проекте новой редакции Программы КПСС подчеркнута важность проблемы некапиталистического пути, избранного рядом освободившихся стран. «Их опыт подтверждает, что в современных условиях при существующем в мире соотношении сил расширились возможности ранее порабощенных народов отвергнуть капитализм, строить свое будущее без эксплуататоров, в интересах трудящихся. Это — явление большого исторического значения» [18].

В последние годы в советском востоковедении наметился заметный сдвиг в изучении исторического опыта некапиталистического развития освободившихся стран. Многочисленные буржуазные авторитеты настойчиво доказывают, что ориентация народов этих стран на социалистическую перспективу лишена якобы объективной социально-исторической почвы и представляет собой некий продукт «экспорта коммунистической революции» в освободившиеся страны. Отсюда прочно утвердившиеся в буржуазной политологии Запада тезисы об «афрокоммунизме», «арабокоммунизме» и т. п., под которыми подразумеваются прогрессивные политические системы левого фланга социалистической ориентации. Напряженная идейно-политическая конфронтация с теоретиками антикоммунизма сыграла не последнюю роль в том, что советские востоковеды активизировали исследование проблем некапиталистического развития на комплексной методологической основе. В последние годы более полное освещение получили политические, идеологические, социально-экономические, культурные и международные проблемы революционного перехода народов к социализму, минуя капиталистическую формацию. К наиболее значительным исследованиям последних лет по данной проблематике относятся работы В. П. Агафонова, М. А. Ахмедовой, К. Н. Брутенца, А. В. Кивы, В. Ф. Ли, Г. И. Мирского, Г. Б. Старушенко, Е. Г. Шараповой, А. С. Шина, Р. А. Ульяновского, В. Е. Чиркина [19], а также ряд коллективных монографий. В этих тру-

[18] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). Проект, с. 20.

[19] См.: Брутенц К. Н. Современные национально-освободительные революции. М. 1974; Ахмедова М. А. Некапиталистический путь: некоторые проблемы теории и практики. Ташкент. 1976; Мирский Г. И. «Третий мир». Общество, власть, армия. М. 1976; Агафонов В. П. Марксистско-ленинское учение о некапиталистическом пути развития. М. 1978; Кива А. В. Страны социалистической ориентации. М. 1978; Старушенко Г. Б. Социалистическая ориентация и развивающиеся страны. М. 1978; Шарапова Е. Г. Методологические проблемы национально-освободительного движения. М. 1980; Шин А. С. Национально-демократические революции. М. 1981; Ли В. Ф. Социальная революция и власть в странах Востока. М. 1984; Чиркин В. Е. Революционно-демократическое государство современности. М. 1984; Ульяновский Р. А. Победы и трудности в национально-освободительном движении. М. 1985 и др.

дах, созданных на богатой источниковой базе, проанализированы такие узловые вопросы, как соотношение национального и интернационального, особенности формирования основных движущих сил и политического лидерства, роль средних, непролетарских и других промежуточных социальных групп, социальная природа непролетарских концепций социализма, формы перехода народов ранее угнетенных стран к социалистической перспективе. Оживленные и весьма плодотворные дискуссии развернулись вокруг тезиса о волнообразном развитии социальной революции в послеколониальном обществе, соотношении национального и социального, сущности антиимпериалистической национальной и народной демократии.

Серьезным методологическим достижением востоковедов и африканистов явились разработки общей типологии революционного некапиталистического перехода к социалистической перспективе[20]. На основе исторического опыта народов был соответственно выделен ряд национально-региональных форм такого перехода (советская, народно-революционная, народно-демократическая, социалистическая ориентация и др.). Тем самым было во многом преодолено серьезное отставание в разработке узловых проблем революционного процесса, отставание, возникшее в 1930—1950-е годы под влиянием сектантских тенденций, подвергшихся обоснованной критике в решениях съездов КПСС[21].

В рассматриваемый период значительную работу по изучению и обобщению опыта некапиталистического развития в отдельных странах Азии и Северной Африки проделали советские специалисты по Монголии, странам Индокитая, Бирме, Афганистану, Южному Йемену, Сирии, Алжиру и ряду других арабских и африканских стран. Не раскрывая обстоятельно всех позитивных аспектов страноведческих исследований, отметим сюжеты, получившие наиболее плодотворную разработку. К ним относятся основные теоретические и методологические установки марксистско-ленинской науки по вопросу о некапиталистическом развитии ранее отсталых и угнетенных стран, об общих закономерностях и национальных особенностях этого процесса в конкретных условиях народной Монголии, которые в той или иной мере освещались в последние годы в коллективных монографиях советских и монгольских ученых[22]. В этих монографиях некапиталистический путь трактуется (с небольшими разночтениями) как специфический путь перехода к социализму народов менее развитых стран, как путь приближения к социализму посредством ряда переходных этапов, как система революционных преобразований в области экономики, политики и идеологии, с помощью которых осуществляется постепенный, осторожный и гибкий переход непролетарских трудовых слоев к обществу без эксплуатации человека человеком. При этом подчеркивается, что успех этого процесса неразрывно связан с развертыванием классовой борьбы против сил внутренней реакции и империализма, с постепенным, но неуклонным возрастанием роли рабочего класса и руководящей роли революционной авангардной партии, усваивающей идеологию научного социализма. Дальнейшее углубленное изучение различных аспектов некапиталистического пути развития МНР осуществляется в сопоставлении с опытом

---

[20] См.: Социалистическая ориентация освободившихся стран; Африка: страны социалистической ориентации в революционном процессе; Революционная демократия и коммунисты Востока и др.

[21] Как справедливо отмечено в коллективной монографии «Коминтерн и Восток» (М. 1978), «проблема некапиталистического пути развития, поставленная В. И. Лениным на II конгрессе, не получила в Коминтерне достаточно глубокой разработки» (с. 19).

[22] См.: Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. М. 1979; Шестидесятилетие Монгольской народной революции. Улан-Батор. 1981; История Монгольской Народной Республики. М. 1983; История советско-монгольских отношений. М. 1983; Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии. М. 1983.

современных национально-демократических революций в других странах Азии и Африки

Некапиталистическое развитие ранее отсталых народов СССР, а также МНР, будучи первым в истории опытом в этой области, оказывает большое влияние на теорию и практику стран современной социалистической ориентации. Советские востоковеды стремятся увязать этот классический опыт с современной практикой социалистической ориентации, осуществляемой под руководством национальной и революционной демократии. В 1960-х и 1970-х годах был предпринят ряд содержательных исследований по истории Бирмы (идеология, политика, аграрно-крестьянский вопрос, формирование национального пролетариата, создание Партии бирманской социалистической программы) [23]. После победы национально-демократической революции в Афганистане были написаны труды о предпосылках созревания в этой стране революционной ситуации, роли в ней широких трудящихся масс, передовых слоев национальной интеллигенции [24]. В них содержится анализ основных противоречий революционного процесса в Афганистане, порожденных факторами как объективного, так и субъективного характера.

С конца 1970-х — начала 1980-х годов существенно углубили изучение регионально-страноведческих проблем советские арабисты. Их усилиями создана серия работ по истории революционного движения в Алжире, Южном Йемене, Сирии, Ираке, Египте и других арабских странах, придерживающихся социалистической ориентации. Так, Р. Г. Ланда [25] отмечает значительные прогрессивные антифеодальные и антикапиталистические потенции алжирской революции, социальной базой которой является классовая коалиция, охватывающая подавляющее большинство народа (от беднейшего крестьянства и батрачества до пролетариата и городских средних слоев). А. Г. Вирабов [26] сосредоточился на исследовании идеологии алжирской революционной демократии и воплощении ее в практику строительства нового государства. В должной мере оценивая позитивные стороны этих явлений и содержание Национальной хартии, принятой в 1962 г. Фронтом национального освобождения, автор отмечает, что мелкобуржуазные правящие круги признают право на политическую власть только за представителями непролетарских трудящихся классов.

Специалисты по экономической истории Алжира [27] обратили внимание на сложности развития технологической базы агросферы и изменения психологии мелкого производителя. Они обоснованно полагают, что в существующих условиях нельзя не считаться с опасностью такого усиления частного сектора, когда он может выйти из-под контроля государства, а также с обострением классовой борьбы. Форсированная индустриализация при опоре на доходы от нефти привела к серьезным диспропорциям в развитии экономики — между развивающейся промышленностью и резко отставшим сельским хозяйством. Ряд узловых проблем социальной эволюции алжирского общества исследован в работе А. Н. Кухарева. Он приходит к выводу, что в связи со стагнаци-

---

[23] Кауфман А. С. Бирма: идеология и политика. М. 1973; Васильев В. Ф. Рабочий класс Бирмы. М. 1978; Бирма. М. 1982 и др.

[24] Демократическая Республика Афганистан. Справочник. М. 1981; История Афганистана. М. 1982; Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. М. 1982; Коргун В. Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М. 1983; Давыдов А. Д. Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан. М. 1984; Афганистан: экономика, политика, история. М. 1984 и др.

[25] Ланда Р. Г. История алжирской революции 1954—1962 гг. М. 1983.

[26] Вирабов А. Г. Очерки экономического и социального развития Алжира. М. 1984.

[27] Зудина Л. П. Аграрные преобразования и развитие сельского хозяйства в странах Магриба. М. 1983; Мельянцев В. А. Экономический рост стран Магриба. М. 1983; Кухарев А. Н. Алжир. Современные среднегородские слои. М. 1983.

ей некапиталистического развития в стране интенсивно формируется новая буржуазия, постоянно воспроизводится привилегированная прослойка бюрократии, тесно связанная с правыми и реакционными силами — сторонниками ориентации на империалистические государства. Острейший вопрос алжирской революции — это вовлечение основной массы средних городских слоев в прочный практический союз с рабочим классом, налаживание эффективного сотрудничества революционных демократов с марксистами. В. В. Наумкин [28] прослеживает условия и характер развития национально-освободительной борьбы в Южном Йемене, особенности формирования и идеологической эволюции руководящей политической организации, борьбу течений в ней, приведшей к победе сил, вставших на позиции научного социализма.

В начале 1980-х годов советскими арабистами на базе страноведческих исследований предпринята удачная попытка сравнительно-регионального анализа проблем социалистической ориентации, ее достижений и реальных трудностей в арабском мире в целом и в отдельных странах. Удалось полнее выявить как особенности социалистической ориентации в арабском мире, так и проблемы и противоречия социально-экономического развития, соотношение национализма, ислама и социализма в современном арабском мире, оценить жизнеспособность революционно-демократических режимов. Советские ученые выделяют влияние таких специфических и зачастую взаимосвязанных факторов, как ислам, национализм, арабо-израильский конфликт, нефтедоллары и усиление в этой связи позиций консервативных аравийских монархий. При этом обращается внимание на то, что на идеологию революционных демократов мелкобуржуазного толка воздействуют приверженность к частнокапиталистической собственности, традиционалистские представления о социальном равенстве и справедливости, религиозные и националистические предрассудки. Эти обстоятельства в условиях отсталости гражданского общества и активизации неоколониалистской экспансии дали преимущество не пролетариату и компартиям, а мелкобуржуазным националистам, что в значительной степени объясняет неустойчивость, колебания и непоследовательность ряда национально-демократических революций.

Активными усилиями советских востоковедов (и африканистов) в значительной мере преодолено серьезное отставание в изучении узловых проблем некапиталистического развития. Вместе с тем перед учеными еще стоят серьезные задачи, и в первую очередь — уточнение формационной сущности некапиталистических общественных процессов в освободившихся странах, особенности перерастания национально-демократических революций в антиимпериалистические, народно-демократические революции. Ждут своих исследователей такие проблемы, как формирование коалиционного политического лидерства в социальной революции, динамика политической культуры переходного общества. Особого внимания заслуживает проблема взаимодействия национального и интернационального в революционном движении народов освободившихся стран.

Проблемы общественной мысли и массового сознания. Для 1970-х и 1980-х годов характерен значительный рост числа работ по этой тематике. Стимулом к этому послужила сама историческая реальность, заставившая по-новому подойти к вопросу о соотношении экономических и внеэкономических, в частности идеологических и культурных, факторов в развитии освободившихся стран. Трагические последствия попыток правящих кругов ряда этих стран руководствоваться в своем политическом курсе теориями экономической и политической модернизации

---

[28] Наумкин В. В. Национальный фронт в борьбе за независимость и национальную демократию Южного Йемена. М. 1980.

подтвердили верность положения об относительной самостоятельности общественного сознания, о недопустимости пренебрежительного отношения к традициям, культурной сфере и идеологии. Важное место занимает разработка методологических принципов анализа общественного сознания развивающихся стран на основе углубленного изучения и развития — применительно к современным условиям — тех идей и положений, которые были высказаны Лениным по широкому кругу проблем национально-освободительного движения. Это чрезвычайно ответственная и, можно сказать, фундаментальная задача советского востоковедения.

Главным идейно-политическим феноменом современного Востока, как отмечается в подавляющем большинстве работ советских востоковедов, является национализм во всем разнообразии его социально-классовых и политических проявлений. Одной из основных линий исследования национализма была типологизация его проявлений и соответствующих им доктрин и концепций. Практически всеми исследователями признается ведущая роль такого национализма, который выражается в идее единства всех образующих данное общество социально-классовых, этнических и прочих групп. Вместе с тем важным направлением остается, условно говоря, вертикальный срез современного национализма: проблема соотношения национального и интернационального в идеологии национальной и революционной демократии. В настоящее время привлекает все большее внимание проблематика узколокальных национализмов, идейных течений, отражающих устремления национальных меньшинств, и их соотношения с идеологией государственного национализма.

Само понятие «государственный национализм», выделенное в коллективной монографии «Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока» (М. 1978), остается во многом еще дискуссионным для ряда советских ученых, считающих, что данный термин не дает отчетливого представления о социально-классовой сущности обозначенного этим термином явления. Высказываются довольно противоречивые суждения о степени эволюции националистической идеологии на современном Востоке вправо, о том, является ли национализм в настоящее время одним из главных препятствий для распространения идеологии научного социализма. Неоднозначно оценивается и общественная роль идеологии «третьего пути» развития в ее конкретных социально-классовых и национальных вариантах. Открытым остается вопрос о том, полностью ли исчерпаны прогрессивные возможности этой идеологии.

Диалектический подход к взаимодействию экономических и внеэкономических факторов в историческом развитии, свойственный марксистскому обществоведению, еще раз доказал свою плодотворность, когда наука столкнулась с проблемой т. н. традиционного бума в развивающихся странах, т. е. с активизацией в различных областях их общественно-политической и духовной жизни традиционных по своему происхождению структур, прежде всего религиозного характера. Поскольку особенно ярко это явление обнаружило себя в государствах, большинство населения которых исповедует ислам, разработка вопросов, касающихся взаимодействия традиционного и современного в общественном сознании народов Востока, роли в них культурного и религиозного наследия велась главным образом на материале т. н. мусульманских стран [29].

[29] Ионова А. И. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии (1945—1965). М. 1972; ее же. Ислам в Юго-Восточной Азии: проблемы современной идейной эволюции. М. 1981; Polonskaja L. R. The Traditional Forms of Outlook in the Ideological Situation in the Third World Countries. M. 1973; Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX—XX вв.). М. 1974; его же. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX—XX вв.). М.

Анализируя причины устойчивого воздействия ислама на общественные процессы в развивающихся странах, советские ученые выделили два рода факторов: вызванные к жизни особенностями экономического и политического развития восточного общества и связанные со спецификой историко-культурного функционирования этой религии, ее своеобразными чертами.

На Востоке создается социальная среда, которая особенно прочно держится за религиозные представления, нормы и институты. Как отмечают советские ученые, эту среду в основном формируют не только крестьянские низы, пауперы, полупролетариат, но и определенные слои рабочих, а также мелкобуржуазные и буржуазные круги. Религиозность большинства населения побуждает политических лидеров в поисках массовой поддержки прибегать к языку религии. Немаловажным фактором является и то, что религия в развивающихся странах рассматривается реакционными силами как главный барьер против растущего влияния коммунистических идей. Во многих странах религия «включается в качестве важной составной части в официальную идеологию. Да и там, где официально провозглашен секуляризм, религия продолжает играть большую роль в государственной политике» [30].

Выступая с критикой традиции, идущей от М. Вебера и выводящей все своеобразие общественного развития стран Востока из особенностей (по сравнению с христианством) его конфессиональных систем, советские востоковеды вместе с тем отнюдь не отрицают ни специфики религий Востока, ни их воздействия на общественные процессы в развивающихся странах. Ислам, индуизм и буддизм отождествляются с определенным образом жизни, социальными ориентациями, типом поведения, что, несомненно, сыграло свою роль в устойчивости религиозных форм сознания, институтов и отношений в развивающихся странах.

Одно из центральных мест в исследованиях советских востоковедов занимал вопрос о религиозном реформаторстве в новое и новейшее время, а также о появившихся приблизительно в последнее десятилетие т. н. возрожденческих, или неотрадиционалистских, течениях в индуизме и буддизме. Но буддологи и индологи в этом вопросе еще отстают от исламоведов: по сути дела, отсутствует типология идейных течений буддизма и индуизма; до сих пор нет крупной, серьезной работы по столь острой проблеме, как религиозно-общинная рознь в Индии; лишь намечены подходы к анализу вопросов, связанных с секуляризацией в Южной Азии.

Другим важнейшим направлением исследований общественной мысли в развивающихся странах явилась общая типологизация идейных течений современного Востока в соответствии с их социально-классовой ориентацией [31]. Советские востоковеды подчеркнули отражение в обще-

---

1982; Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М. 1978; Полонская Л. Р., Вафа А. Х. Восток: идеи и идеологи. Критика буржуазных и мелкобуржуазных концепций «третьего пути» развития. М. 1982; Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М. 1982; см. также сборники: Ислам: краткий справочник. М. 1983; Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М. 1983; Влияние «исламского фактора» на международные отношения в Азии и Северной Африке и политика Запада на современном этапе. М. 1985.

[30] Зарубежный Восток и современность. Т. 3, с. 165.

[31] Результаты работы в этом направлении отражены в коллективных трудах и сборниках: Зарубежный Восток и современность. Зарождение идеологии национально-освободительного движения. М. 1973; Борьба идей в современном мире. Т. 3. М. 1978; Место религий в идейно-политической борьбе развивающихся стран. М. 1978; XXV съезд КПСС и проблемы идеологической борьбы в странах Азии и Африки. М. 1979; Актуальные проблемы идеологии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. М. 1982; Идеология национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока. М. 1984; Эволюция восточных обществ: синтез современного и традиционного. М. 1984, а также в монографиях: Левин З. И. Развитие арабской общественной мысли. 1917—1945. М. 1979; его же. Развитие арабской общественной мысли

ственном сознании двух диалектически противоречивых, но тесно взаимосвязанных аспектов современного национально-освободительного движения — борьбы за национальное и социальное освобождение. Несмотря на усиление влияния научного социализма и широкое распространение революционно-демократических идей, преобладающее влияние в освободившихся странах сохраняют различные мелкобуржуазные и буржуазные националистические идейные течения.

Отмеченные выше проблемы находятся также в центре немарксистского востоковедения, представленного национальными историческими школами стран Азии и Африки, исследованиями западных ученых, принадлежащих как к школам традиционного востоковедения, так и к различным направлениям социологии, политологии, культурологии. Примером теоретической несостоятельности буржуазного обществоведения является такой факт, как резкое возрастание в конце 1970-х — начале 1980-х годов общественно-политической роли ислама. «Исламский фактор» застал врасплох ученых США и Западной Европы. Неожиданным для буржуазных исследователей оказалось и резкое усиление антизападной направленности идеологий и представлений широких народных масс развивающихся стран, «почвеннические», неотрадиционалистские установки интеллигенции; сокращение влияния буржуазных идей и более широкое распространение идейных течений, испытавших на себе явное влияние марксизма.

Эти процессы побудили обществоведов из развитых капиталистических стран обратиться к более пристальному изучению истории и современного состояния общественного сознания в странах Востока. Плодом этого пересмотра является, например, концепция идеологического плюрализма, состоящая в декларируемом признании права народов развивающихся обществ на «многообразие в идеологическом и философском плане». Политический смысл ее состоит в том, чтобы использовать «ретрадиционализацию» в духовной сфере против возрастающего влияния антиимпериалистических и социалистических идей. Необходимость в новых формах идейного давления на освободившиеся страны привела к выдвижению концепции глобальной «взаимозависимости» развитых и развивающихся стран, в том числе и в культурно-идеологической и научно-информационных сферах.

Что же касается ученых развивающихся стран, то наблюдаемое в их работах повышение внимания к сфере духовной жизни, идеологии и культуры объясняется прежде всего сложностями и противоречиями, порожденными в их собственных странах процессами обновления различных сторон общественной жизни. Трудности, переживаемые многими молодыми государствами, нарастающее разочарование в «идеологии развития» побуждают ученых развивающихся стран к разработке концепций, подчеркивающих и прославляющих специфику историко-культурного развития своего региона, к созданию эклектических футурологических моделей, примыкающих или служащих основанием идеологии «третьего пути».

На гуманитарные исследования за рубежом все большее влияние оказывает методология марксизма-ленинизма. Среди известных обществоведов, философов и публицистов, стоящих на революционно-демократических или непосредственно марксистско-ленинских методологических позициях, есть индийские, арабские, таиландские и многие другие исследователи. Приблизительно к середине 70-х годов сформировалось и леворадикальное направление в изучении идейно-политической и куль-

---

(о некоторых немарксистских течениях после второй мировой войны). М. 1984; Хорос В. Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М. 1980; Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М. 1982.

турологической проблематики развивающихся стран. Это направление в западном обществознании во многом сходно по своей проблематике и теоретическим позициям с революционно-демократической наукой в развивающихся странах. Представителями этого направления в западной науке являются прогрессивные ученые Д. Хиро, Д. Селбурн, Ф. Э. Кардозо и др.

Перечисленные основные зарубежные направления исследования общественной мысли в реальной жизни четко не отделены друг от друга. Примерами могут служить появившиеся в связи с юбилеем Кемаля Ататюрка многочисленные работы «левых кемалистов» — Н. Мумджу, А. Авджиоглу и др.[32]. Последовательно антиимпериалистические установки, апелляция к работам В. И. Ленина по вопросам национально-освободительных движений, элементы классового подхода сочетаются в них с идеализацией личности и деятельности Ататюрка. Таким же противоречивым сочетанием подходов отмечены попытки «интегрировать» марксизм и гандизм [33].

В неоколониалистском потоке преобладают исследования авторов из развитых капиталистических стран, прежде всего США. Однако массированный идеологический прессинг вовлекает в сферу прозападной ориентации некоторых ученых и из стран Азии. То же можно сказать и о исследованиях, выдвигающих идеи и концепции востокоцентристского, националистического характера. При абсолютном преобладании среди них работ ученых развивающихся стран встречаются и сочинения представителей западной востоковедной науки, главным образом последователей антивеберовского направления академического востоковедения, склонных к известному преувеличению роли духовных ценностей и религии в общественном развитии стран Востока, отстаивающих особую ценность восточных религий, в том числе и для социального прогресса. Примером такого подхода являются работы Т. Линга, а также книги известного католического обществоведа Э. Шумахера, в которых была разработана модель «буддийской экономики» [34]. Такого рода работы с большим одобрением встречаются во многих развивающихся странах, главы из них перепечатываются местной прессой. К западным «востокоцентристам» следует отнести и сформировавшуюся в 1970-е годы довольно заметную группу ученых-религиоведов, философов, футурологов, на умонастроение которых повлияло массовое увлечение интеллигенции развитых капиталистических стран религиозно-философским и культурным опытом Востока. Общий пафос их трудов заключается в надежде на «наведение мостов» между современной европейской цивилизацией и «восточной духовностью». В исследованиях леворадикального направления научные школы развитых и развивающихся стран представлены примерно в равной степени.

Все в большей степени приобретают национально-индивидуальный облик и молодые обществоведческие школы самих развивающихся стран. Мировое признание получили, например, социологическая и культурологическая школы Индии, представители которых активно разрабатывают проблемы социокультурной модернизации, роли и места в общественном сознании традиционных мировоззренческих форм и духовного наследия не только на материалах своей, но и ряда других стран. Социологический подход к проблемам духовной сферы можно

---

[32] Ataturk: Founder of a Modern State. Lnd. 1981.

[33] Charles K. Total Development. Essays Towards an Integration of Marxian and Gandhian Perspectives. New Delhi. 1983.

[34] Ling T. Buddha: Buddhist Civilization in India and Ceylon. Lnd. 1973; ejusd. Buddhist Revival in India: Aspects of Sociology of Buddhism. N. Y. 1980; Schumacher E. The Age of Plenty. Edinburgh. 1974; ejusd. Small is Beautiful: a Study of Economies as a People Mattered. Lnd. 1975.

считать в настоящее время характерной чертой индийского, а также и турецкого обществознания, в то время как для арабских исследователей в большей мере свойственны историко-ретроспективные принципы анализа общественной мысли и культуры стран «исламского региона».

1970-е годы характерны тем, что отошли в прошлое концепции, однозначно противопоставляющие роль традиционных и современных форм духовной жизни в общественном развитии стран Азии и Африки. Общепризнанным в зарубежном востоковедении стал тезис о том, что модернизация общества не всегда означает его секуляризацию, а в ряде случае, напротив, усиливает традиционалистское мировоззрение[35]. Все чаще указывается, что необходимо более строгое определение самого понятия «секуляризация», которое по-прежнему основано в своих теоретических посылках на историческом опыте Запада. По сути дела, авторы (как западные, так и из развивающихся стран) единодушны в том, что традиционные формы мировоззрения, прежде всего религиозные, оказывают и будут оказывать в ближайшем будущем существенное влияние на политическую и социальную реальность стран Востока.

Наряду с такого рода интерпретациями появилось большое количество исследований, принадлежащих к различным национальным школам, авторы которых, испытав на себе определенное влияние марксистской теории, ищут реальные факторы, приведшие к активизации роли ислама, сикхизма и других религий в политической жизни развивающихся стран. В этих исследованиях обращается внимание на социальные и социально-психологические последствия капиталистической модернизации на Востоке, на втягивание традиционных слоев населения в современный сектор и в политическую деятельность. Во многих работах рост традиционализма рассматривается как социокультурная реакция на культурный империализм, стремление сохранить национальную самобытность, наследие некогда славных цивилизаций.

Все упомянутые концепции страдают в той или иной мере тем, что игнорируют фундаментальную основу нынешнего «бума», своего рода «взрыва» традиционализма на Востоке. Дело в том, что постколониальная модернизация развивающихся стран поставила огромное большинство их населения в крайне тяжелое положение. Современный сектор производства, быстро разрушая традиционные его отрасли, интенсифицирует процесс выталкивания огромной массы населения из их сфер, не создавая адекватных возможностей его интеграции в новые сферы производственной жизни. Для этого населения капиталистическая модернизация — зло, причем общенациональное, ввергнувшее массы в нищету и безысходное положение. Именно в таких условиях набирает силу и темпы рост традиционализма как следствие массовой апелляции к традиционным ценностям, особенно к религии.

Во многих работах западных социологов большое внимание уделяется выявлению социальной базы политических движений, ведущихся под религиозными лозунгами. По их мнению, состав участников этих движений значительно изменился по сравнению с предшествующим периодом. Большую их часть в настоящее время составляют лица, получившие современное образование,— представители низших и средних слоев «среднего класса», рабочие современного сектора, к которым «на вторых ролях» присоединяются традиционные социальные группы (мелкие торговцы, ремесленники, духовенство), чей статус оказался подорванным в результате модернизации[36]. Доказывая в этом плане подчинен-

---

[35] Wilbert G. K., Gameson K. K. Religious Values and Social Limits to Development.— World Development, 1980, vol. 8, № 7—8.

[36] Dessonhi A. The Islamic Resurgence: Sources, Dynamics and Implications. In: Islamic Resurgence in Arab World. N. Y. 1982.

ную роль духовенства, зарубежные исследователи обращают внимание на то, что в подавляющем большинстве стран религиозные лидеры — знатоки и хранители религиозной традиции — практически полностью отстранены от выработки правительственного курса, причем даже там, где религия объявлена основой государственной идеологии и общественно-политической жизни (напр., в Пакистане и Таиланде). Аналогично ведущиеся под религиозными лозунгами оппозиционные политические движения возглавляются главным образом не улемами или бхикку, а общественными либо политическими деятелями — выходцами из средних городских слоев.

Анализ современных идейных течений, апеллирующих к религии, приводит большинство исследователей к выводу о том, что выдвигаемые ими лозунги «ретрадиционализации», как правило, отнюдь не означают отказа от модернизации как таковой, однако ставят задачу ее осуществления по «восточным» — исламской или буддийской — моделям. Так, получившая широкое распространение во многих мусульманских странах концепция «исламской экономики», которой посвящены сотни работ, представляет собой, по сути дела, попытку использовать ценности религиозного традиционализма в интересах социально-экономической модернизации.

Столь же разноречивы, как и оценки религиозного фактора, позиции зарубежных исследователей в отношении идеологии «третьего пути» развития. Анализ идеологических программ «модернизации без вестернизации» приводит большинство западных авторов к выводу об их утопичности. Лучшими альтернативами «третьему пути», по мнению западных социологов, являются либо возвращение к либеральному национализму, либо «синтез традиции и современности» по японскому образцу. Их оппоненты, чаще всего из числа авторов, стоящих на позициях национальной буржуазии развивающихся стран, отстаивают идеологию «третьего пути», ссылаясь на то, что в современных условиях она единственный путь к массовому сознанию. И марксизм, и либерализм классического образца они полагают равно неприемлемыми для стран современного Востока в силу того, что обе идейные системы основаны якобы на излишнем рационализме, абсолютизации материальных аспектов и ценностей жизни, на подчиненной роли этики и социокультурных нормативов.

В работах авторов этого направления официальные разновидности идеологии «третьего пути» рассматриваются как комплексы, состоящие из той или иной разновидности «демократической экономики», положения о единстве власти, государства и народа, популизма, идей национального консенсуса и социального компромисса, религиозных традиций (или секуляризма, который, однако, тоже понимается при этом как компонент историко-культурного наследия). Леворадикальные авторы, анализируя природу концепций «третьего пути» развития, подчеркивают, что их формирование связано с разочарованием в итогах проводимой по западному образцу модернизации и с особой ролью государства в развивающихся странах. «Надклассовый» характер, приписываемый идеологии «третьего пути» ее создателями, рассматривается леворадикальными авторами как идеологический камуфляж.

«Религиозный бум» 70-х — первой половины 80-х годов несколько оттеснил на второй план вопросы светского национализма, игравшего ведущую роль в идейных течениях развивающихся стран в 1950—1960-е годы. Определенный спад значения светского панарабизма в 70-х годах, серия внутриполитических кризисов в государствах, официальной идеологией которых являлся светский государственный национализм, дали основание западным политологам говорить о деградации собственно националистического идеала на современном Востоке. Пре-

обладающим вариантом объяснения «заката» национализма являются концепции, утверждающие, что национализм в условиях колониального развития был «романтическим», «незрелым», ибо возник не как форма самосознания сформировавшихся наций, а как эмоционально-политическая реакция на иноземное владычество [37]. Вот почему его мобилизующий потенциал был исчерпан в период национально-освободительного движения и в первые десятилетия существования независимых государств. Эрозия националистического сознания отмечается также и авторами леворадикального направления, однако причины ее они усматривают в обострении классовых антагонизмов, в эволюции политической ориентации тех режимов, которые переходят от конфронтации с империализмом к тем или иным формам «сотрудничества» с ним.

Важным направлением исследований более частного характера являются анализ и оценка эволюции политико-идеологических ориентаций и мировоззренческих установок различных социальных слоев и категорий населения развивающихся стран. Работы по этой теме строятся главным образом на базе эмпирико-социологических исследований. Однако если в 60-е — первой половине 70-х годов преимущественное внимание социологов направлялось на политические ориентации и идеологию ориентирующихся на Запад слоев общества, которым прямо или имплицитно противопоставлялись традиционалистски настроенные слои как пассивные объекты проводимой модернизации, то к 70-м — началу 80-х годов такое жесткое противопоставление в целом из научной литературы исчезает. Для зарубежных ученых в настоящее время уже не подлежит сомнению, что без учета особенностей массового сознания и господствующей системы ценностей попытки модернизации «сверху», усилиями главным образом политической элиты, обречены на неудачу или, во всяком случае, весьма рискованны.

Как следствие в зарубежном востоковедении появилось значительное количество работ, посвященных особенностям массового сознания и возможностям воздействия на него со стороны господствующих идеологий. В работах американских социологов при этом довольно отчетливо прослеживается тенденциозность, состоящая в преувеличении антикоммунистических настроений среди низших категорий городского общества.

Спектр существующих и взаимно борющихся точек зрения на некоторые проблемы новой и новейшей истории Азии и Африки весьма широк. За борьбой концепций стоят принципиально противоположные позиции империализма и национально-освободительного движения, социализма и капитализма. Выработка научной, адекватной исторической действительности марксистской концепции по всем вопросам новой и новейшей истории афро-азиатских стран является не только научной, но и политической задачей.

---

[37] Piscolli C. P. The Advent of Ideology in the Islamic Middle East.— Studia Islamics, 1982, № 55.

ТЕОРИЯ «АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ США

И. П. Дементьев

Главным содержанием истории США, как и многих других государств в новое время, является развитие капитализма и буржуазного общества. Исторически сложилось так, что для этого в США имелись очень благоприятные условия: отсутствие феодализма как системы, победа в войне за независимость 1775—1783 гг.; географическое положение и огромные нетронутые богатства целого материка. В результате экспансии территория США за 1776—1900 гг. увеличилась в 10 раз. «Свободная» земля явилась предпосылкой для победы демократического пути развития капитализма в сельском хозяйстве и создала базу для развития капитализма «вглубь», вылившегося в стремительный рост промышленности в конце XIX века. Европа выбрасывала в Новый Свет миллионы и миллионы деятельного населения, создававшего богатства Америки. Две кровопролитные мировые войны обогатили США, способствовали усилению их позиций в капиталистическом мире. Эти и многие другие особенности истории США придают ей большое своеобразие и помогают уяснению в прошлом и настоящем истоков многих важных явлений: силы американского капитализма на протяжении длительного периода, относительной слабости рабочего и социалистического движения в США, а также отдельных черт национального характера американцев.

В то же время особенности экономического, социального и политического развития США, истолкованные превратно, с позиций буржуазной апологетики и национального шовинизма, вылились в теорию «исключительности», обосновывавшую «уникальность» исторического опыта США, «идеальность» американских общественно-политических институтов как образцов для подражания, а в конечном счете «неподвластность» американского капитализма общим закономерностям его развития. Теория «исключительности» изменялась на протяжении поколений, наполнялась различным содержанием в сознании разных слоев американского общества, но всегда являлась важнейшим элементом американского буржуазного сознания. Она получила четкое отражение в буржуазной историографии на всем пути ее развития — от колониального времени до наших дней [1].

Зерна идей об «исключительности Америки» начали зарождаться еще с ее открытием и нередко как мечта простых людей о земле, свободной от эксплуатации, стране, где царят гармония и счастье, являясь составной частью социальной утопии — легенды о «золотом веке». В 1516 г. Томас Мор поместил идеальное государство на месте только

[1] В настоящей статье анализируются теории «исключительности» в основном с точки зрения внутренней истории США; проблемы трактовки в буржуазной историографии внешнеполитической «исключительности» США являются предметом отдельного рассмотрения.

что открытой Америки, дав пример для длинного ряда подражаний. Ж.-Ж. Руссо и его последователи также видели в Америке поле для воплощения в жизнь «естественных законов». Идея «исключительности» стала частью миропонимания европейских поселенцев в Америке. Иммигранты, покидавшие Европу, отправлялись за океан не только в надежде на лучшую жизнь, но зачастую движимые стремлением создать «новое общество», не похожее на европейское, свободное от пут феодализма. Само название «Новый Свет» (как антитеза «Старому Свету») стало символом: в нем слились жажда вчерашнего европейского крестьянина укрепиться на земле, стремление мастерового получить более высокий заработок, намерение гонимого пуританина воплотить на новой земле свои проекты «града божьего».

В колониальный период Америка рассматривалась как прибежище гонимых за «истинную веру», протестантизм. В то время доминировала теологическая трактовка американской «исключительности». Хроники и мемуары губернатора Нового Плимута У. Бредфорда, первого губернатора колонии Массачусетского залива Дж. Уинтропа [2] и др. не были просто рассказом о трудных годах существования колоний, а преследовали цель показать, что действия поселенцев направлялись божьим промыслом. Идея «избранности» гносеологически была связана с кальвинистским учением о предопределении, занимавшем центральное место в пуританской идеологии. Вместе с тем пуритане-хронисты пытались осмыслить свое место в истории сквозь призму Ветхого завета. Они проводили прямую аналогию между переселением из погрязшей в пороках Англии в Америку и легендарным исходом израильтян из Египта [3]. Америка представлялась местом, специально избранным богом для создания «Нового Сиона». «Мы должны иметь в виду, что будем подобны городу на холме, и глаза всех будут устремлены на нас» [4],— внушал своим единомышленникам — участникам третьей экспедиции англичан в Массачусетскую бухту в 1630 г. на борту флагманского корабля «Арабелла» глава экспедиции Дж. Уинтроп в проповеди «Образец христианского милосердия».

Мировоззрение американских просветителей, сформировавшееся в условиях борьбы за независимость и национальное единство, существенно изменило отношение к идее «исключительности». Б. Франклин, Т. Джефферсон, Т. Пейн порвали с теологическими концепциями авторов хроник и мемуаров. Отправляясь в своих построениях от абстрактного «естественного человека», они видели движущие силы исторического развития для всех народов мира в росте просвещения, прогрессе знаний и морали. Вместе с тем представления просветителей о путях будущего развития Америки включали и идеи об особом ее пути. Наличие «свободных» земель порождало иллюзии о возможности избавить Новый Свет от наемного труда или по крайней мере от дурных сторон капитализма. «Свободные» земли казались неисчерпаемыми, и многие просветители выражали убеждение, что в США каждый сможет осуществить «естественное право» на землю, где собственность будет распределена равномерно, а всеобщее благополучие обеспечено на много столетий вперед. Этих мыслей не был чужд Франклин, они нашли воплощение в сочинениях американского писателя Ж. Кревекера, увидевшего в Северной Америке воплощение руссоистской утопии. Подобные идеи разделял молодой Джефферсон. Будущая Америка мыслилась им как

---

[2] Bradford W. The History of Plymouth Plantation, 1620—1647. Boston. 1896; Winthrop J. The History of New England from 1630 to 1649. Vols. 1—2. Boston. 1825—1826.

[3] См. Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М. 1981, с. 157—158.

[4] Winthrop Papers. Vols. I—V. Vol. II. N. Y. 1968, p. 295.

фермерская республика, в которой процветают гражданские добродетели. Идея об американцах как об избранном народе получила выражение в его первом президентском послании 1801 года[5]. Впрочем, Джефферсон-президент был куда умереннее Джефферсона-просветителя.

С завоеванием независимости вера в «особую судьбу» Америки получила еще большее распространение. Социально-экономическое развитие США в первой половине XIX в. оставляло почву для утопических теорий о некапиталистическом пути. Развитие капитализма в старой части, на Востоке сопровождалось колонизацией Запада. Первый процесс, указывал В. И. Ленин, выражает дальнейшее развитие сложившихся капиталистических отношений; второй — распространение их на новой территории. Первый процесс означает развитие капитализма вглубь, второй — вширь. Ленин диалектически рассматривал взаимодействие этих двух тенденций: «Развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории задерживается вследствии колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствии того, что капитализм легко может развизаться вширь»[6]. Эти мысли Ленина чрезвычайно важны для понимания влияния «свободных» земель на различные стороны социального и идейного развития США.

«Свободные» земли в условиях недостаточно развитых капиталистических отношений замедляли тенденцию к экспроприации ферм, позволяли части фермеров и отдельным группам рабочих переселиться на Запад и задержаться на прежнем социальном уровне. Развитие капитализма вширь некоторое время тормозило обострение противоречий между трудом и капиталом. Колонизация Запада порождала мелкобуржуазные иллюзии и стремления не только среди фермерства, но и в рабочем классе («каждому рабочему — ферма»), вела к распространению различного рода аграрных утопий. Последние особенно рельефно выразили национал-реформаторы 40-х годов XIX в.— Д. Эванс, Г. Криге и др. Они требовали открыть доступ к «свободным» землям, раздавать их бесплатно всем нуждающимся и неимущим. Эванс считал, что эта мера явится панацеей от всех зол капитализма. Аграрная реформа освободит рабочих от гнета капитала. Часть их обзаведется хозяйством на земле, а оставшимся на Востоке предприниматели повысят заработную плату, чтобы удержать от переселения на Запад.

Таким образом, рост буржуазных отношений в США в первой половине XIX в., проходивший в немалой мере под знаком фермерских идеалов, делал идеи уникальности американского общества чрезвычайно популярными в стране. Неприязнь к Старому Свету цементировала их. Существовали и другие факторы, действовавшие в том же направлении. В первой половине XIX в. США являлись единственной в мире крупной буржуазной республикой. Здесь в течение долгого времени отсутствовала сильная бюрократическая машина. Эти и другие особенности политического развития также способствовали распространению иллюзий о коренном отличии американского государства от европейских.

Религиозная апологетика «исключительности» пережила колониальное время, но начиная с войны за независимость на передний план выдвигается концепция политической «исключительности» США. Само создание республики в Северной Америке рассматривалось не столько как антифеодальная, сколько как антиевропейская революция. Мессианизм был на устах у первых президентов США. Дж. Вашингтон, вступая на пост президента в 1789 г., говорил об «эксперименте, вверенном

---

[5] The Complete Jefferson. N. Y. 1943, p. 678; Compilation of Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897. Vol. I. Washington. 1896, p. 323; см. также послание Т. Джефферсона 1805 г. (ibid., p. 382).

[6] Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 595—596.

американскому народу». Второй президент, Дж. Адамс, усматривал в заселении североамериканского континента воплощение «грандиозного божественного замысла»[7]. С самого начала эта тенденция «американской исключительности» сопровождалась канонизацией «отцов — основателей» США.

Французский политик и историк А. де Токвиль, посетивший США в начале 30-х годов XIX в., с иронией отметил, как легко патриотизм американцев, гордость за свои социальные и политические установления, переходят в убежденность в превосходстве. Он писал: «Американцы в своих отношениях с иностранцами не выносят, по-видимому, ни малейшего осуждения и в то же время ненасытны к похвалам... Они преследуют вас на каждом шагу, чтобы вызвать вашу похвалу, и если вы не противитесь их настойчивости, то они хвалят себя сами»[8].

В атмосфере националистической эйфории тема «избранности» американского народа получила дальнейшее развитие в работах историков господствовавшего в первой половине XIX в. романтического течения и преломилась в поэтизации борьбы за независимость, гипертрофии своеобразия национального развития, переставшей в доктрину об «особой миссии» американского народа. Видный деятель демократической партии и приверженец «джексоновской демократии», ведущий историк романтического направления, основатель «ранней школы» Дж. Бэнкрофт впервые нарисовал не разрозненную историю отдельных североамериканских колоний, а картину развития всей американской нации[9]. Он рассматривал исторический процесс с позиций либерального романтизма, как неуклонное движение к свободе. Всемирную историю он делил на ряд фаз в зависимости от степени развития идей свободы: первая длилась от сотворения мира до Сократа, вторая — от древних Афин до появления христианства, третья — от возникновения христианства до начала борьбы североамериканских колоний за независимость. Эти этапы, однако, являлись по словам Бэнкрофта, лишь прологом к более славной эре, открываемой американской революцией.

В своем труде Бэнкрофт воскресил мифы времен «отцов-пилигримов» о странствиях «избранного народа», о его борьбе за освобождение из «европейского ада», о поселении на обетованной американской земле, где «требования времени реализовались под знаком созидающих сил разума, чувства и естества, политическое сооружение вырастало удивительно пропорционально, как мелодия, лившаяся из лиры». Тональность труда Бэнкрофта была такова, что борьба первых поселенцев за существование изображалась как торжество высших идеалов, как крестовый поход за демократические свободы, т. е. в конечном счете подчеркивалась идея «особого» исторического пути американского народа[10]. Романтизировав американскую революцию, Бэнкрофт не ограничился противопоставлением республиканской Америки монархической Англии. Он поставил США во главе мирового прогресса, утверждая, что здесь осуществлены на практике идеалы свободы, счастья и «равенства прав человека». Бэнкрофт не принимал в расчет даже рабовладения, считая его «небольшим пятнышком» на лучезарном небосклоне республики. С другой стороны, он был убежден, что «наша республика учит Европу» и даже о революции 1848 г. в Европе говорил как об «эхе американской демократии, которое раздается теперь из Франции и других стран»[11].

---

[7] Compilation of Messages and Papers of the Presidents. Vol. 1, p. 53; Curty M. The Growth of American Thought. N. Y. 1943, p. 49.

[8] Токвиль А. О демократии в Америке. М. 1897, с. 495—496.

[9] Bancroft G. History of the United States. Vols. I—X. Boston. 1834—1874.

[10] Ibid. Vol. I, p. VI; vol. II, pp. 453, 454; vol. III, p. 4.

[11] Howe M. A. de W. The Life and Letters of George Bancroft. Vol. 2. N. Y. 1908, pp. 31, 33.

Представление о США как о республике, чье влияние способствует распространению во всем мире свободы и справедливости, прочно укрепившееся в сознании многих американцев, возможно, первоначально не выходило за рамки обычного буржуазного национализма. Однако последний вскоре выродился в экспансионистскую догму об особом «долге» США. Она получила особенно четкое выражение в доктрине «предопределения судьбы» (Manifest Destiny), выдвинутой в 1840-х годах, сущностью которой было утверждение, что судьба Соединенных Штатов предопределена и им суждено быть реформатором и нести особую миссию в мир. Эта доктрина, ядром которой являлась теория «американской исключительности», стала символом внешнеполитической экспансии США [12].

В конце XIX — начале XX в. еще сохранялся ряд факторов, чрезвычайно благоприятных для развития американского капитализма. Гражданская война 1861—1865 гг. отменила рабство, обеспечив бурное промышленное развитие. Однако с вступлением в эпоху империализма и утверждением всевластия монополий теория «уникальности» американского исторического развития (в смысле его превосходства над европейским) все более теряла почву. Финансовая олигархия, коррупция в государственном аппарате и поднимавший голову милитаризм — все это делало Новый Свет очень похожим на Старый. Но прежние идеи продолжали жить. В массах американского народа, выступавших против вопиющих социальных несправедливостей, еще сохранялась как пережиток прошедшей эпохи наивная вера в «исключительность» его национальной судьбы. И тем не менее эта отчасти демократическая по своему происхождению идеология превращалась в апологетическую.

В американской историографии конца XIX века получили новую окраску и аргументацию идеи «исключительности». После гражданской войны наступил упадок школы Бэнкрофта. Возникли новые острые и сложные социальные проблемы, для решения которых теософия была слишком слабой опорой. Вместе с тем на общественную мысль оказали влияние успехи естественных наук и их методы научного исследования. Главные направления американской историографии испытали в той или иной мере воздействие европейской исторической мысли и особенно позитивистской философии. Ядром сформировавшейся в США в последней четверти XIX в. англосаксонской школы, сводившей «социальную эволюцию» к развитию политических учреждений, стали те американские историки, которые получили образование в университетах Германии и Англии. Они заимствовали там не только более совершенную методику работ с источниками, но подчас и шовинистические исторические идеи и концепции.

Историки этой школы утверждали, что народы англосаксонского происхождения создали совершенные конституционные учреждения, сочетающие принципы индивидуализма и сильную государственную власть, местное самоуправление и федерализм. Англосаксы, заявляли они, перенесли тевтонское политическое наследие в V в. в Англию, а английские колонисты-пуритане в XVII в.— в Северную Америку. Выясняя генеалогию американских политических институтов, они находили в колониальной Америке звенья, связывающие их с древнегерманской племенной организацией. Центром нового направления стал университет Джонса Гопкинса (Балтимор), а его энергичным пропагандистом — Герберт Б. Адамс [13].

---

[12] Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М. 1976, с. 38—43.

[13] Adams H. B. Saxon Tithing-Men in America.— Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science, 1883; e j u s d. The Germanic Origin of New England Towns.— Ibid.

Подобные идеи развивали и другие историки англосаксонской школы. Особой известностью пользовались работы Дж. Фиске, писавшего: «В самом глубоком и широком смысле слова американская история началась не с Декларации независимости и даже не с основания Джеймстауна или Плимута. Она в своем происхождении восходит к тем дням, когда отважный Арминий в лесах Северной Германии разбил легионы Римской империи» [14]. Рассматривая городское самоуправление колониальной Америки, формирование городских ассамблей, образование федерации провинциальных ассамблей и т. д. в духе «сравнительной политики», Фиске видел корни этих учреждений в фолькмоте (сходке жителей поселения) и принципе представительства у древних германцев. Он старался доказать, что на американской земле шло дальнейшее развитие и совершенствование англосаксонских политических принципов. Сочетание централизации и автономии, положенных в основу конституции 1787 г., сделало США, согласно Фиске, примером для всех стран мира.

Обращение историков англосаксонской школы к германистской теории и «сравнительной политике» было продиктовано стремлением найти более убедительное обоснование «исключительности» конституционных учреждений США, нежели выдвинутое школой Бэнкрофта. По ироническому замечанию американского исследователя Э. Сэвета, «место рождения американских конституционных свобод было перенесено из кают «Мейфлауэра» в леса Германии, и примитивные тевтоны разделили с отцами-пилигримами честь быть основателями институтов Новой Англии» [15]. Многие историки англосаксонской школы не остановились на этом и провозгласили «право» и «обязанность» США распространить свои «совершенные» конституционные учреждения за пределы страны. Эти идеи вместе с традициями американского экспансионизма стали составной частью империалистической идеологии, складывавшейся в Соединенных Штатах на рубеже XIX—XX веков [16].

Новый поворот теории «американской исключительности» дал буржуазный экономизм, набравший силу в историографии США к началу XX века. Экономическое направление выступило в период, когда перед лицом серьезных социальных потрясений, роста рабочего и антимонополистического движения утрачивали свою убедительность и общественную значимость концепции, сводившие исторический процесс преимущественно к политической истории. Общественная ориентация буржуазного экономизма в общем соответствовала задачам буржуазного реформизма. В новых условиях часть буржуазных идеологов и ученых стремилась более пристально вглядеться в материальные основы возмущения масс, найти средства смягчения классовых конфликтов. Внутреннее развитие исторической науки также способствовало постановке социально-экономической проблематики. Накопленный в этой сфере материал требовал осмысления. Историки экономического направления дали в своих трудах плодотворную постановку отдельных проблем, их деятельность способствовала разработке социально-экономических сюжетов, роли социальных конфликтов в истории США. Однако историки-«экономисты» остались далеки от научного понимания общественно-экономических процессов; они не проанализировали американскую историю с точки зрения становления и развития капиталистической формации; классовое деление подменяли классификацией людей по отраслям хозяйства, «экономическим группам».

---

[14] Fiske J. American Political Ideas. N. Y. 1885, p. 7.

[15] Saveth E. N. Race and Nationalism in American Historiography. The Late Nineteenth Century.— Political Science Quarterly, September 1939, p. 421.

[16] См. подробнее: Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М. 1973.

Влияние историков экономического направления на теорию «американской исключительности» неоднозначно. Одни из них абсолютизировали особенности экономического развития США и попытались дополнить теорию «исключительности» экономической аргументацией. Другие отмечали сходные черты социально-экономического развития стран Европы и Америки и дали, пусть ограниченную, критику апологетической доктрины.

Первую из отмеченных тенденций ярко представляет теория «границ» [17], выдвинутая одним из зачинателей экономического направления Ф. Тернером [18]. В начале своей научной карьеры он разделял взгляды англосаксонской школы. В дальнейшем, однако, он отверг теорию древнегерманского происхождения политической системы США и выдвинул идею определяющего значения в истории США колонизации Запада. В известном адресе «О значении границы в американской истории», зачитанном на заседании Американской исторической ассоциации в 1893 г., он утверждал: «Вплоть до наших дней история Америки является в значительной степени историей колонизации Великого Запада. Существование пространства свободной земли, его постепенное сокращение и продвижение населенной полосы на Запад объясняют американское развитие» [19].

В противоположность концепциям, рассматривающим историю США как естественное продолжение европейской, Тернер проводил мысль, что американская история — это прежде всего продукт условий Нового Света; последовательное продвижение «границы» на Запад определило, по его мнению, основные черты характера американского народа и его общественно-политические институты. Стержнем концепции Тернера являлась идея об особой роли «свободных» земель на Западе. «Граница» в его изображении выступает как антитеза цивилизации и символ омоложения нации. Вместе с тем Тернер дает свою трактовку социальной сути «границы». «Свободная земля,— писал он,— обеспечивала установление равенства среди западных поселенцев и препятствовала аристократическому влиянию Востока. Там, где каждый мог иметь ферму, взять ее почти в готовом виде, легко достигалось экономическое равенство, которое влекло за собой равенство политическое» [20]. Другое важнейшее следствие «границы», по Тернеру,— американская демократия, которая, по его мнению, «не была привезена в Виргинию на «Сара Констант» или в Плимут на «Мэйфлауэре». Она вышла из американского леса и черпала каждый раз новую силу в соприкосновении с границей» [21]. Выводя политическую демократию из хрупкого и недолговечного социального равенства, будто бы существовавшего на границе, Тернер утверждал, что американская демократия «резко отличается от усилий Европы создать искусственную демократию посредством законодательства» [22].

Демократический строй, устанавливающийся на «границе», затем распространяется, согласно Тернеру, по всем ячейкам «развитого обще-

---

[17] «Границей» (frontier) в Америке называли передовую черту белых поселений, образовавшуюся в ходе колонизации Запада.

[18] См.: Ефимов А. В. Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф. Д. Тернера.— Вопросы философии, 1956, № 5; Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США (критический анализ концепции Ф. Тернера).— Вопросы истории (далее — ВИ), 1962, № 9; его же. О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США.— Новая и новейшая история (далее — ННИ), 1970, № 4; Дементьев И. П. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М. 1963, с. 158—167; его же. Идейная борьба в США по вопросам экспансии, с. 102—108.

[19] Turner F. J. The Frontier in American History. N. Y. 1920, p. 1.

[20] Ibid., p. 212.

[21] Ibid., p. 293.

[22] Ibid., p. 266.

ства», обновляя и возрождая демократию на Востоке. «Граница» воздействует в двух планах. С одной стороны, под влиянием окружающей среды, социальных и географических условий на «границе» отмирают и трансформируются старые политические идеи, принесенные с Востока. С другой, «свободная» земля влияет на общественные отношения на Востоке как «предохранительный клапан»: «лишние люди» уходят с восточного побережья США на Запад. «Кто бы стал сносить угнетенное положение, когда на Западе он мог участвовать в создании общества по своему идеалу?» [23]. Постепенно, однако, общественные отношения на «границе» усложняются, с Востока к ней подступает «цивилизация». Развитие капитализма подрывает социальное равенство на «границе», сметает девственные леса, разрушает примитивный хозяйственный быт, размывая тем самым почву под демократией. Но «граница» не умирает, а передвигается на Запад, и на новом месте, на незаселенной «свободной земле», восстанавливается социальное равновесие и основные идеалы пионеров: индивидуализм, демократия, национализм и экспансионизм. Тернер воспевал «агрессивную бодрость пионера», «топор и винчестер» как символы завоевания [24].

Итак, «граница», по Тернеру, исцеляла США от экономических, социальных и политических недугов, выковывая совершенно особенный, американский образ жизни. Он построил свою схему, когда отзвуки трехвековой колонизации Запада еще чувствовались в общественной атмосфере, в быту, в нравах, в литературе. Он завершил длительную традицию, согласно которой «свободные» земли рассматривались как спасительное средство от зол капитализма, условие гармонии в социальных отношениях. Отмечая характер идей, на которые опирался Тернер, Ч. Бирд много лет спустя назвал его выразителем «аграрных традиций» в американской истории.

В 1862 г. требование аграрной реформы, единодушно поддержанное западным фермерством, было проведено в жизнь: согласно закону о гомстедах, каждый желающий мог получить за номинальную плату участок земли в 160 акров. Несмотря на это, не удалось ни увековечить мелкое трудовое земледелие на Западе, ни открыть ворота туда промышленным рабочим. После гражданской войны 1861—1865 гг. капитализм развивался в США исполинскими темпами и в промышленности, и в земледелии. Развитие «вширь» явно подавлялось развитием «вглубь». Перелом стал особенно очевиден в последние десятилетия XIX в. в связи с перерастанием американского капитализма в монополистическую стадию. В тот период реальные классовые антагонизмы уже не смягчались колонизацией западных земель. Лишь за 20 лет (с 1860 по 1880 г.) количество батраков увеличилось в 4 раза, а фермеры-арендаторы составляли до 30% всех фермерских хозяйств. Капитализм прочно приковал к заводскому станку основную массу рабочих. На одного городского рабочего, переселившегося на ферму, приходилось 20 фермеров, вытолкнутых в ряды пролетариата [25].

Аграрная утопия кончилась крахом, но утопические идеи, порожденные вековой борьбой за землю, продолжали существовать. Из утопических и они превратились в апологетические. Продолжали жить иллюзии о США как стране «безграничных» возможностей, о равенстве на «последней границе». Буржуазная апологетика воплотилась, в частности, в теорию «сельскохозяйственной лестницы», предполагавшей, что сельскохозяйственный рабочий, проработав некоторое время на ферме, становится арендатором, а затем и собственником земли. (Один из ва-

[23] Ibid., p. 259.
[24] Ibid., pp. 269—270.
[25] Shannon F. A. The Farmers Last Frontier. Agriculture 1860—1897. N. Y.—Toronto. 1945, p. 357.

риантов этой теории — миф о некапиталистической эволюции сельского хозяйства США — развенчал В. И. Ленин, критически проанализировав концепцию Н. Суханова — Н. Н. Гиммера [26].) Тернер также опирался на идейные традиции, связанные с борьбой за «американский» путь развития аграрных отношений, но в его время они уже давно оторвались от исторической почвы.

Влияние теории «границ» на американскую историческую мысль было глубоким и противоречивым. О роли «свободных» земель и значении колонизации писали многие европейские экономисты и социологи, но именно после Тернера в американской историографии началась систематическая разработка проблем Запада. В работах последователей Тернера был приведен большой материал о колонизации Запада, показана роль западных земель в борьбе местной американской и британской администраций между собой, поставлен вопрос о роли фермерства в партийно-политической борьбе первой половины XIX века.

Сам факт привлечения внимания историков к социально-экономической эволюции США имел положительное значение, однако эти вопросы не получили у Тернера разрешения, поскольку он искусственно разорвал две тенденции в развитии капитализма — «вширь» и «вглубь», абсолютизировав первую из них. Заселение и освоение новых территорий он изобразил как основной процесс в истории США, создав новый вариант «американской исключительности». Тернер видел в США образец для других стран: «Мы не перестанем предоставлять нашей сестре Европе основные идеи Америки в качестве наилучшего пути решения трудных проблем. Мы будем идти в направлении Pax Americana и искать путь к миру на Земле для всех людей доброй воли» [27].

Новое положение сложилось с исчерпанием фонда «свободных земель». В 1890-х годах бюро цензов объявило о конце «границы». Тернер в связи с этим заявил: «Свободные земли исчерпаны. Материальные силы, давшие жизнь западной демократии, больше не существуют», «страна подобна кипящему котлу» [28]. В поисках новых «предохранительных клапанов» он обратился прежде всего к рецептам буржуазного реформизма, «большему социальному контролю»: «ограничение индивидуальных и классовых интересов,— утверждал он,— необходимо для общего блага». Он готов был признать некоторые требования популистов и позднее сочувственно следил за реформистской деятельностью Т. Рузвельта и В. Вильсона, с которым его связывала давняя дружба.

Тернер, однако, с осторожностью относился не только к мелкобуржуазному радикализму, но и к буржуазному реформизму и призывал историков «осветить путь к консервативным реформам» [29]. Другой «предохранительный клапан» он видел в экспансии и поисках новых территорий для колонизации. Тернер приветствовал империалистическую экспансию США на рубеже XIX—XX вв. в странах Латинской Америки и на Дальнем Востоке [30]. В целом, однако, он так и не смог «обосновать» тезис об «исключительности» США в новых условиях. Но отдельные звенья его концепции живут и по сию пору.

Противоречия исторической схемы «теории границ» попытался разрешить наиболее видный представитель американской буржуазной исторической мысли XX в. Чарлз Бирд [31], который поставил в центр

---

[26] См. Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 129—227.

[27] Turner F. J. The Significance of Sections in American History. N. Y. 1932, p. 339.

[28] Turner F. J. The Frontier in American History, pp. 261, 221.

[29] Ibid., p. 324.

[30] Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии, с. 113—118.

[31] См. Дементьев И. П. Об исторических взглядах Чарлза Бирда.— ВИ. 1957, № 6.

объяснения истории США «урбанизацию» и «городскую динамику». Главную движущую силу исторического процесса в новое время Бирд видел в развитии промышленного капитализма. Если Тернер полагал, что человек может найти гармонию и счастье в слиянии с природой, то Бирд — в уходе от нее[32]. Не «граница», а промышленное развитие («индустриализм»), считал он, способно врачевать социальные противоречия. Бирд понимал, что в результате промышленной революции возникли новые социальные проблемы, прежде всего противоречие между трудом и капиталом. Но все это, считал он, всего лишь временные трудности, своего рода — издержки прогресса. Полная победа «индустриализма» сгладит их.

Концепцию индустриализма Бирд выдвинул еще в своих ранних работах, посвященных европейской истории[33]. Позднее он рассмотрел промышленное развитие США в конце XIX в. и весьма реалистично показал, что концентрация капитала привела к образованию гигантских трестов, управляемых финансовой элитой[34]. В духе «разгребателей грязи» он яркими красками нарисовал картину «позолоченного века», вакханалию грабежа и обмана, расхищение народных богатств Гульдами и Рокфеллерами. Симпатии его явно на стороне неимущих. Народ, подчеркивал Бирд, восстал против «неамериканского правления». Тот факт, что на выборах 1896 и 1912 гг. американцы добились определенных успехов в демократизации страны (завоевано было право прямых выборов сенаторов, отзыва выборных представителей из законодательных органов и т. д.), служил Бирду основанием для того, чтобы сделать заключение: дальнейшее промышленное развитие страны решит самые острые социальные и политические проблемы и приведет к «демократическому коллективизму».

Принимая активное участие в буржуазно-реформистском движении начала XX в., Бирд был близок к его варианту, выраженному в формуле Т. Рузвельта «новый национализм». Бирду импонировало не запрещение трестов, а государственное регулирование их деятельности. Он выступил против В. Вильсона, который, как известно, провозглашал, пусть демагогически, требование ликвидации трестов и апеллировал к аграрной джефферсоновской традиции. Концепция «индустриализма» во многом предопределила характер интерпретации Бирдом важнейших событий американской истории, основным содержанием которой он считал борьбу аграрных и промышленных интересов. Социальный и политический результат этого «великого соперничества» — постепенное сглаживание классовых различий и рождение всеобщей демократии[35].

Выдвинутый Бирдом вариант буржуазного экономизма в ряде существенных моментов означал отход от теории «американской исключительности», поскольку категории «индустриализма» и промышленного прогресса выходили за пределы истории одной Америки. Более того — и Бирд, и А. М. Шлезингер-старший, и Д. Джеймсон старались обнаружить некоторые общие социальные черты американской и французской буржуазных революций XVIII века. Бирд был первым американским историком, назвавшим гражданскую войну 1861—1865 гг. второй американской революцией. Таким образом, ряд историков экономического направления пришел к выводу: американская история развивалась параллельно европейской в том смысле, что по обеим сторонам Атлантического океана происходили сходные социальные конфликты.

---

[32] Критику Бирдом концепции Тернера см.: Theory and Practice of Historical Study. Social Science Research Council. Bul. 54, N. Y. 1946, pp. 26—27.

[33] Beard Ch. The Industrial Revolution. Lnd. 1901; см. Noble D. W. Historians against History. Minneapolis. 1965, pp. 57—60.

[34] Beard Ch. Contemporary American History, 1877—1913. N. Y. 1914.

[35] См. Beard Ch. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y. 1913, а также другие работы этого автора.

Тем не менее теория «американской исключительности» все же наложила свой отпечаток на работы Бирда. Ссылаясь на специфику развития США (отсутствие феодальной иерархии, устойчивость мелкобуржуазных слоев, наличие обширных «свободных» территорий и т. д.), он писал о том, что в США имеется особо благоприятная почва для «индустриализма», следствием чего явился «чистый» капитализм и «особенно демократический» характер американских политических институтов. Характерно, что этот националистический элемент концепции Бирда отчетливо выявился во время шовинистического угара первой мировой войны. Он рассматривал мировой империалистический конфликт как борьбу между «двумя политическими системами — автократии и демократии»[36]. Демократию в наиболее законченной форме представляют США, а автократия утвердилась в Германии, где «индустриальная революция» была менее полной, чем в других странах Запада, и полуфеодальная юнкерская аристократия сохранила свои позиции в управлении страной.

Политические позиции Бирда не оставались неизменными. Продолжая буржуазно-реформистскую деятельность (особенно в период «нового курса», когда Бирд предлагал «пятилетний план для Америки», имея в виду планирование, не затрагивающее частной собственности), он был вынужден признать, что поспешил с утверждением о победе «новой демократии» в начале XX века. Бирд пересматривает свою оценку первой мировой войны и приходит к выводу: она явилась прежде всего результатом соперничества великих держав. В 20-х годах он занимает пацифистские, а в 30-х — изоляционистские позиции. Менялись также его методологические взгляды. В 30-х годах он приходит к релятивизму, а после второй мировой войны оставляет экономический детерминизм, который при всех своих изъянах приводил все же к плодотворной постановке ряда важных исторических проблем. В его работах все большее место занимает тема «уникальности» аграрного развития США и высокой социальной мобильности американцев. В итоговой работе Бирд пытался синтезировать тезис Тернера о территориальных «границах» с концепцией «индустриализма» («новых технологических границ»). Пересматривая свое отношение к аграрной традиции, он давал теперь благоприятную оценку деятельности Джефферсона[37].

Теория «американской исключительности» — стержневая в буржуазной идеологии и историографии США на протяжении всего их исторического пути — чутко реагировала на изменение социальной обстановки внутри страны и ее места в мире. Влияние этой теории слабело в период обострения социальных противоречий — подъема демократического движения «прогрессивной эры» начала 1900-х годов и «гневного десятилетия» 30-х годов, укрепляясь в «спокойные времена» спада классовых боев, например, в период «просперити» 20-х годов. Синклер Льюис, осмеивая в «Главной улице» провинциализм одноэтажной Америки, ее самодовольную веру в собственную исключительность, писал: «Вот городок в несколько тысяч жителей, среди полей пшеницы и кукурузы, молочных ферм и рощ. Это Америка... Главная улица — вершина цивилизации. Для того, чтобы этот «форд» мог стоять перед галантерейным магазином, Ганнибал вторгался во владения римлян и Эразм писал свои трактаты о монастырях Оксфорда. То, что бакалейщик Оле Йенсен говорит банкиру Эзре Стоуболи, должно быть законом для Лондона, Праги... То, чего Эзра Стоуболи не знает и не одобряет,—

---

[36] Ogg F. A., Beard Ch. A. A National Governments and the World War. N. Y. 1919, p. 4.

[37] Beard Ch. A., Beard M. The Rise of American Civilization. Vols. 1—2. N. Y. 1927.

это ересь, которую не к чему знать, над которой не подобает размышлять»[38].

На развитие теории «американской исключительности», особенно после второй мировой войны, наложило отпечаток главное противоречие современности — между социализмом и капитализмом. Став лидером капиталистического мира, США заявили о намерении взять на себя бремя «глобальной ответственности» за судьбы капитализма. В США заговорили о наступлении «американского века». Новая трактовка «американской исключительности» имела резко выраженную антикоммунистическую направленность и должна была служить преградой на пути роста идейного влияния мирового революционного и антиимпериалистического движения. «Каждому концептуальному выводу социализма противостоит соответствующее концептуальное положение в американизме»,— писал еще в 30-х годах левый американский публицист Л. Сэмсон[39].

Среди экономических и социологических теорий 50—60-х годов, положенных в основу апологетической модели современного американского капитализма, выделялись концепции «народного капитализма» и «индустриального общества». В сфере истории ядром концепции «американской исключительности» с 50-х годов стала теория «согласованных интересов» (консенсус). Она провозглашала, что американское общество на своем историческом пути отличалось единством по фундаментальным вопросам социально-политического устройства и «органической преемственностью» общественных институтов. Кредо сторонников теории «согласованных интересов», сформулированное Р. Хофстедтером, гласило, что конфликты в американской истории никогда не затрагивали проблем «собственности и предпринимательства». Подчеркивание единства и стабильности привело к тому, что отодвигались в тень социальные конфликты: война за независимость и гражданская война 1861 — 1865 гг., антимонополистическое движение конца XIX — начала XX в., классовая борьба в период «нового курса» Ф.-Д. Рузвельта. Характерным стало отрицание революционных и социалистических традиций и утверждение, что в США никогда не было «классовой борьбы в европейском смысле». Неудивительно, что сторонники теории «согласованных интересов» подняли на щит казалось бы давно забытое сочинение де Токвиля «Демократия в Америке» (1835 г.), где США изображались страной «среднего класса», в которой отсутствуют серьезные социальные антагонизмы.

Начался пересмотр всей истории США, но особое внимание уделялось колониальному периоду и войне за независимость, когда, согласно концепции «консенсуса», были заложены основы особого пути американской нации. В этом плане характерны работы Л. Харца, Д. Бурстина и Р. Брауна. Историки этого направления применили в исследованиях сравнительный и культурно-исторический методы, исправили некоторые фактические ошибки и опровергли отдельные вульгарно-механистические объяснения историков экономического направления. Однако исходные идейные и методологические принципы предопределили крайнюю тенденциозность их работ.

Согласно взглядам Харца[40], острая классовая борьба в Европе сопровождалась образованием различных идеологических систем, «заражавших» друг друга и послуживших почвой для образования все более радикальных идеологий («вигизм» породил «якобинизм», а последний — «социализм»). Иное дело — Новый Свет. При основании американских колоний от английского общества отделился лишь один либе-

---

[38] Льюис С. Собр. соч. Т. 1. М. 1965, с. 47.
[39] Failure of Dream? N. Y. 1974, p. 426.
[40] Hartz L. The Liberal Tradition in America. N. Y. 1955.

рально-локковский идеологический «фрагмент». Перенесенный в североамериканскую среду, он послужил основой создания системы ценностей, содержавшей в зародыше идеалы индивидуализма, свободы и демократии. В соответствии с этими принципами в Америке и сформировались социальный порядок и образ жизни, коренным образом отличавшиеся от европейских. Утвердившаяся либеральная традиция хотя и сделала американское общество несколько «одномерным», но зато исключила влияние каких-либо экстремистских доктрин.

Во многом сходную интерпретацию характера социальных отношений колониальной Америки дал Бурстин [41]. Он также выдвигал положение о коренном отличии протекавших здесь социально-экономических и политических процессов от европейской модели. Бурстин утверждал, что такие «традиционные» категории, как классы, принятые для осмысления европейской истории, не применимы будто бы при объяснении прошлого США [42]. Вместе с тем, в отличие от Харца, Бурстин выдвинул тезис о предопределенности, «данности» моральных, общественных и политических ценностей, присущих только США, стремился доказать, что демократия в Америке развивалась не из либерального «фрагмента» Старого Света, а родилась в условиях специфической американской среды.

Со своей стороны Браун [43] утверждал, что в американских колониях существовало социальное равенство, абсолютное большинство населения составляли самостоятельные фермеры, и на базе экономической демократии сложилась демократия «среднего класса».

Фактически все эти историки обращали внимание лишь на особенности развития американского общества в колониальный период: отсутствие феодализма как господствующей системы, меньшее, чем в европейских странах, имущественное неравенство, большую степень политических свобод и т. д. и, преувеличивая значение этих черт, развивали теорию «исключительности» исторического развития США. В русле этой теории они трактовали и американскую революцию XVIII века. Картина колониального общества, прежде всего его изображение как «демократии среднего класса», вела к отрицанию революционного характера войны за независимость, выхолащиванию социального содержания. Браун, например, заявлял, что американская революция, в отличие от европейских, была направлена не на завоевание, а на защиту уже имевшихся демократических свобод. Бурстин старался выделить антиколониальную направленность американской революции с тем, чтобы доказать ее несопоставимость с европейскими социальными революциями.

Историки, исходившие из концепции «согласованных интересов», выступили с резкой критикой экономического направления. Был устроен своеобразный суд над известной работой Ч. Бирда «К экономической интерпретации конституции США». Р. Браун назвал работу К. Беккера об американской революции «защитой марксистской философии истории» [44].

Другая группа историков, которых принято называть неолиберальными, также исходя из теории «согласованных интересов», обратилась

---

[41] Boorstin D. J. The Genius of American Politics. Chicago. 1953.

[42] Характерно, что, выступая в маккартистской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, Бурстин подчеркивал, что его трактовка американской демократии как уникальной идет вразрез со взглядами коммунистов (United States Congress. House of Representatives. Committee on Un-American Activities. Communist Methods of Infiltration (Education) Hearings, 83 Congress, 1 st Sess., 1953, Pt. I, pp. 51—52).

[43] Brown R. E. Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691—1870. Ithaca. 1955.

[44] Brown R. E. Carl Becker and the American Revolution. East Lansing. 1970, p. 191.

к истории США XX века. Эти историки стремились представить американский капитализм динамичной системой, гибко приспосабливающей свою структуру к потребностям общественного развития. Они не отрицали борьбы в США либеральной и консервативной идеологий, а подчас и социальных противоречий (в пределах общего согласия по «фундаментальным вопросам»). Двигатель прогресса усматривался ими в традиции либерального реформаторства, важнейшую роль в котором играло буржуазное государство, способное якобы смягчить или даже полностью излечить экономические и социальные недуги [45].

Ведущий историк школы консенсуса Р. Хофстедтер весьма реалистично изобразил острые социальные коллизии в США начала XX в., но затем нарисовал идиллическую картину их счастливого разрешения в рамках либеральной традиции: динамичные лидеры, пришедшие к власти, используя мощь государства, провели антитрестовское законодательство и внесли коррективы в политические основы, демократизирующие политическую структуру. Рубеж XIX — XX вв. становился в итоге исходной вехой «трансформации капитализма» [46]. В работах А. М. Шлезингера-младшего [47] и др. «новый курс» Ф. Рузвельта и «новые рубежи» Дж. Кеннеди рассматривались как дальнейшие ступени либерального реформаторства, истоки которого лежат в «прогрессивной эре» начала XIX века. Одним словом, и в неолиберальном варианте США представали страной «уникальной» исторической судьбы.

Однако «американский век» оказался быстротечным. Ослабление международных политических и особенно экономических позиций США к началу 60-х годов, острый социальный кризис, разразившийся в стране, массовые движения протеста — все это подрывало основы концепции «американской исключительности». Американский публицист Г. Грин, анализируя состояние неуверенности, охватившее США, писал: «Национальная психология и взгляды были основаны на вере, что «наш» капитализм был каким-то особым и лучшим, более прогрессивным и современным, способным всегда обеспечивать все более высокие уровни социального благосостояния... Убеждаться теперь, что мечта рушится и жизнь заставляет принимать другую перспективу — это поистине травма, наносимая национальной психологии» [48]. С критикой концепции «американской исключительности» выступили не только представители левых кругов. Немало буржуазных экономистов, социологов, политологов также признавало кризис «американизма». Бурстин пришел к выводу, что «американская мечта» выродилась в имэдж (образ), в систему фиктивных ценностей и ложных иллюзий. Провозвестник «постиндустриальной эры» Д. Белл в публикации «Конец американской исключительности» писал: «Влияние теории американской исключительности заметно ослабло и растаяло вместе с имперскими возможностями и утратой веры в будущее страны» [49].

Разочарование в современной Америке вело к более критическому подходу к ее прошлому. В новых условиях пошатнулся и престиж концепции «согласованных интересов». Даже недавние ее приверженцы вынуждены были, подобно Хофстедтеру, признать ее непригодность для решения многих проблем истории США [50]. В стремлении избавиться от

---

[45] См. Козенко Б. Д. Новые концепции «прогрессивной эры» в американской буржуазной историографии.— ВИ, 1976, № 10.

[46] Hofstadter R. The American Political Tradition and Men Who Made It. N. Y. 1948; ejusd. The Age of Reform. N. Y. 1953.

[47] Schlesinger A. M., jr. The Age of Roosevelt. Vols. 1—3. Boston. 1957—1960; ejusd. A Thousand Days: John F. Kennedy. N. Y. 1965.

[48] Political Affairs, October 1980, p. 29.

[49] Parameters, June 1980, pp. 4, 8.

[50] Hofstadter R. The Progressive Historian: Turner, Beard, Parrington. N. Y. 1968, p. 459.

разрушительного презентизма, характерного для времени «холодной войны», и элитарного подхода к истолкованию прошлого взоры многих историков обратились к «новому видению истории», которое обещала «новая научная история», появившаяся в конце 50-х годов под влиянием как социально-политических факторов, так и внутреннего развития буржуазной историографии. Началось внедрение в исторические исследования междисциплинарного подхода (методик социологии, политологии, лингвистики и т. д.) и применение количественных методов обработки источников. Появились «новая экономическая», «новая социальная» и «новая политическая» школы [51].

Все это привело к значительной переориентации буржуазного обществоведения, возрос объем привлеченных источников, расширились тематика и круг рассматриваемых проблем. Социально-политический кризис 60-х годов пробудил интерес многих историков к стихийным массовым выступлениям в прошлом, к «роли толпы» в истории. Главным объектом изучения «новой социальной истории» стали этнические отношения, социальная и географическая мобильность населения, иммиграция, демографические сдвиги и т. д. В работах этих историков рассматривается жизнь иммигрантов и чернокожих американцев, роль женщин. Богатый материал дала «новая рабочая история», развивавшаяся в границах «новой социальной истории»; новые пласты социальной жизни открыли исследования Д. Монтгомери, Г. Гатмана [52] и др., посвященные культуре рабочего класса, отражающей как семейный, этнический, так и трудовой и политический опыт американских рабочих [53]. В свою очередь, «новая политическая история» занялась проблемами поведения избирателей на выборах, голосованиями в конгрессе и законодательных собраниях штатов, функционированием политических партий. Все это дало возможность перейти от описания отдельных событий к анализу политических структур и процессов [54].

Вместе с тем угол зрения «новой научной истории» таков, что богатый новый материал мало способствует объяснению узловых проблем истории США. Исследования роли этнических, религиозных, политических меньшинств в истории США, проведенные представителями «новой социальной истории», в целом идут в русле функционального анализа современной буржуазной эмпирической социологии, рассматривающей конфликты как неантагонистический процесс различных социальных структур. Поэтому добытый богатый новый материал находится вне связи с магистральными линиями социального развития США. Например, много было сделано для изучения различных сторон жизни негров-рабов, их культуры, семьи, религии. Но этот ценный материал, как правило, подается авторами в отрыве от борьбы двух социальных си-

---

[51] Дементьев И. П. Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени.— ВИ, 1976, № 11; Гаджиев К. С., Сивачев Н. В. О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США.— ННИ, 1977, № 6; Согрин В. В. Современная буржуазная историография о буржуазных революциях в США.— ННИ, 1982, № 1.

[52] Gutman H. Work, Culture and Society in Industrializig America. N. Y. 1976; Montgomery D. Beyond Equality: Labor and the Radical Republicans. N. Y. 1967; ejusd. Workers Control in America. Studies in the History of Works, Technology and Labor Struggles. Lnd. 1979.

[53] См.: Савельева И. М., Сивачев Н. В. Новая рабочая история в США.— Рабочий класс и современный мир, 1978, № 4; Согрин В. В. Американская радикальная историография рабочего и социалистического движения в США.— Американский ежегодник (далее — АЕ), 1982. М. 1982; Савельева И. М. Профсоюзы и общество в США в XIX в. М. 1983, с. 133—139.

[54] Попова Е. И., Станкевич С. Б. Математические методы в американской историографии политической борьбы в конгрессе США.— АЕ, 1981. М. 1981; Станкевич С. Б. Современные тенденции в развитии «новой политической истории» в США.— АЕ, 1983. М. 1983.

стем — рабства и наемного труда, которая привела ко второй американской буржуазной революции.

Вне поля зрения исследователей оставались социальная роль рабочего класса, его место в системе капиталистических производственных отношений. К тому же само понятие «класс» определяется «новыми рабочими историками» крайне аморфно, как «осознание отдельными индивидами идентичности своих интересов». При таком понимании пролетариат не рассматривается как класс, подвергающийся капиталистической эксплуатации, остаются скрытыми пружины социально-политической активности рабочих. Неудивительно, что исследователи этого направления мало интересуются тем, что составляет ядро истории пролетариата: его классовой борьбой, стачками, профсоюзами, политическими организациями. «Новая политическая история» исследует политическое поведение избирателей в духе бихевиористских (поведенческих) моделей, не связывая его с их классовой принадлежностью, исследует функционирование политического механизма в отрыве от кардинальных социально-экономических проблем времени [55].

Советские историки уже показали несостоятельность попыток историков «новой экономической школы» решить ведущие проблемы американской истории на базе междисциплинарных методов. Особенно отчетливо это прослеживается в работах, посвященных рабству [56]. Историки-клиометристы пытались возродить давно отвергнутые положения прорабовладельческой историографии [57].

Таким образом, «новая научная история», провозгласившая своей важнейшей задачей развенчание мифа о бесконфликтном развитии США, выдвинутым теорией «согласованных интересов» (главной в концепции «американской исключительности» в послевоенный период), не достигла цели. Обогатив междисциплинарным подходом арсенал, технику исследования, она оставила в неприкосновенности кардинальные теоретико-методологические основы буржуазной историографии. Она не создала методологии для нового исторического синтеза. Общее состояние «новой научной истории» известный американский историк Дж. Нэш характеризовал как «блестящий разброд» — успехи применения междисциплинарных методик в отдельных отраслях при отсутствии общего синтеза ведут к фрагментации американской истории.

В последнее десятилетие отрицательные стороны «новой научной истории» все более выступают на передний план и ведут к форсированному возвращению ряда историков на позиции «американской исключительности». В отличие от 60-х годов, когда под влиянием демократических движений многие исследователи обращались к изучению социальных конфликтов и народных выступлений, в 70-х годах эти сюжеты все более отходят на задний план, а их место занимают проблемы социальной устойчивости. Наряду с этим, как отмечает главный редактор «Journal of Social History» П. Стирнс: «Этническая общность... стала главным фокусом американской социальной истории и альтернативой тому роду классового анализа, который подчеркивает социальные конфронтации» [58]. Подход, подчеркивающий «адаптацию» и «стабилизацию» как якобы характерные черты американской истории,— несомнен-

---

[55] См., напр.: Holt M. F. Forging the Majority: The Formation of the Republican Party in Pittsburg. 1848—1860. New Haven. 1969; Formisano R. P. The Birth of Mass Political Parties: Michigan 1827—1861. Princeton. 1971; Levine L. W. Black Culture and Black Consciousness: Afro-American Folk Thought from Slavery to Freedom. N. Y. 1970; Согрин В. В. Современная буржуазная историография о буржуазных революциях в США.

[56] Fogel R., Engerman S. Time on the Cross. Vol. 1—2. Boston. 1974.

[57] См. Болховитинов Н. Н. Клиометристы и рабство.— НИИ, 1976, № 3.

[58] The Past Before Us. Contemporary Historical Writing in the United States. Ithaca — Lnd. 1980, p. 218.

ный шаг к новому варианту концепции «согласованных интересов» и теории «американской исключительности».

Эти тенденции подытожил К. Деглер в своем президентском адресе Организации американских историков [59]. Он изображает «новую научную историю» как естественное продолжение старой историографии, в том числе концепции «согласованных интересов»; новый подход, по его словам, всего лишь обогатил «классические» концепции американской истории за счет «расширения предмета американского прошлого». Критика Деглером «новой научной истории» за ее увлечение сравнительными методами, стирающими, по его мнению, специфику развития этих институтов в США, или его же критика «чрезмерного внимания» к этническому разнообразию населения Америки, идет, как он заявляет, «в ущерб» изучению единого национального характера американцев. Деглер стремится подчеркнуть специфику развития США (за которой вырисовываются контуры «американской исключительности»). «Новую научную историю», и прежде всего «новую социальную историю» с ее акцентом на этнические конфликты, Деглер готов принять только как альтернативу марксизма. «Я полагаю,— писал он,— что более приемлемой основой для мотивации истории США является расовый конфликт, а не классовое сознание и классовые конфликты» [60].

В ряду направлений и школ современной американской исторической науки своим критическим отношением к теории «исключительности» выделяется радикальное направление, возникшее на волне «нового левого» движения 60-х годов. На формирование взглядов радикалов оказали влияние отдельные положения марксизма, однако в целом их методология, испытавшая воздействие многих критических направлений буржуазной философии и социологии, весьма эклектична. Радикальные историки нередко модернизируют прошлое, а их левацкий мак-

симализм в оценке событий нередко оборачивается антиисторизмом. Эти и другие недостатки радикальной историографии уже рассмотрены в нашей литературе [61].

Появление радикалов в исторической науке ознаменовалось резкой критикой апологетического подхода к истории американского капитализма и «бесконфликтной истории» [62]. Эти историки подошли к ряду важных тем американского прошлого под углом зрения антагонистических социальных противоречий и острой классовой борьбы. В противовес консервативной историографии, они подчеркивали социальное размежевание и «внутренний конфликт» в войне за независимость. С. Линд, Дж. Лемиш, А. Янг [63] сосредоточили внимание на выступлениях городской бедноты, политическом размежевании в лагере патриотов на

---

[59] См. Грачева Л. В. Призыв к возврату на позиции консерватизма.— ВИ, 1982, № 7.

[60] Degler C. N. Remaking American History.— The Journal of American History, June 1980, p. 13.

[61] См.: Болховитинов Н. Н. Современная американская историография: новые течения и проблемы.— ННИ, 1969, № 6; Кантор Р. Е. «Новые левые» в Американской исторической ассоциации.— ВИ, 1971, № 9; Шпотов Б. М. «Новые левые» историки о классовой борьбе в период войны США за независимость.— ВИ, 1974, № 2; Уманский П. Б. Война американских колоний за независимость в оценке современной историографии США. В кн.: Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск. 1975; Гаджиев К. С. Некоторые проблемы современной американской «новой левой» историографии. В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М. 1977; Согрин В. В. Современная американская «радикальная» историография о внутренней и внешней политике США в XX в.— ННИ, 1983, № 3.

[62] См. Zinn H. A. People History of the United States. N. Y. 1980, p. 10.

[63] Lemish J. The American Revolution Seen from the Bottom Up. In: Towards a New Past: Dissenting Essays in American History. N. Y. 1968; Lynd S. Class Conflict, Slavery and the United States Constitution. Indianopolis. 1967; Young A. F. The Democratic Republicans of New York. The Origins, 1763—1797. Chapel Hill. 1967; The American Revolution. Explotation in the History of American Radicalism. De Kalb. 1976.

уровне отдельных штатов. Убедительной критике была подвергнута концепция Р. Брауна о демократии «среднего класса» в колониальной Америке. Эти исследования существенно скорректировали прежние представления о содержании классовой борьбы в эпоху американской революции XVIII в. и подорвали идею ее уникальности.

Другой узловой пункт выступлений радикалов против концепции «согласованных интересов» — критика ими утверждений о внеклассовом характере государственного регулирования и буржуазного социального реформаторства в XX веке. Г. Колко, Дж. Вейнстайн [64] и др. выступили против неолиберальной концепции «прогрессивной эры» как времени реформ, дарованных народу просвещенными лидерами и ограничившими будто бы всевластие капитала. Они указали на некоторые черты складывавшегося государственно-монополистического капитализма (по их терминологии, «политического капитализма»), показали, что государственное вмешательство в экономику в начале XX в. было вызвано как производственными нуждами большого бизнеса, так и необходимостью погасить обострившиеся классовые противоречия. Антикорпоративные силы были сокрушены унией государства и монополий. С тех пор буржуазный реформизм (по терминологии радикалов, «корпоративный либерализм») держит в своих тисках американский народ. Следующий этап развития «политического капитализма» радикалы видят в «новом курсе» Ф. Рузвельта [65]. (Р. Рэдош объявляет его творением «просвещенных монополий»). При анализе послевоенного времени особое внимание обращается на роль военно-промышленного комплекса и большого бизнеса в проведении агрессивной внешней политики США [66].

Радикальные историки дали бой традиционной буржуазной историографии и по проблемам истории рабочего движения. Путь к признанию исторической миссии пролетариата в преобразовании буржуазного общества для радикалов нелегок. Многие из них вышли из «новых левых», которые полагали, что американский пролетариат усвоил ценностные установки «корпоративного либерализма» и интегрировался в буржуазное общество. Радикалы отвергли догмы висконсинской школы об «исключительности» исторического опыта американского пролетариата. Против висконсинской школы выступала и «новая рабочая история» [67], но критика радикалов была более основательной. Они уделяли первостепенное внимание деятельности профбюрократии и реформистской политике АФТ [68]. Главное же состоит в том, что в поисках прогрессивных традиций американского рабочего движения ряд историков — Дж. Конлин, Дж. Ласлетт, М. Дубовский и др.— обратились к истории таких организаций, как Орден рыцарей труда, Индустриальные рабочие мира, которые противостояли АФТ [69]. Очень важно, что историки-радикалы не считают левые движения продуктом влияния европейских идей и результатом иностранной иммиграции, а видят в них естественное порождение внутренних социально-экономических условий США.

---

[64] Kolko G. The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation on American History, 1900—1914. N. Y. 1963; Weinstein J. The Corporate Ideal in the Liberal State, 1900—1918. Boston. 1968.

[65] Conkin P. The New Deal. N. Y. 1967; Bernstein B. J. The New Deal: The Conservative Achievements of Liberal Reform. In: Toward a New Past.

[66] Kolko G. The Roots of American Foreign Policy. Boston. 1969; ejusd. Main Currents in American History. N. Y. 1976.

[67] О принадлежности того или иного исследователя к «новой рабочей истории» или радикальному направлению в советской литературе имеются расхождения (ср. Согрин В. В. и Савельева И. М. Ук. соч.).

[68] Mandel B. Samuel Compers: A Biography. Yellow Springs. 1963.

[69] Conlin J. R. Bread and Roses Too: Studies of the Wobbles. Westport. 1969; Laslett J. Labor and the Left: A Study of Socialist and Radical Influence in American Labor Movement, 1881—1924. N. Y. 1970; Dubofsky M. Industrialism and the American Worker, 1865—1920. N. Y. 1975.

В целом радикальная историография способствовала расшатыванию многих апологетических принципов американской буржуазной историографии. В критике теории «американской исключительности» радикалы пошли значительно дальше историков экономического направления, однако окончательно оторваться от нее не смогли. Так, многие радикалы пишут об американском империализме как о явлении национальном, не желая видеть того, что это лишь разновидность высшей стадии развития всей мировой капиталистической системы. Близко стоящий к радикальному направлению С. Тернстром выступил с работой, в которой подчеркивал существовавшую якобы в конце XIX в. высокую социальную мобильность рабочих как отличительную черту исторического развития США[70]. Г. Колко, чья критика внешней и внутренней политики США отличается резкостью суждений, заявил, что причиной отсутствия в США до настоящего времени «массового антикапиталистического движения» является высокая степень развития демократии и потому «незначительного притеснения личности»[71]. Подобные примеры показывают, что порваны еще далеко не все нити, связывающие радикалов с традиционной верой в «американскую исключительность».

Конец 70-х — начало 80-х годов привнесли немалые перемены в политический пейзаж США. Резко возросло влияние консервативных тенденций, что отразило сдвиг вправо, происшедший во влиятельных кругах правящего класса по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. Фактически — это реакция наиболее агрессивных империалистических кругов на углубление социально-экономических противоречий капитализма, рост мощи социализма, расширение революционно-освободительных процессов в мире. Консерватизм, ставший в начале 80-х годов важным фактором в политической жизни США, представляет собой влиятельное идеологическое течение, получившее выражение в различных сферах буржуазной мысли.

Консерзативная доктрина требует ограничения вмешательства государства в экономическую и социальную сферы жизни страны, апеллирует к неким вневременным идеалам и ценностям «американизма», делая акцент на традиционной индивидуалистической идеологии частного предпринимательства и раннебуржуазной морали. Современные консерваторы выступают не только против революционной, но и против либеральной традиции. Так, Б. Пайнс, вице-президент влиятельной организации «Фонд наследия», в книге «Назад, к первооснове» (1982 г.), упрекая либералов в «поразительной мягкотелости в вопросах внешней политики и национальной безопасности», пишет: «Американский либерализм всегда включал в себя небольшое пацифистское соглашательское и даже просоветское крыло, которое разделяет мировоззрение и задачи левых марксистских группировок»[72].

С конца 70-х годов началась быстрая консолидация консервативного направления в историографии, полностью стоящего на платформе «исключительности» США. В 1977 г. во время ежегодного собрания Американской исторической ассоциации в Далласе состоялась конференция правых историков, а вскоре была создана организация «Форум консервативных историков». С 1979 г. она начала выпускать информационный бюллетень, а с осени 1980 г. под эгидой Межуниверситетского института исследований (Пенсильвания) издается исторический журнал под характерным названием, девизом консерваторов, «Continuity» («Преемственность»).

---

[70] Thernstrom S. Urbanization, Migration and Social Mobility in the Late Nineteenth-Century America. In: Toward a New Past.

[71] Kolko G. The Roots of American Foreign Policy, p. 10.

[72] Цит. по: США: консервативная волна. М. 1984, с. 33.

Формулируя цели консервативных историков, один из руководителей «Форума», П. Готфрид, заявил на конференции в Далласе: «Ключевой является проблема — как создать эффективный противовес либеральному и марксистскому влиянию», по его словам, доминирующему в профессиональных организациях и задающему тон в ведущих исторических журналах» [73]. В 1980 г. на конференции консервативных историков, состоявшейся на этот раз в рамках Организации американских историков, было принято заявление, в котором выражалась озабоченность направлением исследований по истории США, «в которых излишний упор делается на либеральные и левые точки зрения, взгляды и подходы» [74]. Либеральный консенсус не устраивает консервативных историков, потому что признает правомерность реформ в прошлом и настоящем и нередко включает экономический анализ исторических событий (последний уже рассматривается как влияние марксизма!).

Насколько далеко заходят претензии консерваторов в пересмотре истории, показывает статья Б. Фолсома «Либеральные предубеждения в учебниках по американской истории» [75]. Автор осуждает тех историков, которые в своих курсах доброжелательно отзываются о деятельности Дж. Кеннеди, Э. Стивенсона, Г. Хэмфри, Дж. Макговерна и неодобрительно — о Б. Голдуотере и Дж. Уоллесе. В ряду «предубежденных» называются такие правоверные либеральные историки, как Э. Морган, А. М. Шлезингер-младший, К. Ван Вудвард, Дж. Гаррати, Ф. Фридел и др.

Образцом для консервативной историографии является Р. Бертхоф. В его интерпретации стабильность выступает как магистральная тенденция истории США, ведущий принцип «американизма». Подобно Харцу, Бурстину и Брауну, Бертхоф рисует общество колониальной Америки как в высокой степени социально однородное, где путь в «средний класс» (фригольдеры, владельцы ферм и ремесленных мастерских) никому не был заказан [76]. На основе «социальной стабильности» формируются после войны за независимость политические институты, моральные нормы и идеологические доктрины. 1815—1900 гг. Бертхоф рассматривает как единственный в истории США период социальной дестабилизации, когда непрерывные волны иммиграции из Европы и массовой миграции на Запад создавали «беспримерную горизонтальную и вертикальную мобильность» населения. К началу XX в. угасает иммиграция, исчерпываются свободные земли, завершается индустриализация — все это способствует восстановлению стабильности в стране, усвоению основ американизма различными социальными слоями, этническими и религиозными группами. Буржуазно-реформистскую деятельность в XX в. Бертхоф рассматривает как средство консолидации нации и потому консервативную по самому своему существу. Современное общество США, согласно автору, оставаясь высокомобильным и в то же время сплоченным, сохраняет принципы американизма [77].

Исследователи, зовущие «назад, к первоосновам», уже подвергли консервативному переосмыслению весьма значительный спектр истории США. Р. Кёрк, проводя идею стабильности американского общества и его иммунитета к глубоким социальным изменениям, характеризовал первую и вторую буржуазные революции в США как умеренные и даже консервативные [78]. Борцы за независимость США, согласно Кёрку, не

---

[73] Conservative Historians Forum, Newsletter, June 1979, № 1, p. 6.
[74] Organization of American Historians, Newsletter, July 1981, vol. 9, № 2, p. 26.
[75] Conservative Historian Forum, Newsletter, June 1979, № 1, pp. 8—10.
[76] Berthoff R. A Unsettled People: Social Order and Disorder in American History. N. Y. 1973, p. 49.
[77] Ibid., p. 481.
[78] Kirk R. The Roots of American Order. La Salle. 1974 (2 ed. 1981).

восприняли идей Просвещения, а сражались под религиозными знаменами; гражданская война 1861—1865 гг. велась не против рабства, а лишь за спасение Союза. В 1982 г. Кёрк выпустил антологию консервативных мыслителей [79], куда включены отрывки из произведений Э. Бёрка, Дж. Адамса, А. Гамильтона, Дж. Кэлхуна и др. Идеи «школы бизнеса» проводит в своей работе Б. Фолсом, изображая предпринимательскую деятельность «капитанов индустрии» Пенсильвании главным двигателем промышленного прогресса [80].

Значительный политический резонанс вызвала книга известной исследовательницы А. Крейдитор [81], направленная против основных положений современной радикальной историографии рабочего движения в США на рубеже XIX — XX веков. Еще в 60-х годах автор занимала близкие радикалам позиции в освещении популизма и суфражистского движения, а ныне стала активной участницей «Форума консервативных историков». Крейдитор объявила марксизм чуждым США, где капитализм развивается по якобы особым законам и успешно врачует собственные пороки. Идеологические концепции Социалистической партии, Социалистической рабочей партии, Индустриальных рабочих мира она изобразила как догматику, оторванную от реального положения дел в обществе и истинных устремлений американских рабочих. Как заметил рецензент, книга Крейдитор — своеобразный «барометр, показывающий изменения в современном политическом климате» [82]. В работах консервативного негритянского исследователя Т. Соуэлла [83] проводится мысль о том, что государственная помощь не может облегчить экономическое положение национальных меньшинств в США, которым следует уповать на долгий путь нравственного и «делового» самовоспитания. Он приветствует отказ правительства Рейгана от продолжения реформистской деятельности.

Исторические идеи неоконсервативных историков не оригинальны. Новой является, пожалуй, лишь попытка собрать воедино различные варианты «американской исключительности» (утверждения о социальной однородности колониальной Америки, доктрина превосходства политических институтов США, теория о спасительной роли «свободных земель», апологетика буржуазных реформ XX в. и др.), свести их в одну концепцию и провозгласить ее фундаментом консервативной традиции. Хотя неоконсервативные историки и не занимают ведущего положения в современной американской историографии, недооценивать их деятельность было бы неверно — слишком влиятельны силы, на которые они могут опереться.

За время своего существования американская буржуазная историография прошла немалый путь. На всех этапах работы ее ведущих представителей были пронизаны теорией «американской исключительности». Последняя изменялась со временем, наполнялась различным содержанием. На ранних этапах развития США идея «американской исключительности» включала еще элементы «американской мечты» — демократических устремлений народа к свободе и равенству. Но уже отцы-пилигримы провозгласили доктрину «избранного народа», божественной миссии Америки. Мессианская доктрина ширилась, обрастала новыми теориями. На рубеже XIX—XX вв. она впитала расистские и социал-

---

[79] The Portable Conservative Reader. N. Y. 1982.

[80] Folsom B. W. Urban Capitalists. Enterpreneurs and City Growth in Pennsylvania's Lackwanna and Lehigh Regions, 1800—1920. Baltimore. 1981. Сходные идеи проводит Нэш, рисуя предпринимательскую деятельность будущего президента Г. Гувера. (Nash G. The Life of Herbert Hoover. Vol. 1. N. Y. 1983).

[81] Kreaitor A. The Radical Persuasian, 1890—1917. Baton Rouge. 1981.

[82] Journal of American History, December 1981, vol. 68, № 3, p. 699.

[83] Sowell Th. Ethnic America: A History. N. Y. 1981; ejusd. The Economic and Politics of Race: an International Perspective. N. Y. 1983.

дарвинистские идеи; ныне под нее подводится «научная» основа вроде «теории стадий экономического роста» У. Ростоу, «постиндустриального общества» Д. Белла или «технотронной эры» З. Бжезинского. Доминантой, однако, остается, как и прежде, утверждение об особой и исключительной пионерской роли Америки, которой будто бы предопределено служить примером для остальных народов мира в экономическом, социальном и моральном отношениях.

Теория «исключительности» порождала особый идеологический климат в стране. Она всегда влияла на проведение внутренней и внешней политики США. Миф об Америке как земле обетованной, способной покончить с социальными бедами, влиял на формирование «нового курса» Ф. Рузвельта, «новых рубежей» Дж. Кеннеди, «великого общества», провозглашенного Л. Джонсоном. Еще более четко прослеживается воздействие теории «исключительности» на внешнеполитический курс США. В середине XIX в. в теории «предопределения судьбы» сфокусировались многочисленные экспансионистские доктрины. С превращением США в империалистическую державу эта теория получает новое звучание — рождаются планы американского глобализма (недаром Т. Рузвельт был последователем англосаксонской исторической школы, а В. Вильсон не раз обращался к теории «границ»). После второй мировой войны Вашингтон вместе с установкой на мировую гегемонию берет на себя миссию гаранта мировой системы капитализма, американизм пропитывается антикоммунистическим духом. Критика теории «американской исключительности» приобретает особую актуальность в наши дни, когда США пытаются навязать международному сообществу свои претензии на некую исключительность и особое предназначение в истории.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПАВЛОДАР-ЭКИБАСТУЗСКИЙ КОМПЛЕКС

К. Б. Бижанов

Павлодар-Экибастузский территориально-промышленный комплекс (ТПК) в Казахстане является энерго-химико-металлургическим и машиностроительным ТПК всесоюзного значения. В него входят крупные предприятия цветной и черной металлургии, машиностроения, энергетики, угольной, химической, нефтеперерабатывающей, легкой, пищевой промышленности и др. Активное освоение ресурсов этого региона началось в 1950 году.

Однако еще в конце прошлого века здесь стала развиваться горнозаводская промышленность, началась прокладка Транссибирской магистрали. Эта линия нуждалась в минеральном топливе, и в 1899 г. павлодарский купец А. И. Деров построил первую на территории нынешней Павлодарской обл. железную дорогу, связавшую угольные копи Экибастуза с Воскресенской пристанью (ныне г. Ермак) на Иртыше. Уголь, который добывался в 10 небольших шахтах Экибастуза, транспортировался в Омск, Семипалатинск, Барнаул, Петропавловск, Риддер (ныне Лениногорск) и Пермскую губернию. В Экибастуз по Воскресенской железной дороге доставлялись цинковый и свинцовый концентраты, производимые на обогатительной фабрике в Риддере. Там для выплавки из них цветных металлов строились свинцовый, цинковый заводы, а также чугунолитейный, кирпичный и силовая электростанция.

В 1914 г. Экибастузские угольные копи вместе с Воскресенской железной дорогой перешли в руки английского промышленника Л. Уркварта. В 1917 г. шахты Экибастуза дали 83,4 тыс. т угля [1]. Гражданская война затормозила развитие угледобычи в Экибастузе. Во время нэпа Уркварт обратился с просьбой к Советскому правительству «вернуть» ему экибастузские концессии и предложил договор на выгодных для себя условиях. 12 сентября 1922 г. В. И. Ленин писал членам Политбюро ЦК РКП(б): «Предлагаю *отвергнуть* эту концессию. Это кабала и грабеж» [2]. В дальнейшем Владимир Ильич неоднократно интересовался судьбой Экибастуза. Сравнивая экономическую целесообразность транспортировки на Урал углей Кузбасса и Экибастуза, он указал на особое значение Экибастузского бассейна для возрождения Урала и Транссибирской магистрали. 6 октября 1922 г. Ленин отмечал: «Главное из всех вопросов — Экибастуз и его значение для Урала... Какой тут может быть спор, когда Экибастуз имеет ветку к Иртышу и обеспечивает несравненно более близкий и дешевый водный транспорт к Уралу?» [3]. 13 мая 1921 г. Совет Труда и Обороны принял постановление за подписью Ленина о включении в программу государственного строительства прокладки железной дороги Экибастуз — Павлодар с мостом через Иртыш у Павлодара[4].

Тяжелые последствия гражданской войны, отсутствие транспорта, питьевой и технической воды, нехватка квалифицированных рабочих и технических кадров вынудили в 1925 г. прекратить добычу угля в Экибастузе и поставить его предприятия на консервацию. Они имели низкую техническую оснащенность, оборудование было сильно изношено. Для возобновления работы требовалось затратить боль-

---

[1] Народное хозяйство Казахстана, 1932, № 8—9, с. 55.

[2] Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 208.

[3] Там же, с. 216.

[4] Железнодорожный транспорт в документах Коммунистической партии и Советского правительства (1917—1957 гг.). М. 1957, с. 120.

шие средства, а их у молодого Советского государства тогда не было. В качестве первоочередных были выдвинуты восстановление металлургии Юга, развитие Кузбасса и освоение Карагандинского бассейна, близкого к уральским рудам.

Вопрос об Экибастузе вновь был поставлен в конце 1930-х годов. В постановлении Экономического совета при СНК СССР от 22 октября 1939 г. Экибастузский бассейн был признан крупнейшей топливной базой для промышленности и железных дорог Казахстана и соседних с ним областей, ибо пласты этого месторождения достигали в разрезе 150—180 м, в то время как в Караганде они не превышали нескольких метров [5]. Великая Отечественная война отодвинула решение вопроса. А в марте 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об освоении Экибастузского угольного месторождения» [6]. В нем указывалось, что наличие огромных запасов угля и благоприятные условия их залегания позволяют вести разработку открытым способом. В Экибастуз были направлены рабочие, техники и инженеры [7], завершившие строительство Ангренского разреза в Узбекистане. Для строительства первых угольных разрезов, промышленных предприятий, жилых и культурно-бытовых зданий был создан трест «Иртышуглестрой» (ныне комбинат «Карагандашахтострой»), его управляющим был назначен И. И. Каращук, главным инженером — А. А. Хищук.

Создание Экибастузского угольного бассейна проходило в нелегких условиях. Вблизи Экибастуза отсутствовали пригодные для сельского хозяйства площади, водоемы. Грунтовые воды, которые можно было бы использовать для бытовых и производственных нужд, удалось обнаружить только в 60 км, в районе оз. Калкаман. Не хватало жилья, квалифицированных рабочих, специалистов средней и высшей квалификации. Наблюдались перебои в обеспечении товарами широкого потребления и продуктами питания. Строители жили в голой степи, летом прокаленной солнцем, а зимой продуваемой ледяными ветрами, в 135 км от областного центра — Павлодара и в 110 км от районного центра — Баянаула [8]. Многие рабочие с семьями ютились зимой в бараках или в землянках, летом — в палатках.

Открытие сквозного движения Акмолинск — Павлодар и Омск — Барнаул создало более благоприятные условия для развития Павлодар-Экибастузского ТПК. В 1949 г. в Экибастузе был установлен энергопоезд — передвижная электростанция. Электролинии помогали прокладывать все, кто был свободен от других работ. В том же году поступили первые экскаваторы СЭ-3. Машинисты Н. Н. Малыгин, С. А. Губенко, В. Н. Косякин и Н. Колотов произвели монтаж, и вскоре начались вскрышные работы. Однако добывать уголь на разрезах горняки без помощи шахтеров не могли, т. к. через угольные пласты, находившиеся в глубине, проходили грунтовые воды. Для их отвода стали строиться дренажные шахты. Проходчики, руководимые А. Ш. Шариповым, обеспечили осушение угольных полей. Какую работу они выполнили, можно представить хотя бы по такой цифре: вертикальные и горизонтальные проходки дренажной системы разреза составляют 40 км [9].

В борьбе с трудностями люди мужали и совершенствовали свое мастерство [10]. Инициатором соревнования за сокращение времени при снятии слоя грунта в разрезе выступил машинист экскаватора М. Ф. Возный. За смену он стал снимать по 300 куб. м грунта при норме 150. Его опыт явился затем достоянием всех машинистов экскаваторов. Вскоре машинист Колотов вынул за смену более 3,5 тыс. куб. м; однако Возный побил и этот рекорд, вынув 3,7 тыс. куб. м и систематически добиваясь роста производительности труда. 24 декабря 1954 г. он вынул из разреза последний ковш земли, и в тот же день в железнодорожный состав был погружен и отправлен на Урал первый уголь Экибастуза. Это сделал ставший бригадиром Колотов (впоследствии старший механик разреза «Центральный»). Имена всех,

---

[5] Сборник важнейших постановлений и приказов по промышленности Наркомугля СССР. М. 1941, с. 79; Социалистическая индустрия, 5.I.1979.

[6] Уголь, 1949, № 8, с. 9.

[7] Партийный архив Павлодарской области (ПАПО), ф. 3, оп. 23, д. 92, л. 233.

[8] Там же, оп. 32, д. 189, л. 87.

[9] Партийный архив Казахского филиала (ПАКФ) ИМЛ, ф. 708, оп. 28, д. 1516, л. 41.

[10] ПАПО, ф. 3, оп. 17, д. 292, л. 88.

кто отличился на строительстве первого разреза годовой мощностью 3 млн. т, были занесены в акт государственной комиссии [11], свидетельствующий о массовом героизме рабочих: в акте перечислены более 200 человек, среди них машинисты экскаваторов братья Е. И. и Н. И. Яичниковы, Н. С. Бабинин, М. А. Евстигнеев, И. П. Ефанов, И. И. Беляев, электрик Т. П. Бисеев, машинист паровоза Я. Ш. Галимов. М. Ф. Возному было присвоено звание Героя Социалистического Труда, впоследствии он стал почетным гражданином г. Экибастуза. Почетным гражданином города стал и Н. И. Петренко, который вбил «первый колышек» при освоении павлодарского Прииртышья. Выходец из бедняцкой семьи, он участвовал ранее в коллективизации сельского хозяйства, во время Великой Отечественной войны сражался под Сталинградом, а в 1948 г. стал главным маркшейдером треста «Иртышуглестрой».

В 1955 г. горняки разреза добыли 2,3 млн. т угля, выдав сверх плана 282 тыс. тонн. В 1956 г. была освоена проектная мощность разреза. Через два года добыча угля превысила проектную мощность в 2 раза [12]. За сравнительно короткий срок в Экибастузе была создана индустриальная база, необходимая для строительства новых угольных разрезов, жилищно-коммунального строительства. Появились ТЭЦ, растворобетонный завод с цехом сборных железобетонных деталей, асфальтовый и кирпичный заводы, деревообделочный комбинат, песчаный карьер. Коллектив СМУ № 4 треста «Карагандашахтостроймонтаж» построил и сдал в эксплуатацию водопровод Калкаман — Экибастуз [13].

Однако возможности разработки угольного бассейна использовались далеко не полностью. С помощью привычных трудовых схем и техники начала 1960-х годов обеспечить быстрый рост угледобычи оказалось невозможным. Попробовали увеличить емкость ковшей экскаваторов. Однако глыбы угля, которые доставали новыми ковшами, были слишком велики для обработки. Оказался неудачным и другой вариант — увеличение в карьерах числа экскаваторов прежнего типа. Машины мешали друг другу, к тому же потребовалась дополнительная рабочая сила, которой не имелось. Тогда-то возникла идея вместо ковшового экскаватора применить более производительный, роторный. Идея была хороша; смущало то, что повсюду такие машины использовались на мягких породах.

Наукой и практикой было доказано, что крепкий уголь неподвластен роторной технике. А прииртышский пласт как раз отличается особой твердостью. Тем не менее в Экибастузе пошли на эксперимент. Первый роторный агрегат через полчаса работы начал разваливаться. Специалисты вместе с учеными и проектировщиками стали испытывать один образец за другим и совершенствовать технологию добычи. Была создана новая методика буровзрывных работ. Пришлось пересмотреть и былую теорию резания горных пород, которая не вписывалась в местные геологические условия. Перестраивалось транспортное хозяйство. Рабочие и ИТР добились все-таки того, что практически весь экибастузский уголь стал добываться роторными комплексами. Как отмечалось в 1976 г., «в дополнение к третьей всесоюзной кочегарке — Караганде вдвое возросла добыча угля в гигантских разрезах Экибастуза» [14]. Экибастуз встал в один ряд с Донбассом, Кузбассом и Карагандой. Осенью 1978 г., в канун первой годовщины принятия новой Конституции СССР, с разреза «Центральный» ушел эшелон с 500-миллионной тонной угля.

Освоение Экибастузского угольного бассейна открыло грандиозные перспективы для развития Павлодар-Экибастузского ТПК. Еще в 50-е годы были проведены выездные сессии АН СССР и АН КазССР, посвященные комплексному изучению природных ресурсов Центрального Казахстана, Джезказганского, Тургайского, Южно-Казахстанского и Павлодар-Экибастузского промышленных районов. По материалам научно-исследовательских институтов была разработана схема размещения и развития производительных сил Казахстанского экономического района на 70-е годы [15].

---

[11] Социалистическая индустрия, 5.I.1979.
[12] ПАПО. ф. 3, оп. 32, д. 191, л. 289.
[13] Там же, оп. 26, д. 205, л. 51.
[14] XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отч. Т. I. М. 1976, с. 140.
[15] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 102, д. 1564, л. 188.

Павлодарский обком партии и облисполком разработали долгосрочную программу развития края [16]. ЦК КП Казахстана и Совет Министров республики подготовили предложения с учетом соотношения принципов отраслевого и территориального планирования [17]. Местом размещения алюминиевого, нефтеперерабатывающего и химического заводов, потребляющих большое количество воды, сырья и энергии, избрали Павлодар. Наличием значительных водных ресурсов объясняется сооружение Ермаковского завода ферросплавов на Иртыше, хотя по источникам сырья он тяготеет к районам Караганды и Целинограда. Для успешного развития комплекса была упорядочена структура строительных организаций — созданы мощные тресты «Ермакферросплавстрой», «Павлодарпромстрой», «Павлодаржилстрой», «Экибастузэнергострой», в состав которых вошли предприятия стройиндустрии и управления механизированных работ с кранами, экскаваторами и бульдозерами.

Развитию Павлодар-Экибастузского ТПК способствовало и его расположение на пересечении Южно-Сибирской железной дороги с Иртышом, между Рудным Алтаем, Карагандой, Кузбассом и Уралом. Существенную роль сыграла и возможность интенсивного развития сельского хозяйства возле Павлодара, способного удовлетворять потребности населения в продуктах питания. Ускорил развитие ТПК быстрый рост трудовых ресурсов. Дальнейшее освоение региона было связано с реализацией решений XXV съезда КПСС, Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1977 г. «О создании Экибастузского топливно-энергетического комплекса и строительстве линии электропередачи постоянного тока напряжением 1500 киловольт Экибастуз — Центр».

Долгие годы слово «Экибастуз» было синонимом гигантской угольной кладовой. Сегодня в его угольных разрезах работают роторные экскаваторы, способные за час отправить потребителям 5 тыс. т угля. Но уголь этот самый высокозольный. Каждый вагон чуть ли не наполовину заполняется практически пустой породой. Потому и возникла идея сжигать уголь на месте, разгрузив железную дорогу, а уже готовую энергию подавать по проводам. На базе Экибастузского угольного бассейна планировалось построить пять электростанций общей мощностью 20 млн. квт, что равно многим Днепрогэсам. Станции решили строить одинаковыми — по восемь блоков-«полумиллионников» на каждой [18].

Весной 1977 г. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР было обсуждено на собрании областного партийно-хозяйственного актива с участием руководителей министерств угольной промышленности, энергетики и электрификации СССР. Собрание приняло резолюцию, в которой указывались конкретные задачи областных управлений, объединений, предприятий и организаций по сооружению Экибастузского топливно-энергетического комплекса (ЭТЭК). Его создание было поручено тресту «Экибастузэнергострой» Минэнерго СССР, тресту «Иртышуглестрой» Минуглепрома СССР и управлению «Павлодарстройпуть» Минтрансстроя СССР. Для координации их деятельности, оперативного решения вопросов и укрепления исполнительской дисциплины на объектах образовали областную комиссию по строительству во главе с секретарем обкома партии А. М. Макеевым [19]. При обкоме партии начал функционировать штаб строительства экибастузских ГРЭС. По масштабам и значимости ЭТЭК вскоре встал в один ряд с такими всенародными стройками, как Байкало-Амурская магистраль, Камский автозавод, Оскольский металлургический комбинат. ЦК КП Казахстана и правительство республики направили туда отряд опытных специалистов, ЭТЭК был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой [20]. На важнейших его участках трудилась 41 комсомольско-молодежная бригада [21].

В 1979 г. в тресте «Экибастузэнергострой» уже 25 коллективов работали по методу бригадного подряда [22]. На сооружении ГРЭС-1 бригада монтажников В. А. Сизинцева стала инициатором движения за выполнение плана трех лет пятилетки

---

[16] ПАПО, ф. 3, оп. 8, д. 317, л. 109.
[17] ПАКФ ИМЛ, ф. 708, оп. 35, д. 105, л. 116.
[18] Известия, 24.III, 29.IV.1977; Кызыл ту, 12.III.1977.
[19] Экономическая газета, 1977, № 24, с. 14; Правда, 1.VIII.1978.
[20] Партийный архив Целиноградской области (ПАЦО), ф. 1402, оп. 2, д. 479, л. 6.
[21] ПАПО, ф. 3, оп. 12, д. 122, л. 15.
[22] Экономическая газета, 1978, № 22, с. 1; Социалистическая индустрия, 5.I.1979.

к 7 октября и завоевала право называться бригадой имени 60-летия Великого Октября. В предпусковые дни она выступила с инициативой развернуть соревнование за право включения рубильника первого энергоблока ГРЭС-1. Соцсоревнование под этим девизом ускорило ход работ на всех объектах. Большой вклад бригады в строительство был отмечен, в частности, присуждением бригадиру Сизинцеву Государственной премии КазССР 1980 года. Немало передовиков трудилось и в других молодежных коллективах. А. Ф. Миронов, который строил Троицкую и Ермаковскую ГРЭС, в Экибастузе создал бригаду монтажников из новичков, возводившую главный корпус станции. Она работала круглосуточно в три смены по скользящему графику, звенья возглавляли опытные монтажники Н. В. Мешков, Ю. К. Петров, Ю. Г. Поляков [23]. Такая организация труда позволила свести к минимуму внутрисменные потери рабочего времени, повысить выработку каждого рабочего, на треть увеличить производительность использования подъемных механизмов. Именно эта бригада одной из первых перешла на бригадный подряд и широко применила монтаж укрупненных конструкций, заменила болтовые соединения стеновых металлических плит сварными, а ручную сварку — полуавтоматической. Бригада была признана одной из лучших в энергоотрасли [24].

С первого дня строительства жилого микрорайона бригаду отделочниц возглавила Г. Е. Чуркина, один из ветеранов Экибастуза, начавшая работать там штукатуром-маляром еще в 1953 году. Бригаду отделочниц сформировали из вчерашних школьниц, впервые взявших в руки мастерок. Жизненный опыт, доброта, высокое профессиональное мастерство бригадира, умение правильно организовать работу и научить принесли свои плоды. Плотником-бетонщиком пришел на стройку Т. С. Сарсембин. Вскоре он стал бригадиром, а его бригада прочно заняла место в числе передовых. Сарсембину присуждена премия Ленинского комсомола, он удостоен чести сфотографироваться среди лучших строителей страны на крейсере «Аврора». Когда в 1981 г. комсомол Казахстана сформировал для ЭТЭК республиканский ударный отряд, командиром его был назначен именно Сарсембин.

Во второй половине 70-х годов в Павлодар-Экибастузском ТПК вошли в строй комплексно-механизированные и автоматизированные цехи, участки и линии, крупнейший в мире разрез «Богатырь» проектной мощностью 50 млн. т в год. Его длина — около 6 км, ширина — почти 2 км, глубина —200 метров. Были построены картонно-рубероидный завод, нефтепровод Омск — Павлодар, депо на станциях Павлодар, Ермак и Экибастуз, электрифицирована железная дорога, открыт первый подземный рудник в Майкаине. Труд строителей, монтажников, эксплуатационников на сооружении разреза «Богатырь» и нефтеперерабатывающего завода в Павлодаре получил высокую оценку в приветствиях ЦК КПСС [25]. Около 100 передовиков строительства разреза «Богатырь» были награждены орденами и медалями, звания Героя Социалистического Труда удостоены генеральный директор объединения С. П. Куржей и бригадир трубоукладчиков Б. С. Сутжанов, машинист экскаватора Д. Ф. Василенко награжден орденом Ленина, лауреатами Государственной премии СССР за 1978 г. стали С. П. Куржей, технические директора объединения И. П. Федоров и Н. М. Белик, главный механик С. Ш. Шешембеков, начальник Северного погрузочно-транспортного управления В. Ф. Гаврюшин, машинист роторного экскаватора Б. Г. Гудыменко [26].

Однако не все шло гладко при сооружении новых объектов. Выяснилось, что ГРЭС-1 спроектирована недостаточно продуманно. Ее директор В. Шнайдер заявил: «Хуже, чем здесь, я не видел компоновки! Теснота, скученность...»; проектировщики гордятся, что «создали самую дешевую станцию, а мы теперь, куда ни кинь, расплачиваемся за... «экономию». Дело в том, что проектировщики всеми правдами и неправдами добивались удешевления и без того «самого дешевого проекта». Например, в ущерб надежности и удобству эксплуатации были размещены распредустрой-

---

[23] Гусляров Е. Энергоград. Книга-репортаж о первых шагах знаменитой стройки Казахстана. Алма-Ата. 1980, с. 16.
[24] Шевченко С. П. Экибастуз. Алма-Ата. 1982, с. 112.
[25] Правда, 19.I.1979.
[26] ПАПО, ф. 3, оп. 12, д. 122, л. 18.

ства для обеспечения энергией механизмов станции. В итоге ремонтные и обслуживающие площади сократились до минимума. Одни «удешевляли» проект за кульманами, другие отсекали от него необходимые объекты, оставляя их на «потом», третьи стремились сдать блоки и лишь затем создать нормальные условия людям, строящим и эксплуатирующим их. Так, центрального ремонтно-механического завода, без которого не может нормально работать не только весь энергокомплекс, но и ГРЭС-1, нет до сих пор, хотя он предусматривался в первоначальных проектных решениях. Сейчас завод все-таки начали строить, но очень медленно. Между тем из-за несовершенства ремонтной базы на станции гораздо дольше нормативных сроков простаивали энергоблоки, а оборудование, побывавшее в ремонте, нередко работает хуже, чем до него [27].

Министерство энергетики и электрификации СССР направляло основные силы на сооружение электростанции; лишь вторым, ослабленным эшелоном шло строительство жилья, детских садов, школ, больниц и магазинов. Крупнейший в стране Экибастузский ТПК создавался с нарушениями принципов комплексной застройки. Для прибывавшего в адрес ГРЭС-1 оборудования отсутствовали площадки и склады, не использовалась для получения стройматериалов оставшаяся после сжигания угля зола. Из-за недостатков в работе транспорта несвоевременно отгружался уголь. Темпы строительства ГРЭС-1 были подвергнуты резкой критике на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС. Там, в частности, говорилось: «Надо ускорить освоение Экибастузского, Канско-Ачинского, Кузнецкого топливно-энергетических комплексов и, конечно, сооружение соответствующих линий электропередач, прежде всего линии Экибастуз — Центр на постоянном токе напряжением 1500 киловольт... Строительство уникальных тепловых электростанций на востоке Казахстана ведется до сих пор из рук вон плохо» [28].

Как известно, действовавший у нас «многие годы народнохозяйственный механизм создавал психологию хозяйственника, стереотипы навыков и мышления, мягко говоря, не стимулирующие внедрение нового, прогрессивного... За последние четверть века не было ни одного пятилетнего или годового плана, в котором не воздавали бы должного техническому прогрессу. Но... за те же годы ни разу не был выполнен план по новой технике. Ни пятилетний, ни годовой, ни квартальный» [29]. Это обстоятельство наложило свою печать на многие стройки страны, в том числе и на Экибастуз, хотя здесь немало делалось и делается для развития техники. В частности, организуются конкурсы и смотры рационализаторов, а на страницах многотиражной и стенных газет, по местному радио рассказывается о лучших рационализаторах, об их работе, имеется Доска почета рационализаторов и изобретателей. Лучшими рационализаторами в Экибастузском угольном бассейне были признаны начальник участка энергоснабжения А. И. Конаков, электромеханик В. М. Кочерга, помощник машиниста экскаватора Н. В. Репин, электромонтер связи А. Н. Перминов, машинист экскаватора В. П. Бенцлер, токарь Ю. И. Сабуров, главный энергетик С. М. Дорохин и др. [30]. С начала освоения этого бассейна в движении рационализаторов и изобретателей приняло участие более 6 тыс. человек, ими подано свыше 13 тыс. рационализаторских предложений и изобретений, из них более 10,7 тыс. внедрено с общим экономическим эффектом 11,75 млн. рублей [31].

Постепенно повышается профессиональное мастерство рабочих. Если в 1961 г. Экибастуз чествовал самых первых «миллионеров» — экипажи экскаваторов Ф. В. Мокрослоева и М. И. Евстигнеева, то в последующие годы этот рубеж превзошли бригады заслуженного шахтера республики коммуниста Г. И. Мозера, Н. Колотова, Ф. Ф. Белкина, В. С. Егорова, Э. Д. Гельверта и других [32].

С начала XI пятилетки в Экибастузе добыто и отгружено более 320 млн. т уг-

---

[27] Известия, 12.VIII.1985.

[28] Экономическая газета, 1978, № 22, с. 2; Правда, 28.XI.1979; Социалистическая индустрия, 5.I.1979; 15.VII.1980; 4.VIII.1985.

[29] Известия, 14.VIII.1985.

[30] Қызыл ту, 20.V.1980.

[31] Уголь, 1980, № 4, с. 24.

[32] ПАПО, ф. 3, оп. 8, д. 303, л. 163.

ля; объем годовой добычи увеличился на 13,5 млн. т[33], введена в строй ГРЭС-1 мощностью 4 млн. квт: в 1980 г. был пущен ее первый энергоблок, в 1984 г.— последний, восьмой. Однако за 1980—1984 гг. блоки электростанции аварийно останавливались более 700 раз. Только из-за высокой текучести кадров и низкого уровня обучения работников аварийность по вине обслуживающего персонала составила в 1984 г. почти 23% от общих простоев, в результате станция недопоставила энергии на 26 млрд. квт/часов[34]. Коллектив экибастузской ГРЭС-1 длительное время не справлялся с планами выработки электроэнергии. Лишь с февраля 1985 г. ГРЭС-1 начала работать стабильно. Со дня пуска она выработала свыше 50 млрд. квт/ч электроэнергии[35]. Развернулось строительство ГРЭС-2, работы на строительной площадке которой начались в 1979 году. Вступила в строй действующих подстанция и линия электропередачи переменного тока напряжением 1150 квт.

На экибастузских углях продолжают работать свыше 20 электростанций Казахстана, Западной Сибири и Урала общей мощностью более 16 млн. квт[36]. Концентрация и централизация крупных тепловых электростанций в Павлодар-Экибастузском ТПК позволили осуществить централизованное распределение электроэнергии внутри Павлодарской обл. и за ее пределами, ликвидировать мелкие ведомственные электростанции. Построены ЛЭП Ермак — Семипалатинск — Усть-Каменогорск, Ермак — Экибастуз — Караганда, Ермак — Целиноград, Ермак — Барнаул, Ермак — Омск, Ермак — Темиртау. С вводом этих линий в эксплуатацию началась сплошная электрификация большей части Казахстана и Западной Сибири.

За годы развития Павлодар-Экибастузского ТПК значительно изменился облик основных центров региона. Павлодар, который долгие годы не имел ни водопровода, ни канализации, ни дорог с твердым покрытием и освещался керосиновыми лампами, превратился в крупный промышленный центр. В городе действует более 50 современных предприятий машиностроения, цветной металлургии, нефтехимической, пищевой и легкой промышленности, строительной индустрии, энергетики[37]. Широко известен Павлодарский алюминиевый завод им. 50-летия СССР, занимающий ведущее место в цветной металлургии страны по производству глинозема. 5 ноября 1964 г. оттуда был отправлен первый эшелон сырья в Сибирь и на Урал, там впервые разработана и внедрена в крупном масштабе высокоэффективная технология получения глинозема из казахстанских бокситов. Это позволило сэкономить 150 млн. руб. капитальных вложений, а ежегодно — по 25 млн. руб. эксплуатационных расходов. 99,9% основной продукции там выпускается с государственным Знаком качества[38]. За создание и промышленное освоение нового способа переработки низкокачественных бокситов группа работников завода удостоена Государственной премии СССР 1980 г., в том числе директор завода Ф. Б. Прокопов, зам. главного инженера А. И. Исаев и начальник отдела Николаевского глиноземного завода Ю. Ф. Узких. Коллектив Павлодарского алюминиевого завода награжден орденом Трудового Красного Знамени, ему присвоены звания «Предприятие высокой культуры производства», «Коллектив коммунистического труда». Его достижения были отмечены на XV съезде КП Казахстана[39].

Когда на этом заводе встал вопрос об освоении мощностей, прокальщик А. И. Туракбаев выступил с почином «Каждому агрегату, технологическому комплексу — проектную производительность». Ценность почина заключалась в том, что он позволял быстрее освоить проектную мощность предприятия. Эта задача была решена на год раньше срока[40]. Туракбаеву присвоено звание «Почетный металлург СССР», он стал орденоносцем и наставником молодежи. Аппаратчик В. Н. Поздняков прибыл на завод с Урала и за короткий срок освоил несколько смежных профес-

---

[33] Звезда Прииртышья, 2.VIII.1985.
[34] Известия, 12.VIII.1985.
[35] Звезда Прииртышья, 3.XII.1985.
[36] Социалистическая индустрия, 5.I.1985.
[37] Звезда Прииртышья, 31.XII.1980.
[38] ПАКФ ИМЛ, ф. 708, оп. 36, д. 205, л. 73.
[39] XV съезд Коммунистической партии Казахстана. Стеногр. отч. Алма-Ата, 1981, с. 75.
[40] ПАПО, ф. 32, оп. 17, д. 461, л. 76.

сий. Не довольствуясь этим, начал действовать по принципу «научился сам — научи другого». Так родился почин «каждому — смежную профессию». Он перерос в систему, появились школы передового опыта. За высокие производственные показатели Поздняков награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Бригадир спекальщиков Н. С. Софьин предложил выпускать продукцию отличного качества при наименьших затратах энергоресурсов. Этот почин сразу взяли на вооружение 105 подразделений, где трудилось около 2 тыс. рабочих и инженерно-технических работников. За счет этого в 1982 г. предприятие сэкономило 6,7 млн. квт/ч электрической и 58,4 тыс. гиг/калл тепловой энергии. Начинание бригады Софьина было одобрено на бюро Павлодарского обкома КП Казахстана и внедряется на всех предприятиях региона [41].

Одним из крупнейших в стране является объединение «Павлодарский тракторный завод имени В. И. Ленина». Его создание осуществлялось ускоренными темпами. И уже 12 августа 1968 г. с главного конвейера завода сошла первая машина марки «Казахстан». Русские и казахи, украинцы и белорусы, люди многих национальностей плечом к плечу, в братском содружестве создавали тракторный гигант на Иртыше. Сборка первой машины была поручена казаху С. Садыкову, русскому А. Тарнову и украинцу И. Маринко. Значительным событием для тракторостроителей стал выпуск 100-тысячного трактора. В ходе социалистического соревнования коллектив завода сумел решить многие сложные производственные задачи, и на два дня раньше предусмотренного графиком срока — 5 марта 1975 г. с главного конвейера сошел юбилейный трактор с эмблемой «ПТЗ» [42].

Бурное развитие промышленности Павлодара отразилось и на росте его значения как культурного и научного центра. Если до революции в городе не было ни одного высшего учебного заведения, то сейчас имеются индустриальный и педагогический институты, филиалы Целиноградского сельскохозяйственного и Семипалатинского зооветеринарного институтов; помимо того: политехнический и зооветеринарный техникумы, медицинское, торгово-кооперативное, музыкальное и педагогическое училища, областной драмтеатр имени А. П. Чехова, филармония, краеведческий и художественный музеи, кинотеатры, парки культуры, библиотеки и т. д. [43]. Там расположен единственный в Казахстане Проектно-конструкторский технологический институт автоматизации и механизации.

Из небольшого поселка, насчитывавшего два десятка саманных домишек, превратился в крупный центр угольной промышленности и энергетики Экибастуз. В нем проживает свыше 130 тыс. человек. Здесь выросли больничный комплекс, торгово-общественный центр, библиотека, детские дошкольные учреждения, профтехучилища и др. В 1985 г. первую группу инженеров-строителей выпустил Экибастузский общетехнический факультет Павлодарского индустриального института [44]. Горняки Экибастуза своими силами построили теплицы, где круглый год выращиваются огурцы, помидоры, лук и цветы. В честь первопроходцев освоения Экибастузского месторождения в городе установлен памятник — ковш экскаватора, которым была добыта первая тонна топлива.

Большую роль в регионе играет Ермак, до 1961 г.— небольшой поселок. Он стал центром трех гигантов: ГРЭС, завода ферросплавов и канала Иртыш — Караганда. Ермак соединен с Павлодаром железнодорожной веткой. По мосту, сооруженному через Иртыш, проложена бетонированная автомобильная трасса. По этим путям на новостройки Ермака направляются строительная техника, стройматериалы, оборудование. В короткий срок там возведены жилые дома со всеми удобствами, проложены водопровод и канализация, подведен газ [45]. Однако, несмотря на высокие темпы строительства, в Павлодар-Экибастузском ТПК сейчас имеется школ лишь на две трети от нормативов, детсадов и яслей — около 40% потребности, больниц — чуть больше трети необходимого, культурных учреждений — 15% нормы. «Именно

---

[41] Қызыл ту, 8.I.1983.
[42] Социалистик Қазахстан, 6.III.1975.
[43] Звезда Прииртышья, 12.VIII.1977.
[44] Звезда Прииртышья. 19.I.1981; Экономическая газета, 1985, № 35, с. 9.
[45] ПАКФ ИМЛ, ф. 708, оп. 34, д. 125, л. 5.

недостаток жилья, объектов культуры и быта в значительной мере сдерживает развитие... Экибастуза» [46].

Труженикам Павлодар-Экибастузского ТПК предстоит еще многое сделать. В развитии комплекса им оказывают помощь министерства и ведомства, промышленные предприятия и стройки, научные институты нашей и других стран социалистического содружества. РСФСР, Украина и Белоруссия снабжают комплекс мощными экскаваторами и бульдозерами, Азербайджан и Грузия — кранами, Латвия — кабельными изделиями, Узбекистан и Киргизия — станками. ГДР поставляет в Экибастуз роторные экскаваторы и контрольно-измерительные приборы, Чехословакия — электровозы. В результате притока рабочих и специалистов из разных районов состав рабочего класса комплекса оказался многонациональным: на строительстве разреза «Богатырь» работают представители 56 национальностей. Школой дружбы и интернационального воспитания стали алюминиевый, нефтеперерабатывающий, ферросплавный и тракторный заводы [47].

Кадры рабочих готовятся главным образом через систему ПТУ, школ и курсов производственного обучения. В ТПК подготовка кадров ведется по 90 специальностям [48]. Горняк А. И. Витт приехал в Экибастуз, имея начальное образование. Был строителем, помощником машиниста экскаватора, затем освоил профессию машиниста экскаватора и учился в вечерней школе и вечернем горностроительном техникуме. Важным условием успешной подготовки молодежи к трудовой деятельности является целеустремленная работа по профориентации. В школах и ПТУ, на предприятиях действуют консультационные пункты и бюро по профориентации, где специалисты консультируют школьников и их родителей. На предприятиях созданы учебные цехи и участки. Регулярно проводятся встречи учащихся с ветеранами и передовиками производства, экскурсии на предприятия, дни открытых дверей в ПТУ. Традиционными стали ежегодные городские торжественные собрания выпускников 8-х классов, поступающих в ПТУ. В Экибастузе они проводятся во Дворце шахтеров. Перед ребятами выступают передовые рабочие, ученые и деятели культуры. Собрания принимают специальные обращения к выпускникам восьмилеток. В областных и районных газетах, на телевидении и по радио ведутся постоянные рубрики «Жизнь профтехучилища», «Подготовка кадров», «Мы — молодой рабочий класс».

Более 40% выпускников 8-х классов школ Павлодара и Ермака учатся в ПТУ [49], причем большинство поступает в горный техникум или профтехучилище, дающие горняцкие профессии [50]. Вечернее отделение Экибастузского горного техникума окончил А. А. Шишлов, который отдал угледобыче более 25 лет, начав трудовую деятельность на угольном разрезе Караганды. С 1959 г. он работал на разрезах «Северный» и «Южный» помощником машиниста экскаватора, затем электромехаником участка. С 1975 г. Шишлов руководит бригадой добычного комплекса ЭРШРД-5000, который называют богатырем в «Богатыре», а Шишлова — «первым директором первого в стране добычного комплекса». В 1980—1985 гг. его бригада отгрузила 32 млн. т угля, из которых 2 млн. сверх плана [51].

В годы XI пятилетки в Павлодар-Экибастузском ТПК широко развернулось соревнование под девизом «Честь и слава — по труду». Оно дало значительные результаты при изыскании путей рационального использования рабочего времени, сокращения простоев, других потерь, в борьбе за дисциплину труда, улучшение организации производства [52]. Получило развитие соцсоревнование за право добычи юбилейных тонн угля, достижение проектной производительности оборудования и наивысшей производительности ко дню рождения Ленина. Высоких показателей за последние годы достигли вскрышные экскаваторные, транспортные и буровые бригады. Экипаж роторного экскаватора под руководством Героя Социалистического Труда

---

[46] Известия, 12.VIII.1985; Правда, 8.I.1986.
[47] ПАПО, ф. 1402, оп. 4, д. 272, л. 69; ф. 3, оп. 8, д. 313, л. 168.
[48] Социалистик Казахстан, 7.VIII.1983.
[49] Казахстанская правда, 11.III.1981.
[50] ПАЦО, ф. 3227, оп. 2, д. 74, л. 46.
[51] Казахстанская правда, 6.XII.1985.
[52] Казахстан коммунисі, 1984, № 12, с. 30.

Витта за пять лет выдал сверх плана более 1 млн. т топлива. Комсомольско-молодежная бригада А. А. Страшко рапортовала о досрочном завершении задания XI пятилетки [53]. Более 10 бригад в конце 1984 г. рапортовали о досрочном выполнении плана четырех лет XI пятилетки, в их числе — экипажи А. В. Зеленкова и А. С. Никишина с разреза «Южный», К. П. Рериха и Л. Ф. Ивасюка с разреза «Северный», В. Н. Проценко с разреза «Центральный». Бригада С. И. Зубко с «Богатыря» установила всесоюзный рекорд, отправив за год потребителям 6,8 млн. т угля. А всего в 1984 г. горняки разреза «Богатырь» добыли 64 млн. т угля. Почти 1 млн. т сверх нормы дала бригада роторного экскаватора СРС(к)-2200 В. Г. Сахарова, более чем на 0,5 млн. т перекрыл нормы экипаж бригады В. Ж. Мукшиева. За успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании коллектив разреза «Богатырь» в 1984 г. награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ и занесен на Всесоюзную доску почета ВДНХ СССР [54]. Ежедневно с путей Экибастуза уходят по 60 и более эшелонов самого дешевого в стране топлива [55]. В канун 50-летия стахановского движения горняки объединения «Экибастузуголь» отправили потребителям дополнительно к плану тысячи тонн топлива, выполнив обязательства, взятые на пятилетку. Экскаваторные бригады Шишлова и Зубко первыми рапортовали о досрочном выполнении своих пятилетних заданий [56].

Главной стройкой Экибастуза в настоящее время является разрез «Восточный» [57]. По мощности он меньше соседнего «Богатыря», но по технической оснащенности и совершенству технологии должен сделать новый шаг в угледобыче открытым способом. Полоска степи, которую в ближайшее время поглотят роторы мощных экскаваторов, ранее разделяла не только два гигантских многокилометровых карьера, но и две эпохи в открытой добыче угля. «Богатырь» рос вширь и вглубь, оставаясь самым крупным в стране и за рубежом угольным разрезом. «Восточный» растет еще и вверх. Рядом высятся мощные устройства перегрузки и усреднения угля, где закладываются основы стабильной работы электростанций еще до их пуска. Разница между соседями этим не ограничивается. По уступам «Богатыря» тепловозы катали вагоны. При перерывах в их подаче прекращал работу весь конвейер добычи угля. В «Восточном» на смену пришли мощные ленточные конвейеры. Безостановочному по принципу работы роторному экскаватору здесь был придан непрерывный подъемно-транспортный механизм. Осуществление такой работы должно повысить производительность роторного экскаватора с 4 млн. т угля в год на «Богатыре» до 7,5 млн. т на «Восточном».

Однако достижение такого эффекта зависит от качества и комплексности строительных и монтажных работ. Полная мощность нового разреза — 30 млн. т угля в год, стоимость — свыше 0,5 млрд. руб., время окончания строительства — 1988 год. Уже в 1985 г. предстояло пустить две очереди «Восточного», каждая из которых должна давать по 7,5 млн. т угля. Сдача первой была намечена на середину 1985 года. Тем не менее неорганизованность предыдущего периода строительства дала о себе знать. Многое не учли специалисты Минуглепрома СССР. Они неправильно распланировали сроки ввода очередей. По вине работников дирекции строящихся предприятий строители и монтажники не получили вовремя оборудование. Потом выяснилось, что не хватает многих километров кабеля и других материалов. В канун пуска, в июне 1985 г., когда на строительство «Восточного» были брошены крупные силы, вдруг прекратили отгрузку цементные заводы Казахстана. То, что делают наспех, всегда дает о себе знать потерями. Взять хотя бы такой видимый пример: высотную трубу на Экибастузской ГРЭС-1 построили криво. Эта местная «Пизанская башня» стоит как урок на будущее. Неиспользованными остаются и многие резервы увеличения добычи топлива. Минуглепром СССР и объединение «Экибастузуголь», сделав основную ставку на новое строительство, не уделили

[53] Социалистик Казахстан, 29.IV.1983.
[54] Экономическая газета, 1985, № 8, с. 17.
[55] Социалистик Казахстан, 29.IV.1983.
[56] Экономическая газета, 1985, № 28, с. 9.
[57] Там же, 1985, № 17, с. 18.

должного внимания реконструкции действующих разрезов. В результате сложились явные диспропорции в уровнях технической оснащенности основного оборудования. А к чему приводит, например, отставание ремонтной базы и путевого хозяйства? Простои экскаваторов за два года составили 15 тыс. часов, что равнозначно потере 5,5 млн. т угля [58]. Отстает от все возрастающих темпов добычи угля вскрышной комплекс. Ни разу за пятилетие не был выполнен план вскрышных работ.

Горняки Экибастуза успешно потрудились под девизом «XXVII съезду КПСС — 27 ударных декад». Право добыть миллиардную с начала освоения месторождения тонну угля завоевали экскаваторные бригады лауреата Государственной премии СССР 1985 г. А. А. Шишлова, Ф. К. Ахметова, а вывезти ее — локомотивная бригада В. В. Харченко. Сто горнотранспортных бригад успешно справились со своими заданиями и обязательствами. 43 бригады рапортовали о досрочном выполнении пятилетних планов. С перевыполнением суточных и месячных заданий шли комсомольско-молодежные коллективы В. Мочали и В. Мукишева. Комсомольско-молодежная бригада роторного комплекса ЭРШРД-5000, руководимая Р. Х. Фецером, установила всесоюзный рекорд добычи угля в месяц: в августе 1985 г. ею было отгружено более 1,5 млн. т угля [59]. Одним из первых в стране инициаторов повышения эффективности грузоперевозок за счет увеличения веса и длины поездов стал коллектив Экибастузского железнодорожного узла.

В сентябре 1983 г. впервые в стране со ст. Экибастуз отправился состав с углем весом более 15 тыс. тонн. Его повели лучшие машинисты И. М. Сташкевич и С. А. Урбанович. Через месяц они же провели по этому маршруту поезд весом свыше 18 тыс. тонн. Затем началось вождение составов весом до 30 тыс. т и более. Теперь такие рекорды стали нормой. За XI пятилетку на Экибастузском железнодорожном узле было сформировано свыше 39 тыс. тяжеловесных составов, что позволило перевезти дополнительно около 32 млн. т народнохозяйственных грузов [60]. В числе передовиков Павлодар-Экибастузского ТПК — комсомольско-молодежный коллектив, возглавляемый коммунистом М. Г. Зубцом, бригады штукатуров-маляров М. Д. Абасовой и А. И. Скрыгаловской.

Сегодня Павлодар-Экибастузский ТПК — мощный центр производства дешевой электроэнергии, тракторов, углей, ферросплавов, глинозема, редких металлов, продукции нефтеперерабатывающей промышленности и др. Выпускаемая здесь продукция имеет важное значение в ускорении научно-технического прогресса народного хозяйства страны. В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» отмечается, что следует «продолжить формирование Павлодар-Экибастузского территориально-производственного комплекса. Значительно увеличить добычу угля в Экибастузском бассейне, начать освоение Майкюбенского месторождения угля. Ввести в действие мощности на Экибастузской ГРЭС-2, развернуть строительство Экибастузской ГРЭС-3» [61]. Выполнить эти задачи можно, лишь учитывая уроки прошлого и трудясь с полной отдачей сил. Эти задачи по плечу труженикам Экибастуза, в конце 1985 г. добывшим и отгрузившим миллиардную тонну угля.

---

[58] Звезда Прииртышья, Кызыл ту, 5.XII.1985.
[59] Угольный Экибастуз, 5.IX. 1985; Правда, 4.XII.1985.
[60] Кызыл ту, 25.VIII.1985.
[61] Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. М. 1985, с. 77.

М. К. ЦЕБРИКОВА — ДЕЯТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Н. П. Ефремова

Имя Марии Константиновны Цебриковой (1835—1917 гг.) было хорошо известно ее современникам. Разоблачение ею правительственного произвола в письме Александру III произвело на общество огромное впечатление. Это письмо переписывали и передавали из рук в руки, как ранее роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и другие произведения революционной публицистики. Однако до сих пор деятельность Цебриковой недостаточно изучена [1]. Использованы и открыты еще не все архивные материалы, имеющие отношение к становлению ее революционно-демократических взглядов.

В автобиографическом рассказе Цебриковой есть такие строки: «Моя кукла... казалась мне препротивной уродиной после красивой восковой куклы... Я очень жалела, что папа не богат и не может подарить мне на елку такую куклу» [2]. Лет в 10 Мария уже понимала, почему их семья не имеет многого из того, чем обладали другие семьи: «Отец мой был строгий законник и собака на сене, как звали его сослуживцы». В Кронштадте, где жила эта семья, Константин Романович Цебриков выступал «защитником всех обиженных», боролся против бюрократов и взяточников. Однако впоследствии его дочь поняла, что позиция отца в общественных вопросах на деле носила умеренно-либеральный характер, и писала, что с отцом она как бы «изображала двуглавого орла,.. одна кровь, а в разные стороны глядели» [3].

Но в числе ее предков и родственников были и такие, о ком она отзывалась с гордостью: литератор Я. Б. Княжнин, пострадавший за стихотворение «Самодержавие есть бед содетель»; ее дядя декабрист Н. Р. Цебриков. Мария запомнила, что дядя чтил свой «чин декабриста» и уважительно говорил о друзьях, доказавших верность революционным убеждениям. Эти мысли содержатся и в его воспоминаниях, проникнутых верой в справедливость дела борьбы с самодержавием. В 1854 г. Николай Романович вернулся в Петербург после долгих лет ссылки и скитаний, стал частым гостем в молодежных кружках, а от его рассказов веяло «такой задушевностью, такие новые, неведомые и не подозреваемые миры раскрывали они», что многие сохранили память о встречах с ним на всю жизнь [4]. Современники отмечали, что Н. Р. Цебриков был одним из немногих декабристов, кто сумел сблизиться с новым молодым поколением и оказать на него некоторое влияние [5].

Тайком от родителей Мария Цебрикова посещала собрания студенческих кружков. «Вы, барышня, и дяденька Ваш... печалитесь о том, что справедливости нет, и бедным, необразованным людям жить тяжело» [6],— говаривали ей простые люди. «Неженские» увлечения Марии встречали рьяный отпор со стороны матери. Происходившая из дворянского рода де Финборк, она хвасталась тем, что ее предки были знакомы с императором Павлом I, который захаживал к ним отведать приготов-

---

[1] Большей частью исследователи останавливаются именно на этом ее письме. См. также: Мануйлов В. А. М. К. Цебрикова и ее воспоминания.— Звезда, 1935, № 6 (об участии Цебриковой в женском освободительном движении); Могилянский А. П. Новые данные о М. К. Цебриковой.— Русская литература, 1971, № 1 (публикация двух автобиографий Цебриковой); Кайдаш С. Победить безвременье! В кн.: Сильнее бедствия земного. М. 1983 (краткая биография Цебриковой).

[2] Цебрикова М. Мой отец. М. 1911, с. 5.

[3] ОР ГБЛ, ф. 295, оп. 1, д. 31, л. 21.

[4] Острогорский В. Из истории моего учительства. СПб. 1914, с. 58—59.

[5] Сорокин В. М. Воспоминания старого студента, 1858—1861.— Русская старина, 1888, т. LX, с. 619—623.

[6] Вестник всемирной истории, 1901, № 11, с. 67.

ленного для него шоколадного напитка. Зато прадед Цебриковой по отцовской линии был простым казаком, а сын его выбился «в люди» лишь благодаря трудолюбию и незаурядным способностям. В семье считали обязательным посещение церкви. Мария вспоминала, что отец ее полагал, будто на Земле обязательно наступит «царство божьей правды», и находил в этом утешение. Но его дочь жаждала немедленных и реальных действий во имя справедливости. Ее кумирами стали те, кто не ждал, а боролся. В 15 лет она уже преклонялась перед А. И. Герценом, прятала от матери его брошюры и запретные книги. И позднее она не сразу узнала, что ее дядя Н. Р. Цебриков стал постоянным корреспондентом великого революционного демократа. Впоследствии цензура не преминула подчеркнуть, что М. К. Цебрикова «идеалом писателя... почитает Герцена» [7]. Значение его она видела в том, что он и его последователи действовали в согласии со своими идеями и не удовлетворялись «указанием зла», а боролись с ним [8].

Юность Цебриковой совпала со временем, когда в России формировалась революционная демократия. Как и большинство разночинной молодежи, Мария была внимательной читательницей работ Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, М. Л. Михайлова, которые воспитывали критическое отношение к действительности. Ее вдохновляли стихотворения петрашевца А. Н. Плещеева. Она писала ему: «В трудную минуту, в молодости, когда я рвалась к свету, Ваши задушевные строки будили новые силы» [9]. Для ровесниц Цебриковой 1860-е годы были временем рождения новых представлений о долге образованных людей перед народом, о социальном предназначении женщины, о необходимости общественного равноправия. В ту пору Цебрикова познакомилась с представительницей «новых людей» — своей дальней родственницей Назимовой, служившей сестрою милосердия. В Крымскую войну ей выпало счастье работать под руководством известного хирурга Н. И. Пирогова [10]. В петербургских гостиных дамы смотрели на нее, как на чудо. Цебрикову же она покорила «нравственною силою»: «с нею дышалось легко, виделось светло, чуялась сила среди дряблости, гнили» [11],— вспоминала Цебрикова.

Тогда Мария и задумалась вплотную о своем будущем. Она уже знала, что есть «трудовой мир» за стенами их дома, но общественный труд считался чуть ли не унизительным для «барышень». Однако наперекор обывательским предрассудкам уже появились первые интеллигентки из разночинной среды. Они работали в магазинах и типографиях, конторах и артелях. Им требовалось немало мужества, чтобы жить своим трудом. И все же они упорно добивались цели, говоря: «Мы не хотим быть паразитами... Народ работает, и мы обязаны работать» [12]. Они преодолевали традиции старозаветного семейного уклада, согласно которому дочерей наставляли так: «Твоя бедная мать всю жизнь не знала воли, слушалась родителей, слушалась мужа, а теперь еще ты не даешь ей исполнить свою волю» [13]. От дочерей требовалось беспрекословное подчинение, потому что, как писала Цебрикова, задавленные сами, их матери «понимали волю только как возможность давить других». Марию возмущало, что девушкам полагалось «безучастно видеть низкопоклонство и ложь чиновничьего и офицерского мира», что домашние предписания не позволяли «прийти в негодование, когда видишь каждый день из окон, как держиморды учат солдат, выбивая им зубы».

Она начала отвоевывать в семье право на самостоятельность: добилась возможности заниматься самообразованием, познакомилась с арифметикой, географией и русской историей, затем отстояла для себя воскресную школу и лекции в университете [14], а вскоре включилась в освободительное движение. Ее особенно привлекало то, что в «женском вопросе смешались две струи: личная и общественная, естественное желание самостоятельности, независимости, обеспечивающего заработ-

---

[7] Литературное наследство. Т. 53—54, с. 514.
[8] Отечественные записки, 1870, № 6, с. 1.
[9] ОР ГБЛ, ф. 359, оп. 1, д. 25, л. 2.
[10] Воспоминания Марии Константиновны Цебриковой.— Звезда, 1935, № 6, с. 199.
[11] Вестник всемирной истории, 1901, № 11, с. 69.
[12] Воспоминания, с. 203.
[13] Там же, с. 191.
[14] Жизнь. Т. II. СПб. 1900, с. 102.

ка,— и желание образовать себя для того, чтобы стать полезным членом общества, приносить ему посильную пользу»; ей хотелось быть там, где «дружно работают для лучшего будущего» [15]. Она заинтересовалась положением женщин в других странах, стала переводить и публиковать материалы о борьбе американок за независимость британских колоний, подчеркивая верную позицию тех, кто выступал на стороне свободы [16]. Непосредственно к русскому читателю были обращены ее слова о том, что и во многих других странах «женщин ждет борьба терпеливого, неутомимого труженичества, на которую нужно, быть может, еще более нравственных сил, чем для геройского подвига» [17]. Цебрикова видела задачу русской женщины в том, чтобы каждая из них могла стать «воспитательницей: которая даст нам граждан... и сама будет гражданкой, работающей по мере сил на пользу общества» [18].

Важной проблемой оставалась организация высшего женского образования в России, а также перестройка среднего образования. Главными предметами для девочек считали тогда языки, рисование, танцы и закон божий. Из гимназии выходили «барышни-белоручки». Цебрикова предложила учить девушек декоративно-прикладному искусству (роспись тканей, изготовление изделий из различных материалов). Такие работы обычно выполняли в России иностранные мастера, и на подобные заказы тратились средства, которые могли бы пойти на женскую профессиональную подготовку. А в 1868 г. группе энтузиасток удалось добиться устройства в Петербурге общедоступных лекций и затем преобразовать их в Высшие женские курсы. Вместе с Н. В. Стасовой, М. В. Трубниковой, А. П. Философовой Цебрикова хлопотала о женских Владимирских и Аларчинских курсах [19].

Ее работа в области высшего женского образования длилась более 20 лет. В письме одному из организаторов высшего женского образования в Москве проф. В. И. Герье она писала: «Обращаюсь к Вам с просьбой о разрешении посетить устроенные Вами женские курсы. Позволяю себе надеяться, что как член комитета, поддерживающего Петербургские женские курсы, я не встречу отказа» [20]. Письмо датировано 1887 годом. В те месяцы Цебрикова была участницей Общества для доставления средств Высшим женским курсам и стремилась облегчить нищенский быт курсисток, возмущаясь тем, что правительство тратит сотни рублей на «безумную роскошь» [21]. Цебрикову вызвали в III Отделение и подвергли допросу [22].

Значение ее общественной деятельности возрастало по мере того, как ей становилась доступной печатная трибуна. Первые опыты в беллетристике не принесли ей особого успеха. А затем она поняла, что основное направление ее работы — публицистика. В этом поддержал ее Н. А. Некрасов, который в «Отечественных записках» предоставил ей возможность печатать критические статьи [23]. Цебрикова потом отмечала, что Некрасов вообще «всегда с радостной заботливостью встречал каждого новичка-писателя, выказывавшего дарование». Однако ее сотрудничество с «Отечественными записками» можно объяснять прежде всего совпадением ее общественных устремлений с позицией этого органа революционно-демократической печати и требованиями редактора к авторам жить «для блага общего» и быть «гражданами родной земли» [24].

Цебрикова публиковала свои переводы, статьи, рецензии, рассказы. Ее литературный труд длился в течение двух десятилетий, а ее творческое наследие еще ждет своих исследователей. В целом она оставалась верна теме борьбы за социальное освобождение и равноправие женщин. В 1866 г. Цебрикова начала сотрудни-

---

[15] Воспоминания, с. 190—191.
[16] Американки XVIII века. СПб. 1871. Предисловие М. К. Цебриковой, с. 19.
[17] Там же, с. 26.
[18] Цебрикова М. К. К вопросу о любви и ее морали. СПб. 1884, с. 46.
[19] Каторга и ссылка, 1926, № 1, с. 15.
[20] ОР ГБЛ, ф. 55 (Герье), д. 33, лл. 1—2.
[21] Дело, 1882, № 4, с. 150—151.
[22] Могилянский А. П. Ук. соч., с. 109.
[23] Об их сотрудничестве см.: Кулиш Ж. В. Об одном забытом некрологе.— Русская литература, 1972, № 4; Теплинский М. В. «Отечественные записки», 1868—1884 годы. Южно-Сахалинск. 1966.
[24] Воспитание и обучение, 1878, № 2, прил., с. 44—45, 51.

чать в педагогическом журнале «Детский сад» (под псевдонимом М. Артемьева), позже переименованном в «Воспитание и обучение», и впоследствии редактировала и издавала его. К работе в этом журнале она привлекла соратника Н. Г. Чернышевского — Н. В. Шелгунова, поборницу высшего женского образования Е. И. Конради, издательницу О. Н. Попову и многих других шестидесятников. Реакционная пресса встретила ее выступления в печати градом насмешек насчет «женских идей» и «художественных просчетов», не будучи в силах опровергнуть ее идеалы по существу.

Цебрикова мечтала дать обществу «хороший педагогический журнал, чуждый обычной рутины» и выдержанный в демократических традициях: «Мне хочется внушить детям, насколько им доступно, гражданские чувства», воспитателям же — привить «характер и честность, которые им всего нужнее» [25]. Но ей приходилось нелегко. Письма Цебриковой, касающиеся журнальной работы, свидетельствуют о том, что цензура постоянно следила за ее деятельностью. Вот, например, цензор Нефедов: он «умен и вытравляет мысль»; «цензура не прощала ни честного негодования против неправды и зла, ни чувства любви, сострадающей всем униженным и оскорбленным: все это было неблагонамеренностью для цензуры, требовавшей, чтобы авторы докладывали читателям, что все обстоит благополучно и мы живем в наилучшем из миров» [26]. Трудно поэтому приходилось и авторам, а не только редактору.

Когда Цебрикова обратилась к литератору И. З. Сурикову с просьбой прислать свою работу для публикации, он ответил: «Написать — не знаю что. «Детскую молитву» для детского журнала не пропустит ни один цензор» [27]. К тому же журнал требовал немалых средств, а у редактора их не было. Можно продержаться, как писала она, «при условиях даровой крыши и хлеба»; «могу еще 3 года протянуть» [28]. Обстоятельства ее личной жизни вскоре переменились к худшему: отец заболел и лежал три года в параличе. Хотя Цебрикова была «измучена донельзя», но решила не бросать работу «ни ради чего в мире» [29]. Однако пришлось ей оставить желанную мысль заработать изданием журнала деньги на открытие общедоступной школы. Ее взгляды начала и середины 70-х годов отражены в таких работах, как «Детские рассказы» (1875 г.), «Записки гувернантки» (1875 г.), «Детство Чарльза Диккенса» (1877 г.), «Зеленый остров: рассказ о том, что такое деньги, торговля и труд» (1878 г.), «Сказка про трех мужиков и бабу-ведунью» (1879 г.).

В своих печатных статьях и рецензиях той поры Цебрикова стремилась обратить внимание читателей на любые произведения, в которых утверждалась идея равноправия. Так, в повестях Н. Д. Хвощинской ей импонировало то, что в них «верно и чутко подмечены все муки молодой девушки, задыхающейся в ветхозаветной чиновничьей среде, где нет простора ни уму, ни чувству» [30]. Н. В. Смирнова в повестях «Огонек» и «Соль земли» запечатлела не историю несчастной любви (традиционная для «женской литературы» тема), а судьбу девушки, для которой главными стали общественные заботы и трагедия которой состоит в том, что ее социальным идеалам не суждено осуществиться [31].

Порой Цебрикова поднималась до серьезных философских обобщений. В работе «К вопросу о любви и ее морали» она резко выступала против «биологических теорий», основоположники которых не учитывали в человеке главного — что он является существом общественным, и поэтому законы его поступков отнюдь не тождественны законам животного мира и носят социальный характер: «Человечество давно ушло от непосредственности животного и не вернется к нему сознательно» [32]. В 1871 г. она выступила с резкой критикой повестей М. В. Авдеева, который изображал героинь, существующих исключительно «для любви». Этот автор оказал медвежью услугу сторонникам освободительного движения, бездумно усмотрев в борьбе

---

[25] ОР ГБЛ, ф. 295, оп. 1, д. 31, лл. 21, 21об.
[26] Мир божий, 1897, № 12, с. 26.
[27] ОР ГБЛ, ф. 295, оп. 1, д. 5327/2, л. 42.
[28] Там же, л. 8об.
[29] Там же, л. 13об.
[30] Мир божий, 1897, № 12, с. 21.
[31] Отечественные записки, 1873, № 3, с. 200—205.
[32] Цебрикова М. К. К вопросу о любви и ее морали, с. 20.

женщин, в их стремлении к «разумной, осмысленной жизни» путь к «унижению и животности» [33]. Оценивая роман выдающегося писателя, но консерватора по убеждениям, враждебного «нигилизму», члена правительственного совета по делам печати И. А. Гончарова «Обрыв», Цебрикова отказалась принять мораль, которую тот навязывал читателям: «Юные девы, слушайтесь бабушек»; «наука, общественная деятельность — все это область мужчины» [34].

Она побуждала современных ей авторов реалистически отображать образ «новой женщины», сформировавшейся в эпоху падения крепостного права; тогда «русская женщина впервые сознала свои права на свободу,.. почуяла в себе силы вступить в мир мысли, науки и общей жизни, который был загражден от нее тройным запретом: законом, предрассудками общества и ее собственной, веками привитой неумелости и беспомощности» [35]; «мы видели женщин, которые не довольствуются более не только мечтаниями при луне, но и счастьем с милым, а требуют себе доли в жизни, считавшейся веками недоступной для них. Они отдают свои силы, свою жизнь на то, чтобы добиться этой доли, если не для себя, то для младших сестер и дочерей» [36].

В письмах и воспоминаниях Цебриковой часто фигурируют имена тех, кем она восхищалась: сестры милосердия Назимовой, математика с мировым именем С. В. Ковалевской, первой русской женщины-врача В. А. Кашеваровой-Рудневой. Она пыталась помочь любой женщине, становившейся на этот путь, однако часто хлопотала и о нуждавшихся в поддержке мужчинах, если те были передовых взглядов. Среди них — автор знаменитой книги «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви (Н. Флеровский). III Отделение свидетельствовало, что Цебрикова «занимает влиятельное положение в среде молодежи как писательница в нигилистическом направлении» [37].

В начале 70-х годов XIX в., находясь в Швейцарии, она сблизилась с группой русских девушек, которые пытались осуществить за границей свою мечту о высшем образовании. Поскольку царское правительство прервало их занятия, они, вернувшись на родину, посвятили себя делу революционной пропаганды. И тут женщины «играли активную роль, а не просто шли за вожаками» [38]. В те месяцы Цебрикова сближается с революционно-пропагандистским кружком «чайковцев». У них пользовался особой популярностью ее рассказ «Дедушка Егор», в котором с горечью говорилось о тщетности попыток народа отыскать «правду» в Петербурге. Из газеты «Неделя» этот рассказ отдельной брошюрой был перепечатан и затем в 1873 г. переиздан «чайковцами» для распространения в народе, а потом широко использовался семидесятниками в ходе пропаганды среди крестьян и рабочих.

Когда с конца 70-х годов часть революционной молодежи поддержала народовольческую идею террора, Цебрикова заняла иную позицию и попыталась убедить наиболее горячих юношей и девушек «не идти по пути крови и динамита», ибо подобные выступления были «делом геройского чувства, но не политической мудрости» [39]. Индивидуальный террор ведет лишь к усилению царских репрессий, но не может решить ни одного вопроса до тех пор, пока народные массы способны «только апатично сносить гнет»; решать дело должны сами массы. Позднее она повторяла, что «Россия слишком дорого платится» за демократические идеалы [40].

Равным образом ей остались чужды утопические иллюзии тех, кто думал о перестройке сознания отдельных предпринимателей — ведь «принцип справедливости» в отношении рабочих не может быть на каком-либо одном предприятии более чем простым экспериментом и вообще не может воплотиться в действительность «при существующих условиях»: предприниматели заинтересованы, чтобы работники оставались в положении «наковальни», случайный пример «благородного» хозяина никак

---

[33] Вестник Европы, 1871, № 6, с. 609, 642.
[34] Отечественные записки, 1870, № 5, с. 53.
[35] Там же, 1873, № 3, с. 215.
[36] Там же, 1870, № 5, с. 29.
[37] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3-я эксп., 1872 г., оп. 1, д. 65, л. 2.
[38] ОР ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, д. 4824, л. 40.
[39] Цебрикова М. К. Письмо к Александру III. СПб. 1906, с. 33.
[40] Могилянский А. П. Ук. соч., с. 105.

не вдохновит остальных. Эффективна только общая борьба, «самопомощь» рабочих [41]. В то же время Цебрикова не отрицала влияния передовых идей на общественные процессы: «Идеи не обладают сверхъестественною силою превращать урода в человека», но люди «способны усвоить по степени своего развития» идеи и сделать из них практические выводы [42].

В этой связи Цебрикова в 80-е годы XIX в. переключилась на проблему «нравственного сознания» [43] (таковы, в частности, ее рассказы «Мысль и труд», 1883 г.) и стала подыскивать подходящий, по ее представлениям, образ общественных действий. Достаточно ли тут только печатного слова, идейного воспитания посредством печати? Достаточно ли, когда даже либералы, не говоря уже о консерваторах,— это люди, «штыками, картечью отстаивающие свою собственность» [44]. К тому же власти «душат каждое негодующее слово за народ», правительство поддерживает «порядок» силой миллионной армии, «губернаторы ведут войско пристреливать крестьян, бунтующих на коленях»; льется кровь, и гораздо больше, чем террористы, ее проливает царизм; однако «за одну кровь дают ордена, а за другую — веревку на шею»; не закономерно ли поэтому, что тот, кто гибнет с веревкой на шее, «имеет для молодежи обаяние геройства»? [45].

Реакция давила тогда всякое живое слово. В 1884 г. закрылись «Отечественные записки», едва ли не последнее в то время пристанище для демократически настроенных публицистов. Воспоминания Цебриковой о 25-летии женского движения, включенные в мартовскую книжку «Русской старины» за 1888 г., были изъяты цензурой, журнал пришел к подписчикам с пустыми листами [46]. Цебрикова установила контакты с участниками нелегального Красного Креста, созданного в помощь политическим ссыльным. В ее распоряжении оказались тетради с записями о трагических историях из жизни ссыльных и произволе, творимом над ними. Обращались с ними хуже, чем со скотом; перевозили в лютый холод на неотапливаемых баржах; содержали в бараках, кишащих насекомыми; размещали в местностях, где свирепствовала инфекция; обрекали на голод. Ссылка часто оборачивалась такими сторонами, что Цебрикова писала: «Лучше бы правительство расстреливало тех, кого считает своими врагами. Это было бы гуманнее» [47]; «Посещая друзей, заключенных в тюрьмах, я всегда чувствовала угрызения совести и спрашивала себя: «Вот они страдают, почему же я ничего не делаю?» [48].

Она решила использовать общественное мнение зарубежных стран, скомпрометировав царизм огласкою его преступлений. Чтобы получить заграничный паспорт и отвести подозрения от намеченного ею места издания нового печатного органа, Цебрикова выдвинула «благовидный предлог» — чтение в США лекций о русской литературе в течение длительного времени и для большей убедительности распродала свое имущество. Получив паспорт, поехала через Севастополь во Францию. В Севастополе жандармы осуществили тщательный досмотр ее вещей, однако ящик с табаком не вызвал у них подозрений (именно там находилась рукопись ее будущего знаменитого письма Александру III). В Париже ее встретили друзья, в том числе Е. И. Конради, на страницах «Недели» которой Цебрикова не раз печаталась в прежние годы.

Возможно, среди посредников Цебриковой в организации нового дела была и Е. Г. Бартенева, в 1889 г. тоже приехавшая в Париж [49]. В материалах полицейского досье на Бартеневу встречается фамилия Цебриковой. Письмо Александру III было набрано в женевской типографии М. К. Элпидина, которого Бартенева знала еще в 70-е годы, когда участвовала в деятельности Русской секции I Интернацио-

---

[41] На эти высказывания Цебриковой обратил внимание Теплинский (Теплинский М. В. Ук. соч., с. 226).

[42] Отечественные записки, 1870, № 5, с. 40.

[43] Кайдаш С. Ук. соч., с. 144.

[44] Цебрикова М. К. Письмо к Александру III, с. 6.

[45] Там же, с. 30.

[46] Подробнее см.: Мануйлов В. А. Ук. соч.

[47] Цебрикова М. Каторга и ссылка. Женева. Б. г., с. 49.

[48] Цебрикова М. К. Письмо к Александру III, с. 33.

[49] Подробнее см.: Ефремова Н. П. Новое о Екатерине Бартеневой.— Вопросы истории, 1984, № 9, с. 83—91.

нала. Сама Цебрикова упоминает Е. И. Конради как последнюю, которой она читала свои новые материалы. Другие ее «французские связные» остались пока неизвестными [50].

Брошюра, которую подготовила Цебрикова, сначала была набрана без указания автора. Но когда из Женевы она поступила в Париж по условленному адресу, то Цебрикова, получив также литеры типографского шрифта, лично набрала свою фамилию и вручную оттиснула в конце текста подпись: «М. Цебрикова». Она решила выступить с открытым забралом, не пожелав, чтобы аноним или псевдоним навели кого-либо на мысль о ее малодушии. Два издания были посланы автором в крупнейшие английские и французские газеты. Она написала также в США Дж. Кеннану, обследовавшему в 1885—1886 гг. русскую каторгу и ссылку, с просьбой довести содержание ее протеста до сведения американского общественного мнения.

Такое же письмо и пакет с изданиями получила в Лондоне автор знаменитого «Овода» Э.-Л. Войнич (Л. Буль). «Дорогая Лили! — писала Цебрикова.— Когда Вы получите это письмо и мои брошюры, я буду в тюрьме. Как Вы знаете, я не революционерка. Но я хотела наконец сделать что-нибудь для моего народа. Когда я была молода, моя английская приятельница Мэри М., бывало, говорила мне: «Вы, русские, рождены быть рабами». Я отвечала ей: «Мы рождены рабами, но не рождены быть рабами». И я решила, что когда-нибудь я это докажу. Но не это является истинным мотивом моих действий. Истинным мотивом является то, что я в долгу перед моим народом, и я плачу этот долг» [51]. Известно, что Войнич в молодости жила в России, общалась с семьей видного революционера С. М. Степняка-Кравчинского и гостила у сестры его жены — П. Карауловой, бывшей замужем за революционером В. А. Карауловым, посаженным в Петропавловскую крепость [52]. В Войнич Цебрикова увидела единомышленницу и не ошиблась.

Значение письма Цебриковой царю (1890 г.) оказалось шире, чем простое обличение злоупотреблений царских властей. По существу, там выносился приговор существовавшему строю, который противопоставил себя основной массе населения. Тему бедственного положения народа в пореформенной стране Цебрикова (ее тогдашний псевдоним — Николаева) не раз поднимала и в очередных рассказах. «Бедные крестьянские семьи,— писала она,— беднели все более и более и попадали в лапы кулаков» [53]. В открытом письме Александру III она обвиняла царизм в том, что в России народ неграмотен и лишен элементарной медицинской помощи, между тем миллионы тратятся на строительство роскошных дворцов; для чиновников закон давно стал мертвой буквой, они уверены в своей безнаказанности и редко бывают наказаны в силу круговой поруки между ними; Россия нуждается в немедленном предоставлении людям свободы слова и собраний, неприкосновенности личности.

— «Неужели же вы думали, что из-за вашего письма будут реформы?» — спросил Цебрикову чиновник после ее возвращения в Россию и ареста. Она ответила ему, что личность должна иметь право на протест [54]. «Рабье молчание» было ею нарушено. Сообщения о ее письме вскоре появились на страницах мировой печати и в русских заграничных изданиях. Цебрикову сослали. «Сколько мне приходилось наблюдать,— писала она тогда,— политическая ссылка — лучшее средство роднить население с революционным движением» [55]. И если, встречая Цебрикову на пути следования в ссылку, некоторые из ее знакомых «оглядывались, куда бы юркнуть в сторону, чтобы не поклониться», то местные крестьяне заверяли ее, что «все ссыльные политические — люди хорошие» [56].

Более двух лет провела она в Вологодской губ., найдя и в ссылке друзей, особенно среди молодых, которые прозвали ее «матерью-командиршей». В 1892 г. ей позволили переехать в Смоленскую губ., где она жила в с. Воробьево, в 40 вер-

---

[50] Могилянский А. П. Ук. соч., с. 105.
[51] Цит. по: Таратута Е. По следам «Овода». М. 1972, с. 122—123.
[52] Там же, с. 82—83.
[53] Николаева М. Сирота. М. 1896, с. 21.
[54] Каторга и ссылка. СПб. 1907, с. 31.
[55] Цебрикова М. К. Письмо к Александру III, с. 46.
[56] Там же, с. 47.

стах от железной дороги [57]. Именно «надо быть в ссылке,— писала она,— чтобы узнать, как хороши люди, сколько в них непоказного героизма, любви, идеальной чистоты» [58]. Поселилась она в доме бывшего редактора журнала «Новое слово» А. Н. Попова. Вокруг его жены, публицистки О. Н. Поповой, сложился кружок местной интеллигенции. Цебрикова любила там говорить с молодежью, рассказывала о декабристах, о своей работе у Некрасова, о шестидесятниках [59].

Цебрикова переписывалась тогда с редактором журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичем и одним из редакторов восстановленных «Отечественных записок» Г. З. Елисеевым, а с 1894 г.— с В. Д. Бонч-Бруевичем, который создавал в то время Общество распространения книг для народа. Когда он возглавил издательство «Народная библиотека», Цебрикова рекомендовала ему подходящих авторов. Бонч-Бруевич обращался к Е. С. Некрасовой: «М. К. Цебрикова написала мне, что Вы имеете вещицы для народного издания... Направление нашего издательства можно определить так: «радикальное до самого последнего и возможного в наши дни предела» [60]. Цебрикова надеялась, что там удастся выпустить в дешевом издании произведения шестидесятника Ф. М. Решетникова и певца рабочей жизни Д. Н. Мамина-Сибиряка; мечтала напечатать работы Е. И. Конради, произведения Н. Д. Хвощинской (известной под псевдонимом В. Крестовский) [61]. С сожалением она писала Бонч-Бруевичу, что не может передать ему экземпляры своих изданий, ибо у нее ничего не осталось: «Все мои детские книги передаются в школу и крестьянским ребятишкам»,— сообщала она редакции журнала «Родник» [62].

В Воробьеве у Цебриковой родился новый замысел: заняться составлением для «Народной библиотеки» книги об Ирландии, о героической освободительной борьбе ее граждан. Между тем состояние ее здоровья ухудшалось. В письме В. А. Гольцеву, бывшему обозревателю «Русской мысли», она сетует, что силы позволяют ей «пробегать в газетах одни только земские дела» [63]. Ни в Петербург, ни в Москву выезд для лечения ей не был разрешен. В декабре 1897 г. после очередного отказа властей она заявила: «Не буду больше кланяться» [64]. И в ссылке она старается следить за настроениями молодого поколения; с горечью пишет, что «идеал нынешней молодежи — винегрет», а взгляды ее «точно калейдоскоп, тряхни — и одна фигурка из кусочков, тряхни — и другая» [65]. Когда ей стали известны споры, которые разгорелись между народниками и марксистами, она отметила, что «марксисты в силе» и хорошо используют печать, но по-прежнему осталась на позициях людей своей молодости — народников.

До конца своих дней она оставалась убежденной в том, что победа революции в России неизбежна, что на стороне борцов против самодержавия — «нравственная мощь»; что «будущее земли русской принадлежит не самодержавию»; если пока еще многие люди воздерживаются от протеста, то «дети и внуки их молчать не будут»; «если бы нашим красным удалось каким-нибудь чудом вызвать революцию, я пошла бы и умерла в их рядах» [66]. Ее жизнь в старости, в начале XX в., известна плохо. Скончалась она в марте 1917 г. в Крыму, успев узнать о падении царизма. В ответ на наш запрос Краеведческий музей г. Ялты сообщил, что о ее могиле нет сведений. На Смоленщине в с. Воробьеве дом, где она жила в 90-е годы прошлого века, охраняется государством.

---

[57] Могилянский А. П. Ук. соч., с. 107.
[58] Государственный литературный музей в Москве (ГЛМ), ф. 3, оп. 1, д. 87, л. 1.
[59] ОР ГБЛ, ф. 369, оп. 1, д. 4, лл. 2—4. См. также: Ильин В. В. М. К. Цебрикова на Смоленщине.— Русская литература, 1978, № 4, с. 140—144.
[60] ОР ГБЛ, ф. 369, оп. 1, д. 32, л. 1.
[61] См.: ГЛМ, ф. 3, оп. 1, д. 87.
[62] ОР ИРЛИ, ф. 260, оп. 1, д. 257, л. 3.
[63] ОР ГБЛ, ф. 77, оп. 1, д. 67, лл. 70—71.
[64] ГЛМ, ф. 3, оп. 1, д. 87, л. 2.
[65] Там же, л. 8.
[66] Цебрикова М. Каторга и ссылка, с. 67, 64; Воспоминания, с. 189.

В Отделении истории АН СССР

В БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ

26 ноября 1985 г. на заседании Бюро Отделения председательствовал зам. академика-секретаря Отделения акад. Ю. В. Бромлей. С научным докладом «Об изучении истории взаимоотношений России и СССР со странами Востока» выступил П. М. Шаститко (Институт востоковедения АН СССР — ИВАН), остановившийся на основных аспектах этого изучения.

Касаясь традиций такого изучения в советской науке, докладчик отметил, что эти взаимоотношения определились первыми же внешнеполитическими шагами молодого Советского государства и начальными актами его национального строительства, которые придали связям Советской России со странами Востока революционизирующий характер. Не имевшее аналогов в истории опубликование тайных документов царизма, в которых значительное место занимали материалы восточной его политики, заложило источниковедческую базу нашей ориенталистики. Работы 20—30-х годов отличались партийностью и пропагандистской страстностью. Их недостатком была относительная узость источниковой базы, в первую очередь на восточных языках. Фундаментальные исследования начались после Великой Отечественной войны. Наряду со многими ценными изданиями об отдельных странах увидели также свет сборники, в которых рассматривалось влияние первой российской революции и Великого Октября на страны Востока в целом.

Говоря об издании источников по проблеме, П. М. Шаститко охарактеризовал «Документы внешней политики СССР», специальные издания, трехтомник «Русско-китайские отношения XVII — XVIII вв.», двухтомник «Русско-монгольские отношения в XVII в.», серийные издания «Центральная Азия в источниках и документах» и «Азия и Африка в источниках и документах», другие сборники и осветил перспективу ближайших публикаций.

Докладчик рассказал и о серии исследований под рубрикой «СССР и страны Востока», которые охватывают соответствующие сюжеты от первых известий о каждой сопредельной с СССР стране до наших дней, включают все государства от Турции на западе до Японии на востоке и отличаются комплексностью подхода (экономические, социальные, политические, дипломатические, культурные и прочие взаимосвязи). В заключение П. М. Шаститко коснулся недостатков в координации, организации и подготовке публикаций по этой тематике.

Свои соображения по докладу высказали академики Ю. В. Бромлей и А. Л. Нарочницкий, чл.-корр. АН СССР А. А. Искендеров, а также Е. В. Чистякова (Университет дружбы народов) и А. И. Чичеров (ИВАН). Бюро приняло к сведению основные положения доклада.

Были рассмотрены координационные планы научных советов Отделения на XII пятилетку. О них доложили: председатель Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» акад. И. И. Минц, председатель Научного совета «История внешней политики СССР и международных отношений» акад. А. Л. Нарочницкий, председатель Научного совета «История исторической науки» чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко, председатель Научного совета по исторической демографии и исторической географии чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков, председатель Археографической комиссии

С. О. Шмидт, зам. председателя Научного совета по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Ю. В. Ганковский, зам. председателя Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» А. Л. Семенов, ученый секретарь Научного совета «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» В. Д. Есаков.

В обсуждении координационных планов приняли участие академики Ю. В. Бромлей и Б. А. Рыбаков, чл.-корр. АН СССР А. А. Искендеров, зам. председателя Научного совета «История исторической науки» В. А. Дунаевский. Бюро одобрило с учетом внесенных поправок и дополнений эти планы как первый их вариант, имея в виду, что после XXVII съезда КПСС учреждения Отделения представят уточненные планы. На основе информации зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР В. Н. Виноградова Бюро рекомендовало представить в Президиум АН СССР на утверждение в качестве главного редактора журнала «Советское славяноведение» В. В. Зеленина, а также новый состав редколлегии этого журнала.

Согласно сообщению ученого секретаря Отделения по координации В. Г. Овчинникова и с учетом информации Ю. С. Хренникова (Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик при Президиуме АН СССР), Бюро поддержало предложение об организации Института рукописей на базе Республиканского рукописного фонда АН АзССР.

Ученый секретарь Отделения В. П. Козлов сообщил о полученном приглашении включить акад. Ю. В. Бромлея и чл.-корр. АН СССР К. В. Чистова в состав международной редколлегии сборника «Ethnologia Slavica». Заслушав мнение акад. Б. А. Рыбакова и чл.-корр. АН СССР В. П. Алексеева по данному поводу, Бюро поддержало этот шаг.

* * *

Под председательством зам. академика-секретаря Отделения истории чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко проходило заседание Бюро 3 декабря 1985 года. С научным докладом «Новое в изучении мировоззрения раннего человека» выступил Ю. А. Смирнов (Институт археологии АН СССР).

Он рассказал о погребениях людей в эпоху мустье (средний палеолит) 60—30-тысячелетней давности как начальных формах осознанного захоронения умерших. Исследование погребений дает представление о развитии общественных отношений в первобытном коллективе, зарождении изобразительного искусства, культов и мифологии. Основные «очаги» мустьерских погребений выявлены в Юго-Западной Франции, Крыму и Палестине. В этих захоронениях отразились сложные способы обращения с умершими; захоронения были одиночными, парными и групповыми; покойников клали в различных позах, в некоторых случаях снабжали «заупокойным» набором предметов, ориентировали (вероятно) по Солнцу или Луне и сопровождали сооружениями, носившими жертвенный либо мемориальный характер. Отдельные умершие предварительно обрабатывались с обрядовой целью. Эти обряды свидетельствуют о дуалистическом мировосприятии древних людей, о начале важного этапа на пути к становлению более развитой культуры.

В прениях по докладу приняли участие академики Ю. В. Бромлей и Б. А. Рыбаков, члены-корреспонденты СССР В. П. Алексеев, Г. М. Бонгард-Левин, А. А. Искендеров и И. Д. Ковальченко, а также Н. Я. Мерперт (Институт археологии АН СССР), Ю. И. Семенов и В. А. Шнирельман (оба — Институт этнографии АН СССР). Выступавшие, высоко оценив доклад, подчеркнули целесообразность его публикации.

Зам. председателя Комиссии по проблемам молодежи Отделения истории Г. А. Трукан сделал сообщение «О работе с молодыми учеными и разработке молодежной тематики в учреждениях Отделения истории». Своими соображениями по этому вопросу поделились академики Ю. В. Бромлей и Б. А. Рыбаков, члены-

корреспонденты АН СССР А. А. Искендеров, И. Д. Ковальченко, Ю. С. Кукушкин и З. В. Удальцова. В принятом Постановлении Отделения истории указывается, что общественные организации учреждений Отделения, руководствуясь Постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» (1984 г.), осуществляют комплекс мероприятий, в основном заслуживающих положительной оценки. Вместе с тем здесь имеются еще значительные резервы и неиспользованные возможности. Бюро наметило пути и способы расширения проводимой работы и дало Комиссии ряд конкретных рекомендаций.

Об итогах научно-исследовательской работы Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР в 11-ой пятилетке и исследованиях, намеченных на 12-ю пятилетку, доложил директор этого института В. Н. Иванов. Свое мнение по рассматриваемому вопросу изложили акад. Ю. В. Бромлей, члены-корреспонденты АН СССР В. П. Алексеев и А. А. Искендеров, зам. директора Института истории СССР А. Н. Сахаров и ученый секретарь этого института Л. М. Гаврилов.

Приняв к сведению доклад, Бюро рекомендовало институту обратить внимание на разработку дискуссионных проблем истории Якутии; укрепить связи с головными учреждениями Отделения истории АН СССР; активизировать изучение тематики о политической ссылке в дореволюционной Сибири, о роли русского и других народов в развитии Якутии; организовать научную конференцию в связи с последними археолого-антропологическими открытиями в Якутии; теснее увязать тематику работ ИЯЛИ с комплексными программами Отделения истории.

На основе соображений, высказанных председателем Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцовой, Бюро согласилось с предложением об изменении структуры этого совета и его новом названии — «Закономерности исторического развития общества и смены общественно-экономических формаций».

А. Ш.

* * *

10 декабря 1985 г. под председательством академика — секретаря Отделения акад. С. Л. Тихвинского состоялось заседание Бюро Отделения, на котором обсуждались задачи советских историков в свете проекта новой редакции Программы КПСС, проекта Устава Коммунистической партии Советского Союза (с предлагаемыми изменениями) и проекта Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

О ходе обсуждения этих документов в институтах и учреждениях Отделения, намеченных в связи с этим мероприятиях по перестройке их работы доложили директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков, директор Института этнографии АН СССР акад. Ю. В. Бромлей, директор Института всеобщей истории АН СССР чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова, начальник Института военной истории Министерства обороны СССР чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин, зам. директора Института востоковедения АН СССР чл.-корр. АН СССР Г. Ф. Ким, зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР В. Н. Виноградов, зам. директора Института истории СССР АН СССР Г. А. Трукан, директор Архива АН СССР Б. В. Левшин. С предложениями по повестке дня также выступили академики А. М. Самсонов, А. Л. Нарочницкий, И. И. Минц, члены-корреспонденты АН СССР П. В. Волобуев, В. Л. Янин, член редколлегии и редактор отдела истории журнала «Коммунист» Ю. Н. Афанасьев.

В принятом Бюро Отделения Постановлении отмечается, что проект новой редакции Программы КПСС, проект Устава Коммунистической партии Советского Союза (с предлагаемыми изменениями), проект Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года вызвали одобрение и полную поддержку среди историков. Перед ними с еще большей

остротой встала задача по обобщению опыта строительства социализма в нашей стране, в братских социалистических странах, включая творческий анализ проблем современного этапа совершенствования социалистического общества. В условиях постоянного обострения идеологической борьбы необходима дальнейшая активизация идеологической, политико-воспитательной и теоретико-методологической роли исторической науки. Постановление обязывает активизировать разработку актуальных направлений развития исторической науки, сформулированных в шести перспективных комплексных целевых программах («История строительства развитого социалистического общества», «Революция и социальный прогресс», «Проблемы войны и мира в XX веке», «История культуры народов СССР», «Этногенез и этносоциальные процессы современности», «Общие закономерности и специфические особенности развития общественных формаций»). Бюро Отделения считает целесообразным провести в 1987 г. совместно с ИМЛ при ЦК КПСС научную сессию, посвященную истории социализма в СССР.

На заседании Бюро были утверждены состав секции по исторической географии, картографии и краеведению Научного совета АН СССР по исторической демографии и исторической географии, а также оргкомитет Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории, который намечено провести в Казани в 1986 году.

В. П.

В высшей школе

50-ЛЕТИЕ ИСТФАКА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В сентябре 1935 г. впервые заполнились слушателями аудитории Исторического факультета Саратовского государственного университета (СГУ), основанного в 1909 году. Во главе с деканом факультета, археологом проф. П. С. Рыковым коллектив преподавателей приступил к организации учебного процесса, налаживанию научной работы, оборудованию кабинетов. Большую роль в этом сыграла проф. А. М. Панкратова, возглавившая в 1937 г. кафедру истории СССР СГУ. Именно в Саратове ею был написан учебник истории СССР для старших классов, по которому учились многие поколения советских школьников. В последующие десятилетия на Истфаке преподавали и преподают профессора В. Г. Борухович, Д. П. Ванчинов, Г. А. Герасименко, Л. А. Дербов, Л. Н. Журавлева, М. С. Персов, И. В. Порох, В. В. Пугачев, И. В. Синицын, С. А. Соколов, С. М. Стам, Н. А. Троицкий, В. В. Широкова и др.

В годы Великой Отечественной войны многие истфаковцы сражались на фронте. В числе первых взяли в руки оружие декан факультета Б. С. Зевин и ряд студентов. Выпускник Истфака Н. Я. Казаков за героизм и мужество, проявленные в битве за Днепр, был удостоен звания Героя Советского Союза. Высокие боевые награды получили бывшие студенты Г. А. Бессонова, Г. Д. Бурдей, К. С. Ермолаев, Н. Ф. Кузьмин, И. В. Малышев, З. Н. Мичурина, И. В. Порох, В. М. Фоменкова и мн. др. Война осложнила работу факультета: не хватало аудиторий, занятия проводились в две и даже три смены. Студенты и преподаватели строили оборонительные сооружения, работали в госпиталях, на предприятиях, заготовке дров, уборке урожая. На втором году войны университет принял в свои стены коллег, эвакуированных из Ленинграда и других городов. Проф. В. В. Мавродин по совместительству стал заведующим кафедрой истории СССР СГУ. Студенты получили возможность слушать также лекции Г. А. Гуковского, В. И. Равдоникаса, проф. Московского университета Н. Л. Рубинштейна.

В 1955 г. в Истфак СГУ влился Истфак местного пединститута. Коллектив педагогов пополнился профессорами В. К. Медведевым, А. Ф. Остальцевой, П. Д. Степановым, доцентами М. Я. Косенко, Я. М. Майофисом, А. И. Озолиным. В настоящее время на факультете работают 10 докторов и 25 кандидатов наук. В 50-е годы был расширен прием на вечернее и заочное отделения, на дневное больше стали принимать молодых рабочих и колхозников.

Ныне на факультете обучаются 1190 человек. Он имеет пять кафедр, археологическую лабораторию, шесть кабинетов и учебную библиотеку, готовит специалистов по трем специальностям: история и обществоведение, политэкономия, история КПСС. Факультет окончили около 7 тыс. студентов. Среди его выпускников более 30 докторов и немало кандидатов наук. Часть выпускников стали преподавателями вузов, другие возглавили партийные организации и государственные учреждения, влились в ряды сотрудников музеев, архивов, научно-исследовательских институтов и лабораторий. В их числе: заведующие кафедрами Г. А. Герасименко, А. С. Динес, В. Д. Полищук, В. П. Семьянинов, И. И. Сергеев, В. Б. Устьянцев, Г. А. Широков, заслуженный деятель науки УССР Н. Г. Гончаренко, первый проректор Академии общественных наук при ЦК КПСС Н. Ф. Кузьмин и др.

Большинство окончивших факультет посвятили свою жизнь и деятельность школе, некоторые из них удостоены звания «Заслуженный учитель школы РСФСР», около 100 награждены нагрудными знаками «Отличник просвещения СССР» и «Отличник просвещения РСФСР», орденами и медалями. В 1965 г. окончила Истфак А. И. Дубровина. Она уехала работать в с. Турки Саратовской области. За отличную работу ей присвоено звание заслуженного учителя школы РСФСР. Ее ученики почти ежегодно поступают на Истфак СГУ и по окончании его тоже едут работать в сельские школы. Новые задачи подготовки педагогических кадров встали перед коллективом факультета в связи с реформой средних и специальных учебных заведений. Деканат и кафедры разработали и осуществляют усовершенствованные планы педагогической подготовки студентов.

Значительное место в работе факультета занимает подготовка пособий, хрестоматий и сборников документов по основным и специальным курсам и семинарам [1], активно ведется научная работа, сложились и успешно развиваются несколько важных научных направлений. Особенно интенсивно разрабатывается история Нижнего Поволжья с древнейших времен до наших дней. Археология этого региона представлена трудами П. С. Рыкова и И. В. Синицына [2]. Победа Октябрьской революции, гражданская война и социалистическое строительство в Саратовской области исследовались В. К. Медведевым, Г. А. Герасименко и С. А. Соколовым. Они же являлись авторами монографии «Октябрь в Поволжье (1967)» [3]. Нижнее Поволжье в годы Великой Отечественной войны стало предметом исследования Д. П. Ванчинова и его учеников [4].

Большая группа ученых занята изучением общественной мысли и освободительного движения в России XVIII—XX веков. Л. А. Дербов написал книгу о просветителе конца XVIII в. Н. И. Новикове. Революционное народничество 70—80-х годов XIX в. изучает Н. А. Троицкий, опубликовавший по этому сюжету несколько книг. В. В. Широкова посвятила свою работу демократической организации 90-х годов XIX в.— партии «Народного права». Революционные события начала XX в. нашли

---

[1] См.: Труды научных работников Саратовского университета. Библиографический указатель. Вып. 1 (1909—1958). Саратов. 1959; вып. 2 (1957—1966). Саратов. 1968; вып. 3 (1967—1972). Саратов. 1976.

[2] Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов. 1936; Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана. В кн.: Памятники Нижнего Поволжья. Т. 2. М. 1960.

[3] Медведев В. К. Крутой поворот. (Из истории коллективизации сельского хозяйства Нижнего Поволжья). Саратов. 1961; Герасименко Г. А., Рашитов Ф. А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов. 1972; Герасименко Г. А., Семьянинов В. П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября. (По материалам Поволжья). Саратов. 1980; Соколов С. А. В канун Великого почина. Саратов. 1974.

[4] Ванчинов Д. П. Военные годы Поволжья. Саратов. 1980; Ванчинов Д. П., Данилов В. Н., Ченакал Д. Д. Трудящиеся Поволжья — фронту. Саратов. 1984.

отражение в работах В. А. Осипова и В. М. Гохлернер. Труды И. В. Пороха касаются жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского [5].

Значительное место в научной продукции факультета занимают труды по истории экономики, внешней и колониальной политики европейских стран, античной культуры, средневекового города, национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии [6]. Всего за последние 10 лет его преподаватели написали около 30 монографий и свыше 200 статей.

Факультет выпускает также и межвузовские сборники. Коллектив его активно участвует в научных конференциях и симпозиумах, на его базе функционирует специализированный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций [7].

Научную работу ведут также студенты: свыше 75% их участвует в кружках, семинарах, конкурсах, ежегодных студенческих научных конференциях, в работе группы «Поиск», которая поддерживает связь с выпускниками Истфака, воевавшими на фронтах Великой Отечественной войны.

В настоящее время усилия коллектива факультета направлены на устранение недостатков в организации научной и преподавательской работы, дальнейшую реализацию школьной реформы, активное участие в социалистическом соревновании.

И. В. Галактионов

[5] Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов. 1974; Троицкий Н. А. Безумство храбрых. (Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882). М. 1978; его же. Царизм под судом прогрессивной общественности (1866—1895). М. 1979; его же. «Народная воля» перед царским судом. Саратов. 1983; Широкова В. В. Партия «Народного права». Из истории освободительного движения 90-х гг. XIX в. Саратов. 1972; Осипов В. А. Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 гг. Саратов. 1947; Гохлернер В. М. Листовки саратовских большевиков (1902—1917). Саратов. 1979; Порох И. В. Герцен и Чернышевский. Саратов. 1963; Дело Чернышевского. Сб. док. Саратов. 1968.

[6] Парфенов И. Д. Монополия и империя. (Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80—90-х гг. XIX в.). Саратов. 1980; Остальцева А. Ф. Англо-русское соглашение 1907 г. Саратов. 1977; Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов. 1976; Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII вв.). Саратов. 1969; Журавлева Л. Н. Внешняя политика Бирмы и экспансия капиталистических держав в 60-х — начале 80-х гг. XIX в. Саратов. 1981; Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. Саратов. 1983.

[7] Подробнее см.: Дербов Л. А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов. 1983.

Обзоры

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ленинская национальная политика, последовательно проводимая Коммунистической партией, дружба и взаимопомощь народов СССР привели к созданию во всех советских республиках крупных отрядов рабочего класса, к формированию его высококвалифицированных кадров из населения коренных национальностей, обеспечили дальнейший рост его численности и совершенствование качественного состава. Этот фактор «способствует расширению влияния рабочего класса на развитие общества, укрепляет социальную основу единства всех классов и групп, наций и народностей» [1]. Советские исследователи, всегда уделявшие большое внимание изучению республиканских отрядов рабочего класса, проделали значительную работу по обоб-

[1] О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М. 1982, с. 10.

щению истории их развития на современном этапе. На необходимость дальнейшего изучения этой проблемы нацеливают партийные документы [2].

В литературе 70-х — начала 80-х годов, в том числе в историографических трудах по истории рабочего класса СССР [3], уже давалась оценка состояния изученности отдельных аспектов современного развития его республиканских отрядов. Были опубликованы статьи с анализом исследований, касающихся некоторых сторон развития рабочего класса Казахской [4], Азербайджанской [5], Узбекской [6], Латвийской [7], Эстонской [8] и Молдавской ССР [9]. Обстоятельные обзоры литературы по проблеме содержатся в ряде обобщающих монографий по истории современного рабочего класса отдельных республик [10]. Вместе с тем историографический анализ трудов, посвященных развитию и деятельности всех республиканских отрядов многонационального рабочего класса СССР на современном этапе, не предпринимался. В предлагаемом обзоре сделана попытка, учитывая проведенную ранее историографическую работу, рассмотреть труды историков союзных республик по этой проблеме, изданные на русском языке в 70-е — начале 80-х годов, показать основные направления ее исследования [11]. За этот период в Таллине, Красноярске, Минске и других городах состоялись научные конференции по истории многонационального рабочего класса СССР [12], во всех союзных республиках появились труды, в которых современный этап выделен в предмет специального исследования.

---

[2] См.: Материалы XXV съезда КПСС. М. 1976, с. 214; Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 145—146; Пленум Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. Стеногр. отч. М. 1983, с. 191.

[3] Ворожейкин И. Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М. 1975; Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л. Рабочий класс — ведущая сила советского общества (Вопросы методологии и историографии). М. 1977; Полетаев В. Е., Сануков К. Н. Исследования о национальных отрядах рабочего класса СССР. Обзор.— История СССР, 1984, № 3.

[4] Асылбеков М. Х. Итоги и задачи изучения истории рабочего класса Казахстана (1917—1976 гг.). В кн.: Рабочий класс Страны Советов. Материалы Всесоюзной научной конференции на тему «XXV съезд КПСС о ведущей роли советского рабочего класса в социалистическом и коммунистическом строительстве». Минск. 1980; его же. Рабочий класс Казахстана в условиях развитого социализма и проблемы изучения его истории.— Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1984, № 6; Абишева Б. Н. Изучение истории рабочего класса Казахстана. В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана (к 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана). Алма-Ата. 1980; Янулов В. К. Историография культурно-технического роста рабочего класса Казахстана в условиях развитого социализма.— Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1981, № 2; Нурмухамедов С. Б. Вопросы изучения истории рабочего класса Советского Казахстана. В кн.: Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата. 1983.

[5] Мадатов Г. А., Кадырова Н. Г. Некоторые вопросы историографии советского рабочего класса Азербайджана. В кн.: Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. М. 1975.

[6] Султанов М. К. К историографии творческой активности рабочего класса Узбекистана в условиях развитого социализма (1966—1975).— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 4.

[7] Шнейдере И. Р., Савченко В. И. Развитие социалистического соревнования в Латвийской ССР. 1940—1975 гг. Обзор литературы.— Известия АН ЛатССР, 1976, № 4; Крегере О. К. Исследование истории рабочего класса. В кн.: Историческая наука Советской Латвии на современном этапе. Рига. 1983.

[8] Пуллат Р., Кала К. Об основных итогах изучения истории рабочего класса Советской Эстонии. В сб.: Рабочий класс СССР на современном этапе. Вып. 10. История рабочего класса развитого социалистического общества. Историографический анализ. Л. 1983.

[9] Репида Л. Е. Рабочий класс Молдавии как проблема в советской историографии. В кн.: Историческая наука Советской Молдавии. К 60-летию образования Молдавской ССР и создания Компартии республики. Кишинев. 1984.

[10] Эльдаров А. М. Рост рабочего класса Азербайджана на этапе развитого социализма (1959—1975 гг.). Баку. 1978; Ширияздданов Ш. Х. Рабочий класс Киргизстана в условиях развитого социализма. Фрунзе. 1979; и др.

[11] Труды по истории рабочего класса автономных республик, заслуживающие специального рассмотрения, в данном обзоре не анализируются.

[12] См., напр.: Рабочий класс Эстонской ССР в условиях научно-технического прогресса. Тезисы докладов на научной конференции (14—15 декабря 1972 г.). Таллин. 1972; Рабочий класс Сибири в условиях развитого социализма (Тезисы докладов на-

В литературе по рассматриваемой проблеме можно вычленить две большие группы работ: обобщающие труды общесоюзного и республиканского характера, трактующие в комплексе либо с другими проблемами, либо с предшествующими периодами социалистического строительства в СССР историю республиканских отрядов рабочего класса на современном этапе; монографии и статьи, в которых современный рабочий класс является объектом специального исследования. В рамках каждой из этих групп отражен широкий круг тем.

Ряд вопросов, связанных с развитием рабочего класса союзных республик, рассмотрен в обобщающих исследованиях общесоюзного плана, посвященных ведущему классу в годы восьмой-девятой пятилеток [13], истории советского народа — новой исторической общности людей, социальной структуре советского общества [14]. Пользуясь сравнительно-историческим методом, авторы этих работ проанализировали (как правило, во взаимосвязи с другими темами) изменения в численности, демографической структуре, качественном составе рабочего класса союзных республик. При этом подчеркивается, что республиканские отряды рабочего класса, развиваясь в тесной взаимосвязи друг с другом и на основе общих закономерностей, в то же время имеют свою специфику, которая определяется историческими условиями их формирования и роста.

Своеобразие развития и деятельности ведущего класса на современном этапе отражено в обобщающих трудах по истории формирования и роста рабочего класса Таджикской, Молдавской, Грузинской, Азербайджанской и Эстонской ССР [15], отдельных районов РСФСР и УССР [16]. Эти исследования отличаются комплексным, многоплановым подходом к проблеме. На обширном документальном материале в них показаны количественные и качественные изменения, источники и формы пополнения, трудовая и общественно-политическая активность рабочего класса. Республиканские отряды рассматриваются как составная часть единого многонационального рабочего класса СССР.

С начала 70-х годов история республиканских отрядов рабочего класса на современном этапе стала предметом специального исследования. Обобщающие труды были опубликованы в Узбекской, Киргизской и Армянской ССР [17]. В них рассмотрен широкий круг тем, связанных со спецификой развития рабочего класса. Выявлению объективных причин возрастания его руководящей роли, анализу конкретных форм ее проявления посвящены труды историков Эстонской, Украинской, Азербайджан-

---

учного симпозиума). Красноярск. 1974; Рабочий класс Страны Советов; Рабочий класс СССР в условиях развитого социализма. Материалы Всесоюзного симпозиума (Киев, 28—30 марта 1979 года). Киев. 1980.

[13] Рабочий класс развитого социалистического общества. М. 1974; Ежов В. А., Ваксер А. З., Труфанов И. П. Рабочий класс СССР в годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Л. 1978, гл. IX; Рабочий класс СССР. 1966—1970. М. 1979, гл. II—IV.

[14] Шерстобитов В. П. Советский народ — монолитная общность строителей коммунизма. М. 1976; Развитие советского народа — новой исторической общности. М. 1980; Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М. 1982.

[15] История рабочего класса Таджикистана (1917—1970). Т. II (1945—1970 гг.). Душанбе. 1973; Барбулат В. К., Рыбалко П. Л. Рабочий класс Советской Молдавии. Кишинев. 1974; Натмеладзе М., Стуруа Н. Рабочий класс Грузии в строительстве материально-технической базы социализма и коммунизма в СССР. Тбилиси. 1975; Очерки истории рабочего класса Азербайджанской ССР. Т. II (1941—1970). Баку. 1977; История рабочего класса Советской Эстонии. Таллин. 1985.

[16] Рабочие Ленинграда. 1703—1975. Краткий исторический очерк. Л. 1975; История рабочих Донбасса. Т. II. Киев. 1981.

[17] Ахунова М. А. Рабочий класс Узбекистана в период развитого социализма (1959—1973 гг.). Ташкент. 1974; ее же. Рабочий класс — ведущая сила советского общества. Ташкент. 1981; ее же. Рабочий класс Узбекистана в период развитого социализма.— Вопросы истории, 1984, № 9; Ахунова М. А., Акилов К. А., Тетенева Л. Г. Рабочий класс Узбекистана в условиях научно-технической революции. Ташкент. 1984; Шириязданов Ш. Х. Рабочий класс Советской Киргизии на современном этапе развития.— История СССР, 1982, № 2; Рабочий класс Советской Армении в период развитого социализма. Ереван. 1982; и др.

ской и Белорусской ССР [18]. В работах по истории республиканских отрядов рабочего класса, опубликованных на рубеже 70—80-х годов, получили отражение такие не исследовавшиеся прежде вопросы, как совершенствование духовного облика современного рабочего; укрепление союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, составляющего социальную основу советского общества; ведущая роль рабочего класса в укреплении дружбы и сотрудничества народов СССР.

Во многих союзных республиках созданы труды, раскрывающие закономерности количественных и качественных изменений в составе рабочего класса [19]. В них отмечаются общие закономерности и тенденции, характерные для изменений в составе рабочего класса отдельных республик и страны в целом, подчеркивается, что интенсивное промышленное строительство второй половины 60—70-х годов привело к резкому увеличению численности рабочих. Используя сравнительно-исторический метод, историки показали, что темпы роста численности рабочего класса в ряде республик были выше общесоюзных. Эта особенность связывается с политикой КПСС и Советского правительства, направленной на дальнейшее выравнивание уровней экономики союзных республик, на создание условий для ускоренного развития их производительных сил.

Говоря о многонациональном составе рабочего класса союзных республик, авторы констатируют особенно быстрый рост численности рабочих коренных национальностей (в промышленности Азербайджана, например, в 1957—1973 гг. число рабочих увеличилось на 163%, а рабочих-азербайджанцев — на 239%) [20]. В новейших работах отмечается высокая степень зрелости рабочего класса, проявляющаяся в возросшем уровне его общеобразовательной подготовки, квалификации и профессионального мастерства, политической сознательности. Улучшение качественных характеристик рабочего класса исследователи непосредственно связывают с деятельностью КПСС по совершенствованию его состава.

Актуальной для историков Казахстана, республик Средней Азии и Кавказа является тема вовлечения в общественное производство прежде не работавших женщин, в основном из коренных национальностей [21]. Свое внимание к этому вопросу авторы объясняют его практической значимостью, связью с народнохозяйственным развитием республик, ростом самосознания женщин. В некоторых работах нашли отражение такие сюжеты, как динамика численности и повышение профессионально-квалификационного мастерства женщин, занятых в разных отраслях народного хозяйства.

---

[18] Мадис Е., Гречкина Э. Рабочий класс — решающая сила десятой пятилетки. Таллин. 1978; Деятельность Коммунистической партии по повышению ведущей роли рабочего класса в условиях развитого социализма (на материалах УССР). Киев. 1980; Марченко И. Е., Лыч Л. М. Ведущая сила. Рабочий класс Белоруссии на этапе развитого социализма. Минск. 1980; Абдуллаев Б. М. Ведущая сила. Деятельность Компартии Азербайджана по повышению ведущей роли рабочего класса в жизни республики. 1971—1980 гг. Баку. 1984.

[19] Шелест Д. С. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Украинской ССР (1959—1970). Днепропетровск. 1971; Романцов В. Е. Рабочий класс Украинской ССР в условиях развитого социализма. В кн.: Рабочий класс Страны Советов; Григорян М. А. О некоторых закономерностях и особенностях развития рабочего класса Армянской ССР в 1960—1970 гг.— Там же; его же. Развитие структуры рабочего класса Армении в период зрелого социализма. Ереван. 1980; Эльдаров А. М. Ук. соч.; Асылбеков М. Х. Рост рабочего класса Казахстана в условиях развитого социализма. В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана (к 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана); Кабаков В. Д. Некоторые проблемы дальнейшего роста рабочего класса Туркменистана на современном этапе научно-технической революции.— Известия АН ТССР, серия общественных наук, 1980, № 6; Мохова А. В. Количественный рост и изменения в отраслевой структуре рабочего класса Молдавской ССР в 1959—1975 гг. В кн.: Формирование и изменение численности рабочего класса Молдавии. Кишинев. 1980; Лыч Л. М. Рабочий класс БССР на этапе развитого социализма (Изменения в численности и составе).— История СССР, 1982, № 5; и др.

[20] Эльдаров А. М. Ук. соч., с. 67.

[21] Базарханова Ш., Тайбекова А. Некоторые проблемы подъема культурно-технического уровня женщин-производственниц.— Вестник АН КазССР, 1976, № 1; Исмаилова Г. Подготовка женских кадров в промышленности Узбекистана.— Общественные науки в Узбекистане, 1980, № 1; и др.

Значительное место в литературе отводится новым пополнениям рабочего класса. Формы и методы обучения молодых рабочих профессиональному мастерству рассмотрены, в частности, историками РСФСР [22] и республик Средней Азии [23]. Авторы особо выделяют повышение роли системы профтехобразования в формировании квалифицированных кадров. Исследователи из Киргизской ССР подчеркивают значение сельских профтехучилищ в процессе подготовки рабочих механизированного труда для государственных животноводческих ферм и заводов. Историки Узбекистана освещают деятельность партийных и советских органов республики по совершенствованию подготовки рабочих кадров, по дальнейшему вовлечению в индустриальное производство населения коренных национальностей. Ученые обращают внимание на общность социальных источников пополнения рабочего класса и различное их соотношение в республиках. Так, узбекские и киргизские авторы выявляют преобладание среди новых пополнений рабочего класса выходцев из сельского населения коренных национальностей, связывая эту особенность с такими факторами, как высокий уровень его прироста и незначительная миграция за пределы республик [24].

Предметом анализа являлись особенности развития рабочих, занятых в отдельных отраслях народного хозяйства республик. В Средней Азии, КазССР и БССР опубликованы работы, в которых рассматриваются изменения численности и качественного состава индустриальных рабочих [25]. Авторы отмечают взаимосвязь между высокими темпами развития производительных сил республик на современном этапе и культурно-техническим ростом рабочего класса.

Возрос интерес к изучению рабочих аграрного сектора экономики [26]. Авторы отмечают глубокие качественные сдвиги в социально-профессиональной структуре совхозных рабочих, происходящие под воздействием комплексной механизации производства. Анализируя социальные последствия процессов специализации и концентрации на основе агропромышленной интеграции, они обращают внимание на появление новой категории сельских тружеников — работников агропромышленных форми-

---

[22] Васильевская Э. В. Проблема подготовки рабочих Сибири в системе профессионально-технического образования на современном этапе.— Известия Сибирского отделения АН СССР, серия истории, филологии и философии, 1984, вып. 2, № 9; и др.

[23] Урстанбеков Б. Подготовка и воспитание молодой рабочей смены Киргизстана в условиях зрелого социализма (1959—1970 гг.). Фрунзе. 1981; Шистер Г. А., Гуревич М. Н., Тетенева Л. Г. Руководство Компартии Узбекистана подготовкой рабочих кадров в условиях развитого социализма. Ташкент. 1981; Романов Ю. И., Жангуттин Б. О., Сакенова К. А. Подготовка квалифицированных рабочих кадров в Казахстане в 70-е годы.— Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1985, № 1.

[24] Ширияздanов Ш. Х. Рабочий класс Киргизстана в условиях развитого социализма, с. 115; Шистер Г. А. Источники пополнения рабочего класса Узбекистана на этапе развитого социализма.— История СССР, 1981, № 6, с. 38.

[25] Ахметов А. Р. и др. Рабочий класс Казахстана в борьбе за коммунизм (Партийное руководство развитием производственной активности и укреплением рядов индустриальных рабочих республики в период строительства коммунизма). Алма-Ата. 1970; Асылбеков М. Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917—1970 гг.). Алма-Ата. 1973; Абишева Б. Н. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Казахстана. 1959—1965 гг. (В условиях развитого социалистического общества). Алма-Ата. 1975; Шистер Г. А. Промышленные рабочие Узбекистана (Изменения в численности и составе). 1959—1970 гг. Ташкент. 1975; Крутилина Т. Н. Количественные и качественные изменения рабочих промышленности БССР в 1960—1970 гг. В кн.: Рабочий класс Страны Советов.

[26] Буга И. И. Совхозы Молдавии (Исторический очерк). Кишинев. 1973; Михайлов Ф. К. Совхозное строительство в Казахстане (1947—1970 гг.). Алма-Ата. 1973; Гурбанов Б. С. Аграрный отряд рабочего класса Азербайджанской ССР в 1946—1970 гг. В кн.: Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973 гг. М. 1973; Шляпников Н. С., Никулин В. В. Социальные изменения в совхозном отряде рабочего класса (1965—1975 гг.). В сб.: Осуществление аграрной политики КПСС на Урале и в Южном Зауралье. Челябинск. 1978; Буга И. И., Красножон И. Д. Формирование и численный рост рабочих совхозов Молдавии. В кн.: Формирование и изменение численности рабочего класса Молдавии; Федоров В. Б. Изменения в составе рабочих совхозов Ленинградской области. 1959—1980 гг. В кн.: Рабочие Северо-Запада РСФСР в период развитого социалистического общества. Л. 1980; Маркова М. Т. Рабочие совхозов южных областей Северо-Запада РСФСР в 1959—1970 гг.— Там же; и др.

рований, занятых сельскохозяйственным и индустриальным трудом [27]. В меньшей степени изучалась категория сельских рабочих, занятых в сфере материального обслуживания производства (на предприятиях и в ремонтных мастерских Госкомсельхозтехники, предприятиях мелиорации и водного хозяйства и др.).

Одним из центральных объектов изучения является социальная активность рабочего класса. Продолжалось исследование его трудовой инициативности. Монографии и сборники статей, раскрывающие борьбу тружеников производства за повышение его эффективности, деятельность республиканских партийных органов и общественных организаций по развитию трудовой инициативы рабочих, были опубликованы в Казахской, Белорусской, Молдавской и Азербайджанской ССР, отдельных районах РСФСР [28]. Авторы отмечают возросшие масштабы и многообразие форм социалистического соревнования, их обусловленность задачами, определяемыми экономической политикой КПСС. Практика поставила исследователей перед необходимостью обобщить опыт межреспубликанского соревнования. Важная роль в дальнейшей его интернационализации принадлежит рабочему классу. Это убедительно показано на материалах Азербайджана и республик Прибалтики [29].

К разработке вопроса о производственных связях трудовых коллективов СССР и братских социалистических стран приступили историки Узбекистана [30]. Многие авторы рассматривают трудовую активность рабочего класса республик на материалах, характеризующих его участие в техническом творчестве, его вклад в ускорение научно-технического прогресса [31].

Предметом специального изучения стала общественно-политическая активность республиканских отрядов рабочего класса. Возрастание роли рабочих в управлении государством, динамика численности и формы их деятельности в Советах изучены на примере РСФСР [32]. Объективная необходимость расширения участия рабочих в управлении общественным производством и государственными делами получила раскрытие на конкретных материалах Украинской и Азербайджанской ССР [33]. К разработке

[27] Буга И. И., Красножон И. Д. Ук. соч., с. 172.

[28] Курманбаев А. С. Ленинские традиции развития социалистического соревнования в Казахстане (Партийное руководство социалистическим соревнованием рабочих Казахстана в 1946—1971 годах). Алма-Ата. 1972; Коршук В. К. Рост трудовой активности рабочего класса. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по развитию трудовой активности рабочего класса в условиях зрелого социализма. Минск. 1976; Джесмеджиян К. Н. Социалистическое соревнование в Молдавии в условиях развитого социализма. Кишинев. 1976; Рыбалко П. Л. Деятельность Коммунистической партии Молдавии по развитию рабочего класса и повышению его социальной активности. Кишинев. 1976; Рабочие Кузбасса в период развитого социализма. Кемерово. 1977; Мусаева Т., Амиров Г. Социалистическое соревнование трудящихся Азербайджана в период развитого социализма (1971—1979 годы). Баку. 1980; Рабочий класс и индустрия Урала в период развитого социализма (Информационные материалы). Свердловск. 1982; и др.

[29] Ахмедшина Ф. А. Из истории трудовых связей промышленных рабочих Азербайджана с рабочими братских республик (1966—1970 гг.).— Известия АН АзССР, серия истории, философии и права, 1972, № 4; Савченко В. И. Развитие социалистического соревнования между трудящимися Латвийской ССР и Эстонской ССР на современном этапе.— Известия АН ЛатССР, 1978, № 3.

[30] Рахманова Д. Производственные связи рабочего класса Узбекистана со странами социалистического содружества.— Общественные науки в Узбекистане, 1979, № 12.

[31] Ашимбаев Т., Кунхожаев Н. Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за научно-технический прогресс в промышленности. Алма-Ата. 1973; Тетенсва Л. Г., Акилов К. А. Динамизм научно-технического творчества рабочего класса Узбекистана на современном этапе.— Общественные науки в Узбекистане, 1980, № 10; и др.

[32] Михайлов Л. А. КПСС о ведущей роли рабочего класса в Советах. Ярославль. 1972; Юдин П. Ю. Рабочий класс в управлении общенародным государством. По материалам РСФСР (1961—1971 гг.). Л. 1984; Кульков А. Е. Привлечение передовых рабочих в состав местных Советов в 60—70-е годы (на материалах Верхне-Волжских областей). В кн.: Социальная активность рабочих в социалистическом обществе: факторы и направления развития. М. 1984.

[33] Вопросы возрастания социальной активности советского рабочего класса в условиях развитого социализма (На материалах Украинской ССР). Сб. научных трудов. Днепропетровск. 1978; Тюков В. А. Участие трудящихся в управлении производст-

этой темы приступили исследователи в Казахской, Эстонской и Узбекской ССР [34]. В начале 80-х годов предпринята интересная попытка показать социальный облик рабочих — депутатов Верховных и местных Советов Молдавии, РСФСР, Азербайджана на основе анализа плакатов-биографий кандидатов в депутаты [35]. Обработка содержащихся в них сведений позволила проследить динамику численности рабочих в составе Советов в 60—70-е годы, рассмотреть их половозрастной состав, социальное происхождение, партийность и т. д.

Продолжалось изучение широкого комплекса тем, связанных с упрочением союза рабочего класса и колхозного крестьянства. Большое внимание уделялось анализу участия рабочего класса в экономическом и социальном преобразовании села [36]. Раскрыты формы помощи индустриальных рабочих селу в отдельных регионах РСФСР [37]. Анализу деятельности Коммунистической партии по укреплению экономических основ союза двух дружественных классов, по активизации участия городских рабочих в экономическом и социальном преобразовании деревни посвящены специальные труды историков партии из Казахстана [38]. Они отмечают возрастание масштабов помощи рабочего класса селу по государственной линии, увеличение объема шефства города над деревней, появление новых его направлений и форм. Характеризуя результаты участия рабочего класса в реализации современной аграрной политики КПСС, исследователи отмечают его роль в преодолении социально-экономических различий между городом и деревней.

Важнейшие стороны общественно-политической деятельности рабочих, занятых на ведущих промышленных предприятиях республик, получили освещение в книгах по истории фабрик и заводов [39]. На примерах крупнейших трудовых коллективов

вом (1966—1975). Львов. 1980; Кадырова Н. Г. Государственная и общественная деятельность рабочего класса Азербайджана (1946—1975 гг.). Баку. 1979; ее же. Деятельность рабочих-депутатов в Советах Азербайджанской ССР на этапе зрелого социализма.— Известия АН АзССР, 1982, № 3.

[34] Нурмухамедов С. Б., Романов Ю. И. Рост общественно-политической активности трудящихся на современном этапе. В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана; Сергеев В. Н., Всевиов Д. И. Возрастание общественно-политической и творческой активности рабочего класса в Эстонской ССР в условиях развитого социализма. В кн.: О формировании социальной однородности. Таллин. 1981; Тетенева Л. Г. Усиление ведущей роли рабочего класса в Советах УзССР.— Общественные науки в Узбекистане, 1982, № 2.

[35] Передовые рабочие в управлении обществом и производством (К 60-летию образования СССР). Чч. I—II. М. 1982.

[36] Ковалевский Б. П. Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период строительства коммунизма. 1959—1970 гг. (На материалах УССР). Киев. 1972; Мадис Е. М. Два класса — цель одна. Таллин. 1974; Кватыра Н. Н. Роль рабочего класса в осуществлении задач развития сельского хозяйства на современном этапе (На материалах Украинской ССР). Львов. 1983; Филимонов А. А. К вопросу о роли рабочего класса Белоруссии в индустриализации сельского хозяйства республики в годы восьмой пятилетки. В кн.: Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. М. 1975; Крупенков Е. Я. Шефство города над деревней в Белорусской ССР. 1959—1979. Минск. 1980; его же. Шефская помощь рабочего класса белорусской деревне в ее индустриальном развитии. В кн.: Рабочий класс Страны Советов.

[37] Алексеев Е. П. Шефская помощь рабочих Ленинграда труженикам села в годы восьмой пятилетки. В кн.: Рабочий класс и научно-технический прогресс. Л. 1975; Зверев Е. П. Решающая роль рабочего класса в укреплении материально-производственной базы сельского хозяйства Урала (1953—1975). В сб.: Рабочий класс Урала (1937—1975). Свердловск. 1979; Ващук А. С. Шефство города над дальневосточным селом в 1966—1975 гг. В кн.: Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни. Советский период. Владивосток. 1981; и др.

[38] Союз, рожденный Октябрем (Партия — организатор помощи рабочего класса сельскому хозяйству Казахстана). Алма-Ата. 1977; Маданов Х. М. Деятельность КПСС по осуществлению ленинской аграрной политики в Казахстане. 1946—1975 гг. (На опыте политической и организаторской работы по повышению роли рабочего класса в подъеме сельского хозяйства республики). Алма-Ата. 1980; Деятельность Компартии Казахстана по укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Алма-Ата. 1983.

[39] Маликов Т. В., Сегал М. С. Минский тракторный. Минск. 1973; Белашов Б. И., Климов А. Н., Коваленко А. И. Кузнецы шахтерских рекордов. Очерки из истории Дружковского ордена Ленина машиностроительного завода. Донецк. 1978; Родионов В. А., Анненков П. Н. Рожденный дважды. Изд. 2-е. Харьков. 1981; Комаров Л. С., Боярчиков В. Г. Летопись Челябинского трактор-

здесь показано участие рабочих в управлении общественным производством, их вклад в развитие производительных сил деревни. Начато изучение такого направления социальной активности рабочего класса, как его деятельность в сфере духовной жизни общества. Обобщение конкретно-исторического материала, проведенное учеными из республик Средней Азии, привело их к заключению о расширении масштабов участия рабочих в культурном строительстве на современном этапе [40].

Краткий обзор новейшей литературы позволяет заключить, что историками проделана определенная работа по изучению современной истории республиканских отрядов рабочего класса. Однако налицо известная ограниченность тематики опубликованных работ, отсутствие обобщающих трудов по истории современного рабочего класса Латвийской, Литовской, Таджикской и Туркменской ССР. Наиболее полное отражение в научной литературе получили вопросы внутреннего развития рабочего класса, изменений в его численности и качественном составе. Однако раскрытие динамики развития, процесса совершенствования качественных характеристик рабочего класса союзных республик связано с необходимостью расширения хронологических рамок исследований, поскольку в опубликованных работах период девятой — одиннадцатой пятилеток отражен слабо. Объектом изучения являлись, как правило, только промышленные и сельскохозяйственные рабочие.

Внимание ученых привлекали вопросы трудовой, творческой активности рабочего класса. Во многих республиках большой фактический материал по этой теме уже опубликован, но зачастую в работах отсутствуют обобщения. В меньшей степени изучалась общественно-политическая деятельность рабочих, особенно их участие в органах государственной власти. Назрела необходимость в специальном рассмотрении таких тем, как совершенствование образа жизни республиканских отрядов рабочего класса; союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции; производственное сотрудничество рабочего класса отдельных союзных республик с рабочим классом социалистических стран.

От историков требуется углубленное изучение последствий влияния новых тенденций в экономике страны, прежде всего научно-технического прогресса, на состав рабочего класса города и деревни, на процесс сближения классов и социальных групп советского общества. Более глубокого рассмотрения заслуживает вопрос (на это уже указывалось в литературе [41]) об органическом развитии республиканских отрядов в составе многонационального рабочего класса СССР, об общих закономерностях этого развития и особенностях их проявления в отдельных республиках, о развитии национальных кадров в составе республиканских отрядов рабочего класса. Дальнейшее исследование проблемы требует еще большего повышения теоретического уровня работ, а также привлечения дополнительных источников по истории ведущего класса общества (профессиональные переписи, единовременные учеты рабочего класса и т. д.). Усиление внимания к вопросам методологии, широкое применение различных исследовательских методов дадут возможность в полном объеме показать роль многонационального рабочего класса СССР, политический опыт, высокая сознательность, организованность и воля которого, как подчеркнуто в проекте новой редакции Программы КПСС, сплачивают все наше общество [42].

Т. А. Сивохина

ного. 1945—1980. М. 1982; и др.; см. также: Митрофанова А. В., Остапенко И. П., Рогачевская Л. С. Итоги и задачи изучения истории фабрик и заводов СССР.— Вопросы истории, 1982, № 2; Бомешко Б. Г. Некоторые итоги изучения истории фабрик и заводов Молдавии.— Известия АН МССР, 1983, № 3.

[40] Носова Т. В. Художественная самодеятельность — одна из форм проявления творческой активности рабочей молодежи.— Известия АН ТССР, серия общественных наук, 1980, № 3; Акилов К., Баракаев Д. Рабочий класс Узбекистана и развитие художественной культуры.— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 10.

[41] См. Полетаев В. Е., Сануков К. Н. Ук. соч., с. 158—159.

[42] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). Проект. М. 1985, с. 42.

Рецензии

В годы войны. Статьи и очерки. М. Наука. 1985. 238 с.

Эта книга необычна. Ее авторы [1] — известные историки, в основном сотрудники Института истории СССР АН СССР, рассказывают о том, что довелось увидеть и пережить каждому из них в годы Великой Отечественной войны. Одни из них к ее началу уже были сложившимися учеными, другие шагнули на передовую со школьной или студенческой скамьи и участвовали в боевых действиях в разных родах войск и на разных фронтах. Но каждый из них не просто констатирует те или иные события личной судьбы, естественно соотнесенной с судьбой страны в целом, а прежде всего старается воссоздать атмосферу тех лет, передать величие духа и героизм советского народа. Для науки материалы книги интересны тем, что в любой из них чувствуется рука профессионального исследователя. Это сказывается и в отборе, и в обработке материала, и в его обобщении. О каких бы фактах ни шла речь, где бы ни развертывались действия — на фронте или в блокадном Ленинграде, Москве или столицах среднеазиатских республик,— каждый рассказ — это часть общей картины жизни и битвы, участниками которых были авторы.

Одна из основных тем рецензируемого сборника — наука, духовная культура в период войны.

В блокадном Ленинграде осенью 1941 г. отмечали 800-летний юбилей Низами и 500-летний — Навои. Акад. Б. Б. Пиотровский вспоминает о выступлениях в Эрмитаже и Институте востоковедения академиков И. А. Орбели и И. Ю. Крачковского, профессора Е. Э. Бертельса, поэта В. Рождественского, ученых Н. Лебедева и Б. Руденко, о росписях на темы произведений Навои, специально выполненных к этому дню М. Мохом, художником фарфорового завода им. М. В. Ломоносова, работавшим в военное лихолетье, как и специалист по туркменской и персидской литературе Н. Лебедев, чернорабочим в Эрмитаже и отводившим на свое основное дело время, оставшееся от тяжелого физического труда по закладке окон подвальных помещений кирпичом, уборке территории, заготовке дров, досок и др.

«12 декабря,— пишет Б. Б. Пиотровский,— было второе заседание, посвященное юбилею Навои, на этот раз целиком занятое чтением переводов Н. Лебедева. После этого он слег и не мог уже подняться. Он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, но и в последние часы своей жизни, несмотря на физическую слабость, делился планами будущих работ и без конца декламировал свои переводы и стихи» (с. 19). И о выступлении Б. Т. Руденко на заседании 29 декабря в Институте востоковедения: «Последний читал доклад, очень заинтересовавший меня, и так как из-за холода он значительно его сократил, то я просил Б. Т. Руденко дать мне рукопись для прочтения, но вернуть ее мне уже не пришлось: вскоре во время дежурства в институте Б. Т. Руденко заснул и больше не проснулся» (там же). И о докладе молодой аспирантки в блиндаже здания Академии наук: «В этой обстановке с большим вниманием был выслушан доклад молодого научного работника, явившийся первым и последним докладом в ее жизни: через месяц она умерла, не выдержав тяжелых лишений» (с. 15).

О себе в эти годы Борис Борисович пишет чрезвычайно скупо, рассказывая в основном о своем сообщении о раскопках теперь знаменитой благодаря его работам крепости-города Тейшебаини (VII—VI вв. до н. э.) на холме Кармир-блур близ Еревана и констатируя, что «состоялось очень оживленное обсуждение». «После заседания я вышел с академиком С. А. Жебелевым. Прощаясь, он сказал мне: «Сегодня я буду спокойно спать, я очень рад, что наука у нас развивается даже в таких трудных условиях. Ведь именно этим мы, ученые, боремся с фашизмом». Мне не пришлось больше встретиться с академи-

[1] Б. Б. Пиотровский, Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, Л. Н. Пушкарев, В. А. Дунаевский, А. И. Алексеев, А. Н. Мерцалов, П. А. Иваньков, К. Н. Тарновский, А. В. Басов, Е. И. Дружинина, А. М. Самсонов, Л. М. Гаврилов, С. С. Хессин, Ю. П. Шарапов, В. В. Фарсобин. Редколлегия: А. В. Басов, Е. И. Дружинина, А. М. Самсонов, К. Ф. Шацилло.

ком Жебелевым[2], он работал не жалея сил, и его сердце не выдержало» (с. 15—16). Говоря о том, как он относится к сделанному в годы войны, Б. Б. Пиотровский подчеркивает: «Надо заметить, что мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941/42 гг., удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке, и это понятно: в то время можно было или не писать вовсе, или писать с большим подъемом, среднее исключалось» (с. 19).

Таково было в те дни отношение советских ученых к своему делу, воспринимаемому ими как патриотический долг, как вклад в достижение победы над врагом. О полной самоотдаче и систематической повседневной работе историков, эвакуированных в Среднюю Азию, рассказывает акад. Н. М. Дружинин, имея в виду прежде всего не лекции и консультации, не сбор материалов для коллективной «Истории Казахской ССР», не даже завершение собственной диссертации, а организацию профессиональных обсуждений готовящихся трудов, текущей научно-исследовательской работы, ее планов и т. д. Н. М. Дружинин так оценивает эту сторону своей деятельности: «Коллективные встречи сплачивали нас не только друг с другом, но и с местными учеными» (с. 29). Так создавалась особая нравственная и творческая атмосфера в коллективе, складывались и укреплялись связи не только с местными историками, но и с национальной интеллигенцией в целом, укрепляя братскую дружбу и единство народов страны, взаимно обогащая их.

На эту сторону работы историков в годы войны обращает внимание в сборнике и акад. М. В. Нечкина. «Лекции в дни войны» — так назвала она свои заметки, начав их афористично емко: «Лекции тоже воюют» (с. 31). Но, как всякое оружие, их надо готовить к бою, и лектор должен профессионально владеть не только темой, но и всем арсеналом правил живого общения с аудиторией, своеобразного устава лекторской службы (с. 33). В подстрочнике М. В. Нечкина отсылает к своим лекциям и другим публикациям 1941—1944 годов. Они посвящены революционным и боевым традициям народов России, нашим великим предкам, славным героям 1812 г. и героям Великой Отечественной. Наука военных лет не забывала и школу: создавались работы, рассматривавшие вопросы преподавания истории в условиях войны.

«Прошлое и в воспоминаниях (особенно историка),— пишет акад. А. М. Самсонов,— должно оставаться таким, каким оно было в действительности» (с. 139). Его книги о войне, организаторская и публикаторская работа, позиция по ряду сложнейших проблем истории Великой Отечественной войны следовали именно этому призыву. Его заметки в сборнике не только раскрывают военные эпизоды, участником которых он был, но и дают возможность понять и почувствовать, что именно это, пережитое лично им, делает волнующими многие страницы его исследований. Фронтовые записи, мимолетные упоминания о тех днях в письмах, работа над историей 3-го гвардейского мехкорпуса — все это этапы формирования А. М. Самсонова как историка Великой Отечественной войны. Записки его дают уникальную возможность проследить, как у человека, который, по его словам, «начиная осваивать профессию историка в предвоенные годы», больше всего интересовался народными движениями эпохи феодализма, растет и крепнет интерес к новейшей истории, которая творилась у него на глазах с его посильным участием. Конечно, решающим, как отмечает сам автор, было то, что Великая Отечественная война оставила глубокий след в сознании и психике поколения, к которому он принадлежит (с. 139).

Чл.-корр. АН СССР Е. И. Дружинина, с лета 1941 г. военный переводчик особого отдела одной из армий, первую свою работу посвятила необычной проблеме: сопоставление фронтового фольклора, бытовавшего среди советских людей, с тем, который был распространен среди вражеских войск. Ныне она вспоминает, как фронтовики нередко переделывали хорошо известные песни на новый лад, например, пели на мотив «Катюши» М. И. Блантера о такой «катюше», которая «из врага вытряхивает душу» (имея в виду реактивный миномет). Песне посвятил свои воспоминания и К. Н. Тарновский. Его «Неизвестная песня о Сталинградской битве» (с. 93—97) перекликается с наблюдениями Е. И. Дружининой.

Подкупающе искренни рассказы Л. Н. Пушкарева «Мой первый бой в рядах 3-й Московской Коммунистической дивизии»,

[2] Жаль, что фамилия этого известного советского историка античности в книге приведена неверно.

В. А. Дунаевского «О том, что незабываемо», А. И. Алексеева «В морской пехоте», П. А. Иванькова «На фронте с теодолитом и картой», Л. М. Гаврилова «Далекое и близкое» и В. В. Фарсобина «На фронтах войны за рулем автомобиля». Скупы и строги материалы С. С. Хесина «Об одном специальном номере газеты «Балтиец» и Ю. П. Шарапова «На правом фланге войны». Первый пишет о двух центральных, «ударных» материалах краснофлотской газеты, в которой работал, об эффекте от этих публикаций. Во втором материале речь идет о фронтовых встречах литературного сотрудника дивизионной газеты Ю. Шарапова, о его боевых друзьях и товарищах.

В сборнике помещены также работы А. Н. Мерцалова «Залпы реактивной артиллерии» и А. В. Басова «Южнее Ладожского озера (Очерк о 73-й отдельной морской стрелковой бригаде)». В них есть и анализ литературы, и критика зарубежных фальсификаций, и ссылки на архивы, и вновь, как во всех материалах сборника, представлены люди — офицеры, солдаты — герои войны. Обе эти работы — сплав личного опыта и наблюдений авторов с доступным им теперь уровнем научных обобщений.

Все материалы сборника предварены фотографиями авторов. Многим из этих снимков за 40 лет, другим около этого. Это тоже документы — волнующие и удивительно человечные.

Хороший сборник подготовил Совет ветеранов Института истории СССР АН СССР. Пусть это издание станет первым из серии такого рода публикаций. И вовсе не обязательно привязывать их только к юбилеям. Ведь память о войне и ее героях всегда с нами.

А. П. Ненароков

М. И. ГИОЕВ. *Антиденикинский фронт на Кавказе.* Орджоникидзе. Изд-во Ир. 1984. 256 с.

В книге заведующего кафедрой истории КПСС Северо-Осетинского университета доктора исторических наук М. И. Гиоева рассматриваются события гражданской войны на Северном Кавказе. Им уже посвящена обширная и разнообразная литература, однако развитие науки ставит перед исследователями более сложные задачи комплексного освещения борьбы за защиту завоеваний Октября в регионе. К продолжению и углублению изучения данной проблемы побуждает и необходимость аргументированной критики буржуазных и ревизионистских фальсификаторов, сочинения которых используются империалистической пропагандой.

Большинство авторов вышедших в последние десятилетия работ анализировали события, как правило, в границах нынешних национально-государственных образований либо в рамках существовавшего в 1917—1920 гг. административного деления. Локальные исследования позволили охарактеризовать специфические условия, в которых происходила борьба за власть Советов в отдельных районах, показать своеобразие расстановки сил в них, оценить вклад трудящихся различных народов, населяющих этот многонациональный край, в общее дело разгрома врага. Вместе с тем при узости территориальных рамок исследований трудно выявить связи и общие черты в событиях и процессах, протекавших в разных частях региона. Чтобы раскрыть их, показать интернациональную политику Коммунистической партии по сплочению народов в единый фронт борьбы с интервентами и внутренней контрреволюцией, нужны труды, охватывающие материал в масштабах всего края. Таких работ появляется все больше [1]. Однако недостатком многих региональных исследований ос-

[1] См., напр.: Этенко Л. А. Большевистские организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д. 1972; Исрапилов А. К.-М. Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Махачкала. 1976; Лежава А. П. Революционное содружество народов Грузии и Северного Кавказа в борьбе за победу социалистической революции. М. 1978; Магомедов М. А. Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция. Махачкала. 1980; и др.

тается слабая увязка рассматриваемых в них событий с общим ходом гражданской войны в стране. В результате значение и смысл самой борьбы в крае остаются раскрытыми не полностью.

В рецензируемой монографии предпринята попытка рассмотреть события на Северном Кавказе под углом зрения общей политической и военной стратегии борьбы Коммунистической партии и Советского государства против контрреволюции и интервентов на Юге страны. Такой подход позволил автору поставить ряд принципиальных вопросов: о партийном руководстве борьбой трудящихся всего региона, центрах и механизме этого руководства; о тактике местных большевистских организаций на различных этапах гражданской войны; о координации действий подпольщиков и партизан в тылу врага с операциями Красной Армии на фронте.

В решении этих и других вопросов М. И. Гиоев опирался на труды своих предшественников, но привлек также значительный свежий материал из архивов и местной прессы, ранее слабо использовавшийся исследователями. Расширение источниковой базы дало возможность не только заполнить имевшиеся в освещении ряда событий лакуны, уточнить некоторые ранее известные факты и положения, но и высказать суждения, сделать выводы, важные для более глубокого понимания места и роли борьбы трудящихся региона в разгроме контрреволюции на Юге страны.

Рассматривая проблемы создания антиденикинского фронта на Кавказе как составную часть ленинского плана разгрома объединенных сил интервентов и белогвардейцев на решающем этапе гражданской войны, М. И. Гиоев поставил перед собой задачу проследить основные линии деятельности Кавказского краевого комитета РКП(б) по реализации этого плана (с. 9, 20). Это первая в советской литературе попытка показать партийное руководство борьбой в тылу контрреволюции на территории обширного края. Известно, что в деникинском тылу из-за разнообразия социально-политических условий отдельных районов не был создан единый партийный центр, подобный, например, Сибирскому бюро ЦК РКП(б), который мог бы направлять работу всех большевистских организаций Юга. Это, однако, не означало разобщенности подпольщиков, изолированности их выступлений.

Автором прослежены связи местных и областных подпольных партийных центров между собой и с ЦК, выявлена роль Кавказского комитета в руководстве большевистскими организациями всех национальных районов Северного Кавказа. Сделать это было нелегко, поскольку архив Кавказского комитета за 1918—1919 гг. не сохранился. М. И. Гиоев проделал кропотливую работу, собирая, систематизируя и анализируя уцелевшие немногие документальные материалы, данные прессы, мемуарные свидетельства, а также другие, преимущественно косвенные источники.

Не все стороны деятельности Кавказского партийного центра освещены в книге с должной полнотой, но главное — мобилизация трудящихся масс на борьбу с контрреволюцией и интервенцией, разработка и осуществление тактической линии в сложных условиях многонационального края, проведение в жизнь директив ленинского ЦК — показано выпукло и убедительно. Приведенный в книге материал подтверждает вывод М. И. Гиоева, что Кавказский комитет был признанным руководителем партийных организаций и всех трудящихся края (с. 97). В этой связи справедливой представляется критика автором точки зрения некоторых исследователей, сводящих руководство повстанческим движением горцев к работе одного Бакинского бюро крайкома и недооценивающих тем самым роль Кавказского комитета в целом как организатора борьбы на Северном Кавказе на протяжении 1918—1919 гг. (с. 10).

Драматическая ситуация, сложившаяся здесь летом 1918 г. в связи с выступлениями казачьих и горских верхов и продвижением деникинской армии к границам края, описывалась неоднократно. Но в рассматриваемой монографии не только отмечена опасность положения. В ней показано (и это главное), как в этих условиях шел руководимый коммунистами процесс консолидации революционных сил в крае. Заметными вехами его явились IV и особенно V съезды народов Терека, о работе которых обстоятельно говорится в книге. Автор подчеркивает, что именно благодаря последовательному проведению большевиками ленинской политики сплочения трудящихся различных национальностей к концу 1918 г. удалось нанести поражение контрреволюции на Тереке и установить здесь власть Советов (с. 85). Этой победой была заложена прочная основа всенародного фронта

борьбы против деникинцев и интервентов, вторгшихся на Северный Кавказ зимой 1919 года.

Центральное место в монографии отведено развертыванию антиденикинской борьбы на Кавказе, раскрытию ее места и значения в решающий для всего хода гражданской войны период — в 1919 году. На большом фактическом материале автором показана роль ЦК РКП(б) в организации борьбы трудящихся в тылу контрреволюции. Впервые в нашей литературе столь обстоятельно и предметно говорится о структуре и механизме руководства деятельностью подпольных большевистских организаций на Кавказе в наиболее грозную пору гражданской войны. Перед большевиками края, пишет М. И. Гиоев, стояли в тот период задачи: торпедировать возможный союз Деникина с закавказскими контрреволюционными правительствами и не дать втянуть грузинский, армянский и азербайджанский народы в антисоветскую авантюру; объединить все недовольные Деникиным слои населения на Кавказе и тем самым усилить неустойчивость тыла врага; координировать и направлять повстанческое движение в регионе, с тем чтобы сковать здесь как можно больше сил контрреволюции; развернуть работу по разложению деникинской армии и отрядов интервентов и др. (с. 135—136).

Наиболее полно в книге освещена деятельность Кавказского комитета по руководству повстанческим движением в различных районах Северного Кавказа. Автором проанализирована тактика деловых соглашений и компромиссов с антиденикински настроенными мелкобуржуазными и клерикальными элементами, успешно применявшаяся большевиками в целях объединения сил для борьбы с контрреволюцией. Вместе с тем в работе разоблачается предательская политика грузинских меньшевиков и горских националистов, пытавшихся посеять рознь между народами Кавказа и готовых пойти на сговор с реакцией для того, чтобы не допустить победы Советской власти в крае. Автор приводит факты расправ грузинских меньшевистских «правителей» зимой 1919 г. с отступившими с Северного Кавказа под натиском деникинцев красноармейцами, советскими и партийными активистами.

Некоторые вопросы, в том числе существенные, освещены в книге недостаточно полно, а иные только поставлены. Так, автор пишет, что вопрос о взаимоотношениях Кавказского крайкома РКП(б) и Северо-Кавказского комитета партии требует специального исследования с привлечением дополнительных источников (с. 20). При рассмотрении деятельности Кавказского комитета М. И. Гиоев порою отступает от реальных событий. Например, без оговорок им приводятся слова из доклада Ф. И. Махарадзе о том, что до переезда крайкома во Владикавказ[2] «здесь не было никакой партийной работы. Мы начали вести работу» (с. 94). Известно, однако, что владикавказские большевики во главе с С. М. Кировым и С. Г. Буачидзе сделали немало для укрепления партийных организаций и усиления их влияния в массах на Тереке.

Говоря о развертывании социалистической революции в деревне на Северном Кавказе во второй половине 1918 г., М. И. Гиоев выражает сожаление, что не во всех районах края были созданы комитеты бедноты (с. 96). Между тем для сожаления нет оснований. Комбеды не привились в регионе ввиду меньшей, чем в центре России, степени дифференциации местного сельского населения, сложного переплетения классовых и сословных противоречий в селах и казачьих станицах. Едва ли оправданы и преувеличения: «битвы» под Христиановским, Долаково, Бесланом и т. д., где враг «понес большие потери в живой силе и технике», «армия Шкуро» и т. д. (с. 104—105). Вряд ли правомерно Северный Кавказ называть «колыбелью деникинщины» (с. 128) — Добровольческая армия, как известно, зародилась при содействии атамана Каледина на Донской земле. Не замечены автором и некоторые другие неточности.

В целом же книга является успешной попыткой комплексного освещения сложных проблем борьбы против внутренней контрреволюции и интервенции на Северном Кавказе в органической связи с общим ходом гражданской войны в стране. Вместе с тем она позволяет наметить и перспективы дальнейших исследований этой важной темы.

К. А. Хмелевский

[2] Кавказский краевой комитет РКП(б) в конце мая 1918 г. переехал из меньшевистской Грузии во Владикавказ.

Ж. Ж. ГАКАЕВ. *Большевики в борьбе за массы в годы первой мировой империалистической войны (1914 — март 1917 г.)*. Грозный. Чечено-Ингушское книжное изд-во. 1984. 128 с.

Проблема завоевания масс на сторону революции накануне и в период первой мировой войны давно привлекает внимание советских историков [1]. Они освещают ее преимущественно на материале Центральных районов России. Что же касается Юга и Юго-Востока (Дон, Северный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия), то в изучении проблемы здесь делаются лишь первые шаги [2]. По Северокавказскому региону имеется работа, в которой раскрыт военный аспект темы за время с Февральской революции до 1918 года [3].

Успешную попытку комплексно изучить историю борьбы большевиков юго-востока страны за претворение в жизнь ленинской тактики завоевания масс на свою сторону в 1914—1917 гг. предпринял доцент Чечено-Ингушского университета кандидат исторических наук Ж. Ж. Гакаев. Он вводит в научный оборот много ранее не известных материалов, извлеченных из фондов центральных и местных государственных и партийных архивов: ЦГАОР СССР, ЦГВИА СССР, ЦПА ИМЛ, ЦГИА ГрузССР, Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, Дагестанского обкома КПСС, Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республик.

В результате в книге по-новому освещаются такие вопросы, как распространение революционной литературы, в том числе произведений В. И. Ленина, документов большевистской партии, отражающих ленинскую политическую линию в период первой мировой войны; налаживание большевиками Дона и Северного Кавказа связей с партийными центрами в России и за границей; аргументированно критикуется деятельность ликвидаторов-меньшевиков, которые на Дону, Кубани и на Северном Кавказе, как и в центре, встали на позиции социал-шовинизма, призывая рабочих на время войны к «классовому миру», к защите «отечества» и к «дружной» работе на оборону (с. 29).

В числе вопросов, рассматриваемых на впервые изученном материале,— активная революционная пропаганда, которую большевики вели, несмотря на жесточайшие военно-полицейские репрессии, среди солдат ряда крупных гарнизонов Дона, Северного Кавказа и Дагестана; антивоенная борьба масс во главе с большевиками Дона, Кубани и Терека в 1915—1916 гг. и роль в ней Кавказского бюро ЦК РСДРП; легальные трибуны большевиков — кооперативные организации в городах Кубани и Терека, в том числе в Грозном; противодействие большевиков в Ростове-на-Дону, Таганроге, Екатеринодаре, Новороссийске, Геленджике, Грозном и в других городах Юго-Востока России попыткам привлечь рабочих к сотрудничеству в военно-промышленных комитетах, которые помогали царизму, по выражению Ленина, «вести империалистскую, реакционную войну» [4].

Центральная проблема монографии — руководство большевиков революционным движением. Обоснованные Ж. Ж. Гакаевым выводы много дают для понимания роли солдатских масс бывшей царской армии в революционном движении на Юго-востоке. Автор показал, что в годы войны многотысячные солдатские массы тыловых гарнизонов оказались по сравнению со всеми социальными группами населения края в наиболее тяжелом положении. В книге раскрываются различные стороны казарменной жизни русских солдат, невыносимые условия их быта и боевой деятельности на самом отдаленном, Кавказском, фронте первой мировой войны (с. 60—62). Ж. Ж.

---

[1] Из работ последнего десятилетия см.: Темкин Я. Г. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М. 1975; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М. 1977; т. 2. М. 1979; Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М. 1977; см. также: Шестаков С. В. Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М. 1977; и др.

[2] Отдельные стороны этой проблемы в хронологических рамках 1917—1918 гг. рассматриваются в работах: Этенко Л. А. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д. 1977; Осадчий И. П. Партия большевиков — организатор победы социалистической революции на Северном Кавказе. Ростов н/Д. 1978; Кучиев Д. В. Октябрь и Советы на Тереке. Орджоникидзе. 1980; и др.

[3] Яргульян В. И. В борьбе за войско революции. Борьба большевиков Дона и Северного Кавказа за создание вооруженных сил революции. Краснодар. 1980.

[4] Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 48.

Гакаев аргументированно доказывает, что в политическом просвещении солдатских масс, сплочении их вокруг лозунгов большевистской партии важнейшую роль сыграли «военные группы и ячейки большевиков, созданные по инициативе общепролетарских организаций партии и действовавшие под их непосредственным руководством» (с. 64). Демократическая часть армии, являвшейся в целом послушным инструментом в руках царизма для подавления рабоче-крестьянских выступлений, за годы войны сблизилась с народом, испытала все ужасы казарменного рабства, бессмысленной гибели, поражения и перестала быть самой надежной опорой царизма, превратилась в его злейшего врага (с. 69).

Подробно рассматривает Ж. Ж. Гакаев вопросы об интернациональном единении русского и горских народов (с. 46—47, 49, 63—73) и о роли казачества в изучаемых событиях, а также положение горцев Северного Кавказа, иногородних крестьян, совместные выступления рабочих и солдат разных национальностей (с. 46—49, 63—73, 86—89 и др.). Национальный аспект освещается в различных срезах, с учетом особой сложности отношений в ряде районов (особенно на Тереке и в Дагестане), населенных многими горскими народами. Автор приходит к выводу, что «в специфических условиях Северного Кавказа, где национальные отряды рабочего класса были малочисленны, задачу политического просвещения масс, их организации на борьбу за социальное и национальное освобождение партия решала, опираясь на демократические слои интеллигенции и передовых представителей крестьянства, неразрывно связывавших судьбу своих народов с судьбой свободной и демократической России» (с. 72).

Оригинальное исследование Ж. Ж. Гакаева по-новому освещает актуальную и сложную в силу своей специфики проблему. Идейно-теоретический уровень его достаточно высок, но ощущается отсутствие историографического анализа, хотя автор и дал обзор литературы по проблеме. Фактическое содержание книги и оценочные положения, обобщения, выводы автора могут служить контраргументами при разборе построений современных буржуазных авторов.

С появлением рецензируемой книги выдвигаются на очередь задачи, связанные с подготовкой фундаментальной публикации источников по данной теме и историографическим анализом частных ее вопросов.

Хаджи Мурат Ибрагимбейли

Ю. М. МЕЛЬНИКОВ. *Имперская политика США: истоки и современность.* М. Международные отношения. 1984. 256 с.

Советской американистикой накоплен значительный опыт изучения империалистической политики США. Эту же цель преследует и новая работа профессора доктора исторических наук Ю. М. Мельникова (ИМЭМО АН СССР). Исследование истоков и традиций имперской политики США подкреплено в ней раскрытием их глобальных притязаний в наше время, особенно во второй половине 70-х и начале 80-х годов.

Автор оперирует обширным документальным материалом. Многочисленные свидетельства как давнего прошлого, так и сегодняшнего дня расширяют представления об имперских пружинах политики Белого дома. Корни имперского мышления американских политиков и военных, пишет Ю. М. Мельников, уходят в глубь истории США. «Америка, первая во всем» — именно этим девизом в известном смысле руководствовались в своей деятельности такие ее «отцы-основатели», как Т. Джефферсон, Д. Адамс, А. Гамильтон. В их выступлениях, как показано в книге, мы имеем дело с сознательной тенденцией возвеличения всего американского. Т. Джефферсону, например, США виделись как воплощение «лучшей надежды мира», «избранной страны» (с. 10). В традициях «звездно-полосатого патриотизма» Д. Адамс призывал к американской экспансии во всех частях Нового Света. Уже в канун XIX в. американские политические лидеры интересовались имперскими идеями, прибегая к соответствующей терминологии, хотя и продолжали толковать о собственной национальной безопасности.

Идеологическая и внешнеполитическая история североамериканской державы представляет собой цепь ее многообразных притязаний на ведущую и уникальную роль в мире. Теория «американской исключительности», концепции «о предопределенной судьбе», «явном предначертании» дополнялись доктриной об «исторической миссии» США. «Курс на создание обширной рабовладельческо-буржуазной империи с помощью политики и экспансии фактически возобладал в Вашингтоне с начала XIX в.» (с. 12), с полным на то основанием замечает автор. Этот курс обосновывался «особыми» правами, интересами, наконец, «цивилизующей» миссией заокеанской республики. Внутренний импульс откровенно экспансионистским геополитическим и тому подобным, замешенным на имперских замашках, концепциям давали вполне прагматичные стимулы. Поначалу объектом экспансии США послужили американские, а затем и тихоокеанские владения Испанской империи. Так были «проглочены» Луизиана, Флорида, Гавайи, но аппетит у вашингтонских экспансионистов оказался ненасытным: у Мексики были отняты Техас, богатейшие районы Дальнего Запада, включая «жемчужную» Калифорнию.

Уже министр первого вашингтонского правительства А. Гамильтон говорил о создании «великой американской системы», способной диктовать условия Новому и Старому Свету. С конца 20-х годов XIX в. и до наших дней в Вашингтоне, как справедливо отмечает автор, руководствуются «доктриной Монро», проникнутой идеями панамериканизма, великодержавного шовинизма, экспансии (с. 17). С самого начала истории США Северная и Южная Америки рассматривались как подворье Вашингтона, фундамент всемирной империи «стопроцентных янки», а их экспансия выдавалась за благодетельную миссию по отношению к колонизуемым странам. Этой же цели служила доктрина «естественных границ».

После второй мировой войны начался новый этап в развитии американского экспансионизма. Выдвигается тезис об «ответственности» США за весь мир и перед всем человечеством. Геополитические оруженосцы из школы «реальной политики» толковали о соперничестве двух «сверхдержав» в «биполярной» системе мира. Советский Союз обвиняли при этом во всех немыслимых грехах, включая вымышленные «агрессивность», «тоталитаризм» и т. п. «Державе № 1 — США» отводилась роль всемогущего лидера, которому надлежит заполнить «вакуум силы». Заокеанские империалисты присвоили себе вседозволенность, с помощью которой звездно-полосатый флаг как символ «американизма» должен был утвердиться везде, где этого пожелали бы новоявленные крестоносцы. «Главными движущими силами этого похода выступили американские монополии, реакционные военные политические круги страны» (с. 45).

Основным средством достижения гегемонии США в капиталистическом мире и для борьбы против СССР и других социалистических стран стала военная мощь в любой ее ипостаси, даже в самой устрашающей. «Создавалась новая, невиданная еще в истории глобальная империя, связанная узами классовой, экономической, военной, политической, идеологической зависимости» (с. 47). Бряцание оружием стало повседневным. Никакой камуфляж не мог скрыть подлинную природу американского империализма. «Глобальная антикоммунистическая имперская политика США... не только не привела к «сдерживанию» и «отбрасыванию коммунизма», но и не предотвратила прогрессирующей эрозии, распада мировой американской империи» (с. 247),— справедливо утверждается в книге.

Конечно, в рецензируемой работе есть и некоторые упущения. Автор, например, оперирует термином «американский мир» (с. 6 и др.), однако, общепринятая формула «Pax Americana» — это скорее «мир по-американски». Вряд ли следовало выносить в название второй главы термин «Америка», имея в виду США, да еще 70-х годов. В ряде мест, например, на с. 176, 180, 182 и некоторых других, материал дается без сносок. Отсутствуют оценки американской политики, данные в новой программе Коммунистической партии США, принятой в 1982 году. Можно лишь пожалеть, что современные военные доктрины Вашингтона не удалось показать в достаточной мере. Это относится прежде всего к «стратегической оборонной инициативе», объявленной президентом Р. Рейганом весной 1983 года. Внимание автора сосредоточено на правительственно-научных сферах. Между тем ЦРУ играет заглавную роль практически во всех акциях имперского характера, в частности в массированном пропагандировании мессианских идей через эфир, в «крестовом походе» против коммунизма, в политике государственного терроризма. Роль ЦРУ во

внешней политике США также заслуживала большего внимания. Полнее можно было бы раскрыть содержание такого феномена, как растущее нежелание народов следовать великодержавно-шовинистическому подходу Вашингтона к мировым реальностям. Это естественная реакция на имперские притязания заокеанских неоколонизаторов, на деятельность американских транснациональных корпораций.

Книга Ю. М. Мельникова вооружает работников идеологического фронта в идейно-политической борьбе с империализмом США — цитаделью международной реакции [1]. По своему контрпропагандистскому накалу это проникнутое историзмом исследование занимает достойное место в советской американистике.

Д. Б. Петров

[1] См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). Проект. М. 1985, с. 16.

В. Н. МОСКАЛЕНКО. *Внешняя политика Пакистана* (Формирование и основные этапы эволюции). М. Наука. 1984. 301 с.

Новая работа зав. сектором Института востоковедения АН СССР кандидата исторических наук В. Н. Москаленко посвящена внешней политике этой страны на протяжении практически всего ее самостоятельного существования [1]. В Пакистане особенно остро проявляются сложные проблемы и противоречия развития, а конфронтация между политическими силами, представляющими интересы разных социально-экономических укладов, нередко приобретает характер социально-экономических и политических кризисов, сотрясающих политическую систему государства и проявляющихся в его внешнеполитической деятельности. Монография показывает роль Пакистана на международной арене и его внешнеполитический курс как составляющую действия многих политических и классовых сил, как явление чрезвычайно сложное, противоречивое, динамичное, подверженное сдвигам и изменениям.

Автор обстоятельно показал экономическую и политическую основу общества, на которой строилась в первые годы существования Пакистана его внешняя политика и в которой зарождались предпосылки для последующей эволюции внешнеполитического курса молодого государства, приведшего к заключению им военных соглашений с США, вступлению в блоки СЕАТО и СЕНТО, развитию внешнеполитических и внешнеэкономических связей с западными державами, главным образом с США. Показаны в работе и факты, вызвавшие определенный пересмотр внешнеполитического курса Пакистана, что выразилось в усилении тенденций к укреплению внешнеполитической самостоятельности, расширению сотрудничества с социалистическими государствами, а также странами, освободившимися от колониальной и полуколониальной зависимости.

В наши дни хорошо видно, как под воздействием военно-политической стратегии империализма, при поддержке внутренней реакции произошло усиление негативных аспектов, всегда сохранявшихся во внешней политике Пакистана. Произошло дальнейшее укрепление его связей с США. Это привело Пакистан к участию в необъявленной войне против Демократической Республики Афганистан. В Пакистане созданы лагеря для т. н. афганских беженцев, в которых иностранные, в том числе американские, инструкторы обучают душманов диверсионной деятельности; через Пакистан отрядам бандитов поставляется оружие. Пакистан включен в систему т. н. центрального командования США, которому подчинены «силы быстрого развертывания». Американские планы предусматривают использование Пакистана как перевалочного пункта при переброске «сил быстрого развертывания» в зону Персидского залива с военно-морской базы на о. Диего-Гарсия или

[1] См.: Москаленко В. Н. Проблемы современного Пакистана. М. 1970; его же. Политическое развитие и основные политические партии Пакистана. В кн.: Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока. М. 1981.

с Филиппин. Предпринимаются также попытки реализации планов ядерного вооружения Пакистана.

Милитаризация Пакистана с американской помощью осуществляется под предлогом защиты от «советской угрозы». Этот курс Исламабада, подчиняющий страну стратегии США, противоречит провозглашенному Пакистаном статусу неприсоединившейся страны, лишает его возможности играть позитивную роль в международных отношениях в регионе и во всем мире. Следует добавить, что этот опасный и дорогостоящий курс осуществляется в ущерб мобилизации ресурсов для целей экономического развития.

Автор прослеживает историю и логику тех событий, которые привели Пакистан к его нынешней роли в международных отношениях. В первые годы независимости молодого государства его внешняя политика, носившая в целом нейтралистский характер, ознаменовалась «поиском друзей», что на деле означало определение внешнеполитической ориентации, которая в наибольшей степени соответствовала бы классовым интересам правящей группировки (с. 31). Поскольку этот «поиск» вели политические деятели, направившие страну на путь капиталистического развития, он поставил ее в фарватер политики США, от которых правящие круги Пакистана рассчитывали получить средства для развития капиталистической экономики, а также поддержку в создании необходимых им элементов государственно-политической надстройки, в частности репрессивного и военного аппарата. Односторонняя внешнеполитическая и внешнеэкономическая ориентация Пакистана на США наложила свой отпечаток на всю внешнюю политику страны. Как указывается в приводимом в книге высказывании президента страны А. Айюбхана, «политическое единение Пакистана с Западом было полным» (с. 41). В то же время членство в военно-политических союзах уже вскоре привело страну к ухудшению ее отношений с Индией и Афганистаном, помешало урегулированию спорных проблем между ними.

Последующие события, изложенные в книге, убедительно показывают, как действие объективных закономерностей развития мирохозяйственных связей неизбежно привело пакистанское руководство к осознанию необходимости расширения круга своих внешнеэкономических партнеров. Укрепление в стране позиций социальных групп, связанных с развитием промышленности, которые были заинтересованы в преобразованиях, стимулирующих модернизацию национального производства, несмотря на усиление в Пакистане антикоммунизма и антисоветизма, побудило пакистанское руководство на рубеже 60-х годов начать экономическое сотрудничество с Советским Союзом. Летом 1960 г. правительство Пакистана обратилось к СССР за содействием в поисках полезных ископаемых (с. 63). Этому решению способствовал рост могущества мировой социалистической системы, успехи миролюбивой внешней политики СССР.

Именно в то время в качестве основы внешней политики страны был выдвинут принцип «байлетаризма» (двусторонности), т. е. такого развития двусторонних отношений с различными странами, которое, по мнению пакистанского руководства, основывалось бы, во-первых, на равноправии обоих участников, а, во-вторых, при этом не нарушались бы отношения с какими-либо «третьими» странами. Отход в 60-х годах от односторонней внешнеполитической ориентации имел своим последствием тот несомненный позитивный результат, что внешние связи страны значительно расширились, а их уровень в ряде случаев повысился. Часть работы, которая посвящена этому периоду, содержит богатый фактический материал о внешней политике Пакистана, о его отношениях с различными государствами и регионами.

В то же время история внешней политики страны в те годы со всей наглядностью продемонстрировала принципиальное различие отношений с Пакистаном империалистических государств и мира социализма. В событиях этого времени проявился конъюнктурный и лицемерный характер американской политики в отношении Пакистана. Это особенно наглядно показано автором на примере прекращения американцами экономической помощи стране, что с учетом односторонней ориентации пакистанской экономики на американские займы привело, по существу, к кризису национальной экономики. Пакистано-американские отношения продемонстрировали явную несостоятельность империалистической блоковой политики. Это видно и из того, что «союзнические» отношения Пакистана с США преследовали цель проведения жесткого курса по отношению к Индии. Все это не спо-

собствовало укреплению мира, безопасности и стабильности в южноазиатском регионе. Сдвиг Пакистана на проимпериалистические позиции, осложнение его отношений с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, ужесточение курса в отношении Индии были особенно заметны при военном режиме А. М. Яхья-хана.

В то же время на примере советско-пакистанских отношений в книге раскрывается последовательная, принципиальная политика СССР в отношении освободившихся стран. Уже 1 мая 1948 г. были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Пакистаном. СССР оказал Пакистану большую помощь в становлении национальной экономики, развитии внешней торговли и культурных связей. Важными событиями в развитии внешней политики Пакистана явились обмены официальными визитами государственных руководителей СССР и высокопоставленных государственных деятелей Пакистана. Большое значение для поддержания мира и безопасности в Южной Азии имела принципиальная позиция СССР во время пакистано-индийских вооруженных конфликтов. Большую роль в нормализации положения в регионе сыграла встреча в начале 1966 г. в Ташкенте руководителей обеих стран с участием Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Пришедшее на смену режиму А. М. Яхья-хана правительство З. А. Бхутто, сохранив в основном выработанный ранее внешнеполитический курс государства, внесло в него определенные изменения, о чем свидетельствовал процесс нормализации отношений с Индией. Правительство З. А. Бхутто, отмечает автор, развивало связи с СССР, другими социалистическими государствами, с освободившимися странами (с. 197). Свержение правительства З. А. Бхутто в июле 1977 г. и приход к власти военной верхушки, выражающей интересы наиболее консервативных элементов господствующей буржуазно-помещичьей коалиции, привело к значительным изменениям внутриполитического положения страны, что повлекло за собой и серьезные изменения в ее внешней политике. Хотя пакистанское правительство продолжало сохранять заинтересованность в развитии отношений с социалистическими странами и продолжало сотрудничество с ними, произошел значительный крен в сторону империалистических держав со всеми теми последствиями, о которых уже было сказано ранее.

Рассмотрение в монографии сложного комплекса факторов, определяющих внешнюю политику Пакистана, ее эволюцию, показывает на примере внешней политики одной из развивающихся стран наличие в ней противоречивых тенденций. Преобладание проимпериалистической ориентации во внешней политике Пакистана, несущее в себе угрозу миру и безопасности, убедительно демонстрирует губительный характер следования в фарватере политики империализма.

Являясь ценным исследованием, книга в то же время побуждает к дальнейшей разработке ряда вопросов, относящихся к внешней политике развивающихся стран. Одним из них является принцип «байлетаризма», который трактуется автором в основном в позитивном духе (см. с. 197), что верно при рассмотрении автором этого принципа в узком смысле, применительно к Пакистану периода 60-х годов, когда переход к «байлетаризму» означал отход страны от односторонней ориентации на западные державы. Однако в широком смысле этот принцип в конечном итоге может привести к пресловутой «равноудаленности» от двух мировых социальных систем. К тому же, проимпериалистические элементы внутри Пакистана поддерживали такую внутреннюю и внешнюю политику, которая отвечала бы интересам иностранного капитала и империалистических держав. Стремясь продемонстрировать свою «последовательность» в отношении к данному принципу, пакистанское руководство прибегало к лавированию, создавало искусственную картину сбалансированности своих отношений с великими державами. А это порождало отход от внешнеполитических позиций, отвечающих национальным интересам Пакистана.

Нужный и полезный труд В. Н. Москаленко является весомым пополнением советской востоковедческой науки. Содержащийся в нем важный материал, несомненно, привлечет внимание историков, экономистов, идеологических работников и всех тех, кого интересуют проблемы внешней политики развивающихся государств.

С. И. Илларионов

КОРОТКО О КНИГАХ

Дипломатический вестник. Год 1984. М. Международные отношения. 1985. 384 с.

Очередной, третий выпуск ежегодника посвящен 50-летию Дипломатической академии МИД СССР и открывается Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении ее орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в деле подготовки дипломатических кадров.

Как и в предыдущих выпусках, в нем рассмотрены основные направления внешнеполитической деятельности СССР, социалистического содружества, главные международные проблемы второй половины 1983 — первой половины 1984 года. В числе авторов — ученые, преподаватели и сотрудники академии, ответственные работники МИД СССР, ветераны дипломатической службы [1].

В редакционной статье «Внешняя политика СССР и идеологическая борьба» отмечается, что события 1983—1984 гг. характеризовались противоборством двух тенденций в мировой политике, причем со стороны США наблюдался «преднамеренный перенос идеологических противоречий современного мира в сферу межгосударственных отношений». В условиях ракетно-ядерного противостояния «такой подход к международным делам приобретает неизмеримо более опасный характер, чем когда-либо прежде» (с. 6). В статье «Война, дипломатия и современность» (редакционная) подчеркивается, что, как учит история второй мировой войны, государства с противоположным общественным строем в самых трудных условиях могут договариваться по жизненно важным для них и всего человечества проблемам.

В первой части вестника излагаются вопросы борьбы СССР за мир и предотвращение ядерной войны, в частности в ходе XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Решающее воздействие на обстановку в ООН оказали внешнеполитическая линия Советского Союза и других стран социалистического содружества, их крупномасштабные инициативы, направленные на осуждение ядерной войны, замораживание ядерных вооружений, запрещение применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли и др. Переговоры о разоружении показывают, что империализм США и НАТО не стремится к достижению соглашения на основе принципа равенства. Еще раз выявилась несостоятельность расчетов милитаристских кругов вести переговоры с СССР «с позиции силы», языком диктата.

В книге рассматриваются результаты мадридской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. «Особую весомость результатам мадридского форума,— подчеркивается в выпуске,— придало решение о созыве Конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе» (с. 52—53). В поле зрения авторов и такие сюжеты: «Космос: проблема предотвращения гонки вооружений», «СССР и проблема безопасности на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии».

Ежегодник освещает разносторонние отношения Советского Союза с другими странами социализма, новые рубежи деятельности СЭВ, сотрудничество с рядом развивающихся стран. «В современных условиях,— как показано в книге,— фактически существует единый фронт социалистического содружества и большинства развивающихся государств в вопросах борьбы против колониализма и неоколониализма, гонки вооружений и подготовки войны, за безопасность народов и международное сотрудничество» (с. 119).

В статьях второй части вестника рассматриваются проблемы международных отношений, в первую очередь их политические, экономические, правовые и военные аспекты, мировая экономика, роль общественных сил Европы в борьбе против военной угрозы, внешнеэкономические проблемы развивающихся стран, международные аспекты освободительной борьбы народов Центральной Америки, развитие новых независимых государств в связи с проблемой правопреемства, вопросы экологии и морского права. В поле зрения авторов также вопрос об агрессивных «силах быстрого развертывания» США. Исследуется деятельность международных и региональных организаций по культурным и экономическим связям и др.

Третья часть, касающаяся внешнеполитических концепций и идеологической борьбы, включает материалы об «идеологизации» внешней политики США как угрозе миру и безопасности народов, о борьбе за мир

[1] Авторы: В. Ф. Петровский, В. Л. Израэлян, Ю. Н. Рахманинов, И. А. Хрипунов, В. И. Устинов, Г. А. Воронцов, Э. А. Меркулова, А. В. Вахрамеев, Б. Г. Панков, Л. В. Балдин, Г. Г. Кадымов, В. А. Кривцов, В. П. Нихамин, Л. Б. Теплинский, Р. Ф. Алексеев, Ю. В. Борисов, И. Д. Иванов, Е. К. Силин, Б. М. Клименко, С. И. Илларионов, А. С. Кодаченко, Е. А. Нестеренко, Г. К. Селезнев, М. М. Аваков, Ю. Е. Чехарин, Г. В. Уранов, С. В. Цуканов, А. С. Грачев, В. В. Азовцев, А. А. Шведов, В. А. Карпушин, Г. Н. Смирнов, Е. Г. Барановский, В. К. Пархоменко, С. В. Черниченко, А. А. Кокорев, А. В. Бурсов, В. М. Татаринцев, Л. И. Менделевич, М. Г. Сергеев, П. С. Кузнецов, Л. И. Музалевский, В. С. Морозов, Э. И. Скакунов, А. А. Лихоталь, М. Н. Макурина, П. А. Развин. Главный редактор акад. С. Л. Тихвинский. Редколлегия: Г. А. Воронцов (зам. главного редактора), Д. В. Ермоленко, И. Д. Иванов, Б. М. Клименко, А. С. Кодаченко, А. А. Лихоталь, Ю. М. Мельников, В. П. Нихамин (зам. главного редактора), В. Ф. Петровский, Ю. Г. Стрельцов.

ученых социалистических стран, международной противоправности идеологических диверсий, идеологическом «обосновании» гонки вооружений в США, американском консерватизме, подрывной идеологической деятельности английского империализма в Африке.

В четвертой части вестника напечатаны воспоминания советских дипломатов. Пятая и шестая части знакомят с новостями научной жизни, новыми книгами о международных отношениях, с хроникой дипломатической деятельности Советского Союза, включают приложения.

Н. К. Стрелкова

В. В. МИКШИН. *В. И. Ленин о нравственных началах в создании партии нового типа.* Л. Лениздат. 1985. 354 с.

Деятельность В. И. Ленина и ленинской «Искры» по сплочению рабочего класса России на позициях революционного марксизма подготовила условия для образования на II съезде РСДРП в 1903 г. пролетарской партии нового типа. Этому историческому событию посвящено много монографий и статей. Процесс его исследования продолжается, появляются работы, углубляющие изучение проблемы, обогащающие литературу новыми материалами.

К исследованиям, которые, освещая известные события и факты, связанные с образованием партии большевиков, содержат не только интересные, но и оригинальные факты, положения и выводы, относится и книга доктора исторических наук В. В. Микшина — профессора, проректора по учебной работе Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена. На основе анализа ленинского идейного наследия в ней показано, как формулировались и упрочивались принципы создания партии нового типа в период, предшествующий II съезду РСДРП, и на самом съезде.

Долг и ответственность, честь и доверие, авторитет и солидарность, уважение и такт — вот те важнейшие нравственные принципы, к которым наиболее часто обращался Ленин в процессе создания и укрепления партии нового типа. На фактическом материале автор показывает, как формировались и упрочивались основные принципы построения пролетарской партии перед II съездом и в период между II и III съездами партии.

Все эти принципы, на основе которых создавалась большевистская партия, не утратили своего значения и в наши дни, они продолжают определять ее цели, пути деятельности и дальнейшего развития. Большой резерв повышения руководящей роли партии заключается в дальнейшем развитии внутрипартийной демократии, росте творческой активности, инициативы и ответственности коммунистов.

Совершенствование воспитания членов КПСС как передовых борцов за коммунизм связано с глубокой теоретической разработкой принципов партийной этики, с широким их использованием для анализа практики внутрипартийных отношений. Само развитие партии порождает потребность в тщательном осмыслении всех взаимосвязей нравственных и организационных принципов и норм, механизма их взаимодействия, ярким свидетельством чего являются проекты документов, представленных XXVII съезду КПСС.

В. В. Комин

И. М. ИОНЕНКО, В. А. ПОПОВ. *Казанский университет в годы Великой Отечественной войны.* Казань. Изд-во Казанского университета. 1985. 159 с.

Важную роль в развитии фундаментальных и прикладных наук в годы Великой Отечественной войны сыграл Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина, один из старейших в стране. В Казань были эвакуированы многие институты АН СССР, что сделало город временно центром академической жизни, а университет — ведущим вузом Поволжья.

В связи с этим не может не привлечь внимания монография профессора доктора исторических наук И. М. Ионенко (Казань) и доцента кандидата исторических наук В. А. Попова (Стерлитамак) по истории Казанского университета в годы Великой Отечественной войны. Авторами изучен широкий круг источников из ЦГА РСФСР, партийного и государственного архивов и музея Татарской АССР, архива Казанского университета, документальные сборники, дневники, мемуарные и эпистолярные материалы, периодика. На широкой документальной основе создана книга о героическом труде профессорско-преподавательского коллектива университета и ученых из институтов АН СССР, сплотившихся в творческом единстве. В центре исследования — их участие в выполнении комплексной программы мобилизации ресурсов Поволжья на нужды обороны, внедрении научных разработок в производство, подготовке специалистов для народного хозяйства.

В книге характеризуются расширение сети вузов и научных учреждений Татарской АССР в предвоенные годы как результат последовательного осуществления ленинской национальной политики, перестройка их работы, когда над страной нависла военная опасность, перебазирование в Казань Президиума АН СССР и части ее институтов, работа по их размещению и налаживанию исследований.

Научным подвигом справедливо называют авторы труд ученых университета и институтов АН, показывая основные направления исследований, практические задачи, которые решались учеными в соответствии с требованиями военного времени. Круг научных интересов ученых университета был весьма широк, «и их вклад в развитие советской науки в суровые военные годы, в работу для фронта, для укрепле-

ния оборонной мощи нашей Родины был весом» (с. 47).

Особое значение, как показывают И. М. Ионенко и В. А. Попов, имела работа по укреплению связей науки и производства, быстрейшему внедрению результатов исследований в практику, что в значительной мере способствовало «усилению военно-экономического потенциала страны» (с. 81). Частью созидательного труда ученых была их педагогическая деятельность. Как показано в книге, подготовка специалистов, совершенствование учебного и воспитательного процесса в университете неуклонно продолжались на всем протяжении военных лет. Рассказали авторы и об участии преподавателей и студентов университета в боях на фронте, их героизме и мужестве в борьбе с врагом.

«В годы войны,— делают вывод авторы,— Казанский университет шел в ногу со всей сражающейся страной и внес свой вклад в историческую победу советского народа над фашизмом» (с. 139). В качестве приложения к книге даны таблицы, показывающие количество студентов университета по факультетам, по национальному и партийному составу, основные достижения этого вуза в подготовке специалистов в 1941—1945 годах.

К. И. Седов

Герцен — мыслитель, писатель, борец. Сборник научных трудов. М. Государственный литературный музей. 1985. 154 с.

Сборник составлен по материалам конференции, посвященной 170-летию со дня рождения А. И. Герцена, которую проводил музей писателя совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького и Институтом истории СССР АН СССР. Конференция была организована как всесоюзная — на ней выступили историки, философы, литературоведы из различных городов страны.

Во вступлении С. А. Макашин подводит итог развитию советского герценоведения, отметив в нем несколько этапов, каждый из которых определялся крупным изданием: Собрание сочинений и писем Герцена в 22-х томах под редакцией М. К. Лемке (Пг. 1919—1925), академическое собрание сочинений и писем Герцена в 30-ти томах (М. 1954—1966), «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена»; соответствующие тома «Литературного наследства», основанные на материалах советских архивов и заграничных собраний, включая прежде всего поступившие в Советский Союз «пражскую» и «софийскую» коллекции бумаг из архива семьи Герцена в Лозанне. В 1976 г. в Москве был создан единственный в мире музей Герцена, принявший на себя задачу дальнейших поисков и собирания его (а также Н. П. Огарева) документального наследия, в настоящее время в основном сосредоточенного в Москве — в подлинниках, микрофильмах и фотокопиях.

Статьи, включенные в сборник, охватывают широкий круг тем, отражающих многосторонность личности писателя, диапазон его идейных и общественно-политических контактов, масштаб его духовного воздействия на современников. Авторы анализируют такие проблемы, как состояние изучения темы «Герцен в общественном движении России» (Е. Л. Рудницкая), «Герцен и Запад» (А. И. Володин), некоторые аспекты литературно-критической деятельности писателя (К. Н. Ломунов), роль творческих концепций Герцена в развитии русского художественного сознания (С. Д. Гурвич-Лищинер). К анализу «Былого и дум» обращаются Л. К. Джуринова, И. Г. Птушкина, Г. Г. Елизаветина. В их статьях предпринимается попытка объяснить обращение Герцена к мемуарно-автобиографическому материалу, провести текстологическое исследование глав, в которых писатель рассказывает историю своей личной драмы, показать, какую роль играет в них цитирование, в частности, стихотворения В. Гюго «Oceano nox». «Декабристская тема» применительно к Герцену затрагивается в статьях Н. Я. Эйдельмана и С. В. Житомирской, в которых показано «глубинное сродство идей» (с. 108) первого и второго поколений русских революционеров, в данном случае М. С. Лунина, М. А. Фонвизина и Герцена.

В контексте мировоззрения писателя и его публицистической деятельности рассматривает письма Герцена Александру II Н. М. Пирумова. Об участниках герценовских изданий пишут Е. А. Дудзинская и В. А. Черных. Первая останавливается на контактах с «Колоколом» и «Полярной звездой», второй предпринимает попытку выяснить личность, жизненный путь, общественно-политические взгляды графа В. де ла Фита де Пельпора, чей памфлет, подписанный псевдонимом «Вяземский мужичок Петр Артамов», был помещен в «Голосах из России» (Лондон. 1859). Новые сведения о Герцене, почерпнутые из архива С. И. и Т. А. Астраковых, приводит И. М. Рудой. Направления собирательской работы Музея А. И. Герцена раскрывает И. А. Желвакова. Интересные сведения содержат и другие материалы сборника.

З. Т. Захарова

А. Ф. ВОЗНЫЙ. *Петрашевский и тайная полиция.* Киев. Наукова думка. 1985. 138 с.

В советской исторической науке тема петрашевцев изучается давно и обстоятельно [1]. Кандидат юридических наук А. Ф. Возный рассматривает ее в значительной мере под новым углом зрения, сосредоточив внимание на роли агентов тайной полиции,

[1] См., напр.: Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М. 1958; Дьяков В. А. Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М. 1979; и др.

приемах провокации, применявшихся III отделением и Министерством внутренних дел в борьбе с кружками 1840-х годов.

Краткое введение содержит обзор источников. В последующих разделах освещаются деятельность петрашевцев, история их разгрома: слежка, аресты, следствие, суд и ссылка. В центре исследования находится М. В. Буташевич-Петрашевский — материалист и демократ, решивший посвятить себя «служению человечеству и стремлению к всеобщему благу», энергично пропагандировавший идеи утопического социализма в среде чиновничества, офицерства, студенчества. «Кружками петрашевцев» автор справедливо считает объединения демократически настроенной разночинной интеллигенции, собиравшейся на «пятницы» Петрашевского, «вторники» Н. С. Кашкина, «субботы» С. Ф. Дурова (бывал там и Ф. М. Достоевский, почти не знакомый с Петрашевским).

Уделив внимание вопросу о влиянии идей Ш. Фурье на кружки петрашевцев, автор, однако, освещает его излишне упрощенно. В условиях николаевской России распространение этих идей, при всем их утопическом характере, приобретало антикрепостнический смысл, вело к действию, активному протесту. Страницы книги, трактующие «детективную» сторону дела (следствие, суд, историю слежки и доносов), более удались автору.

Интересен материал об И. Липранди — чиновнике по особым поручениям МВД, одном из главных участников развернутой полицией борьбы против Петрашевского и его товарищей. В интересах личной карьеры Липранди «раздувал» дело Петрашевского, доносил сам и руководил доносами. Однако за пределами книги остались некоторые важные источники, сохранившиеся в личном фонде Липранди в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Там содержится, в частности, записка Петрашевского «О способах увеличения ценности дворянских и населенных имений» (1848 г.). Другой агент полиции — провокатор П. Антонелли показан А. Ф. Возным в общем ряду невежественных мелких шпионов, тогда как, судя по тем же материалам, Антонелли выделялся осведомленностью и пониманием масштаба деятельности петрашевцев. Он, например, засвидетельствовал, что общество Петрашевского «пустило корни в Малороссии, чему много способствовали сочинения Шевченки, которые разошлись в том краю во множестве и были причиною сильного волнения умов»[2].

Завершается книга рассказом о деятельности военно-судной комиссии, которая в течение полутора месяцев рассматривала дело петрашевцев и вынесла им суровый приговор.

Н. В. Минаева

[2] ОР ГБЛ, ф. ОИДР, д. 221, Материалы по делу петрашевцев, л. 51об.

НОВЫЕ КНИГИ

В. И. Ленин и Новгородский край. 2-е изд., доп. и перераб. Сост. А. Б. Тимофеева, В. П. Никуличев. Л. Лениздат. 1985. 296 с. 12 000 экз. 85 коп.

История СССР

Абрамов А. С. *Часовые поста № 1.* Из истории почетного караула у Мавзолея Ленина. 5-е изд., доп. М. Политиздат. 1985. 128 с. с илл. 200 000 экз. 20 коп.

Авдеев А. *Там помнят о нас.* М. Молодая гвардия. 1985. 159 с. с илл. (Летопись Великой Отечественной войны). 100 000 экз. 50 коп.

Агбунов М. В. *Загадки Понта Эвксинского.* Античная география Северо-Западного Причерноморья. М. Мысль. 1985. 159 с. с илл. 70 000 экз. 50 коп.

Акопов М. А. *Духовный мир советского человека.* Киев. Наукова думка. 1985. 127 с. (Вопросы идеологической борьбы и контрпропаганды). 15 000 экз. 25 коп.

Аргунов И. А. *Социалистическая судьба якутского народа.* Якутск. Книжное изд-во. 1985. 191 с. 3000 экз. 65 коп.

Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Древняя Русь. Город, замок, село. М. Наука. 1985. 431 с. с илл. 24 500 экз. 7 руб. 30 коп.

Бакшилов Т. К. *Воспитание коммунистического отношения к труду.* Партийное руководство воспитанием у рабочих коммунистического отношения к труду в период развитого социализма. Алма-Ата. Казахстан. 1985. 160 с. 5000 экз. 90 коп.

Басаргин Н. В. *Записки.* Красноярск. Книжное изд-во. 1985. 304 с. 50 000 экз. 1 руб. 10 коп. Записки декабриста.

Белявец В. Ф. *Донецкие мстители.* Записки партизана. Донецк. Донбасс. 1985. 188 с. 30 000 экз. 1 руб.

Беляев И. Н. *Прописаны навечно.* Ч. 1. Смоленск. Московский рабочий. 1985. 190 с. 20 000 экз. 35 коп.

Валеев В. Х. *Мемориальные доски рассказывают.* Саратов. Приволжское книжное изд-во. 1985. 152 с. 10 000 экз. 60 коп.

Валиханов Ч. Ч. *Собрание сочинений.* В 5-ти т. Т. 5. Алма-Ата. Главная редакция Каз. советской энциклопедии. 1985. 526 с. 15 000 экз. 2 руб.

В братской семье. Об экономических и

культурных связях трудящихся Запорожской области с трудящимися братских советских республик. 1922—1982. Сборник документов и материалов. Сост. Т. А. Васильева и др. Днепропетровск. Проминь. 1985. 262 с. 2000 экз. 90 коп.

Во главе культурного строительства. Московские коммунисты — организаторы и руководители культурного строительства в столице. Кн. 2. Июнь 1941 г.—1980 г. Сост. Л. Н. Лашманова и др. М. Московский рабочий. 1985. 736 с. 5700 экз. 2 руб. 10 коп.

Вождь, учитель и друг. Воспоминания уроженцев Белоруссии о В. И. Ленине. Сост. Э. А. Забродский, Э. А. Корнилович. 2-е изд., доп. и испр. Минск. Беларусь. 1985. 239 с. 12 000 экз. 75 коп.

Войтович С. Д. *БССР в отношениях СССР с развивающимися странами, 1971—1985 гг.* Минск. Наука и техника. 1985. 196 с. 1050 экз. 1 руб. 50 коп.

В строю боевом. Сост. А. Н. Цыбульник. Алма-Ата. Казахстан. 1985. 248 с. с илл. 14 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Глазунов М. М., Митрофанов Б. А. *Первые Советы перед судом самодержавия, 1905—1907 гг.* М. Юридическая литература. 1985. 175 с. 70 000 экз. 35 коп.

Гнеушев В., Попутько А. *Партизанский заслон.* Ставрополь. Книжное изд-во. 1985. 254 с. 25 000 экз. 75 коп.

Голышкин В. С. *Колхоз «Ленинское знамя».* Люди, дела, планы. М. Московский рабочий. 1985. 175 с. 7000 экз. 60 коп.

Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Сборник документов. Сост. М. А. Алексеева и др. Л. Наука. 1985. 293 с. с илл. 11 700 экз. 1 руб. 10 коп.

Деревянко К. И. *На трудных дорогах войны.* Л. Лениздат. 1985. 303 с. 50 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Долженко И. В. *Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении.* Конец XIX — начало XX вв. Ереван. Изд-во АН АрмССР. 1985. 179 с. 1600 экз. 1 руб. 35 коп.

Дубинин А. Д. *От Терека до Эльбы.* М. Воениздат. 1985. 144 с. (Рассказывают фронтовики). 39 000 экз. 50 коп.

Захаров Г. Н. *Я — истребитель.* М. Воениздат. 1985. 284 с. с илл. (Военные мемуары). 100 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Захаров Ю. Д. *Генерал армии Н. Ф. Ватутин.* М. Воениздат. 1985. 192 с. с илл. (Советские полководцы и военачальники). 65 000 экз. 40 коп.

Зинин В. Г. и др. *Культура и средства массовой информации: социально-экономические проблемы.* М. Экономика. 1985. 255 с. 4500 экз. 3 руб.

Злынский Э. М. *Патриотическое и интернациональное воспитание трудящихся.* М. Московский рабочий. 1985. 126 с. 25 000 экз. 20 коп.

Из истории колхозного строительства в Таджикской ССР, 1938—1958 гг. Т. 2. Сборник документов и материалов. Сост. Р. Ф. Ахметзянова и др. Душанбе. Ирфон. 1985. 638 с. 3000 экз. 1 руб. 30 коп.

Инженерные войска Советской Армии, 1918—1945. М. Воениздат. 1985. 448 с. с илл. 17 000 экз. 2 руб. 70 коп.

Интернациональное сотрудничество КПСС и БКП: история и современность. М. Политиздат. 1985. 416 с. 10 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Иоселев Я. Х. *Агент ленинской «Искры».* Очерк. Ростов н/Д. Книжное изд-во. 1985. 143 с. с илл. (Люди земли донской). 15 000 экз. 15 коп.

Источники Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 1941—1945. М. Наука. 1985. 312 с. с илл. 18 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Как мы шли к Победе. Сост. И. Голембиовский, Н. Ефимов. М. Известия. 1985. 126 с. 60 000 экз. 20 коп.

Карельская организация КПСС в цифрах, 1921—1984. Петрозаводск. Карелия. 1985. 152 с. 2000 экз. 60 коп.

Киселев А. А., Марченко А. С., Орешета М. Г. *На перекрестках памяти.* О памятниках революционной, трудовой и боевой славы Мурманской области. Мурманск. Книжное изд-во. 1985. 208 с. с илл. 10 000 экз. 65 коп.

Козлов И. *Самая долгая зима.* Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1985. 144 с. 5000 экз. 20 коп. Об иркутском периоде жизни и революционной деятельности С. М. Кирова.

Колесников Б. И. *Форпост индустрии в Сибирском Заполярье.* 50 лет Норильскому горно-металлургическому комбинату. Красноярск. Книжное изд-во. 1985. 120 с. 3000 экз. 20 коп.

Колесниченко Д. А. *Трудовики в период первой российской революции.* М. Наука. 1985. 319 с. 1450 экз. 3 руб.

Куйбышевская Ленинциана. В 5-ти кн. Вып. 1. Кн. 2. Ленин — Ульяновы — Елизаров. Переписка. 1890—1917 гг. Сост., предисл. О. В. Московского. 159 с. 30 коп.; Кн. 3. Встречи с Ильичем. Сборник воспоминаний соратников В. И. Ленина — самарцев. Сост., предисл. Т. Р. Погудаловой. 157 с. 30 коп. Куйбышев. Книжное изд-во. 1985. 5000 экз.

Кумыков Т. Х. *Дмитрий Кодзоков.* Нальчик. Эльбрус. 1985. 180 с. 2000 экз. 60 коп.

Кутьев В. Ф. *Московский «Рабочий союз».* М. Наука. 1985. 333 с. 1350 экз. 3 руб.

Лабутина И. К. *Историческая топография Пскова в XIV—XV вв.* М. Наука. 1985. 248 с. 2100 экз. 2 руб. 20 коп.

Лисицын Ф. Я. *В те грозные годы.* 2-е изд., испр. М. Воениздат. 1985. 336 с. (Военные мемуары). 65 000 экз. 1 руб. 70 коп.

Лукьянов Ю. А. *Рубежи стойкости и мужества.* 2-е изд., доп. и перераб. Л. Лениздат. 1985. 158 с. с илл. 50 000 экз. 60 коп.

Нихамин В. П. и др. *Внешняя политика Советского Союза.* Предисл. А. А. Громыко. 3-е изд., доп. и перераб. М. Политиздат. 1985. 400 с. 100 000 экз. 1 руб 20 коп.

Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. В 3-х т. Т. 1. 80-е годы XIX века — апрель 1920 года. Руковод. Д. П. Гулиев. Баку. Азернешр. 1985. 479 с. 30 000 экз. 2 руб. 30 коп.

Очерки истории Коммунистической партии Грузии. В 3-х ч. Ч. 3. В борьбе за со-

вершенствование развитого социалистического общества. 1971—1985 гг. Тбилиси. Сабчота Сакартвело. 1985. 417 с. с илл. 3000 экз. 2 руб. 40 коп.

Побратимы. Очерки о дружбе и братстве. Сост. Г. А. Ким и др. Ростов н/Д. Книжное изд-во. 1985. 270 с. с илл. (Мы дружбой ленинской сильны). 5000 экз. 1 руб.

Полевой Л. Л. *Раннефеодальная Молдавия.* Кишинев. Штиинца. 1985. 222 с. 1425 экз. 2 руб. 70 коп.

Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР. В 2-х ч. Ч. 1. №20—1950 годы. Сборник документов. Чебоксары. Чувашское книжное изд-во. 1985. 357 с. 1000 экз. 80 коп.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 15. Ч. 2. Май 1984 — апрель 1985 г. М. Политиздат. 1985. 320 с. 56 700 экз. 1 руб.

Самсон В. *Сквозь метели.* Воспоминания. Документы, комментарии. Рига. Лиесма. 1985. 205 с. (Беречь Отчизну свою). 10 000 экз. 85 коп.

Сахаров В. А. *Зарождение и развитие стахановского движения.* На материалах автотракторной промышленности. М. Изд-во МГУ. 1985. 120 с.(КПСС. История и современность). 6890 экз. 55 коп.

Советская Белоруссия в 11-й пятилетке. Год четвертый — 1984. Авт.-сост. В. А. Хотяновский. Минск. Беларусь. 1985. 175 с. (XXVI съезд КПСС решил — сделано!). 7500 экз. 50 коп.

Советские Вооруженные Силы в условиях развитого социализма. М. Наука. 1985. 295 с. 9000 экз. 1 руб. 60 коп.

Соколова К. М. *Октябрь в моей судьбе.* Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1985. 239 с. с илл. 3000 экз. 60 коп.

Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. *Чокан Валиханов — востоковед.* Алма-Ата. Наука. 1985. 111 с. 6400 экз. 20 коп.

Формирование коммунистического мировоззрения молодежи. Харьков. Вища школа. 1985. 181 с. 2000 экз. 1 руб. 80 коп.

Холин А. Т. *Радисты фронта.* М. Воениздат. 1985. 199 с. с илл. (Военные мемуары). 65 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Шарапов Я. Ш. *Из искры — пламя.* В. И. Ленин и казанские большевики. Казань. Татарское книжное изд-во. 1985. 255 с. (Лениниана Советской Татарии). 10 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Шахурин А. И. *Крылья победы.* 2-е изд., доп. М. Политиздат. 1985. 254 с. с илл. 200 000 экз. 1 руб.

Яровой Е. В. *Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР.* Классификация погребального обряда. Кишинев. Штиинца. 1985. 125 с. 1080 экз. 1 руб. 80 коп.

Всеобщая история

Астафьев Г. В. *Интервенция США в Китае, 1945—1949.* 2-е изд., доп. М. Мысль. 1985. 399 с. 11 000 экз. 2 руб.

Буржуазная историография второй мировой войны. Анализ современных тенденций. М. Наука. 1985. 424 с. 4000 экз. 3 руб. 60 коп.

Бурмистрова Т. Ю., Дмитриев О. А. *Кто клевещет на советский народ.* Л. Лениздат. 1985. 111 с. (Мифы и реальность: на фронтах идеологической борьбы). 50 000 экз. 20 коп.

Вилков Ю. С. *Методологические основы критики буржуазного национализма.* Киев. Вища школа. 1985. 183 с. 2000 экз. 1 руб. 60 коп.

Гневушев Н. А. *Гонка вооружений и проблемы развития освободившихся стран.* М. Наука. 1985. 199 с. 3200 экз. 1 руб. 10 коп.

Гутнова Е. В. *Историография истории средних веков.* Учебник для вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М. Высшая школа. 1985. 480 с. 15 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Движение неприсоединения в современном мире. М. Международные отношения. 1985. 287 с. 7000 экз. 2 руб. 10 коп.

Деев А. С. *Современная Франция: механизм формирования внешней политики.* М. Международные отношения. 1985. 208 с. 4000 экз. 1 руб. 90 коп.

Каратель живет в Клифтоне. О фашистских приспешниках, укрывающихся в США. Сост. Э. А. Курбатов. М. Юридическая литература. 1985. 159 с. с илл. 100 000 экз. 80 коп.

Киселев Г. С. *Доколониальная Африка.* Формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки). М. Наука. 1985. 150 с. 1100 экз. 1 руб. 10 коп.

Коломийцев В. *Монополии и рабочий класс: миф о социальном мире и действительность.* М. Профиздат. 1985. 215 с. (Империализм: события, факты, документы). 20 000 экз. 45 коп.

Литература о странах Азии, Африки и Океании. Ежегодник. 1980. Сост. Т. А. Иванова и др. М. Наука. 1985. 640 с. 1450 экз. 4 руб. 20 коп.

Мишин А. А., Власихин В. А. *Конституция США: политико-правовой комментарий.* М. Международные отношения. 1985. 334 с. 10 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Непомнящий Н. *Земля гереро.* Утро истории Самуэля Матломба. М. Молодая гвардия. 1985. 112 с. 75 000 экз. 20 коп.

Орфенов А. Б. *Япония: «участие» трудящихся в управлении производством.* Мифы и действительность. М. Наука. 1985. 171 с. 2650 экз. 1 руб. 20 коп.

Пиотровский М. Б. *Южная Аравия в раннее средневековье.* Становление средневекового общества. М. Наука. 1985. 224 с. 2100 экз. 2 руб.

Поляков В. В. *Правда и ложь о Великой Победе.* Буржуазная фальсификация итогов и уроков второй мировой войны — идеологическая диверсия современного империализма. Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1985. 149 с. 3000 экз. 15 коп.

Разоружение — веление времени. Документы и материалы. Вып. 6. Сост. Н. П. Прожогин. М. Правда. 1985. 255 с. 80 000 экз. 50 коп.

Сафрастян Р. А. *Доктрина османизма в политической жизни Османской империи: 50—70 гг. XIX в.* Ереван. Изд-во АН АрмССР. 1985. 147 с. 1100 экз. 1 руб. 50 коп.

Сванидзе А. А. *Деревенские ремесла в средневековой Европе.* М. Высшая школа. 1985. 176 с. (Библиотека историка). 9000 экз. 35 коп.

Социально-экономические противоречия НТР при капитализме. М. Мысль. 1985. 270 с. 7500 экз. 1 руб. 80 коп.

Халфин Н. А. *Заря свободы над Кабулом.* Историческое повествование. М. Наука. 1985. 320 с. с илл. 25 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Хенкин С. М. *Мелкобуржуазная демократия в Бразилии, 20—30-е гг. XX в.* М. Наука. 1985. 173 с. 1000 экз. 1 руб. 50 коп.

Шауро Э. А. *Африканская молодежь.* Перемены в общественном сознании. М. Наука. 1985. 128 с. 2300 экз. 90 коп.

Шило В. Е. *Канадский федерализм и международные отношения.* М. Наука. 1985. 192 с. 1000 экз. 1 руб. 20 коп.

Яковлев А. Н. *От Трумэна до Рейгана.* Доктрины и реальности ядерного века. 2-е изд., доп. и перераб. М. Молодая гвардия. 1985. 416 с. 150 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Абд ар-Рахман Ибн Абд ал-Хакам. *Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса.* Пер. с араб., предисл. С. Б. Певзнера. М. Наука. 1985. 440 с. 3800 экз. 4 руб. 10 коп.

Гаудио А. *Цивилизации Сахары.* Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. Пер. с фр. 2-е изд. М. Наука. 1985. 208 с. с илл. (По следам исчезнувших культур Востока). 30 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Герэн А., Варэн Ж. *Люди из ЦРУ.* Пер. с фр. М. Международные отношения. 1985. 285 с. 100 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. *Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба).* Пер. с перс., введ., коммент. Г. М. Курпалидиса. М Наука. 1985. 159 с. 2000 экз. 1 руб. 70 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

История СССР, 1985, № 6. Круглый стол «Истории СССР»— формирование агропромышленного комплекса и социальное развитие деревни; Волков И. М., Русинов И. В. Формирование агропромышленного комплекса и социальные изменения в деревне, Арутюнян Ю. В. Общее и национально-особенное в социально-культурном облике сельского населения СССР; Выступления В. Б. Островского, В. И. Староверова, Л. В. Никифорова, члена-корреспондента АН УзССР Р. Х. Аминовой, П. И. Симуша, В. М. Селунской, В. Д. Руднева, Е. И. Зеленина; член-корреспондент АН КиргССР Карыпкулов А. К. Опыт перехода народов Советского Востока к социализму, минуя капитализм; член-корреспондент АН СССР Новосельцев А. П. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения; Павлов Н. П. Протоколы колхозных собраний Удмуртской АССР о борьбе колхозников за укрепление общественной собственности (Обзор источников); Фрейдгеймас П. А. Связи революционеров Литвы и России в годы деятельности «Земли и воли» (1876—1879 гг.); Кельнер В. Е. «Народная энциклопедия» Александра Стронина (Из истории книжного дела 70-х гг. XIX в.); Свищев М. А. Налоговая статистика как источник для изучения социальной структуры города в первые годы нэпа; Смольников А. С. Документальные публикации и материалы прессы как источник по истории революционного движения и большевизации армии в 1917 году.

Новая и новейшая история, 1985, № 6. Заборов М. А. История рабочего движения капиталистических стран в исследованиях советских ученых (1981—1985 гг.); Михайлов М. И. К. Маркс и Ф. Энгельс в Кёльнском рабочем союзе; Смирнова Н. Д., Кулешов С. Г. К 40-летию установления дипломатических отношений между СССР и Албанией; член-корр. АН СССР Писарев Ю. А. Первая мировая война и проблема сепаратного мира; Туган-Барановский Д. М. Крупная французская буржуазия и переворот 18 брюмера 1799 г.; Гиленсон Б. А. «Я выбираю путь Ленина»: судьба Линкольна Стеффенса; Микоян А. И. В первые месяцы Великой Отечественной войны; член-корр. АН СССР Поляков Ю. А. Штрихи портрета ученого (о В. М. Хвостове); Павлова Т. А. Джерард Уинстэнли и диггеры; Из истории подготовки Берлинской (Потсдамской) конференции. Новые документы; Галкин И. С. Выдающийся советский историк академик Н. М. Дружинин; Дьяков В. А. Изучение истории Польши советскими учеными; Шмидт В. (ГДР). Становление исторической науки в ГДР.

Советская этнография, 1985, № 6. Полищук Н. С. Песни первой российской революции; Куббель Л. Е. Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация; Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В. Этническая история русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы

теории этногенеза; Красновская Н. А. От романизации к формированию сардинской этнической общности; Алексеев В. П., Влахович П., Иванович Б. К морфологической характеристике иллирийского населения Черногории; Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований (А. М. Решетов, О. Р. Будина, Г. Н. Симаков, Н. П. Лобачева, Л. Ф. Моногарова, Н. А. Томилов); Формозов А. А. Революционер-шестидесятник М. Л. Михайлов о первобытных людях; Шангина И. И. Д. А. Золотарев (К 100-летию со дня рождения); Евтух В. Б. Музей народного искусства Кипра; Устаев Ш. У. Новый год (Навруз) в мифологических воззрениях таджиков и узбеков; Оршо Э. Пища чеченцев современной Иордании; Чешко С. В. Семейно-родственные и родо-племенные отношения у индейцев США во второй половине XX столетия; Клейн Л. С. Перун на Кавказе.

Советская археология, 1985, № 4. Станко В. Н., Смольянинова С. П. Исследование палеолита и мезолита степного Побужья; Сагдуллаев А. С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии; Смирнова Г. И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР; Кореняко В. А. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов); Малевская М. В., Фоняков Д. И. Постройки древнего Торопца; Раппопорт П. А. Строительные артели Древней Руси и их заказчики; Буров В. А. Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным; Михайлова Л. А. Русаниха — новый палеолитический памятник вблизи Сунгиря; Долуханов П. М., Щетенко А. Я., Този М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе; Трефц М. И. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке; Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце; Рыжов С. Г. Дом IV—III вв. до н. э. в Херсонесе; Беспалый Е. И. Курган I в. н. э. у г. Азова; Медынцева А. А. О «досках» русских летописей и юридических актов; Казаков Е. П. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным; Галкин Л. Л. Некоторые новогодние монеты Золотой Орды; Немцова Н. И. Реконструкция изразцовых печей в доме Сапожникова в Гороховце; Голованова Л. В. Позднеашельское поселение Средний Хаджох; Аникович М. В. О характере охотничьего вооружения в памятниках костенковско-стрелецкой культуры; Бокий Н. М., Горбул Г. П. Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области; Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье); Золотов Ю. М. Изваяния языческих богов на Руси (письменные известия и устные предания); Гупало В. Д. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации); Дремов И. И. Погребение воина с джучидскими монетами; Глинский Е. А., Сергеев Д. А. Две находки с поселения Кивак на Чукотке.

Советские архивы. 1985, № 5. Ильенков А. И. Прошлое служит настоящему; Митюков А. Г. Архивы Украины в завершающем году одиннадцатой пятилетки; Доронин Ю. Д. Забота о сохранности документов; Чуковенков А. Ю. Классификация понятий как основа совершенствования терминологии в области исследования документов, создаваемых средствами вычислительной техники; Автократова М. И., Самошенко В. Н. Н. В. Калачов и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в.; Медушевский А. Н. К вопросу об источниковой базе современной буржуазной историографии русского феодализма XVIII в.; Демкин А. В. О формулярах заемных «кабал» и «памятей» первой половины XVII в.; Историко-географическая анкета В. Н. Татищева. Публикацию подготовил А. Б. Каменский; Чижова О. Г. Деятельность Нижне-Волжского крайкома партии по укреплению кадрами сельских райкомов (1929—1932 гг.); Денисова Г. Б. Из истории отечественной авиации (по материалам ЦГАОР СССР); К истории создания манифеста 17 октября. Публикацию подготовили А. В. Островский и М. М. Сафонов; Магеррамов Н. К. Свидетельство любви азербайджанских рабочих к Ильичу; Шведов С. В. Судьба запаса огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году; Полетаев О. А. Научно-справочный аппарат в архивах ГДР: современное состояние и тенденции развития.

Украинский исторический журнал, 1985, № 11. Калакура Я. С. Ленинская концепция партийного съезда в действии; Чишко В. С. Совершенствование подготовки кадров специалистов для сельского хозяйства УССР; Котляр Н. Ф. Древняя Русь и ее эпоха в «Слове о полку Игореве»; Яремчук Д. А. О работе партийных организаций по нейтрализации попыток влияния зарубежных униатско-националистических центров на верующих; Буравченков А. А. О численности офицерского корпуса русской армии накануне Великой Октябрьской социалистической революции; Белякевич И. И. Участие польских трудящихся-интернационалистов в борьбе за власть Советов на Украине (июль 1917 — февраль 1918 гг.); Гощуляк И. Л., Корниенко П. С. К вопросу о массово-политической работе большевиков Украины в 1918—1920 гг.; Сапун М. Н. Агитационно-пропагандистская деятельность национальных коммунистических секций на Украине (1918—1920 гг.); Колесник В. Ф. Освещение на страницах газеты «Комуніст» возрастания рабочего ядра в КП(б)У (1926—1929 гг.); Миронец Н. И., Солтановская Т. Г. Французская политическая песня в революцион-

ном движении России; Костенко Ю. В. Из истории борьбы СССР за запрещение бактериологического оружия; Шапран М. Ф. Командарм М. И. Василенко; Костинская Н. С. Деятельность ЦКК—РКИ УССР по совершенствованию государственного аппарата Украинской ССР (1920—1930 гг.); Рублев А. С. Неизвестные радиокомментарии Ярослава Галана 1943 г.; Давидич С. В. Украина помнит; Квитинский В. А. Партизаны — готвальдовцы; Шмырева В. И. К 40-летию образования Всемирной Федерации демократической молодежи; Калиниченко С. Б. 50-летие I Всесоюзного совещания стахановцев; Савичев Н. П. 50-летие учреждения ордена «Знак Почета».

Историко-филологический журнал АН Армянской ССР, 1985, № 3(110). Айвазян К. В. Величайший памятник древнерусской литературы (к 800-летию «Слова о полку Игореве»); Налбандян В. С. О некоторых особенностях армянской историографии V в.; Зулалян М. К. Европейские авторы об Армении и армянах (XVI—XVIII вв.). Источниковедческий обзор; Мушегян Х. А. Название Армении на древних и средневековых монетах; Абраамян А. А. Текстологические наблюдения над историческим произведением Степаноса Орбеляна; Демирханян А. Р., Фролов Б. А. Первобытная символика вертикали; Казинян А. А. Жанровая природа «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци; Срапян А. Н. Эстетические взгляды Ованеса Ерзнкаци; Матевосян К. А. Памятные записи XIV века о городе Ани и об анийцах; Папазян А. А. Геноцид армян по документам судебного процесса младотурок; Хнкикян О. С. Раскопки в Горисском районе; Петросян Ю. А. Зейтунское восстание 1862 г. в свете внутренней политики правящих кругов Османской империи в период танзиматских реформ; Мирзоян Н. Л. Юрий Николаевич Марр; Каковкин А. Я. Житийная икона Григора Лусаворича из собрания Русского Музея; Шахназарян А. И. К вопросу о родословном древе Захаридов.

Вестник АН СССР, 1985, № 11. XLII сессия Совета по координации научной деятельности академий союзных республик; На заседаниях сессии; Вклад ученых Академии наук СССР в победу над фашистской Германией. Доклад президента АН СССР академика А. П. Александрова; Работы ученых Академии наук Украинской ССР по укреплению оборонной мощи страны в годы Великой Отечественной войны. Выступление президента АН УССР академика Б. Е. Патона; Ученые Урала — фронту. Выступление председателя Президиума Уральского центра АН СССР академика С. В. Вонсовского; Роль науки в мобилизации ресурсов Средней Азии и Казахстана для нужд фронта. Выступление президента АН Узбекской ССР члена-корреспондента АН СССР П. К. Хабибуллаева.

Вестник Московского университета, серия 8, история, 1985, № 6. Алисов Д. А. Вопросы формирования и развития сельской интеллигенции союзных республик в советской исторической литературе; Прохоров В. С. Трудовой подвиг рабочих и инженерно-технической интеллигенции подшипниковой промышленности в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.); Железнева Т. В. Отчеты учебной части МГУ периода Великой Отечественной войны как исторический источник; Абусеитов К. Х. Партийно-политическая борьба по вопросам аграрного законодательства в США в начале 70-х годов; Тер-Минасова С. Г. Роль иностранного языка в подготовке специалиста-историка; Юмашева О. Г. Колониальная политика Италии в Северо-Восточной Африке и политика России (1885—1889 гг.); Цимбаев Н. И. Из истории славянофильской политической мысли (славянофилы и царское правительство); Тимошина Л. А. «Посадское строение» в Костроме в 1649—1652 гг.

Вестник Ленинградского университета, история, язык, литература, 1985, № 23, вып. 4. Кащенко С. Г. Об изменении крестьянских наделов в ходе реформы 1861 года в Новгородской губернии; Воробьев В. М. Проблема слияния холопства и крестьянства в дореволюционной историографии; Пашин С. С. Галицкое боярство XII—XIII вв.; Худолей К. К. Избрание Э. Хита лидером консервативной партии Великобритании в 1965 г.; Стрельченко Н. Б. «Русская политика» правительства картеля левых (Из истории установления франко-советских дипломатических отношений); Попова Л. М. К постановке вопроса о народной иконописи Центральной и Левобережной Украины XIX века.

Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. XXIV. Героический путь КПСС — путь борьбы и побед. Л. 1985. Смышляев В. А. В борьбе за партию нового типа; Рыскин Н. Д. Борьба В. И. Ленина за новый тип программы марксистской партии; Ерыкалов Е. Ф. Борьба В. И. Ленина на Втором съезде РСДРП за искровский организационный план; Попова Э. Д. Ленинские принципы первой аграрной программы партии большевиков; Ткаченко И. В. В. И. Ленин о соотношении интернационального и национального в социал-демократическом движении России в 1890—1900-е годы; Боброва Е. К. Вклад Н. К. Крупской в утверждение ленинской концепции истории Второго съезда РСДРП; Дятлова М. М. «Биографическая хроника» как источник изучения деятельности В. И. Ленина по созданию партии нового типа; Бабаева Н. П. В. И. Ленин о единстве революционных сил в борьбе против оппортунизма в период создания партии нового типа; Катушкин В. М. Рефераты В. И. Ленина с критикой партии эсеров 1902—1903 гг.; Телегин Н. В. Борьба В. И. Ленина против оппортунизма меньшевиков за укрепление партии после Второго съезда РСДРП; Афанасьев М. Ю., Шмелев А. Н. Историческое значение борьбы партии с троцкизмом за ле-

нинские организационные принципы; Крейдлина Л. М. «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России» как источник изучения распространения трудов В. И. Ленина в период подготовки Второго съезда РСДРП; Приймак Н. И. Вопросы историографии и источниковедения Второго съезда РСДРП в историко-партийной литературе (1973—1983 гг.); Педан С. А. Советская историография о выступлении В. И. Ленина по вопросу об отношении к учащейся молодежи на Втором съезде РСДРП; Хрисанфов В. И. К вопросу о ленинских рефератах о войне (осень 1914 г.); Метельков П. Ф. Роль идеологической деятельности партии в становлении новой общественно-экономической формации; Печенкин В. Г. Роль Центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда в оказании экономической помощи крестьянству в 1917 г.; Сабуров Н. Н. Деятельность партии по восстановлению сельского хозяйства и установлению экономической смычки в 1924—1925 гг.; Хабибулина Р. Я. Документы КПСС о роли традиций в жизни советского общества; Чекаткова К. А. Совершенствование структуры и повышение авангардной роли партийных организаций на современном этапе; Кочерова Л. С. О совершенствовании социалистической демократии и роли молодежи в управлении государством; Комал Ф. Б. В. И. Ленин, КПСС о военной организации социалистического государства; Томашевский А. А. Исторический опыт КПСС по защите завоеваний социализма; Сергеев А. И. В. И. Ленин — основатель печати нового типа.

Современная историография экспансионизма США. XIX — начало XX в. Сборник статей. Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР. М. — Л. 1985. Сидоров Л. Н. Буржуазные историки США об американской экспансии начала XIX в.; Монахов В. М. Американская историография экспансионизма США 1865—1895 гг.; Носков В. В. Советская историография экспансии США и европейских держав в Океании в XIX в.; Крепак А. В., Плешков В. Н. Советская историография американо-германского соперничества в конце XIX в.; Фурсенко А. А. Роль военного ведомства во внешней политике США (конец XIX — начало XX в.); Крепак А. В. Современная американская историография венесуэльского кризиса 1902—1903 гг.; Ганелин Р. Ш. Революционное движение в России и Соединенные Штаты Америки 1905 — март 1917 гг.; Каргина Т. Н. Политика американского капитала в отношении Советской России в 1920-м — начале 30-х годов.

Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. Институт всеобщей истории АН СССР. Научный совет «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой». Секция «Генезис и развитие феодализма». М. 1985. Варьяш О. И. Становление Португалии; Червонов С. Д. Ремесло и ремесленники в городах Центральной Испании на рубеже XII—XIII вв.; Черных А. П. Городские слои о политическом развитии Португалии конца XIV в.; Басовская Н. И. Англо-французские противоречия конца XIII—XIV вв. и страны Пиренейского полуострова; Ведюшкин В. А. Дворянство в кастильских кортесах (XVI — начало XVII вв.); Уколова В. И. Исидор Севильский и его сочинение «О природе вещей»; Исидор Севильский. О природе вещей. Перевод и комментарии Т. Ю. Бородай; Вольф Е. М., Челышева И. И. Материалы по истории Испании и Португалии в советских архивах (X—XVI вв.); Фуэро Леона. Перевод и комментарии О. И. Варьяш и С. Д. Червонова; Этнонимия иберийских, кельтских и италийских племен времени Великого переселения народов. (Составитель, автор вступительной статьи и комментария В. П. Буданова).

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ИСТОРИКОВ И ЛИТЕРАТОРОВ

11 сентября 1985 г. состоялся «круглый стол» историков и литераторов на тему «Воспитание историей». Его организовали Правление Всероссийского общества «Знание» и Секция пропаганды исторических знаний и художественной культуры этого общества. В нем приняли участие ученые (чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков, В. И. Буганов, В. П. Дмитренко, А. П. Ненароков, А. Н. Сахаров) и писатели (Ю. В. Давыдов, В. Д. Оскоцкий, В. И. Порудоминский, А. Ю. Чернов, Н. Я. Эйдельман). На встрече присутствовали члены Правления Всероссийского общества «Знание», члены общества, историки, представители общественности.

Открыл заседание зам. председателя Научно-исторического совета по пропаганде исторических знаний при Всероссийском обществе «Знание» В. П. Дмитренко. Историки и литераторы, работающие в историческом жанре, сказал он, собрались, чтобы обсудить, каким образом их труды — исследования, романы, повести — использовать в таком важном деле, как воспитание патриотизма, формирование исторического мышления, поделиться опытом работы, поговорить о творческом содружестве. Важная сторона в работе историка и литератора — учет читательского спроса, обостряющегося интереса к тем или иным событиям прошлого, возрастной, профес-

сиональной специфики аудитории, задач активизации контрпропаганды. Область истории стран, народов, континентов становится одной из главных сфер идеологического противостояния двух социальных систем.

Выступавший первым Ю. А. Поляков остановился на социальной роли исторической науки. Исторические знания советские люди получают еще в школе. Широкой популярностью пользуются историческая беллетристика, кино- и телефильмы, публичные лекции на исторические темы. История неразрывно связана со всеми сторонами человеческой деятельности, она обладает огромным богатством сюжетов и проблем и соответственно — форм изложения материала, диктуемых задачами научной работы или художественного творчества.

Ю. А. Поляков подчеркнул роль художественного слова в трудах историков. Многие дореволюционные (Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский и др.) и советские (Е. В. Тарле, А. З. Манфред, М. В. Нечкина и др.) историки блестяще владели пером. Молодым исследователям надо учиться у них, обращать больше внимания на овладение литературным мастерством, преодолевать небрежение к слову.

Историки и литераторы делают общее дело, пропагандируя исторические знания, и являются не соперниками, а соратниками по труду. Хотелось бы, чтобы писатели больше считались с теми научно обоснованными оценками событий и деятелей прошлого, которые содержатся в работах историков. Это поможет исключить ошибки, которые, к сожалению, все чаще встречаются в исторической беллетристике последних лет.

В. Д. Оскоцкий привел слова акад. Д. С. Лихачева о том, что историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ. Эту память создают произведения писателей на исторические темы, труды ученых-историков. Труд писателя не дублирует труд ученого. Литературное произведение на историческую тему немыслимо без образного воссоздания минувшего, гармоничного сочетания фактической точности при описании действительных событий с художественным вымыслом. Литератор обязан стремиться к овладению марксистско-ленинской методологией истории, критически оценивать устаревшие или научно несостоятельные концепции. Тесное сотрудничество писателей и историков необходимо для повышения уровня художественных произведений на исторические темы, которые призваны формировать историческое мышление советских людей. Это особенно важно в наши дни, когда за рубежом распространяются идеологические и политические спекуляции относительно прошлого нашей страны: здесь попытки вывести современный терроризм на Западе из русского освободительного движения, обелить фашизм, принизить роль советского народа в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии. В заключение оратор, напомнив слова чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто «наша мощь — в союзе муз», призвал к укреплению творческого союза историков и деятелей литературы и искусства.

У историков и писателей, пишущих на исторические темы, общая цель — донести до читателей историческую истину, подчеркнул В. И. Буганов. Содружество историков и литераторов имеет свои традиции, накоплен опыт взаимного общения. Нам нужно учиться друг у друга. Писателям у историков, например,— знанию эпохи, методике работы над источниками, а историкам у литераторов — исторической интуиции, способности домысливания исторической ситуации, наконец, образности изложения. Формы содружества историков и литераторов могут быть разнообразными. Историки могут консультировать писателей во время их работы над художественными произведениями, предварять их сочинения предисловиями, заключать послесловиями, комментировать. Примером такого содружества является серия издательства Молодая гвардия «История Отечества в романах, повестях, документах». В этом издании историки выступают в качестве авторов предисловий, научных комментариев. За таким содружеством будущее.

Литераторы также за такое содружество, сказал Ю. В. Давыдов. Движение к сближению историков и писателей уже началось. Однако нередко рецензии ученых-специалистов на исторические произведения литераторов носят необъективный характер, задерживают публикацию этих произведений.

В исторической беллетристике и в исследовательских работах, отметил А. Н. Сахаров, зачастую история нашей страны дается изолированно от мировой истории, что приводит к искажению характера описываемых событий, их неправильной оценке и интерпретации. Мир един, и сопоставление явлений, происходящих в разных странах в одно и то же время, дает возможность найти много общего в их прошлом, более правильно формировать представления читателей (и в нашей стране и за рубежом) о реальном вкладе России в мировую цивилизацию. Однако часто авторы этого не делают и этим не интересуются. Так, в романах о Древней Руси, написанных талантливо и увлекательно, она предстает иногда отсталой варварской страной, поскольку авторы, видимо, не знакомы с европейской историей, не знают уровня развития соседних с Киевской Русью государств, не ведают о том месте, которое она занимала среди них.

А. Ю. Чернов подчеркнул, что любовь к прошлому своей Родины, к памятникам ее истории нужно воспитывать с детства. Но школьные учебники мало этому способствуют, написаны скучно, суконным языком, невыразительно. По мнению А. П. Ненарокова, чувство историзма должно прививаться человеку со школьной скамьи. Для этого нужны интересные учебники. Их могут писать историки и литераторы совместно. Историки выполняли бы первый этап работы — отбор фактов, документов, изобразительного материала и т. д., выработку понятийного аппарата, а задача писателей—

на этой основе интересно и образно написать учебник. Оратор указал также на возможности литературной критики в оказании помощи авторам произведений на исторические темы.

Н. Я. Эйдельман отметил всевозрастающий читательский интерес к книгам биографического жанра, поделился своими мыслями о том, как писателю отбирать исторические факты при работе над такого рода произведениями.

О своей работе в архивах, о том, как документы придают написанному достоверность и весомость и как эта достоверность передается затем от писателя к читателю, рассказал В. И. Порудоминский. Важная задача исторического воспитания масс — привить бережное отношение к историческому факту и источнику. Работа в архивах, изучение хранящихся в них документов превращает писателя в историка.

Обмен мнениями показал сложность и дискуссионность обсуждавшейся за «круглым столом» проблемы, сказал Ю. А. Поляков. Воспитание историей включает в себя и воспитание уважения к памятникам истории. Это одно из направлений лекционной работы общества «Знание». Он предложил образовать при обществе «Знание» комиссию по историко-художественной литературе.

Закрывая заседание, В. П. Дмитренко поблагодарил собравшихся за участие в «круглом столе» и остановился на актуальных задачах лекционной пропаганды в области воспитания историей.

В. Н. Павленко

Хроникальные заметки

◆ Всесоюзная научная конференция «Советский народ — новая интернациональная общность людей» состоялась в сентябре 1985 г. в Кишиневе. Вступительным словом ее открыл президент АН МССР чл.-корр. АН СССР А. А. Жученко. На пленарном заседании выступили: С. С. Хромов — Формирование и развитие советского народа как единой социальной и интернациональной общности; чл.-корр. АН МССР В. И. Царанов и М. К. Сытник (оба — Кишинев) — Социалистические преобразования в советских республиках и областях, воссоединенных с СССР в 1939—1940 гг., и дальнейшая консолидация советского народа; чл.-корр. АН БССР П. Т. Петриков, Г. В. Корзенко (оба — Минск) — Межреспубликанское научное сотрудничество — важный фактор интернационализации советского общества.

◆ 21 октября 1985 г. в Тбилиси прошла юбилейная сессия Института истории партии при ЦК КП Грузии в связи со 100-летием со дня рождения известного деятеля Коммунистической партии и Советского государства Г. Ф. Стуруа. Его жизнь и революционная деятельность были освещены в докладе В. Н. Мерквиладзе.

◆ Академия наук СССР и Союз писателей СССР 19 ноября 1985 г. провели Всесоюзную научную конференцию к 800-летию «Слова о полку Игореве». Вступительное слово произнес председатель Всесоюзной юбилейной комиссии вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев. Состоялись доклады и сообщения.

◆ 16 октября 1985 г. в Юрмале проходила межреспубликанская научная конференция «Проблемы этнической истории балтов». В ней приняли участие ученые Москвы, РСФСР, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии. Были рассмотрены проблемы исторических связей балтских народов со славянскими и финно-угорскими, обобщены результаты новейших научных исследований.

◆ В сентябре 1985 г. в г. Шурчи (Сурхандарьинская обл. УзССР) состоялась Всесоюзная научная конференция «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии», участники которой обсудили результаты изучения Самарканда, Бухары, Шахрисабза, Термеза, Хивы.

◆ В Тбилиси в октябре 1985 г. проходил симпозиум на тему «Полихромная поливная керамика: истоки и пути распространения», организованный Отделением общественных наук АН ГрузССР и Центром археологических исследований Института истории, археологии и этнографии АН ГрузССР. Участники симпозиума — археологи Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку, Еревана, Грозного, Свердловска, Одессы, Севастополя, Симферополя и других городов обсудили результаты новейших исследований, включая дискуссионный вопрос о путях распространения полихромной поливной керамики в XII—XIV веках.

◆ 16 декабря 1985 г. в Институте всеобщей истории АН СССР состоялось совместное заседание секции «Генезис и развитие феодализма» Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» и Научного совета по исторической демографии и исторической географии АН СССР, посвященное проблемам демографической истории докапиталистических обществ Западной Европы. Вступительное слово произнесла чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова. С докладом «Современная историческая демография западноевропейского средневековья и начала нового времени: проблематика и методика» вы-

ступил Ю. Л. Бессмертный. Были сделаны сообщения: Некоторые особенности представлений о браке в древнем Риме (по правовым памятникам) — В. М. Смирин; Брачно-семейные представления IX в. по нарративным памятникам — В. К. Ронин; Методика изучения структуры крестьянской семьи на территории Северной Франции VIII—XI вв. по картулярному материалу — П. Ш. Габдарахманов; К изучению брачно-семейных представлений по франкским пенитенциалиям — В. А. Блонин (Горький); Брачно-семейные представления французского рыцарства (по героическим сказаниям) — Е. А. Тушина, и др.

◆ Научные сессии, посвященные 180-летию со дня рождения С. И. Додашвили, грузинского просветителя, писателя, общественного деятеля, и памяти Н. Я. Марра, советского востоковеда и лингвиста, в октябре 1985 г. состоялись в Тбилиси и Чохатаури.

◆ Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР и Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР провели 5 декабря 1985 г. в Ленинграде научную конференцию «Культура европейского средневековья и ее памятники в рукописных собраниях Ленинграда», посвященную памяти чл.-корр. АН СССР О. А. Добиаш-Рождественской в связи с 70-летием присуждения ей (первой в России женщине) ученой степени магистра всеобщей истории. С сообщениями выступили специалисты ее источниковедческой школы — соратники и ученики ее ученицы проф. А. Д. Люблинской: П. А. Конаков — Арнульф из Санкт-Эммерамма; В. И. Райцес — Шутовской альманах на 1610 г.; Т. М. Котельникова — Латинская иллюминованная рукопись XIII в.; В. Г. Карцовник — Каталогизация музыкальных рукописей западноевропейского средневековья, и др.

◆ Издательство Казанского университета выпустило книгу В. В. Иванова «Ленинская концепция истории: методология и методика исследования» (Казань. 1985). Наиболее полно в ней разработан раздел, характеризующий учение В. И. Ленина о гегемонии пролетариата в первой российской революции.

◆ «Я стал убежденным марксистом» — так называется книга Р. И. Нафигова, вышедшая в Татарском книжном издательстве (Казань. 1985). Она посвящена 100-летию революционной стачки в Казанском университете, участие в которой принял молодой В. И. Ульянов.

◆ «Незабываемые встречи с Лениным. Хроника событий (1917—1924)» (М. Мысль. 1985) — воспоминания ходоков-крестьян, побывавших у Владимира Ильича, заметки и характеристики, сделанные Лениным в ходе бесед с ними.

◆ В коллективном труде «Социальная политика Советского государства» (М. Мысль. 1985) рассматриваются мероприятия КПСС и Советского государства, направленные на дальнейшее развитие рабочего класса как ведущей социальной силы советского общества, характеризуется процесс выработки принципов социальной политики нашего государства и освещается ее осуществление.

◆ О майских днях 1905 г. в Иваново-Вознесенске, возникновении первого в России общегородского Совета рассказывает книга «Доверие» (М. Политиздат. 1985).

◆ Вторым изданием вышла книга «Сергей Лазо. Воспоминания и документы» (М. Политиздат. 1985). В ней друзья и соратники воссоздают образ героя гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

◆ К. А. Хмелевский (Сыны степей донских. М. Политиздат. 1985) на основе новых архивных документов, воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны рассказывает о жизни и трагической гибели в 1918 г. Ф. Г. Подтелкова и М. В. Кривошлыкова.

◆ Книга Ю. А. Львунина «Интернационализм в действии (интернациональные связи советского рабочего класса в годы социалистического строительства в СССР)». (М. Мысль. 1985) посвящена развитию и укреплению контактов рабочего класса СССР с пролетариатом капиталистических стран, их взаимной братской солидарности, революционному взаимодействию в процессе строительства социализма в СССР.

◆ Э. В. Клопов (Рабочий класс СССР: тенденции развития в 60—70-е годы. М. Мысль. 1985) рассматривает процесс расширенного количественно-качественного воспроизводства рабочего класса СССР как ведущей силы советского общества.

◆ В монографии П. П. Панченко «Развитие общественно-политической жизни современного села УССР. 1960—1984» (Киев. Наукова думка. 1985) анализируются различные стороны названного процесса за последние четверть века.

◆ В сборнике «Проблемы коммунистического движения» (М. Мысль. 1985) освещаются актуальные вопросы деятельности революционных партий в современных условиях.

◆ «Горьковский дизельный. Очерки истории завода «Двигатель революции» (М. Мысль. 1985) — история одного из промышленных предприятий газовой, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, которому уже более 100 лет.

◆ К. Ф. Шацилло (Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М. Наука. 1985) на основе впервые вводимых в научный оборот материалов анализирует деятельность «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения», программы и тактику действий, выработанные русскими либералами перед первой российской революцией.

◆ В книге «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов) (М. Мысль. 1985) ее автор Г. А. Невелев исследует методы работы Пушкина как историка, показывает его творческую лабораторию.

◆ Г. А. Амичба и Т. Г. Папуашвили (Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. Тбилиси. Мецниереба. 1985) характеризуют тот период в истории Грузии, когда Иран и Ви-

занятия боролись за достижение над ней безраздельного господства, но были оттеснены арабскими завоевателями, под властью которых Грузия и оказалась в VII веке.

◆ А. Г. Варюхичев (Слово о граде Кириллове. Архангельск. Северо-Западное книжное изд-во. 1985) рассказывает о возникновении, становлении, развитии Кирилло-Белозерского монастыря, г. Кириллова Вологодской обл. и окрестных селений.

◆ В труде «Вторая мировая война. Итоги и уроки» (М. Воениздат. 1985) дается всесторонний марксистско-ленинский анализ социальных, политических, экономических, военных, идеологических и других факторов, определявших ее ход и исход.

◆ А. А. Шевяков в работе «Отношения между Советским Союзом и Румынией. 1944—1949» (М. Наука. 1985) характеризует развитие советско-румынских отношений в этот период.

◆ В книге «Исторический источник и буржуазная историография» (Калинин. КГУ. 1985) А. В. Гребенюк останавливается на теоретико-методологических проблемах возникновения немарксистского источниковедения, особое внимание уделяя критическому рассмотрению гносеологических и классовых корней источниковедческих концепций современной буржуазной историографии.

◆ «Генезис капитализма: проблемы методологии» (М. Наука. 1985) — так называется книга А. Н. Чистозвонова, в которой указанные вопросы ставятся в основном на историческом материале стран Европы.

◆ В работе В. Н. Виноградова «Великобритания и Балканы от Венского конгресса до Крымской войны» (М. Наука. 1985) показаны британская политика в 1815—1853 гг., ее экспансионистский характер, проанализированы русско-английские противоречия той поры.

◆ В книге Б. И. Данилова «Политическая борьба в Турции» (М. Наука. 1985) освещается политическая борьба в стране в 1950 — начале 1980-х годов. Рассматривается социальная база, программы и деятельность основных партий за последние 30 лет.

◆ А. А. Кокорев (Силовая «дипломатия» Вашингтона: расчеты и просчеты. М. Мысль. 1985) рассматривает эволюцию военно-политической стратегии США и дает критический анализ политики американских правящих кругов в отношении социалистических стран, новейших американских концепций, оправдывающих гонку вооружений.

◆ В книге «Ограбление под маской партнерства» (М. Мысль. 1985) Н. Ф. Карасев рассказывает о грабительских целях империалистических держав в освободившихся странах.

◆ Н. З. Ярощук (Почему национализм обречен. М. Мысль. 1985) раскрывает сущность национализма как орудия империализма и реакции в борьбе против мирового революционного и освободительного движения, рассматривает пролетарский интернационализм как альтернативу идеологии и политике национализма.

◆ В книге В. М. Лесиовского «Тайна гибели Хаммаршельда» (М. Мысль. 1985) расследуется одно из неразгаданных событий нашего времени — смерть бывшего генерального секретаря ООН (с 1953 по 1961 г.) Д. Хаммаршельда.

◆ При сносе старого здания в совхозе Махтра вблизи Таллина обнаружен тайник, в котором оказалась часть архива городского комитета РСДРП. Среди документов — протоколы его заседаний в 1907 г., подпольные издания начала XX в., листовки ЦК и Таллинского комитета РСДРП, воззвания к трудящимся, манифесты революционных организаций. Эти документы позволяют заполнить некоторые «белые пятна» в истории Компартии Эстонии.

◆ Археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в с. Мощенка на Черниговщине при раскопках городища нашла остатки жилищ, фрагменты глиняной посуды, ткацкого веретена, серп и удила времен Киевской Руси.

◆ При обследовании могильника у д. Валговицы Кингисеппского р-на ЭССР экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР обнаружила серпы, косы, украшения и другие предметы, которые дают представление о том, какой была культура местного населения в XIII—XIV веках.

◆ В результате раскопок могильника Аймырлыг (Тувинская АССР) сотрудники ЛО Института археологии АН СССР обнаружили изделия из рога, кости, бронзы и золота эпохи бронзового века.

◆ Во время раскопок на территории Кревского замка XIV в. на Сморгонщине в Белоруссии обнаружены разнообразные предметы труда и быта.

◆ В Таврическом р-не Омской обл., в пойме Иртыша, в одном из степных курганов археологи обнаружили древнее захоронение, а в нем — фрагменты посуды, кинжал длиною 33 см, кольца, бронзовые обломок серьги и иглу, бусы и многие другие украшения и предметы домашнего обихода II—I тыс. до н. э.

◆ При раскопках кургана у с. Болдырево Оренбургской обл. обнаружены железные предметы, которые свидетельствуют о том, что уже в XVIII—XVII вв. до н. э. местные насельники знали этот металл.

◆ На развалинах Старой Нисы, около Ашхабада, найдены фрагменты двух глиняных раскрашенных статуй и росписи (батальная сцена с изображением всадников).

◆ На керамических сосудах-оссуариях, в которых огнепоклонники хранили останки умерших (обнаружены при раскопках в древнем селении Узкишлак Яккабагского р-на, Кашкадарьинская обл., УзССР), изображены ритуальные танцы, отражающие представления об умирающей и воскресающей природе.

◆ В пойме р. Каратал (Южное Прибалхашье) обнаружены кремниевые орудия, наконечники стрел, вкладыши для орудий труда и охоты, фрагменты зернотерок, скребки для обработки кожи, кости, дерева, шила (IV—III вв. до н. э.). Они говорят о том, что местные племена занимались охотой, рыболовством, возможно, земледелием, им были знакомы гончарное производство и металлургия меди.

Рецензии

W. S. COLE. *Roosevelt and Isolationists, 1932—1945.* Lincoln—Lnd. University Nebraska Press. 1983. XII+698 p.

У. С. КОУЛ. *Рузвельт и изоляционисты,* 1932—1945.

Изучение столь многогранного явления, как американский изоляционизм в межвоенный период, продолжает оставаться одной из актуальных тем в историографии США. Буржуазные исследователи стремятся использовать идейно-политическое наследство изоляционизма для оправдания или критики (последнее относится к историкам-радикалам) глобализма и интервенционизма США.

Профессор Мэрилендского университета У. Коул более 35 лет посвятил изучению различных сторон деятельности изоляционистов в годы подготовки и развязывания второй мировой войны [1]. Он придерживается либеральных политических взглядов. Свое методологическое кредо Коул определил в работах 70-х годов, подчеркнув, что стремится «не оправдывать и не предъявлять обвинения, а скорее описывать и объяснять события» [2]. Сформулированная таким образом позиция буржуазного объективизма реализовалась с помощью концепции, весьма созвучной идеям «политических реалистов». В трактовке внешней политики США Коул особое значение придает компоненту «силы» (борьбе за «силу») как на международной арене, так и во внутриполитическом соперничестве различных группировок правящего класса [3].

Свою последнюю работу, посвященную взаимоотношениям президента Ф. Рузвельта с ведущими представителями изоляционизма в американских правящих кругах, Коул считает итогом многолетних научных устремлений. Его труд написан на основе архивных материалов (включая личные фонды политических деятелей и документы ФБР), переписки и интервью автора с живыми свидетелями «великих дебатов» 30-х — начала 40-х годов по вопросам участия США в войне и выработки послевоенной политики, а также прессы и литературы.

Главное внимание автор сосредоточил на роли Рузвельта в переориентации США с внешнеполитических доктрин изоляционизма на многостороннее участие в мировых делах. В книге выделены три периода взаимоотношений президента с изоляционистами: 1932—1937 гг. («нелегкий союз»); 1937—1940 гг. (начало и усиление расхождений); 1940—1945 гг. (поражение противников «интернационалистской» политики).

Предложенная Коулом концепция выдержана в традициях апологетической литературы о внешней политике рузвельтовской администрации. Однако его трактовке изоляционизма присущи некоторые особенности. Преувеличивая личную роль президента в обусловленном объективными обстоятельствами процессе крушения изоляционистских догматов («невовлечения» в союзы, «односторонности» внешней политики Америки и «свободы рук»), автор, с одной стороны, пытается представить Рузвельта последовательным носителем идеи конструктивного участия США в борьбе за мир и безопасность (с. 287, 299, 300), а с другой — показать силу изоляционистской оппозиции и своеобразие отношений различных групп, к ней принадлежащих, в усло-

---

[1] Cole W. America First: The Battle Against Intervention, 1940—1941. Madison (Wis.). 1953; e j u s d. Senator Gerald P. Nye and American Foreign Policy Relations. Minneapolis. 1962; e j u s d. Charles A. Lindbergh and the Battle Against American Intervention in World War II. N. Y. 1974; e. o.

[2] Cole W. Charles A. Lindbergh, p. XI.

[3] Cole W. An Interpretive History of American Foreign Relations. Homewood (Ill.). 1974, pp. 3, 4, 6.

виях роста фашистской угрозы. При этом Коул не выходит за рамки официальной схемы, перекладывающей ответственность за политику попустительства агрессорам с правящих кругов США на изоляционистские настроения в среде широких народных масс (с. 69, 127, 284, 298).

Анализируя позицию левого крыла в изоляционистском блоке в конгрессе, представленного в основном прогрессистами-республиканцами (сенаторы У. Бора, Х. Джонсон, Дж. Най, Дж. Норрис, Р. Лафоллет и др.), автор подчеркивает, что многие из них, поддерживая «новый курс» Рузвельта, были левее в своих взглядах на социально-экономические реформы, чем президент[4] (с. 44, 129, 140). Отстаивая политику «невовлечения» США в европейские дела, эти политические деятели выражали, по мнению Коула, интересы фермеров и мелкой городской буржуазии Запада и Среднего Запада.

Однако речь должна идти не о прямой взаимосвязи реформизма и изоляционизма, а о том, что радикальные идеи прогрессистского реформизма формировались под влиянием мощных движений демократических низов и своеобразно преломляли их настроения в лозунгах политического изоляционизма. Как известно, мелкобуржуазные слои и трудящиеся фермеры (даже часть рабочего класса) Америки 30-х годов видели в приоритете внутренней политики необходимое условие оздоровления национальной экономики и укрепления демократии. Получаемые военными промышленниками и международными банкирами доходы от подготовки к войне рассматривались демократическими слоями, выступавшими против политики экспансии, как наиболее серьезная угроза миру.

Подробно останавливаясь на результатах расследования в 1934—1936 гг. сенатской комиссией Дж. Ная деятельности монополий, производивших вооружение и торговавших им, Коул указывает на антимонополистические, антимилитаристские и антиимпериалистические тенденции во внешнеполитической идеологии изоляционистов-прогрессистов (с. 358). В работе приводятся некоторые их реалистические суждения, например, о том, что политика «нейтралитета» и эмбарго на продажу оружия во время национально-революционной войны в Испании фактически помогли Франко в борьбе против республики (с. 224, 227, 235). При освещении предвоенных дебатов о программе морских вооружений США Коул также останавливается на антимилитаристских взглядах ряда изоляционистов, которые, однако, ошибочно преуменьшали угрозу германского нацизма и японского милитаризма странам западного полушария, хотя и исходили из верной посылки о взаимосвязи между широкими военными приготовлениями, ростом международной напряженности и приближающейся войной (с. 69, 267—273).

Занятый анализом взаимоотношений Рузвельта с сенаторами-прогрессистами, автор оставляет в тени консервативно настроенных изоляционистов (Р. Тафта, Г. Гувера, Д. Остина, Г. Фиша и др.). В работе отсутствует постановка принципиально важного вопроса о существовании до конца 30-х годов различий в подходе к проблеме невовлечения США в новую мировую войну между либерально-демократическим крылом изоляционистов, исходивших из концепций буржуазного реформизма, и представителями монополистического капитала, тесно связанными с германскими монополиями; финансистов, торговцев и промышленников, соперничавших с Великобританией на мировых рынках, а также откровенных антисоветчиков, профашистски настроенных государственных и общественных деятелей. Без этого нельзя понять действительное классовое содержание политики американского «нейтралитета», как ориентированной на интересы монополий и шедшей в русле политики «умиротворения» агрессора. У автора же промюнхенский курс администрации Рузвельта находит полное оправдание (с. 275, 284, 287), поскольку в качестве одного из главных препятствий на пути реализации внешнеполитических шагов президента США рассматривается изоляционизм масс, а предложения Советского Союза о создании системы коллективной безопасности в Европе в работе вообще не упоминаются.

Коул односторонне охарактеризовал внешнеполитическую оппозицию Рузвельту в правящих кругах, сделав акцент лишь на том, что внешне сближало ее со стихийным изоляционизмом широких слоев американского общества, имевшим своим главным источником популистские традиции антимонополистической, антиимпериалистической борьбы, антивоенного движения. Та-

[4] О реформизме Рузвельта см.: Мальков В. Л. «Чуть-чуть левее центра»: общее и особенное в социальной политике Ф. Рузвельта. В кн.: Американский ежегодник. 1983. М. 1983.

кой подход несет особую нагрузку в предложенной автором трактовке темы. Цель его состоит в том, чтобы доказать, будто поиски Рузвельтом путей достижения коллективной безопасности в Европе и использования международного веса США для создания препятствия на пути агрессивных замыслов держав «оси» не могли быть реализованы главным образом из-за настроений американского народа, якобы адекватно выраженных оппозицией в конгрессе.

Игнорируя существовавшую до конца 30-х годов дифференциацию среди изоляционистов и сводя их идеологию преимущественно к идеям буржуазного реформизма и аграрного радикализма, Коул смазывает вопрос о действительном составе лагеря изоляционистов к началу 40-х годов, когда в его рядах объединились наиболее консервативные представители этого течения (в том числе и бывшие либералы). К началу второй мировой войны изоляционистские лозунги «невовлечения» и «свободы рук» носили, как известно, откровенно реакционный, антинациональный характер и в корне противоречили антифашистским настроениям американского народа, усилившимся после оккупации Франции Гитлером. Автор не принимает в расчет и того, что в условиях начавшейся мировой войны деятельность сплотившихся на реакционной основе изоляционистов, особенно представителей антиинтервенционистской организации «Америка — прежде всего», по обработке общественного мнения в пользу политики «умиротворения» Германии (с. 415) за счет национальных интересов других государств объективно носила подрывной характер и высоко оценивалась нацистами (с. 471, 473).

Автор отмечает яростный антикоммунизм изоляционистов, призывавших не оказывать помощь СССР после нападения Германии на него, и преподносит эту политику как всего лишь позицию выжидания (с. 434), не вскрывая ее сути как рассчитанной на взаимное уничтожение СССР и Германии.

Многие материалы из архивов ФБР впервые введены автором в научный оборот. Они свидетельствуют, что представители властей и даже Рузвельт не делали различий между активностью таких подрывных организаций фашистского или полуфашистского типа, как «Германо-американский союз», «Движение социальной справедливости» Кофлина и др., и оппозицией изоляционистов (с. 535—536).

В последних главах работы рассматриваются выступления изоляционистов в 1942—1943 гг. против проектов послевоенного устройства мира, предлагаемых администрацией. Прослеживается Коулом их политическая судьба и в послевоенные годы. Он полагает, что Рузвельт в условиях военного времени действовал достаточно гибко. Разнообразными акциями «интернационалистов» и администрации, в том числе кампанией прессы и других средств массовой информации, по мнению автора, «была подорвана не только когда-то огромная сила изоляционизма, представление о нем общественности было настолько опорочено, что слово «изоляционист» сделалось позорным, использующимся в основном для обозначения всего, что было вредоносным и даже губительным для Америки и ее внешней политики» (с. 530).

Однако автор не указывает на то обстоятельство, что реакционный характер изоляционизма правящих кругов в конце 30—40-х годов давал козыри защитникам американского глобализма. «Открытие» антимонополистических и антимилитаристских идей в изоляционизме 30-х годов использовано Коулом не в целях проведения границы между антивоенными и антифашистскими настроениями американской общественности, с одной стороны, и империалистической политикой «свободы рук» — с другой. Напротив, изоляционизму правящего класса, рассмотренному односторонне и недиалектически, приписываются «здоровые» мотивы и даже демократические традиции. Вот почему работа Коула, в которой оправдывается глобальный гегемонистский внешнеполитический курс США, может рассматриваться и как попытка реабилитировать взгляды консервативных изоляционистов.

Н. И. Егорова

КОРОТКО О КНИГАХ

E. PACHALY. *Die Geschichte des illegalen Parteiaktivs der KPD in KL Buchenwald.* T. 1 (1937—1941). 81 S.; T. 2 (1941—1945). 81 S. Buchenwald. 1983.
Э. ПАХАЛИ. *История нелегального партактива КПГ в концлагере Бухенвальд.* Ч. 1 (1937—1941); ч. 2 (1941—1945).

Работа проф. Э. Пахали (ГДР) издана Национальным музеем бывшего концлагеря Бухенвальд. В ее основу положены материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, документы Бухенвальда, воспоминания бывших заключенных. Автор показывает, как коммунисты в условиях жесточайшего террора сумели организовать подпольную антифашистскую работу в лагере. Это было заслугой соратников Э. Тельмана, находившихся в числе заключенных.

Нелегальная организация КПГ была создана здесь в 1938 году. К началу второй мировой войны сложилась нелегальная организация партактива, состоявшая из групп по 3—5 человек. В них проходила основная работа. Во время вечерних прогулок велись дискуссии по злободневным политическим вопросам. В сентябре 1939 г. было налажено нелегальное слушание передач, а в 1940 г. они принимались уже по радиопередатчику, сконструированному политзаключенным Г. Тиле (ч. 1, с. 52). С сентября 1941 г. использовались передачи немецкой народной радиостанции, начавшей работать в СССР.

Зимой 1943/44 г. образовался Международный лагерный комитет (МЛК) из представителей компартий различных стран — Германии, Австрии, Чехословакии, Голландии, СССР, Франции, Бельгии, Югославии, Испании, Польши. Председателем его был избран немецкий коммунист В. Бартель. С 1943 г. заключенные стали нелегально отмечать 1 Мая по всему лагерю (ч. 2, с. 33). В 1943—1944 гг. при организациях компартий концлагеря стали создаваться военные группы. Работая в мастерской по производству оружия, политзаключенные припрятывали его для себя. В марте 1945 г. военная организация располагала некоторым количеством пулеметов, карабинов, пистолетов, зажигательных снарядов, ударным и колющим оружием (ч. 2, с. 36).

К 1 мая 1944 г. была составлена т. н. первомайская платформа Бухенвальда, предусматривавшая ликвидацию фашистской диктатуры, установление в Германии демократической республики, наказание военных преступников, выплату репараций странам — жертвам гитлеровской агрессии и др. После широкой дискуссии эта платформа была принята всеми иностранными группами. На ее основе образовался 5 июля 1944 г. Комитет немецкого народного фронта под председательством социал-демократа Э. Брилля (ч. 2, с. 41—42).

Репрессии против МЛК усилились после провала тайного траурного митинга по поводу убийства Э. Тельмана 18 августа 1944 года. Германский и австрийский партактивы потеряли тогда видных функционеров. Однако уничтожить нелегальную организацию гитлеровцам не удалось. 11 апреля 1945 г. в обстановке, когда американские войска находились в нескольких километрах от Бухенвальда, МЛК поднял восстание. Лагерь был занят военной организацией заключенных (ч. 2, с. 52). Восстание, отмечает автор, явилось результатом многолетней борьбы партактива КПГ совместно с активом 10 братских партий. Этот факт игнорируется в западной литературе, которая утверждает, что Бухенвальд был освобожден американской армией.

26 апреля состоялась конференция КПГ лагеря. В принятой ею резолюции указывалось, что в стране возможно создание антифашистского единства на основе платформы Национального комитета «Свободная Германия», подчеркивалась необходимость пролетарского единства (ч. 2, с. 64).

Ценность книги Э. Пахали состоит в том, что она раскрывает руководящую роль партактива КПГ в антифашистской борьбе узников Бухенвальда.

Н. И. Кудрявцева

A. BARTONĚK. *Zlaté Mykény.* Praha. Panorama. 1983. 301 str.
А. БАРТОНЕК. *Золотые Микены*

Книга чехословацкого историка, профессора университета в Брно А. Бартонека посвящена древнейшей цивилизации на территории Балканского п-ова.

Автор дает характеристику основных видов источников по истории микенской Греции: информации, исходящей из греческой мифологии и исторической традиции, памятников материальной культуры и современных эпохе греческих и негреческих письменных свидетельств.

Значительное место уделено в книге вопросам государственного управления, общественных отношений, хозяйству и частной жизни микенской Греции. Сам факт наличия около 4750 документов преимущественно учетного характера, дошедших до нас, подчеркивает автор, является свидетельством того, что микенские центры были хорошо организованы в хозяйственном отношении и что централизованная администрация играла в их экономике важную роль. Небольшие микенские государства были прообразом греческих полисов I тыс. до н. э.

Касаясь вопроса об экономике микенской Греции, А. Бартонек полагает, что термины для обозначения земли в письменных источниках свидетельствуют о различных видах ее принадлежности с точки зрения юридической: частная земля и земля, принадлежащая «народу». Ремесла были тесно связаны с дворцовыми центрами и их филиалами. Высокого уровня достигло строительство, керамическое производство и металлургия. Благодаря импорту сырья (медь

и олово) микенские мастера широко экспортировали свои изделия, главным образом оружие. Этому способствовала хорошо организованная торговля, о чем свидетельствуют находки микенской керамики в материковой части Эллады, в Македонии, Фракии, на Малоазийском побережье, Кикладах, Кипре, в Сирии, Палестине, Египте, а также в средней части Средиземноморья.

Третий раздел книги представляет собой реконструкцию истории Древней Эллады в домикенский период, во время расцвета Микен и их упадка. По мнению А. Бартонека, эгейскую цивилизацию раннебронзового периода создало население, говорящее на языке, о котором мы имеем лишь туманное представление. Только на рубеже III—II тыс. до н. э. на территории Эллады появляются новые пришельцы, говорящие на языке, принадлежащем к индоевропейской языковой семье. Не исключено, что в формировании греческого населения приняло участие несколько индоевропейских племен. Согласно укрепившейся в науке гипотезе, основная масса индоевропейцев, ставших ядром позднейших греков, прибыла в Элладу с севера в конце бронзового века, т. е. около 2000 г. до н. э. Существует, однако, и другое мнение,— что еще до греков на территорию материковой Эллады проникла какая-то «догреческая» индоевропейская группа. Возможно, подчеркивает автор, что это вторжение совершилось в Эгеиду через море с востока и было вызвано миграцией лувийцев (с. 244—245).

Причину катастрофы микенских государств, имевшей место на рубеже XIII—XII вв. до н. э., считает автор, следует искать во внутренних конфликтах, к которым присоединилась цепь событий с трудно восстанавливаемой взаимосвязью.

И. А. Лисовой

Autonomie, Wirtschaft und Kultur der Hansestädte. Weimar. Verlag Hermann Böhlaus Nachfolger. 1984. 237 S.

Самоуправление, хозяйство и культура ганзейских городов

При Историческом обществе ГДР функционирует Группа по исследованию Ганзы, публикующая серию «Труды по истории торговли и общества». В качестве ее т. 23 увидел свет вып. VI «Ганзейских исследований» — тематический сборник статей специалистов ГДР, Польши, СССР и Нидерландов, посвященный 65-летию известного «ганзоведа» И. Шильдхауэра (ГДР). Его творческий путь прослежен во вступительной статье К. Фритце.

Э. Мюллер-Мертенс, характеризуя место ганзейских городов при феодальном строе, пишет, что их бюргерство наряду с дворянством и клиром жило в полном согласии с монархами — германскими князьями и, хотя не входило в состав господствующего класса, обладало разносторонними привилегиями. Эти города выросли из коммунального движения XI в. и обрели политико-экономическую специфику в XIII в., оставаясь частью феодального общества, в противоречие с которым они вступили лишь на заре нового времени.

Х. Верникке показывает, как автономия отдельных городов Ганзы соотносилась с их союзными обязанностями и порою резко сталкивалась с последними. Э. Энгель характеризует особенности самоуправления 14 бранденбургских членов Ганзы, ослабевшего к XVI в. под напором монархии. К. Фритце приходит к выводу, что противодействие мелких и средних городов Передней Померании феодальным сюзеренам облегчало освободительную борьбу крестьян округи, в которой функционировал город, а чем меньше был такой город, тем сильнее держался он за союзные права. Х. Бёккер, рассматривая внутриганзейское место Хальденслебена до конца XV в., показывает, как антикоммуналистская политика магдебургских архиепископов ускоряла материальное и социальное расслоение бюргерства.

Б. Зентара прослеживает взаимосвязь между ганзейским самоуправлением к востоку от Эльбы и немецким правом, распространившимся там в ходе немецкой колонизации западнославянских земель. П. ван дер Лаан, сопоставляя автономию немецких ганзейских и северонидерландских городов приходит к выводу, что борьба последних против Испанской монархии стала одной из основ ведущей политико-экономической роли Голландской республики в Европе XVII века. Е. А. Рыбина анализирует деятельность Немецкого двора в Новгороде XII—XVII вв.: отношения с Новгородской республикой и Русским государством, конфликты с другими торговыми домами. В. Штарк доказывает, что в XV в. знаменитый «ежедневный шиллинг» доставался ганзейским купцам прежде всего от торговли на постоянном месте или в качестве комиссионных. М. Богуцкая оценивает важную роль торговли поташем в экономике Гданьска первой половины XVII века. Г.-Й. Хаккер прослеживает падение почти в два раза численности населения Штральзунда с 1622 г. до 1701 г. как результат постепенной стагнации Ганзы. Г. Самсонович рассказывает о том, как формировались округи городов Польского королевства XIV—XV веков. А. Лаубе выявляет главный источник финансирования строительно-художественной деятельности в городах Верхней Саксонии XV—XVI вв.: эксплуатацию серебряных рудников. К. Шпадинг повествует об участии Нидерландов в деятельности Грейфсвальдского университета в те же века. Х. Бройер показывает заметное влияние бюргерской идеологии на характер городских хроник тех же столетий. К. Горский и В. Щучко исследуют значение восковых табличек как источника сведений о Торуни XV века.

Научное значение сборника заключается в том, что он содержит ценные наблюдения по различным проблемам «ганзоведения».

А. Я. Шевеленко

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Bulgarian Historical Review/Revue bulgare d'Histoire. Sofia. 1985, № 3.

С. Милованова. Традиции и революционные изменения во внутренней организации XXVI Обыкновенного народного собрания; А. Пантев, Е. Стателова. Соединение Болгарского княжества и Восточной Румелии в 1885 г.: З. Маркова. Церковный вопрос в болгарской национальной революции; Ю. Кабакчиев. Фракия в политике великих эллинистических монархий в III в. до н. э.; И. Диосеги (Венгрия). Кальноки, Андраши и болгарский кризис (1885—1887 гг.); В. Драченов. Кабила и монеты кельтского вождя Скостока; Д. Мичев. Болгарская историография проблем истории болгар между двумя мировыми войнами (1919—1939 гг.); Р. Димчева. Первые работы доктора Ивана Селиминского по гносеологии; Р. Заимова. Некоторые источники по истории Балкан из французских архивов.

Études balkaniques. Sofia. 1985, № 3.

800-летие всесстания Асенидов и восстановление Болгарского государства; Г. Г. Литаврин. Становление Второго Болгарского царства и его международное значение в XIII в.; В. Тыпкова-Заимова. Восстановление Болгарии Асенидами (проблемы власти); Н. Тодоров. Современное состояние греко-болгарских отношений; И. Надева. Политика США на Балканах в начале 80-х гг. XX в.; З. Плыков. Статут византийского балканского города в XII—XIV вв.; Г. Данчев. Новые документы о первом восстании в Тырново в 1598 г. (по материалам секретных архивов Ватикана); А. Л. Желязкова. Социальные аспекты процесса исламизации на территории балканских владений Оттоманской империи.

Történelmi Szemle. Budapest. 1984, № 4.

Э. Мароши. Вопросы репрезентативности в венгерском искусстве XIV—XV вв.; Т. Коппань. Постройки Баттяни Адама 1629—1659 гг.; К. Йонаш. Материалы по истории культуры в период контрреволюционного режима; Е. Гергей. Католическое епископство и спасение обращенных в другую веру (документы); И. Липчей. Записки Рэцеи Ласло о его переговорах в марте 1945 г. в Румынии; Дискуссия. А. Барта. О происхождении восточнолатинских народов; А. Кубини. Городские водопроводы в средневековой Венгрии; Ф. Л. Ковач. Использование шахтной подземной воды в Шельмец-Кормоц (Рудные горы); К. Бруннер. Жизнь дворянства в средние века; С. Малфер. Уклонение от выплаты налогов и экзекуция налога в Венгрии в 1860—1862 гг.

Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin. 1985. T. 29.

С. Майоров. Борьба Советского Союза за заключение договора о нераспространении ядерного оружия (1963—1968 гг.); М. Хегеманн. Антифашистское народное восстание 23 августа 1944 г. в Румынии; А. Симион. Особенности антифашистского движения Сопротивления в Румынии; Г. Тоблер. Военный вопрос в период Великой Октябрьской социалистической революции и в ходе народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; Н. Бугай. Роль революционных комитетов в Советской России во время гражданской войны; Р. Чоллек. Переход прибалтийских советских республик от капитализма к социализму (1940 г.— начало 50-х гг.); К. Лециевский. К вопросу о мерах по поднятию товарного производства в Советской России в 1920 г.; Й. Рёсслер. Энтузиазм и материальная заинтересованность как движущие силы хозяйственного развития и их роль в начале переходного периода от капитализма к социализму в СССР, ГДР и на Кубе; Ю. Львунин. Развитие интернационалистической и братской солидарности между СССР и революционным пролетариатом Германии в 1921—1933 гг.; М. Ротбарт. Европейский конгресс меньшинств и империалистические требования немецких меньшинств на международной арене в 1921—1925 гг.; Б. Малих. Византия и Балканы в первой половине X в.; Е. Мельникова, В. Пашуто. Цели, задачи и первые результаты работы по созданию «Корпуса древнейших источников по истории народов СССР»; В. Лаверычев. Государственно-монополистический капитализм в России. Результаты исследований и дальнейшие задачи; И. Пушкарева. Труды советских историков по истории рабочего класса России до 1917 г.; Е. Дружинина. Город и государство. Некоторые проблемы развития юга Украины в XVIII и XIX вв.; Л. Хюфнер. К вопросу о развитии венгерского Фронта национальной независимости на первом этапе народно-демократической революции (1944—1948 гг.); С. Волле. Научная переписка между Густавом Эверсом и Филиппом Кругом (2 часть).

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin. 1985, № 10.

Х. Шультц. О марксистских исследованиях по региональной истории; В. Менцель. Советская историческая наука в пе-

риод Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.; В. Кюттлер. Теоретические и методологические проблемы реформаторского пути буржуазных преобразований; Г. О. Герике. Отчеты прессы о Нюрнбергском процессе и преодоление фашистских взглядов на историю.

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1985, № 11.

Р. Леонгардт, Д. Пельман. VI съезд СЕПГ и союз рабочего класса с научно-технической интеллигенцией; Э. Вернер. Гуситы в свете нового синтеза; И. Вайхольд. Левый радикализм между двумя мировыми войнами; Дискуссия. Г. Мёшнер. Замечания по статье З. Прокопа.

Studia historyczne. Kraków. 1985, № 3.

З. Выбельска. Станислав Конецпольский — великий коронный гетман в 1632—1646 гг.; Е. Палош. Проблема государственной политики в церковных делах в ходе дебатов на галицийском краевом сейме в период «австрийского культуркампфа» (1861—1874 гг.); Я. Голота. О разногласиях по вопросу о перемене ориентации Польской социал-демократической партии в 1916—1917 гг.; М. Слива. Предложения о разрешении крестьянского и земельного вопросов, выдвинутые польскими социалистами в межвоенный период; З. Сокул. Вокруг конспиративного письма «Odwet» (1940—1944 гг.); И. Каневска. К вопросу о русских послах в польском сейме (1563—1564 гг.); З. Козловска-Будкова. Об Амбольде де Кальпино; З. Славян-Орлиньский. «Где же парни старых времен?»; В. Беньковский. О венской полемике и о «польской Вене».

Anale de istorie. Bucureşti. 1985, № 4.

И. Попеску-Пуцурь. 23 августа — начало антифашистской и антиимпериалистической революции национального и социального освобождения; Х. Брестою. Страницы борьбы РКП против легионерской диктатуры Антонеску (сентябрь 1940— январь 1941 гг.); И. Талпеш. Координаты румынской внешней политики (сентябрь 1936 — ноябрь 1937 гг.); А. Симион. Румынские гитлеровско-фашистские организации — фактор подрыва национальной независимости и суверенитета; Г. Захария. Венский диктат — действие против истории, опровергнутое историей; Навстречу XVI Международному конгрессу исторических наук. Н. Рауш. Вклад румынского исторического мышления и исследований в развитие мировой исторической науки; И. Калафетяну. Румынская историческая наука на службе мира, сотрудничества и взаимопонимания между народами; Л. Дандара. Новая и новейшая история — преемственность и обогащение проблематики в современной румынской историографии; Из современной истории Румынии. Г. Сурпат. Создание единого социалистического хозяйства и его материально-технической основы (1948—1965 гг.) (I).

Revue des études sud-est européennes. Bucarest. 1984, № 4.

Национальное сознание и социально-политические реальности (1784—1848 гг.). Н. Эдройу. Национальное восстание в Трансильвании в 1784 г. в контексте европейской юго-восточной политики; К. Хитчинс (США). Румынская интеллигенция в Трансильвании: Запад и национальное сознание (1830—1848 гг.); П. Черноводяну, М. Карата шу. Дипломатическая переписка Александра Маврокордато (1676—1703 гг.); П. Михельсон (США). В. Папакостя и изучение юго-восточной Европы в Румынии.

Byzantinoslavica. Praha. 1985, № 1.

В. Ваврженек. Богумила Застерова (к 70-летию); И. Петрович (Загреб). Фрагменты «Жития Константина» в хорватских и русских текстах; Х. Г. Тюммель (Грейфсвальд). Дискуссии об иллюстрациях в «Житии Константина»; А. Авенариус (Братислава). Отражение византийской идеологии в «Житии Константина»; Г. Трендафилов (Шумен). «Житие Константина» и традиции древнеславянской экзегезы; Л. Стейндорф (Мюнхен). Мотив «волчьего воя» в средневековых славянских источниках; Е. М. Верещагин (Москва). Повтор как поэтический прием в переводах Мефодия; П. Ратко ш. Великоморавские ярмарки на день Св. Петра по «Житию Мефодия»; О. Тума. Торговые контакты Великой Моравии с Восточным Средиземноморьем и посредническая роль Венеции; Л. Мошиньский (Гданьск). Тетраевангелие в «Codes Zographensis» и «Codex Marianus» как литургические книги; В. Кияс. К вопросу о греческом оригинале паремийных книг; Я. Швабова. К вопросу о проблематике текстуальных вариантов в паремийных книгах; В. Ткадличек. Славянский алфавит у черноризца Храбра; Б. Н. Флоря (Москва). «Сказание о переложении книг на славянский язык». Источники, время и место написания; Г. Подскальский (Франкфурт-на-Майне). К вопросу о духовном наследии кирилло-мефодиевской традиции в теологической литературе Киевской Руси (988—1237 гг.); Я. Н. Щапов (Москва). «Закон судный людем» и славянская Эклога. К истории краткой редакции этого закона на Руси; В. Г. Пуцко (Калуга). Славянская иллюминованная книга X—XI вв.

Slovanský přehled. Praha. 1985, № 5.

П. Копецкий. Первое революционно-демократическое правительство в Румынии и его программа восстановления народного хозяйства в 1945—1947 гг.; Б. Литера. К вопросу о процессе строительства социализма во Вьетнаме; М. Тейхман. Начало строительства развитого социалистиче-

ского общества в СРР; Э. Врачек. Современная буржуазная «советология» (I); Материалы и документы. З. Урбан. Основные этапы истории изучения болгарской литературы и фольклора в Чехии; Люди и время. А. Долейши. Мировые войны и империализм.

Историјски записи. Титоград. 1985, № 1.

Дж. Милович. Приказы провидура Котора Алоиза Марцелло (февраль 1694 г.); Д. Живойинович. Италия и «Рождественское восстание» в Черногории (1919 г.); И. Бойович. Начало службы Б. Богишича в Черногории в 1893 г.; Д. Мартиновича. К столетию библиотеки в Ульцине; Д. Вучкович. Решение государственного совета о пользовании лесом в предместье Колашина; Д. Вуйович. Вопросы истории межвоенного периода на страницах «Исторических записок»; М. Црнич-Пейович. Источники по истории Черногории в югославских и заграничных архивах; Б. Джурикович. Апрельская война 1941 г. (воспоминания).

Историјски записи. 1985, № 2.

Дж. Микич. Сербия и Черногория в период малисорского кризиса 1910—1911 гг.; Дж. Джокович. Экономика Цетинье в 1918—1941 гг.; Д. Радойичич. Население Герцеговины по кадастру 1704 г.; М.-М. Шчепанович. Колонизация и раздел земли в Колашине (1879—1886 гг.); И. Бойович. Югославское общественное мнение и эфиопский кризис (1935—1936 гг.); Д. Лукач. Участие интеллигенции в национально-освободительной борьбе и революции в Югославии в 1941—1945 гг.; М. Пекич. Пример отношения сербов к Черногории; М. Малович-Джукич. История средних веков на страницах «Исторических записок».

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Акатова Т. Н. Рабочее движение в гоминьдановском Китае, 1927—1937 гг. М. 1983.— 272 с. Рец.: Jordán Gy.— Párttörténeti közlemenyek, Budapest, 1985, № 2, 196—199. old.

Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник.— М. 1981.— 230 с. Рец.: Moritsch A.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1984, Bd. 32, H. 4, S. 582—584.

Волкова Е. Д. Вашингтон и Восточная Европа: Внешнеполит. стратегия США в отношении европ. соц. государств в 70-х гг. / Отв. ред. Томашевский Д. Г.— М. 1984.— 320 с. Рец.: Nedeva I.— Études balkaniques, Sofia, 1985, № 2, p. 109—112.

Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксист. теорет. основ сов. археологии, 20-е — первая половина 30-х гг.).— Киев. 1982.— 225 с. Рец.: Rozvalka A.— Archeologia Polski, Wroclaw etc., 1985, t. 30, z. 1, s. 245—250.

Дергачев В. А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.) / Отв. ред. Березанская С. С.— Кишинев. 1982.— 139 с. Рец.: Gurba J.— Kwartalnik historii kultury materialnej, Warszawa, 1985, № 1/2, s. 117—118.

Довгяло Г. И. Становление идеологии раннеклассового общества (На материале хет. клинопис. текстов).— Минск. 1980— 162 с. Рец.: Йорданов С.— Исторически преглед, София, 1985, кн. 7, с. 70—74.

Засулич В. И. Избранные произведения.— М. 1983.—508 с. Рец.: Jena D.— Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, Brl., 1985, № 5, S. 703—704.

Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС / Редкол.: Хромов С. С. (отв. ред.) и др.— М. 1982.— 597 с. Рец.: Wessling L. H.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1984, Bd. 32, H. 4, S. 587—590.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннот. указ. кн. и публ. в журн. / Науч. руководство, ред. Зайончковского П. А.— М. 1985. Т. 4. Ч. 3. 1895—1917. / Сост.: Веселовский И. Н., Петрова Г. А., Тарасов К. К. и др.— 454 с. Рец.: Amburger E.—Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1984, Bd. 32, H. 4, S. 581—582.

Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв.— М. 1981.— 231 с. Рец.: Matschke K.-P.— Deutsche Literaturzeitung, Brl., 1985, Bd. 106, H. 1, Sp. 55—59.

Козлов А. И. Во имя революции. Потопление Черноморского флота по приказу В. И. Ленина в 1918 г.— Ростов. 1985.— 221 с. Рец.: Giertz H.— Militärgeschichte, Brl., № 4, S. 382.

Мамсик Т. С. Побеги как социальное явление. Приписная деревня Зап. Сибири в 40—90-е годы XVIII в.— Новосибирск. 1978.— 206 с. Рец.: Goehrke C.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1984, Bd. 32, H. 4, S. 575—576.

Панкратова А. М. Рабочий класс России: Избр. тр.— М. 1983.— 559 с. Рец.: Jena D.— Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, Brl., 1985, № 5, S. 706—707.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в ИНИОН АН СССР в сентябре 1985 года.

Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии / Ким Г. Ф., Банчев Ю., Гатауллина Л. М. и др.; Объедин. междунар. редкол.; Ким Г. Ф. (гл. ред.) и др.— М. 1983.— 527 с. Рец.: Göthel I.— Asien, Afrika, Lateinamerika, Brl., 1985, Bd. 13, H. 4, S. 730—731.

Рабочий класс России, 1907—февр. 1917 г. / Лаверычев В. Я., Иванова Н. А., Кирьянов Ю. И. и др.; Редкол.: Лаверычев В. Я. (отв. ред.) и др.— М. 1982.— 464 с. Рец.: Giertz H.— Militärgeschichte, Brl., 1985, № 4, S. 380—381.

Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами.— М. 1976.— 268 с. Рец.: Jemnitz J.— Acta historica, Budapest, 1985, t. 31, № 1/2, S. 206—213.

Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики.— М. 1978.— 213 с. Рец.: Goehrke C.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1984, Bd. 32, H. 4, S. 579—580.

Шерковина Р. И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане (60—70-е годы).— М. 1983.— 264 с. Рец.: Schaller Er.— Asien, Afrika, Lateinamerika, Brl., 1985, Bd. 13, H. 4, S. 735—737.

Хроникальные заметки

◆ В связи со 165-й годовщиной со дня рождения Ф. Энгельса Высшая партийная школа при ЦК СЕПГ провела в ноябре 1985 г. заседание Научного совета. Вступительное слово произнес ректор ВПШ Курт Тидке. С заглавным докладом выступил Генрих Опиц. Результаты новейших исследований по истории марксизма обобщил Генрих Гемков.

◆ «Государственно - монополистический капитализм 1980-х годов — новые тенденции развития и противоречия» — тема Международной научной конференции, состоявшейся в ноябре 1985 г. в Берлине. Вводный доклад сделал директор Института международной политики и экономики ГДР Макс Шмидт, подчеркнувший реакционный характер стратегии современного империализма, его курс на конфронтацию и гонку вооружений. Были заслушаны содоклады ученых Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии об отдельных экономических, политических и социальных аспектах этой стратегии. На секциях рассматривались: использование научно-технического прогресса в условиях государственно-монополистического капитализма, роль военно-промышленного комплекса, буржуазный тезис об «исчезновении» современного рабочего класса. По этим сюжетам выступили специалисты Болгарии, Польши, СССР, Испании, Нидерландов, Португалии, Франции и Швеции.

◆ Инге Ауэрбах (ФРГ), ранее издавшая (на основе Вольфенбюттельской рукописи) «Новый Маргарит» А. Курбского, написала книгу о жизни и деятельности этого князя, организации и функционировании его литовских владений. Автором использованы неопубликованные документы из фондов советских архивов, труды русских дореволюционных и советских специалистов (J. Auerbach. Andrej Michajlovič Kurbskij. München. Verlag Otto Sagner. 1985. 499 S.).

◆ Группа австрийских и западногерманских историков и публицистов во главе с Вальтером Зауэром (Австрия) написала книгу о соотношении ручного и машинного труда и о месте рабочего капиталистических стран в обществе с конца XIX в. по настоящее время (Der dressierte Arbeiter. Geschichte und Gegenwart der industriellen Arbeitswelt. München. Verlag C. H. Beck. 1984. 212 S.).

◆ Эрнст Панценбёк (Австрия) характеризует решение национального вопроса К. Реннером и О. Бауэром от времени существования Австро-Венгрии до фашистского аншлюса, освещая бауэровский пангерманизм и реннеровский переход от этой концепции к идее австрийской самостоятельности (E. Panzenböck. Ein deutscher Traum. Die Anschlußidee und Anschlußpolitik bei Karl Renner und Otto Bauer. Wien. Europa-Verlag. 1985. 230 S.).

◆ Сборник статей шведских ученых в честь Биргитты Эрикссон касается истории скандинавских стран в XVIII столетии: их торговли, внешней политики и войн, развития городов и государственных учреждений. Это — вып. 34 в университетской серии «Стокгольмские исследования по истории» (1700-talsstudier tillägnade Birgitta Ericsson. Stockholm. Almqvist och Wiksell International. 1985. 123s.).

◆ Андрэ Кастло является автором многих биографий в парижской академической серии об известных персонажах прошлого (Мария-Антуанетта, Наполеон, Жозефина, Талейран и др.). Его новая книга, посвященная французскому королю Франциску I, представляет собой научно-популярный очерк его жизни и деятельности, снабженный массой иллюстраций той эпохи, а также фотографий исторических памятников (A. Castelot. François Ier. Paris. France Loisirs. 1983. 464 p.).

◆ Эйза Бриггс (Уорчестерский колледж в Оксфорде) — автор ряда монографий по истории Англии XIX столетия. Свои статьи об общественной жизни и материальной культуре той эпохи она доработала и собрала в четырехтомник. Увидели свет два

первых тома (A. Briggs. The Collected Essays. Vol. I: Words, Numbers, Places, People. Urbana — Chicago. UIP. 1985. 245 p.; vol. II: Images, Problems, Standpoints, Forecast. 1985. 324 p.).

◆ Прогрессивная турецкая эмиграция, проживающая в Англии, выпускает серию очерков, № 19, в которой является сборник статей Джюрюкоглу об истории Турции последних лет (R. Yürükoğlu. The Disintegration of Fascism. Nicosia — London. Işçinin Sesi Publications. 1985. 154 p.).

◆ Международная комиссия по истории представительных и парламентских учреждений публикует серию, LXVIII томом, в которой стало исследование проф. Джеймса Кларка Холта (США) о Великой хартии вольностей 1215 г. и ее роли в становлении английских средневековых государственных и общественных порядков. Книга представляет собой переработанный курс лекций, который Холт прочитал ранее в Балтиморском университете им. Джонса Хопкинса и в Кембриджском колледже Фитцуильям (J. C. Holt. Magna Carta and Medieval Government. London — Ronceverte. The Hambledon Press. 1985. 316 p.).

◆ История г. Мехико после второй мировой войны — тема статей, написанных рядом мексиканских специалистов во главе с Пабло Гонсалесом Казановой и Энрике Флорескано (México, hoy. México. Siglo XXI editores. 1984. 419 p.).

◆ Бимал Дев и Дилип Лахири (Индия) специализируются по истории индийских варн, каст и обычаев. Их очерки посвящены этой стороне жизни индийской провинции Ассам (B. J. Dev, D. K. Lahiri. Cosmogony of Caste and Social Mobility in Assam. Delhi. Mittal Publications. 1984. 183 p.).

◆ При реставрации старейшего здания Ягеллонского университета (Польша) — юридической коллегии было обнаружено хорошо сохранившееся сводчатое помещение — продолжение рыночных суконных рядов, построенное между 1380 и 1400 годами. Уже расчищены три арки и часть торговых прилавков.

◆ Возле Братиславы (Чехословакия) археологи раскопали остатки лагеря римского гарнизона в Герулате. В могилах наряду с украшениями и керамикой найдены монеты, позволившие установить время возведения селения: не позднее первой половины I в. н. э.

◆ При прокладке газопровода неподалеку от Эрфурта (ГДР) обнаружено крупное средневековое поселение. Как считают ученые, это королевский двор времен Генриха II (1002—1024 гг.).

◆ В г. Неймеген (Нидерланды) расчищены руины древнеримского поселка Новиомаг, одного из древнейших в стране. Он существовал с 70 до 270 г. н. э.

◆ В земле Гессен (ФРГ), в Зелигенштадт-Кляйн-Вельцхайм во время строительных работ выявлены 8 захоронений VI и VII веков. В них найдены украшения, наконечники копий и монеты

◆ На о. Санторин в Эгейском море раскопан античный Акротири, погребенный под слоем лавы и пепла при извержении вулкана в 1750 г. до н. э. Обнаружены многочисленные предметы крито-микенской культуры.

◆ На античной «священной дороге» из Милета в Дидиму выявлено святилище в честь Артемиды. Среди находок: фигура сфинкса, архаическая малоазийская пластика, терракотовая фигурка с головным украшением.

◆ Под развалинами монастыря, ровесника средневекового Йорка (Англия), специалисты наткнулись на раннесредневековые жилища с обломками керамики англосаксонского периода. Предположительно речь идет о селении, на месте которого викинги позднее основали свой бург.

◆ В местечке Касариче (Испания) найдена мозаика IV в. н. э.— часть пола в древнеримской вилле с изображением «суда Париса» и трех богинь.

◆ В ходе раскопок возле египетской деревни Телль-аль-Бандрия выявлены остатки селения, восходящего к коптскому времени, с подземными святилищами, украшенными символами раннего христианства.

◆ В районе Куско (Перу) при строительных работах найдены развалины строений I тыс. до н. э. с остатками плетеных тканей и злаковых зерен.

◆ Исследование 96 мумий из Арики (Чили) показало, что время их захоронения — от 3 до 7 тыс. лет. Мумификация проводилась бальзамированием посредством способа, не совпадающего с древнеегипетским: тело умершего, высушенное над огнем, заполнялось минеральными и растительными веществами. Затем оно украшалось перьями, голова покрывалась маской из глины и париком. В мумию вставлялся деревянный остов. Жилища этих обитателей северной территории Чили строились из ребер кита, обтянутых шкурами тюленей и морских львов.

◆ «История и общество» — под таким названием увидели свет на русском, французском, немецком или английском языках доклады и сообщения, представленные чехословацкими специалистами к XVI Международному конгрессу исторических наук в Штутгарте, под общей редакцией председателя Национального комитета историков ЧССР Ярослава Пурша в сотрудничестве с Карелом Германом. В числе этих материалов: Мирослав Кропилак и др. Борьба народов против милитаризма и фашизма, за свободу, демократию и мир; Вильям Плевза и Иван Кремпа. Национальный вопрос в Чехословакии после второй мировой войны; Ярослав Цезар и др. Некоторые исторические аспекты тупика на Индийском океане; Богуслав Хроповски. Археология как история; Ярослав Кудрна. О некоторых вопросах методологии истории у Макса Вебера; Яна Пуршова. Диалектическая интеграция науки: некоторые проблемы методологии; Павел Олива. Колонизация и расцвет античного полиса; Иржи Спевачек. Ереси народные и среди образованных людей в чешских землях предгуситской эпохи; Милослав

Поливка. Народное движение как фактор гуситской революции в Чехии позднего средневековья; Ярослав Кудрна. Воздействие итальянских городов-государств на развитие концепции государственной власти и авторитарности; Леош Елечек и Зденек Бохач. Горы, леса и реки: средневековая Чехия в рамках Центральной Европы; Карел Лацина. Роль традиционных африканских верований и христианства в духовной жизни африканцев; Ярослав Панек. Оппозиция сословий в начале габсбургской рекатолизации Чехии; Владимир Матула. К вопросу о формировании концепции национальной культуры словаков в эпоху национального возрождения; Йозеф Кочи. Организационные формы и средства деятельности чешского национально-политического движения в революции 1848—1849 гг.; Бедржих Черешнак. Трансформация характера культуры в процессе демократических перемен в чешском обществе 1890—1914 гг.; Ян Черни. Чехословацкая дипломатия и проблема упрочения мира после капитуляции нацистской Германии; Самуэль Камбел и Михал Барновски. Безопасность народов Чехословакии и политические партии после испытаний второй мировой войны; Ярослав Пурш. Двигатель внутреннего сгорания и революция на транспорте в Чехословакии; Дагмара Маркова. Общественные проблемы урбанизации Индостанского субконтинента на примере урбанизации Индии; Карел Герман и Юрий Кржижек. Чехословацкие работы по истории Великой Октябрьской социалистической революции и о ее влиянии на чешское и словацкое общество (за 1945—1984 гг.); Зденек Прохазка. К проблематике экономической эксплуатации чешских земель (режим принудительного труда) и движения Сопротивления в 1939—1945 гг.; Петер Картоус, Франтишек Седлак. Методология публикации источников в XVIII—XIX вв. (History and Society. Prague. UCSD. 1985. 688 p.).

◆ Чарльз Гальперин (США) опубликовал начиная с 1973 г. ряд статей о «татарском периоде» русской истории. В своей книге он, используя работы ряда русских дореволюционных и советских авторов, а также англоязычную специальную литературу, пишет о контактах Древней Руси со степняками от хазар до монголов, об установлении золотоордынского ига и роли Золотой Орды в жизни средневековой Руси (Ch. J. Halperin. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington. Indian University Press. 1985. IX, 180 p.).

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОСТОКОВЕДОВ ФАШИСТСКИМИ ШПИОНСКИМИ СЛУЖБАМИ

Нацисты пытались превратить востоковедение в орудие против народов Советской Средней Азии. Речь идет о «Рабочей группе Туркестан», созданной фашистским шпионским ведомством в рамках Германского общества востоковедов для изучения будущего театра военных действий на территории республик Советской Средней Азии и стран Центральноазиатского региона. Одновременно группа входила в возглавляемое В. Шелленбергом VI управление заграничной службы информации имперской службы безопасности (РСХА), которое осуществляло шпионаж за пределами фашистской Германии. Разгром гитлеровского фашизма положил конец деятельности группы, и она предстала перед Нюрнбергским трибуналом. На одном из его заседаний слушалось дело «Службы научно-методических исследований» (Группа «G» управления Шелленберга). Обнаруженные автором этого сообщения документы свидетельствуют о том, что лица, возглавлявшие эту группу, не только не понесли заслуженного наказания, но и продолжают заниматься организацией западногерманского востоковедения.

Связи Германского общества востоковедов с фашистской шпионской службой, основные мероприятия тогдашнего правления этого общества и прежде всего его руководителя Г. Шееля держались в тайне. Но подлежавший уничтожению в соответствии с распоряжением нацистов архив СС (округ Эрфурт) уцелел. В нем сохранилось большое количество разоблачающего материала и по данному вопросу [1].

В период своих военных успехов фашисты не скрывали факта использования гуманитарных наук в интересах войны. Об этом говорил П. Риттербуш на открытии Берлинского конгресса востоковедов осенью 1942 года [2]. Подчеркивая роль востоковедения в осуществлении агрессивных планов гитлеровцев, он заявил: «И чем яснее оно будет осознавать взаимоотношения политики и войны в настоящее время, тем более существенной станет практическая значимость востоковедения. Ведь любому разумному человеку понятно, что подробнейшие знания о народах, странах, языке, истории и культуре, экономической и военной мощи являются насущной необходимостью не только с чисто научной, но и с политической и военной точек зрения. Поэтому в наше время вряд ли найдется востоковед, который не поставил бы свою осведомленность и знание предмета на службу политических и военных свершений так много значащей для нас войны» [3].

Захваченный в Эрфурте архив содержит копии ряда писем и других документальных свидетельств, раскрывающих историю «Рабочей группы Туркестан». Большей частью они составлены медицинским советником оберштурмфюрером СС Р. Ольцшей из VI управления РСХА. Как было установлено на Нюрнбергском процессе, оно занималось прежде всего зарубежным шпионажем [4]. Шелленберг, давая показания на Нюрнбергском процессе, подтвердил это: «Управления VI и «mil.» являлись центральными органами германской политической, военной, экономической и технической секретных служб за границей. В их задачи входило получение подлинных секретных и официальных информационных материалов по всем зарубежным странам» [5]. Международный трибунал признал поэтому их сотрудников, «включая и местных уполномоченных, представителей и

[1] Архив хранится в США, микрофильмируется и становится тем самым доступным для общественности (см. Records of the Reich Leader of the SS and Chief of the German Police. Washington. 1958, 1961 (далее — Records).

[2] Der Orient in deutscher Forschung. Vorträge der Berliner Orientalistentagung, Herbst 1942. Leipzig. 1944, S. 5 (далее — Der Orient).

[3] Ibid., S. 2—3.

[4] Nürnberger Protokolle. Bd. IV, S. 264.

[5] Ibid. Bd. 42. 1949, S. 456—457.

агентов, в том числе работавших добровольно, а также независимо от того, являлись ли они полноправными членами СС или нет», также виновными в преступлениях [6].

Р. Ольцша как сотрудник сектора «G» VI управления был одним из таких преступников. 19 января 1944 г. им было составлено письмо правлению Германского общества востоковедов за подписью Кальтенбруннера. В нем говорилось: «В связи с письмом шефа полиции безопасности и службы безопасности управляющему делами Германского общества востоковедов и его положительным ответом сообщаем, что на оберштурмфюрера СС медицинского советника Ольцшу возлагается руководство «Рабочей группой Туркестан» и предоставляются полномочия для ведения всех необходимых переговоров по формальному конституированию «Рабочей группы Туркестан». Проект, обосновывающий ее создание, приемлемый для научной общественности, при сем прилагается» [7].

Этот проект, разработанный шпионской службой нацистов, также сохранился [8]. В нем указывается, что основной задачей группы являлось «использование оставшихся в Германии в связи с военными событиями туркестанских ученых, знание ими страны и специальности». Более ясно об этом говорится в сопроводительном к вышеуказанным материалам тексте, написанном, видимо, Ольцшей и адресованном «шефу VI управления»: «В письме шефа полиции безопасности от 18.XI.1943 г. проф. Шеелю, управляющему делами Германского общества востоковедов, содержалась просьба создать в рамках Германского общества востоковедов «Рабочую группу Туркестан» и тем самым предоставить ей возможность нейтральных выступлений перед общественностью. Правление выразило по этому поводу свое согласие... Наряду с этим целесообразно предложить принять уже представленный шефу VI управления проект учредительного устава» [9].

В письме руководству полиции безопасности и службы безопасности от 16 февраля 1944 г. Ольцша пишет: «Для туркестанского института, создаваемого в рамках VI управления, который при участии среднеазиатских специалистов тюркских народностей (туркестанцев) будет заниматься особо неотложными вопросами о военном и экономическом значении Советской Средней Азии для военного потенциала Красной Армии, а также вопросами национальных противоречий в тех регионах, должны быть немедленно предоставлены все имеющиеся в распоряжении и могущие быть выявленными источники» [10].

Из дальнейшей переписки выявляется и происхождение этих «специалистов». 15 февраля 1944 г. Ольцша помечает: «Сотрудники «Рабочей группы Туркестан» поступают либо из (иностранных.— Ред.) легионов вермахта, либо из полевых подразделений войск СС и службы безопасности, или же из лагерей военнопленных. Из соображений конспирации необходимо, разумеется, чтобы они носили гражданскую одежду в помещениях института или в случае служебных поездок в германские институты и т. д.». Из тех же соображений «Рабочая группа» не была зарегистрирована в книгах службы безопасности, не имела фирменных бланков и соответствующей служебной печати [11].

«Сотрудники» Ольцши рекрутировались из числа работавших с фашистами националистических эмигрантов, таких, как Вели Каюмхан, получивший 8 февраля 1945 г. эсэсовское удостоверение с подтверждением, что он «находится в постоянном деловом контакте с главным управлением СС в Берлине... и выезжает в служебные поездки по совместной деятельности с главным управлением СС» [12]. К ним относятся далее такие предатели, как фон Даирски, предоставивший Ольцше шпионский отчет о туркестанской интеллигенции [13], И. Нассаров, который был объявлен 10 февраля 1945 г. предателем Родины [14]. В «Рабочую группу» присылались военнопленные, рекомендованные сотрудничавшими со службой безопасности профессорами. Особую активность в этом отношении проявлял проф. Шпулер [15]. Привлекались и германские шпионы, действовавшие по поручению «Рабочей группы». 23 марта 1944 г. управление «G» запрашивало «группу», работает ли на нее некий гауптштурмфюрер СС

---

[6] Der Nürnberger Prozess. Bd. I. Brl. 1957, S. 219—220.
[7] Records. T. 2/971558-560.
[8] Ibid. T. 175/455; t. 2. 2/971557.
[9] Ibid. T. 2/971556-557.
[10] Ibid. 971586.
[11] Ibid. 971601; t. 175/455.
[12] Ibid. T. 175/168.
[13] Ibid. T. 2/701265.
[14] Ibid. 701001; t. 175/168.
[15] Ibid. T. 2/700/920/921, Notiz Amt D. vom 7.1.1945.

В. Вайсгербер, действующий в сфере «Азия» [16].

Ольцша пользовался правом распоряжаться жизнью тысяч военнопленных, которых нацисты включали в «Союзы добровольцев». Среди них, по мере того как Советская Армия одерживала все новые победы над гитлеровцами, зарождался дух сопротивления.

28 декабря 1944 г. «командир «Восточнотюркского боевого союза СС», австрийский авантюрист и агент секретной службы Хинтерзац (псевдоним Гарун аль-Рашид) доносил в группу «D», что командир боевого полка СС «Туркестан» № 1 Гулям Алимов с 500 солдатами перешел на сторону борцов Словацкого национального восстания [18]. В аналогичном донесении, доставленном Ольцше штурмбанфюрером СС Алиевым, сообщалось, что после того как 26 марта 1944 г. 49 туркестанцев перешли в Белоруссии к партизанам, 2 апреля 1944 г., после нападения на лагерь СС, к партизанам присоединились еще 100 человек из ранее завербованных СС. Алиев, а также унтерштурмфюрер Бруккер обосновывали эти групповые переходы садистскими пытками и убийствами туркестанцев командиром капитаном Биллигом [19].

Связь «Рабочей группы» с «Союзами добровольцев» под контролем группы «D» в лице Ольцши привела к тому, что к филиалу «Рабочей группы» в Дрездене была присоединена «школа мулл», примерно с 50 «учениками», которая была открыта 26 ноября 1944 г. Шелленбергом [20]. Управляющим делами дрезденского филиала «Рабочей группы» являлся К. Шломс.

Необходимая «Рабочей группе» литература была собрана характерными для СС способами. Об этом свидетельствует письмо командующему полицией безопасности от 16 февраля 1944 г., в котором упоминалось о «Приобретении литературы для туркестанского института РСХА». Библиотекарь Янцен поставлял группе литературу из Парижа «из русских трофеев в С.-Ламперхте», из Голландии, из «генерал-губернаторства» и «Имперского комиссариата Остланд». Книжный фонд пополнялся также из Риги и Дерпта. Поступали, кроме того, карты и был затребован картограф, т. е. создавались все материальные предпосылки для развертывания шпионской деятельности. Наступление Советской Армии положило конец деятельности «Рабочей группы» и «школы мулл». Она эвакуировалась в Вейсенфельс 23 февраля 1945 года [21]. В марте туда прибыл и Ольцша [22]. Вскоре он объявился в Гамбурге. Свою шпионскую деятельность Ольцша начал еще в 1927—1928 гг., когда в качестве медика принимал участие в советско-германской экспедиции на Памир. Упоминавшийся выше Хинтерзац служил в начале 20-х годов связным между германской секретной службой и предводителем басмачей Энвером-пашой [23].

Руководитель Германского общества востоковедов Шеель с 1926 по 1938 г. работал в министерстве по науке, воспитанию и народному образованию, в 1933 г. получил доцентуру в Высшей заграншколе — кадровой школе фашистской секретной службы. Этот факт не был благоприятен для него после 1945 г., и поэтому он (см. Кюршнеровский лексикон ученых, 1950, стб. 1764/65) стал писать в сведениях о себе об «университетской доцентуре с 1932 года». В 1939 г. он был не только управляющим делами Германского общества востоковедов, но и директором Прусской академии. Шеель вел тогда переписку как с «Рабочей группой Туркестан», так и с Кальтенбруннером и Ольцшей. После поражения гитлеровской Германии в заявлении Прусской академии утверждалось, что он «стойко сопротивлялся» нацистам. В 1946 г. по настоянию советской военной администрации в Германии он вынужден был, однако, оставить пост директора академии и уехать в Майнц, куда пытался перевести Прусскую академию. Шеель выдвинул также требование воссоздать в Майнце Германское общество востоковедов [25]. Награждая его в 1965 г. орденом за заслуги перед ФРГ [26], западногерманские власти не могли не знать о его деятельности в 1944—1945 годах.

Б. Брентьес

[16] Ibid. T. 2/971571; t. 175/145.
[17] Ibid. T. 175/168.
[18] Ibid. T. 2/694783; t. 175/162.
[19] Ibid. T. 2/695124; t. 175/162; t. 699127.
[20] Ibid. T. 2/696, 610/615.
[21] Ibid. 701114.
[22] Ibid. 701081, Telegramm vom 2.III. 1945.
[23] Der Faschistische Agent Harun al-Raschid im äthiopisch-italienischen Krieg.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1970, Hf. 5, S. 660—661.
[24] Bericht über die Neugründung der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. In: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Wiesbaden, 1950, Bd. 99, S. 138.
[25] Wagner E. Hellmuth Scheel.— Ibid., Bd. III, I.1968, S. 1—6.

О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В научной, научно-справочной и популярной литературе время жизни Александра Невского определяется 1220—1263 годами [1]. Последняя дата бесспорна, поскольку содержится в таком источнике, как пергаменная Новгородская I летопись старшего извода. Кончина Невского там описана под 6771 г., указан даже день смерти — 14 ноября, а далее сообщается о погребении его во Владимире в пятницу, 23 ноября [2]. Такое сочетание последнего числа и дня недели в статье 6771 г. ведет к 23 ноября 1263 г. (современного летосчисления). Следовательно, не вызывает сомнений и дата смерти — 14 ноября 1263 года.

Если день кончины Александра Ярославича прямо назван в источнике, то время его рождения определяется исследовательским путем. Кажется, первым это сделал В. Н. Татищев, который при описании событий 1219 г. внес в свою «Историю Российскую» такое сообщение: «Маиа 30 родился князю Ярославу сын и наречен во святом кресчении Александр» [3]. Как показано ниже, выведенная В. Н. Татищевым дата неверна, хотя ею и пользовались, изменяя только год рождения на 1220, исследователи XVIII—XIX веков [4].

Определение года рождения Невского зависит от того, каким по счету он был ребенком в семье Ярослава — Федора Всеволодовича и Ростиславы — Феодосии Мстиславовны и когда родились его братья. Сыновья Ярослава Всеволодовича перечислены во многих летописях и родословных росписях. Наиболее древний перечень помещен в Лаврентьевской летописи под 1239 г.; в нем названы шестеро сыновей Ярослава, уцелевших после Батыева погрома: Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил, Михаил [5]. Большинство из них упомянуто в статьях последующих годов той же Лаврентьевской летописи [6].

Даниил в летописях назван еще лишь один раз: Новгородская IV летопись под 1256 г. отметила его кончину [7]. Совершенно не встречается в летописях имя Афанасия Ярославича. Но под 1252 г. впервые после 1239 г. говорится о Ярославе, о котором под 1254 г. прямо сказано, что он был сыном Ярослава Всеволодовича [8]. Поскольку на лицевой стороне печатей Ярослава Ярославича изображался св. Афанасий Александрийский [9], ясно, что крестильным именем Ярослава был Афанасий. А так как к 1252 г. Ярослав Ярославич был уже женат и имел детей [10], то очевидно, что он родился в домонгольское время и именно он разумелся в перечне сыновей Ярослава Всеволодовича статьи 1239 г. Лаврентьевской летописи под именем Афанасия.

Следующее по древности перечисление сыновей Ярослава Всеволодовича содержится в приложенной к Новгородской I летописи младшего извода статье «Родословие тѣх же князей», основа которой, по А. А. Шахматову, была составлена в 1433—1434 годах [11]. В этой статье сыновья Ярослава Всеволодовича указаны в следующем порядке: «Сынове Ярославли: Александръ, Ярославъ, Андреи, Костянтинъ, Афанасии, Данило, Михаило, Василии» [12]. Сравнивая оба перечня, легко убедиться в том, что в целом они согласуются: сыновья Ярослава Всеволодовича названы в одной и той же последовательности, но во втором между Александром и Андреем вставлено имя Ярослава, которое составитель статьи XV в. нашел в тексте летописи, но не отожде-

---

[1] Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I, СПб. 1889, с. 29; Encyclopaedia Britannica. Vol. 1. Lnd., 1960, p. 575; Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974, с. 10, 153; и др.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л., 1950, с. 83—84.

[3] Татищев В. Н. История Российская. Т III. М.-Л., 1964. Татищев поместил это известие под 1219 г., но далее следует статья 1221 г., статьи 1220 г. у него нет.

[4] Нехачин И. Исторический словарь российских государей, князей, царей, императоров и императриц. М., 1793, с. 1; Муравьев А. Н. Жития святых Российской церкви. Месяц ноябрь. СПб. 1860, с. 254. Данные Муравьева повторил А. В. Экземплярский (Ук. соч. Т. I, с. 29, прим. 76).

[5] ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. стб. 469.

[6] Под 1242 г. Александр и Андрей, под 1245 г. Константин, под 1248 г. Михаил (там же, стб. 470—471).

[7] ПСРЛ. Т. IV, ч.I. вып. 1 Пг. 1915, с. 232.

[8] Там же Т. I, стб. 473.

[9] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949, № 3, с. 11—12; Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 2. М., 1970, с. 9.

[10] ПСРЛ. Т. I, стб. 473.

[11] Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. XX. СПб. 1908, с. 194, 196, прим. 1.

[12] НПЛ, с. 466.

ствил с Афанасием; последним приведено имя Василия, родившегося в 1241 г.[13], а потому не упомянутого в статье 1239 г. Лаврентьевской летописи.

Последующие русские средневековые генеалоги расширили список сыновей Ярослава Всеволодовича. В одном из перечней конца XV в. значилось: «Ярославли сыновe: Феодоръ, 11. Александръ, Андрѣй, Костянтинъ, Афонасей, Данило, Михайло, Ярославъ, Василей Костромской» [14]. По сравнению с родословной статьей 1433—1434 гг. в данном перечислении есть одно, но существенное уточнение: указан старший сын Ярослава Всеволодовича Федор, умерший 10 июля 1233 года [15]. Раздвоенность Ярослава — Афанасия в родословной росписи конца XV в. сохранилась, хотя имя Ярослав следовало уже не за именем Александр, а за именем Михаил. Этот перечень стал каноническим и вошел в родословные росписи и книги XVI—XVII веков [16].

Во всех рассмотренных перечнях сыновей Ярослава Всеволодовича Александр Невский упоминается на первом месте, если речь идет о времени после Батыева нашествия, или на втором, если говорится обо всех сыновьях Ярослава. Обобщая свидетельства перечней, можно заключить, что Александр был вторым сыном Ярослава.

Однако все рассмотренные перечни сыновей Ярослава Всеволодовича неполны. У него был еще один, девятый, сын. Описывая захват ряда северо-восточных русских городов, в том числе Твери, ордами Батыя в феврале — марте 1238 г., Новгородская I летопись старшего извода сообщает, что «ту же и сынъ Ярославль убиша» [17]. Поскольку Тверь входила в состав принадлежавшего Ярославу Всеволодовичу Переяславль-Залесского княжества [18], есть основание считать, что речь идет о гибели не названного по имени сына Ярослава Всеволодовича. Если этому сыну Ярослав поручил оборону Твери, то он должен был быть к 1238 г. достаточно взрослым. Но был ли он старше или моложе Александра Ярославича, укрывшегося в 1238 г. вместе с отцом и остальными братьями от Батыевой грозы в Новгороде Великом?

Ответить на такой вопрос непросто, но, судя по некоторым косвенным признакам, Александр был старше. Из всех сыновей Ярослава Всеволодовича только Федора и Александра в домонгольский период отец наделял определенными административными полномочиями, а после неожиданной смерти совсем юного Федора Александр, единственный из братьев, получил в 1236 г. княжеский стол [19]. Не названному по имени брату Александра были поручены самостоятельные действия только в 1238 г., а остальные братья подвизались на военном и политическом поприщах уже в послемонгольское время. Это обстоятельство подтверждает, что Александр был вторым сыном в семье Ярослава Всеволодовича.

Старше Александра был Федор. Летописи отметили рождение Ярославова первенца, как и появление на свет его последнего сына Василия. О времени рождения остальных семи Ярославичей в них ничего не сказано. О появлении на свет Федора сообщается в Лаврентьевской летописи. Последняя, выделенная киноварью, запись статьи 6727 г. свидетельствует, что «того же лѣта родися Ярославу сынъ и нарекоша имя ему Феодоръ» [20]. Исходя из даты рождения Федора, исследователи определяли и время рождения Александра, что в принципе верно. Только год рождения Федора ими вычислялся путем механического вычета из 6727 года 5508 лет «от сотворения мира». Получался 1219 г., а отсюда выводилось и время рождения Александра Невского: не ранее 1219 г.[21] или (как делалось значительно чаще) 1220 год [22]. Между тем 6727 г. Лаврентьевской летописи — мартовский [23]. Он охватывает период с 1 марта 1219 г. по 29 февраля 1220 г. современного летосчисления.

Первенец Ярослава Всеволодовича получил свое имя или в честь Федора Стратилата или в честь Федора Тирона. Память обоих отмечалась в феврале; очевидно, Федор

---

[13] ПСРЛ. Т. I, стб. 470.

[14] ПСРЛ. Т. XXIV. Пг. 1921, с. 227. Цифра 11 при имени Александра обозначала порядковый номер великого князя, начиная с Рюрика.

[15] НПЛ, с. 72. под 6741 г. мартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 262.

[16] ПСРЛ. Т.IX. СПб. 1862, с. XV; т. X. СПб. 1885, с. 113, 134; т. VIII. СПб. 1856, с. 236; Родословные книги.— ВОИДР. Кн. X. М. 1851, отд. 2, с. 16 (пропущен Михаил), 25, 132. (пропуск Андрея и Михаила), 213—214 (пропуск Василия), 219.

[17] НПЛ, с. 76.

[18] Там же, с. 53, 55.

[19] Там же, с. 66, 70, 74.

[20] ПСРЛ. Т. I, стб. 444.

[21] Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 67, прим. 2.

[22] См. выше, сн. 4.

[23] Бережков Н. Г. Ук. соч., с. 89, 106.

Ярославич и родился в этом месяце. Последнее косвенно подтверждает летописная запись о его рождении, помещенная в конце статьи 6727 г. Лаврентьевской летописи. Февраль приходился уже на январский 1220 год. Следовательно, Федор появился на свет в феврале 1220 г., а потому Александр Невский никак не мог родиться в мае 1220 года. И вообще маловероятно, что он родился в один год со старшим братом. Скорее это произошло позднее, но не намного, поскольку в 1236 г. Александр уже княжил в Новгороде.

Уточнить дату рождения Александра помогает сфрагистика. На печатях этого князя на лицевой стороне помещено изображение пешего или конного воина и надпись «Александръ», а на оборотной стороне — тоже воин и надпись «Федоръ» [24]. Иначе говоря, на лицевой стороне печати — небесный патрон самого Александра, а на обороте — патрон его отца Ярослава Всеволодовича, в крещении Федора [25]. Относительно того, какой именно Александр-воин изображался на лицевой стороне александровых булл, Н. П. Лихачев писал, что это Александр Египетский, а В. Л. Янин оставил вопрос открытым [26].

Догадка Н. П. Лихачева вызывает возражения. В древних (до XIII в.) византийских и славянских минологиях упоминается 21 святой Александр [27], но только четверо из них были воинами. Два воина Александра поминались 9 июля и 28 сентября; один (Александр Египетский) вместе с Патермуфием и Коприем, память которых отмечалась в первую очередь, другой — в числе 30 воинов [28]. Назвать сына в честь какого-то третьестепенного святого, память которого отмечалась вместе с группой святых, да еще и не на первом месте, родители Александра вряд ли могли, тем более что в домонгольской Руси это имя давалось князьям чрезвычайно редко [29].

Очевидно, Александр Невский назван в честь такого святого Александра-воина, память которого отмечалась особо, индивидуально, без связи с другими святыми. Здесь могут быть приняты во внимание еще только две даты: 13 мая и 10 июня. 13 мая отмечалась память воина Александра Римского, а 10 июня — память воина Александра и девы Антонины [30]. Татищев, по-видимому, устанавливал дату рождения Александра по дню празднования Александра-воина и всем остальным датам предпочел 13 мая, которая при переписывании его черновиков превратилась в дату 30 мая. И решение Татищева представляется верным. 13 мая празднуется один Александр, а 10 июня — Александр и Антонина. Есть точное указание, что во времена Александра Невского на Руси память Александра Римского отмечалась. Так, в статье 1243 г. Новгородской I летописи старшего извода описывалось знамение, которое случилось 18 мая «на память святого мученика Александра» [31]. Речь идет об Александре Римском, хотя в дату вкралась описка, легко объясняемая палеографически: копиист вместо ѳї (13) по древнерусскому счету написал ѳї (18). Судя по ранним минологиям, празднование Александра Римского было распространено гораздо шире, чем празднование Александра и Антонины [32].

Таким образом, из двух возможных дат (13 мая и 10 июня) следует предпочесть первую. Считая, что Александр Невский родился сразу же за Федором, наиболее вероятной датой его рождения можно считать 13 мая 1221 года. Отсюда следует, что две прославившие Александра Невского победы — над шведами 15 июля 1240 г. и над немецкими рыцарями 5 апреля 1242 г.— этот полководец одержал, когда ему исполнилось 19 лет и неполный 21 год.

В. А. Кучкин

[24] Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1, Л. 1929, с. 91, 92; Янин В. Л. Ук. соч., с. 7, 8.

[25] О крестильном имени Ярослава прямо говорит летопись (ПСРЛ. Т. I, стб. 408).

[26] Лихачев Н. П. Ук. соч., с. 91; Янин В. Л. Ук. соч., с. 8.

[27] Сергий. Полный месяцеслов Востока. Изд. 2-е. Т. II. Чч. 1—3. Владимир, 1901, с. 582—583.

[28] Там же. Ч. 2, с. 162, 402—403.

[29] Достаточно сказать, что, кроме Александра Невского, его носил всего лишь один Рюрикович — южнорусский князь Александр Всеволодович (Погодин М. Н. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VI. М., 1855, с. XI).

[30] Сергий. Ук. соч., Ч. 2, с. 180, 217.

[31] НПЛ, с. 79.

[32] Сергий. Ук. соч., Ч. 1, с. 141; ср. с. 176.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

МАШИНИСТ ВАСИЛИЙ БОГДАНОВ

8 декабря 1935 г. инициаторы стахановского движения были награждены высшими наградами Родины. На другой день «Ленинградская правда» отмечала: «Рядом с именами Стаханова, Дюканова, Петрова, Артюхова, Бусыгина, Виноградовых... стоят имена лучших людей города Ленина — кузнеца «Электросилы» им. Кирова Матрехова, скороходовца Сметанина, трикотажницы «Красного Знамени» Федоровой, машиниста Октябрьской дороги Богданова. Ими гордится наш великий город,.. по праву может гордиться вся наша страна».

«Я вспоминаю рассказы своего отца,— писал потомственный рабочий-железнодорожник Василий Дмитриевич Богданов.— Отец мой 14 лет до революции проработал на железной дороге и так выше кочегара не поднялся» [1]. Сын прошел путь от чернорабочего до машиниста за пять лет. Когда он рассказал об этом генеральному секретарю английского профсоюза кочегаров и машинистов, пожелавшему встретиться с обыкновенным советским железнодорожником, тот «несказанно удивился, узнав, что его молодой собеседник-комсомолец — механик мощного паровоза «ФД». Неужели в такие годы вы машинист?! В Англии места у регулятора нужно ждать до седых волос» [2].

В 1935 г. Богданову исполнилось всего 28 лет. Но за его спиной были уже годы учебы, работы на транспорте, в государственных органах и общественных организациях. Сначала он окончил трудовую школу, затем, работая, курсы машинистов и вечерний политехникум транспорта [3].

Будучи уже высококвалифицированным специалистом, овладевшим сложной техникой, Богданов продолжал изучать специальную литературу, посвященную новым паровозам серии «Э» и «ФД», стремился творчески усвоить опыт старых машинистов, чему придавал большое значение: «Вредно, когда молодой железнодорожник игнорирует опыт стариков,— писал он.— Учеба у старших — великое дело!.. Я всегда стараюсь перенять опыт старших машинистов. У Орлова я научился чистоте и порядку, у Бернатовича, Евдокимова и Буца — умению слушать сердце, пульс паровозного нутра, у Архименко — спокойствию и уверенности в себе даже при самых трудных положениях. У начальника депо Иванова я всегда учился и учусь теории паровозного дела» [4]. Раздумывая над опубликованной статьей, Богданов на полях газеты добавил: «11 лет имею дело с паровозом, но сказать, что все в паровозе постиг, что мне нечему уже учиться у стариков,— значит и себя, и людей насмешить» [5].

Для расширения производственного кругозора, становления Богданова как будущего командира производства большое значение имели десятимесячная партийная учеба (он вступил в партию в 1929 г.), руководство местным комитетом депо Ленинград-Сортировочная Витебской линии Октябрьской железной дороги в 1930—1932 гг., деятельностью производственного совещания в 1932 году [6]. Большую роль сыграла комсомольская работа Богданова: он возглавил движение ударных комсомольско-молодежных бригад, был членом райкома, обкома комсомола, делегатом X съезда ВЛКСМ. Не меньшее значение имела и его деятельность в качестве депутата Ленинградского горсовета, заместителя председателя его транспортной секции [7].

Производственная и общественная работа учила Богданова мыслить по-государствен-

---

[1] Личный архив семьи В. Д. Богданова.
[2] Там же.
[3] Центральный музей революции СССР (ЦМР), Государственный инвентарный каталог (ГИК), Вс. 6906/7а.
[4] Гудок, 11.IV.1936.
[5] ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7б.
[6] Там же, Вс. 6906/7м, 6906/7г; Молодые стахановцы. Л. 1936, с. 54.
[7] Личный архив семьи В. Д. Богданова; ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7а; Октябрьская магистраль (многотиражка), 10.XII.1935; Молодые стахановцы, с. 57.

ному, решать проблемы, стоявшие не только перед железной дорогой, на которой он работал, но и перед железнодорожным транспортом всей страны. В 1934 — первой половине 1935 г. тот не справлялся с объемом перевозок. Чтобы ликвидировать отставание, надо было перекрыть нормы, которые считались максимальными, показать возможности транспорта, разбить «теорию предела». Это и сделали инициаторы стахановского движения на транспорте — П. Ф. Кривонос, А. С. Огнев, В. Д. Богданов и др.

«Было начало сентября 1935 г.,— вспоминал Богданов.— Меня вызвал дежурный по дороге и от имени начальника дороги попросил запаздывающий формированием транспорт весом на 350 т выше нормы сдать под выгрузку, обязательно по специально составленному графику. Я, пом. машиниста Георгий Ранефт и кочегар Вася Яковлев тщательно подготовили паровоз Э[m] 4465 и с честью справились с этим боевым заданием. Нагнав больше часа опоздания и дав среднюю техническую скорость 40 км (при норме 28), мы доставили поезд под выгрузку раньше задания» [8].

Что же лежало в основе успеха? Во-первых, знание паровоза, его возможностей. Во-вторых, рационализация: форсировка котла, «езда на большом клапане», предварительная обработка угля. В-третьих, личные качества машиниста: смелость, решительность, расчет, опыт. Высокие результаты зависели и от слаженности работы бригады. Богданов всегда подчеркивал, что члены ее должны проявлять высокую ответственность за свой участок работы и в то же время действовать как единое целое. Большое значение имела хорошо продуманная организация труда, тесная связь со смежниками. «Мы заключили договор с бригадой слесарей. И когда я принимаю паровоз после промывки, я уверен в своей машине, я знаю, что люди ремонтировали ее с любовью и она не подведет» [9]. В последующие месяцы ремонтные бригады стали давать письменные гарантии об исправности паровоза, получившие название «путевка гарантийного пробега». Договоры о содружестве Богданов заключал с диспетчерами, дежурными по станции [10].

Понимая, что сила стахановского движения — в его массовости, Богданов не скрывал от товарищей своих секретов, щедро делился с ними опытом работы: выступал на собраниях рабочих депо, взял шефство над двумя паровозными бригадами и обязался сделать их кривоносовскими. О своих методах труда Богданов рассказал на I ленинградском слете стахановцев [11], на совещании новаторов производства, состоявшемся в столице. В ноябре 1935 г. Богданов участвовал в работе Всесоюзного совещания стахановцев в Кремле. Его именной экземпляр стенографического отчета совещания хранится в Центральном музее революции СССР.

Выступая в конце 1935 г. по радио, Богданов говорил: «Когда я вернулся в Ленинград после Всесоюзного стахановского совещания, я стал работать с еще бóльшим подъемом. 1 декабря я сделал новый шаг в достижении высокой технической скорости. В эту поездку я дал 47,1 километра в час при задании в 28 километров. Сейчас я эту скорость вполне освоил... Я с удовлетворением могу заявить, что на некоторых перегонах я вожу теперь товарные поезда быстрее, чем пассажирские машинисты» [12].

Вместе с другими зачинателями стахановского движения Богданов был приглашен на декабрьский (1935 г.) Пленум ЦК ВКП(б), где он был введен в комиссию по разработке практических предложений, направленных на развитие стахановского движения [13]. Богданов активно включился в пропаганду передовых методов труда. На совещании в Наркомате путей сообщения 26 декабря 1935 г. он говорил, что разработанный им совместно с диспетчерами график движения широко внедрен другими паровозными бригадами; что распространение стахановского движения позволило ликвидировать отставание в работе Октябрьской железной дороги и в декабре все машинисты водили поезда с технической скоростью 35 км/час [14].

Сам Богданов продолжал совершенствовать методы работы теперь уже на новом мощном локомотиве «ФД». О счастье работать на благо Советской страны Богданов говорил на Чрезвычайном VIII съезде Советов. Василий Дмитриевич входил в состав созданной съездом редакционной комиссии по выработке новой Конституции СССР. На прошедших после ее принятия выборах он был избран в первый состав

[8] Личный архив семьи В. Д. Богданова; Ленинградская правда, 26.X.1935.
[9] ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7б; Ленинградская правда, 26.X; 10.XII.1935.
[10] Октябрьская магистраль, 26.XI.1935.
[11] Ленинградская правда, 26.X.1935.
[12] ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7в.
[13] Там же.
[14] Гудок, 30.XII.1935.

высшего законодательного органа страны [15]. В апреле 1936 г. В. Д. Богданову было присвоено звание Почетного железнодорожника [16].

С мая 1937 г., когда Богданов был назначен машинистом-инструктором, пропаганда стахановских методов труда становится его главной заботой. 7 июля того года «Октябрьская магистраль» опубликовала его отчет наркому, в котором он рассказал о своей работе. Во всех закрепленных за ним 20 паровозных бригадах он добивался соблюдения графика, правил технической эксплуатации, повышения квалификации машинистов, учил их хорошо разбираться в сложном паровозном хозяйстве. Если было нужно, немедленно выезжал на помощь. Богданов совершал поездки вместе с паровозными бригадами, а затем на совещаниях разбирал достоинства и недостатки их работы. Он учил машинистов работать безаварийно, быть бдительными, не допускать лихачества, являлся подлинным наставником паровозных бригад [17].

Богданов не замыкался в рамках своих непосредственных обязанностей. Он подходил к решению вопросов с государственных позиций, с точки зрения хозяина производства: его интересовало и совершенствование работы диспетчеров, и состояние маневровых паровозов, работа других звеньев железнодорожного хозяйства.

Вскоре Богданов возглавил депо Ленинград-Сортировочная Витебской линии Октябрьской железной дороги [18]. Коллектив депо поддержал призыв рабочих завода «Электросила» им. Кирова, завода им. Ленина и фабрики «Скороход» ко всем трудящимся Ленинграда ознаменовать 20-ю годовщину Октября новыми победами в труде. Отвечая на призыв начальника депо Славянск Кривоноса об организации соревнования между стахановцами, выдвинутыми на командные посты, и возглавляемыми ими коллективами, Богданов писал: «Я принимаю вызов. Будем соревноваться, товарищ Кривонос! Развертывая еще шире стахановское движение, ускорим оборот паровоза, сведем к минимуму простой локомотивов в ремонте, по-большевистски подготовимся к зиме... Считаю необходимым вызвать на социалистическое соревнование выдвиженцев нашей дороги» [19].

Превратить депо в передовое — такую задачу поставил перед собой Богданов, к этому он призывал весь коллектив. С этой целью ряд передовых машинистов был назначен инструкторами стахановских методов труда. Партком, местком, администрация организовали соревнование по профессиям, соревнование между машинистами и диспетчерами. В дни стахановской декады (конец 1937 — начало 1938 г.) и в последующие месяцы ежедневно подводились итоги соревнования, лучшим подразделениям вручалось цеховое переходящее Красное знамя, передовики награждались красными флажками [20].

В мае 1938 г. Наркомат путей сообщения назначил ряд передовиков железнодорожного транспорта начальниками железных дорог. Богданов возглавил Кировскую магистраль (Ленинград — Мурманск) [21], которая в конце 1937 — начале 1938 г. хронически не справлялась с плановыми заданиями [22]. Прежде всего Богданов провел конференции актива, вместе с дорпрофсожем — производственные совещания, а летом развернулся общественный смотр подготовки дороги к зиме. «Мы не представляли себе подготовки к зиме без широкого привлечения масс,— отмечал Богданов.—...Свыше трех тысяч стахановцев участвовали в этом смотре и помогали устранить то, что могло мешать успешной работе в зимних условиях... Каждый акт, составленный общественной бригадой, обсуждался на рабочих и партийно-комсомольских собраниях» [23].

Кировская дорога вступила в предоктябрьское соревнование с коллективом Октябрьской магистрали, итоги которого регулярно публиковались. Машинисты-кривоносовцы, включившись в движение за вождение тяжеловесных поездов, добивались превышения норм технической скорости. И здесь им во многом помогал личный опыт Богданова. Но Василий Дмитриевич ставил задачу не только увеличить скорость, но и сэкономить при этом топливо. «Почетное звание кривоносовца,— подчеркивал он в

---

[15] Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. М. 1936. Бюллетень № 6, с. 3., 32; Знамя (многотиражка), 5.XII.1947. С 1937 по 1946 г. Богданов — депутат Верховного Совета Союза ССР, с 1951 г.— депутат Верховного Совета РСФСР.

[16] ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7г.

[17] Богданов В. Д. Борьба за работу паровозов по графику. М. 1937, с. 32.

[18] ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7м.

[19] Октябрьская магистраль, 29.VIII.1937.

[20] Там же, 3.I.1938.

[21] Гудок, 24.V.1938.

[22] Социалистический транспорт, 1938, № 7, с. 19.

[23] Василий Дмитриевич Богданов. Биографический очерк. М. 1937, с. 16—17, 19—20.

обращении к работникам магистрали,— оправдывает тот машинист, который водит поезда на больших скоростях и экономит топливо в каждую поездку». Он давал конкретные советы машинистам и другим работникам дороги, как экономить топливо. По итогам работы железных дорог за первый квартал 1939 г. Кировская магистраль заняла третье место» [24].

Новое, еще более ответственное задание партийные и государственные органы возложили на Богданова в конце марта 1939 г.— он возглавил Октябрьскую магистраль. Бывший машинист дороги стал ее руководителем [25]. Опорой на «стариков», поддержкой молодежи, умением организовать работу Богданов завоевал большой авторитет в родном коллективе и как начальник дороги. В своем первом выступлении на собрании партактива дороги 3 апреля 1939 г. он призвал повести борьбу за право Октябрьской железной дороги называться передовой магистралью Союза.

Добиваясь решения выдвинутых задач, Богданов широко использовал проверенные им на практике формы связи с массами, мобилизации их — выступления на общих собраниях, совещаниях, организация общественных смотров подготовки к лету и зиме. Проведение всех мероприятий анализировалось на постоянных производственных совещаниях, которые организовывались политотделом и дорпрофсожем. Горячо поддерживал Богданов почины и стремился к их распространению. На дороге широко развернулось соревнование за право называться стахановским коллективом (участком, депо и т. д.) [26].

За несколько лет Богданов стал одним из крупных командиров железнодорожного транспорта. Глубокое знание техники, организаторский талант, тесная связь с коллективом, общественными организациями, умение учиться у масс были характерны для него как руководителя нового типа, последователя красных директоров 20-х годов. В ноябре 1939 г. за выдающиеся успехи в деле подъема железнодорожного транспорта Богданов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В своих статьях и выступлениях он неоднократно подчеркивал: «Работа с людьми, умение ими руководить есть самое главное в деятельности командиров производства, залог успеха их работы» [27]. В декабре 1938 г., обращаясь к руководящим работникам Кировской железной дороги, Богданов подчеркивал, что ни одно конкретное предложение, ни одно практическое замечание не должно оставаться без внимания [28].

В первые дни Великой Отечественной войны Богданов был назначен уполномоченным НКПС на Эстонскую железнодорожную магистраль [29]. Он трудился сначала в Таллине, затем — в Нарве, фронт от которой проходил в 6 километрах. Железнодорожники работали под бомбежками, артиллерийским обстрелом. Командный пункт Богданова находился в бывшем станционном леднике, обложенном плитами железнодорожных платформ и рельсами, засыпанном землей и в целях маскировки покрытом травой. В отчете в Государственный Комитет Обороны (ГКО) Богданов писал: «Вокруг блиндажа, на расстоянии 2—3 метров, нет живого места, все в воронках» [30]. Если где-то останавливался состав, Богданов выезжал туда на маневровом паровозе, чтобы на месте возглавить работу по восстановлению пути. В июле десятки воинских поездов прошли через Нарву на фронт [31].

А затем Василия Дмитриевича направили под Москву: осенью — зимой 1941 г. он один из организаторов работы железнодорожного транспорта по эвакуации московских предприятий, по переброске к столице с востока эшелонов с частями Красной Армии. Как уполномоченный НКПС он обследует депо и склады топлива Ярославской и Северной железных дорог. Вместе с начальниками дорог делает все возможное для увеличения их пропускной способности, обеспечения паровозов дровами, на которых работали в те тяжелые дни. Богданов уделяет большое внимание распространению опыта передовых железнодорожников, мастерски работавших на древесном топливе, овладевших методами скоростного вождения тяжеловесных составов. Один из таких составов Богданов провел сам, чтобы наглядно продемонстрировать возможности дорог [32]. Одной из задач Богданова во время его работы уполномоченным на Северной

[24] Кировская магистраль (многотиражка), 6.X; 4.VIII; 5.XI.1938; Октябрьская магистраль, 29.IV.1939.
[25] ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7м.
[26] Октябрьская магистраль, 6, 11.IV; 4.VII; 30.VIII; 2, 6.IX.1939.
[27] ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7е.
[28] Литературная газета, 14.XII.1950.
[29] ЦМР, ГИК, Вс. 6906/7м.
[30] Личный архив семьи В. Д. Богданова.
[31] Литературная газета, 14.XII.1950.
[32] Личный архив семьи В. Д. Богданова.

железной дороге был контроль за быстрейшей доставкой грузов по ленд-лизу.

Дважды, в январе и мае 1942 г., Богданов был командирован в осажденный Ленинград, чтобы обследовать состояние Ленинградской и Октябрьской железных дорог, помочь в работе действующего участка Октябрьской железной дороги — от берега Ладожского оз. до города. Сюда по Дороге жизни поступали продовольствие, боеприпасы, отсюда железнодорожники под постоянным артиллерийским обстрелом везли их в город [34]. В Ленинграде вновь проявилось умение Богданова в экстремальных условиях выполнять возложенные на него задачи. «Трудящиеся города-героя,.. чувствуя улучшение в продовольственном снабжении, знали, что этим они обязаны и машинистам Октябрьской» [35]. В докладной записке ГКО Богданов предлагал отметить ряд ленинградских рабочих наркомовскими наградами, в том числе знаком «Почетный железнодорожник» [36]. За выполнение заданий правительства Президиум Верховного Совета СССР в 1942 г. удостоил Богданова ордена «Знак Почета».

В 1943 г. Богданов получает новое назначение — начальником паровозной службы дорог Северо-Запада, 6 ноября 1943 г. ему было присвоено звание генерал-директора тяги III ранга [37]. Наряду с обеспечением всем необходимым наступающих на северо-западном направлении частей Красной Армии перед ним была поставлена задача восстановления разрушенных железных дорог. Богданов постоянно в командировках. В 1943 г.— это контроль и помощь в восстановлении Калининской железной дороги, в 1944 г.— работа в Латвии и Эстонии. В 1945 г. за обеспечение выполнения заданий правительства и военного командования Богданов был награжден вторым орденом Ленина (первым — 8 декабря 1935 г.) и медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Ленинграда».

После окончания войны Богданов вновь возглавил одну из железнодорожных магистралей страны. на этот раз — Московско-Киевскую [38]. О состоянии дороги в 1946 г., в момент ее приемки Богдановым, можно судить по таким данным: «За время Великой Отечественной войны из общего числа 165 станций разрушено частично или полностью 135 пассажирских зданий... В период оккупации путевое хозяйство подверглось особенно сильному разрушению, вследствие чего в пути продолжает оставаться значительное количество дефектных рельсов и накладок» [39].

Уже в 1947 г. дорога достигла значительных успехов, к ним привели те же испытанные методы работы. На всей трассе Богданова знал каждый железнодорожник, каждый житель — как руководителя дороги, депутата областного, республиканского Советов, как человека, преисполненного уважения и внимания к людям, горячего пропагандиста лучших старых традиций и поборника нового. В борьбе за повышение производительности труда, осуществление режима экономии, укрепление трудовой дисциплины, за контроль и проверку исполнения решений Богданов опирался на поддержку коллектива. Уже в 1949 г. возглавляемая им дорога дала прибыль.

Самоотверженный труд знатного железнодорожника в первые послевоенные пятилетки был отмечен высокими наградами Родины. Богданову были вручены третий и четвертый ордена Ленина, второй орден Трудового Красного Знамени. Резко ухудшившееся здоровье заставило его в 1963 г. уйти на пенсию. Однако он продолжал активно участвовать в общественной жизни — выступал на партийных, профсоюзных, комсомольских собраниях и конференциях. Он был членом делегации стахановцев на Всесоюзной конференции, посвященной 40-летию стахановского движения. В 1976 г. жизнь Василия Дмитриевича оборвалась.

Выступая на встрече в ЦК КПСС с ветеранами стахановского движения, передовиками и новаторами производства, М. С. Горбачев говорил: «Немало лет прошло с тех пор, но мы и сегодня с восхищением и гордостью называем имена зачинателей стахановского движения. Что ни имя, то личность — яркая, талантливая, самобытная» [40]. Именно таким был и Василий Дмитриевич Богданов.

Л. М. Майоров

[34] См. Ковальчук В. М. Дорога Победы.— Вопросы истории, 1983, № 11.
[35] Личный архив семьи В. Д. Богданова.
[36] Там же.
[37] ЦМР, ГИК, Вс. 42438/27.
[38] Там же, Вс. 6906/7м.
[39] Литературная газета, 14.XII.1950.
[40] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М. 1985, с. 282.

СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЯ КРАСНОЙ АРМИИ В МОСКВЕ

Работа по организации в столице Музея Красной Армии началась в 1919 г., т. е. вскоре после создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Задача его была сформулирована в приказе Реввоенсовета Республики: «Широкое ознакомление народных масс Республики с теми достижениями, которые сделала Советская Россия за последние два года в деле военного образования и культурно-просветительного и политического воспитания Красной Армии и Флота» [1].

Каким же должен был быть новый музей? «Музеем Великой Пролетарской Революции», который покажет не только борьбу с белогвардейцами и интервентами, политико-просветительную работу в Красной Армии, но и ход революции, даст возможность «представить не только материалы с 1917 г., но и все те, которые ясно бы показывали, как велась тяжелая подпольная работа революционеров и как... подтачивалось громадное здание самодержавия и буржуазии»,— утверждали одни. Музей должен выявить коренное отличие Красной Армии от старой армии, «богатство ее духа, ее доблесть, ее великую веру в себя и в революционный путь России» [2],—дополняли другие. В то же время современники понимали, что музей должен стать хранилищем реликвий и документов по истории Красной Армии и Флота [3]. Новая тематика и новая аудитория ставили цели, которых не знало дореволюционное музейное дело. Поэтому организаторы Музея Красной Армии пошли по наиболее приемлемому в то время пути — устройству выставок, приуроченных к памятным датам, с тем, чтобы, накапливая опыт комплектования и экспонирования материалов, открыть затем музей.

Будущему музею было предоставлено помещение Верхних торговых рядов (ныне ГУМ) [4]. В ходе работы над основной экспозицией была на базе уже собранных ранее материалов подготовлена к приезду представителей английских тред-юнионов и лейбористской партии в мае 1920 г. небольшая временная выставка [5]. Во второй половине июля 1920 г. была организована еще одна выставка — к открытию II Конгресса Коминтерна. Первыми ее посетили делегаты конгресса, а затем в течение полутора месяцев на ней побывало более 150 тыс. человек [6]. Выставка была большой: она занимала всю среднюю и большую часть первой линии Верхних торговых рядов. На ней были представлены вооружение разных родов войск, материалы, рассказывавшие о системе школ политграмоты в армии и красноармейских клубах, а также плакаты и брошюры, издававшиеся Политуправлением РВСР, фотографии героев, награжденных орденом Красного Знамени [7]. В 1920 г. действовали еще три выставки, а в 1921 г. открылась выставка к III Конгрессу Коминтерна, работавшая пять месяцев в Верхних торговых рядах [8].

Фонды музея постоянно пополнялись новыми экспонатами. Сотрудники его совершили ряд поездок по фронтам. Помимо этого, для получения материалов создавались специальные комиссии в некоторых военных управлениях, а также при штабах фронтов. Была достигнута договоренность с РОСТА о передаче документов по агитационной работе в армии и флоте [9]. В инструкции, приложенной к приказу Политуправления Реввоенсовета по организации празднования третьей годовщины Октябрьской революции, содержался специальный раздел «Музей» с подробным перечнем материалов, которые «для сохранения в памяти потомства и в интересах науки необ-

---

[1] Сборник приказов Революционного Военного Совета Республики (РВСР) 1919 года, № 2207, 23.XII.

[2] Хлебцевич Е. Музей-выставка «Жизнь Красной Армии и Флота».— Политработник, 1920. № 1, с. 24; К вопросу о Музее Красной Армии.— Военный вестник, 1922, № 4, с. 38.

[3] Остоженский Н. Музей «Жизнь Красной Армии и Флота».— Военное дело, 1920, № 12; его же. Организация военно-музейного дела.— Там же, № 15; Архив Центрального музея Вооруженных Сил СССР (ЦМВС СССР), д. 2, л. 3об.

[4] Архив ЦМВС СССР, д. 1, л. 29

[5] Остоженский Н. Обзор выставки Красной Армии и Флота.— Военное дело, 1920, № 14; Правда, 23.V.1920. О выставках 1920—1923 гг. см. также: Востоков Е. И. Из истории советских военных музеев.— Труды НИИ музееведения, М., 1962, вып. VII; Чудов И. С. От выставки к музею.— Сообщения и материалы Центрального музея Советской Армии, 1962, вып. 2.

[6] Архив ЦМВС СССР, д. 2, л. 3об.; Чудов И. С. Ук. соч., с. 208—209.

[7] Выставка «Жизнь Красных Армии и Флота». Краткий обзор. М. 1921.

[8] Архив ЦМВС СССР, д. 2, л. 3; д. 3, л. 11; Востоков Е. И. Ук. соч., с. 212—213.

[9] Архив ЦМВС СССР, д. 1, л. 15; д. 2, л. 3; Востоков Е. И. Ук. соч., с. 211.

ходимо собрать на местах и препроводить в Музей «Жизнь Красной Армии и Флота». При этом оговаривалось, что все материалы должны быть представлены с пояснительными записками, удостоверяющими их подлинность и объясняющими способ получения. К апрелю 1921 г. в Музее Красной Армии насчитывалось уже около 20 тыс. предметов [10].

Летом 1921 г. Реввоенсовет издал приказ, в котором более четко, чем в 1919 г., определил задачи музея: «Сбор, хранение предметов и материалов, кроме архивных, относящихся к истории возникновения, развития и деятельности Красной Армии и Флота, как для использования их с научной целью, так и для наглядного ознакомления народных масс Республики с жизнью и бытом Красных Армии и Флота» [11]. 3 марта 1922 г. Музею Красной Армии и Флота было предоставлено здание на улице Кропоткина, д. 12/2 (сейчас здесь Музей А. С. Пушкина) [12]. Летом 1922 г. Реввоенсовет издал приказ, предписывавший в целях сохранения исторических и военно-исторических реликвий (знамена, значки, фотоснимки и т. п.), имевшихся в частях Красной Армии и Флота, при расформированиях и переформированиях войсковых частей сдавать в Музей Красной Армии и Флота [13]. Экспозиция музея состояла из пяти отделов: организации Красной Армии и Флота; вооружения, снабжения и военной техники; обучения и воспитания; боевых операций; быта [14].

Наиболее крупным мероприятием в первые годы существования музея стала юбилейная выставка к 5-летию РККА. Работа по ее подготовке началась с конца 1922 года. 24 ноября 1922 г. состоялось совещание Ученого совета музея с представителями музейного отдела Главнауки Наркомпроса (Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями) и 21 центрального и местного военного учреждения об определении фонда выставки [15]. В Московский, Петроградский и Украинский военные округа были направлены телеграммы с просьбой прислать материалы, освещавшие работу по подготовке политсостава в прошлом и настоящем. Материалы на выставку прислали Истпарт ЦК РКП(б) (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)), Главархив РСФСР, центральные и некоторые местные историко-революционные музеи. В декабре 1922 г. Политуправление РВСР решило обратиться через ВЦИК во все губисполкомы с просьбой прислать экспонаты для выставки из музеев, где существовали отделы Красной Армии и Флота [16].

На торжественном открытии юбилейной выставки, о котором широко оповестила печать, выступил член Президиумов ВЦИК и ЦИК СССР П. Г. Смидович. Газеты писали: выставка — «это вся многотомная наглядная история Красной Армии, а попутно с тем история и всего государства Совроссийского» [17]. Экспозиция выставки отражала рост классовой сознательности красноармейцев, возросшую военно-техническую мощь Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Среди многочисленных экспонатов, представленных на ней, выделялась походная типография. На глазах у посетителей в экспозиционном зале печаталась газета «Победа» и сразу же им раздавалась. В Центральном государственном архиве Советской Армии и Центральном музее Вооруженных Сил СССР сохранились 11 номеров этой уникальной газеты — с 21 февраля по 4 марта 1923 года. Газета рассказывала о наиболее интересных экспонатах, объясняла назначение некоторых из них, пропагандировала идею охраны памятников революции, агитировала за сбор материалов о Красной Армии. Она печатала отзывы партийных и государственных деятелей, командиров и красноармейцев, работников печати, рабфаковцев, школьников о выставке.

Нарком здравоохранения Н. А. Семашко заявил в газете «Победа»: «Первую выставку вижу, которая, во-первых, так ясно и кратко выражала бы героическую многолетнюю борьбу рабочих и крестьян и, во-вторых, которая так воодушевляла бы к дальнейшей борьбе». Писали о своих впечатлениях и зарубежные гости. Австрийский коммунист Ф. Рубинер так отозвался о выставке: «Эта выставка в самом своем

---

[10] Политработник, 1920, № 9, с. 21, 23; Архив ЦМВС СССР, д. 1, л. 15; д. 2, л. 3; Востоков Е. И. Ук. соч., с. 212.

[11] Сборник приказов РВСР 1921 года, № 1452, 14.VII.

[12] Архив ЦМВС СССР, д. 2, л. 53об; д. 4, л. 28; д. 5, л. 43.

[13] Сборник приказов РВСР 1922 года, № 1982, 18.VIII.

[14] Архив ЦМВС СССР, д. 5, л. 45.

[15] Там же, л. 29об.

[16] ЦГАСА, ф. 9, оп. 13, д. 253, л. 18; д. 120, л. 38.

[17] Архив ЦМВС СССР, д. 5, л. 29; ЦГАСА, ф. 9, оп. 13, д. 363, лл. 20, 21; Известия ВЦИК, 23.II.1923, с. 8; см. также: Юбилейная выставка Красных Армии и Флота. 1918—1923. М. 1923.

существе отличается от всех военных выставок кайзера Вильгельма или «демократических» республик Запада. Тогда как там армия есть инструмент, употребляемый властью и подчиняющий себе массы, здесь армия есть продукт всего рабочего народа, больше того, есть культурная сила для народа и во имя народа. Осмотр этой выставки показывает наглядно, чем могла победить Красная Армия, в чем ее непобедимость, ее красота и величие». Газета опубликовала также статьи специалистов и провела дискуссию о том, каким должен быть музей.

Юбилейная выставка 1923 г. вызвала большой интерес общественности. За время ее работы — с 21 февраля по 1 ноября 1923 г.— на ней побывало около 500 групп и 70 тыс. одиночных посетителей. Выставка сыграла важную роль в становлении Музея Красной Армии в Москве, его фонд пополнился 7 тыс. экспонатов [18]. Политуправление Реввоенсовета СССР передало музею свои материалы из павильона Красной Армии на Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г.; Высший военно-редакционный совет РВС — 88 живописных и скульптурных произведений, в том числе Б. М. Кустодиева, К. Ф. Юона, С. Т. Конёнкова и др. (фонд художественной выставки «Красная Армия») [19].

Музей организовал командировки своих сотрудников в Петроград, Полтаву, Екатеринослав, Тверь, Смоленск и другие города для выявления материалов о Красной Армии, хранившихся в местных музеях. Для организации обмена с ними был создан специальный фонд [20]. А к 6-й годовщине РККА открылась обновленная экспозиция музея в здании на ул. Кропоткина, 12/2. Наряду с экспонатами, уже известными по предшествовавшим крупным выставкам, было представлено много новых: ленинские материалы, документы по организации Красной Армии, борьбе с басмачеством и другие [21].

Весной 1924 г. был поставлен вопрос о демонстрации экспонатов музея за рубежом. В мае Музей Красной Армии заключил договор с Комитетом Русского отдела XIV Международной выставки искусств о том, что 13 произведений художественного фонда музея будут экспонированы в Венеции с мая по октябрь 1924 года. Среди них 12 картин советских живописцев: К. С. Петрова-Водкина, Е. А. Кацмана, П. М. Шухмина, известного полотнами на историко-революционные сюжеты, и других, а также скульптура Конёнкова «Красный казак» [22].

В 1924 г. музей стал называться Центральным Музеем Красной Армии и Флота. К тому времени его фонд насчитывал 30 тыс. предметов (из них 10 тыс. фотографий). Поскольку помещение музея на ул. Кропоткина было небольшим, 16 октября 1924 г. в его распоряжение было предоставлено здание на ул. Воздвиженка, 6, где в 1923 г. проходила юбилейная выставка Красной Армии [23]. Экспозиционная площадь здесь была вчетверо больше. Было решено расширить и перестроить экспозицию «в хронологической последовательности эпох» в соответствии с достижениями советской исторической науки и музейного дела. Летом 1925 г. приказом Реввоенсовета было объявлено новое положение о музее как о научно-исследовательском учреждении, в задачу которого входят «сбор, хранение и научное изучение памятников по истории и быту Красной Армии и Флота, имеющих общее значение для всего Союза Республик» [24].

Осенью 1925 г. в музее началась подготовка новой экспозиции — к 10-й годовщине РККА. К этому времени его фонд насчитывал около 45 тыс. предметов. Будущая экспозиция должна была состоять из трех основных разделов: «I — подготовка Вооруженных Сил пролетарской революции с 1905 г. по октябрь 1917 г., II — гражданская война 1917—1922 гг. и III — период мирного строительства с 1922 г.» [25]. 17 января 1926 г. Центральный музей Красной Армии и Флота открыл выставку «Плакат и листовка гражданской войны», имевшую большой успех. За 48 дней на ней побывали 15,5 тыс. человек, в основном красноармейцы и учащиеся [26]. К 9-й годовщине Ве-

---

[18] Победа, 23, 26, 27.II.1923; Архив ЦМВС СССР, д. 5, лл. 31, 36об., 242.

[19] Об этой выставке подробнее см.: Сидоров А. А. Художественная выставка «Красная Армия».— Военная мысль и революция, 1923, № 2.

[20] Архив ЦМВС СССР, д. 5, лл. 32—33.

[21] Красная Звезда, 21.II.1924; Правда, 24.II.1924.

[22] Архив ЦВМС СССР, д. 6, лл. 27, 31.

[23] Сборник приказов РВС СССР 1924 года, № 1120, 2.IX; Архив ЦМВС СССР, д. 8, л. 31; ЦГАСА, ф. 9, оп. 13, д. 290, л. 67.

[24] Сборник приказов РВС СССР 1925 года, № 633, 19.VI.

[25] Якушкин Е. Музей РККА.— Военный вестник, 1926, № 35, с. 36; Архив ЦВМС СССР, д. 8, л. 25; д. 9, лл. 1, 36.

[26] Плакат в гражданской войне.— Экран, 1926, № 5, с. 13; Путеводитель по выставке

ликого Октября был открыт первый раздел реорганизованной экспозиции, к 23 февраля 1927 г.— второй, к 7 ноября — третий. В них содержался обширный материал о восстаниях в царской армии и на флоте, о зарождении Красной Гвардии, о боевом пути Красной Армии. Специально был выделен комплекс, посвященный жизни и деятельности М. В Фрунзе [27].

В январе 1928 г. Центральный музей РККА переехал в новое здание — левое крыло Центрального Дома Красной Армии им. М. В. Фрунзе (пл. Коммуны, д. 2) и к 10-летию Красной Армии открыл там постоянную экспозицию [28]. С этого времени начался новый этап деятельности музея.

Е. Н. Рафиенко

«Плакат и листовка гражданской войны». М. 1926; Якушкин Е. Ук. соч., с. 34.

[27] Правда, 29.X.1926.

[28] Архив ЦВМС СССР, д. 11, лл. 10—11.

СТАЧКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

(ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1905 г.)

В годы первой российской революции на борьбу против царизма вместе с русскими братьями по классу поднялись рабочие национальных окраин страны. В одном ряду с революционными рабочими Центра России шел многонациональный пролетариат Закавказья [1]. Свой вклад в эту борьбу внесли и труженики железных дорог в Азербайджане [2]. В 1905 г. они провели несколько крупных стачек и не работали около 80 дней. Только в трех из них участвовали 80% рабочих; в общей сложности почти на 55 дней было прекращено движение на всех линиях. Особенно острый характер носили октябрьская и декабрьская стачки.

Накануне 1905 г. на участках Закавказской и Владикавказской железных дорог, проходящих через территорию современного Азербайджана и протяженностью 800 км, трудились более 7 тыс. человек [3], примерно 80% из них составляли рабочие. Непосредственно в депо и мастерских трудились около 1,3 тыс. человек [4]. Это была наиболее сплоченная и активная часть железнодорожников.

В октябре 1905 г. по призыву большевиков и Всероссийского железнодорожного союза (ВЖС) [5] началась массовая политическая стачка на железных дорогах. К 17 октября она переросла во Всероссийскую, «охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской» [6].

В Восточном Закавказье активную деятельность развернули Бакинский комитет РСДРП и Союз закавказских железнодорожников. Среди рабочих железнодорожного транспорта по заданию Бакинского комитета РСДРП работу вели Б. Сардаров, Б. Дадашев, М. Мамедяров, А. Сулейманов и др. [7]. 11 октября, через несколько

[1] История Азербайджана. Т. 2. Баку. 1960; Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку. 1963; Очерки истории Коммунистической партии Армении. Ереван. 1967; Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси. 1970; Гарибджанян О. В. И. Ленин и большевистские организации Закавказья. Ереван. 1971; История Грузии. Т. VI. Тбилиси. 1972.

[2] Караев С. Н. Революционная солидарность. Баку. 1971; Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Тбилиси. 1971; Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М. 1975; Филатов Л. Г. Борьба большевистской партии за развитие рабочего движения железнодорожников России (1895—1914 гг.). Автореф. докт. дисс. М. 1983.

[3] Худадов В. Н. Закавказье (историко-экономический очерк). М.—Л. 1926, с. 148—149; Самедов В. Ю. Распространение марксизма-ленинизма в Азербайджане. Ч. 2. Баку. 1966, с. 87.

[4] ЦГИА СССР, ф. 273, оп. 12, д. 527, л. 4.

[5] Всероссийский железнодорожный союз был организован на учредительном съезде в Москве 20—21 апреля 1905 г., где было избрано его Центральное бюро, в котором значительную роль играли эсеры. Против эсеров и меньшевиков большевики вели непримиримую борьбу как в Центральном бюро, так и в местных отделениях (подробнее см.: Пушкарева И. М. Ук. соч., с. 112—120).

[6] Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 2.

[7] Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции. Док. и м-лы. Баку. 1956, с. 240—241.

дней после призыва московских рабочих начать всеобщую стачку и прекращения движения на многих дорогах Центра России, Бакинский комитет распространил прокламацию «Ко всем железнодорожникам», в которой говорилось: «По всей России стали железные дороги. Наши товарищи дружно, как один человек, выразили свой протест задыхающемуся в народной крови царскому самодержавию... Забастовка железных дорог... духовно свяжет воедино всю необъятную Россию и подготовит ее к последнему решительному штурму самодержавия — к народному восстанию». Завершилась прокламация призывом к солидарности всех угнетенных и к всеобщей политической забастовке [8]. 14 октября бюро Союза закавказских железнодорожников выпустило прокламацию, которая призывала железнодорожников прекратить работу 15 октября. Прокламация заканчивалась словами: «Вперед, товарищи! В единении наша сила!» [9].

Стачка охватила линии Баку — Тифлис (Тбилиси), Баку — Петровск-Порт (Махачкала). Бастовали железнодорожники Баку, Акстафы, Аджикабула, Баладжар, Елизаветполя (Кировабад), строительные рабочие на линии Эривань (Ереван) — Джульфа, которая еще не была завершена. Бастующие требовали увеличения заработной платы, улучшения условий труда и быта, а также упорядочения решения некоторых правовых вопросов.

На станции Елизаветполь вечером 14 октября забастовку начали рабочие депо [10]. Затем прекратили работу машинисты, а 16 октября — все мелкие служащие и рабочие станции. 17 октября поезда, следовавшие из Баку в Тифлис, были отправлены с помощью железнодорожного военного батальона [11]. Газета «Каспий» опубликовала декларацию, принятую общим собранием рабочих станции Елизаветполь, в которой выражалась солидарность с демократическими силами страны [12].

К 17 октября 1905 г. стачка охватила 41 железную дорогу России [13]. Начальник Закавказской железной дороги в телеграмме в Петербург доносил, что с 15 октября по всему Закавказью также прекратилось движение товарных и пассажирских поездов, приостановлены товарооборот и обмен вагонами с Владикавказской железной дорогой [14]. Полиция станции Баку сообщила, что часть рабочих депо и мастерских пассажирской и грузовой станций отказалась выйти на работу, телефонно-телеграфная связь с Тифлисом прервана [15].

Как известно, 17 октября Николай II вынужден был издать манифест, в котором обещал предоставить народу свободу слова, совести, союзов, собраний, демонстраций и т. д. Большевики призвали пролетариат не поддаваться лживым обещаниям царя. 18 октября Бакинский комитет РСДРП выпустил прокламацию, разоблачавшую царский манифест. «Не будем обольщаться,— говорилось в ней.— Свободу, нужную народу, правительство даром не дает... Царские же конституции — просто обман и надувательство» [16]. Во второй половине октября во многих городах и уездах Восточного Закавказья прошли митинги и демонстрации протеста. Особой организованностью и массовостью отличались демонстрации на станциях Баку, Елизаветполь, Баладжары.

В Елизаветполе 19—20 октября в демонстрациях на станции вместе с железнодорожниками участвовали рабочие городского транспорта, местных предприятий, гимназисты. Демонстранты несли красные знамена, транспаранты с лозунгами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует свобода!», портрет К. Маркса [17]. На митинге, организованном местной организацией РСДРП, выступили большевики. 21 октября машинисты, кондукторы, рабочие депо, мелкие служащие, стрелочники, составители поездов, ремонтники двинулись со станции Елизаветполь в город. По дороге к ним присоединились солдаты мест-

[8] Там же.

[9] История Азербайджана. Т. 2, с. 610.

[10] ЦГИА ГССР, ф. 1, оп. 1, д. 87, л. 4; см. также: Гумбатов Г. О революционной борьбе железнодорожников г. Елизаветполя (ныне Кировабад) в 1905—1907 гг.— Ученые записки Азербайджанского пединститута им. Г. Зардоби, Кировабад, 1955, № 2 (на азерб. яз.); Тевзаде Г., Пашаев М. Из истории железнодорожников Закавказья.— Труды АН ГССР, 1969, № 3.

[11] ЦГИА ГССР, ф. 1, оп. 1, д. 88, лл. 9—10.

[12] Каспий, 3.XI.1905.

[13] Пушкарева И. М. Железнодорожники России — участники Октябрьской политической стачки.— Вопросы истории, 1958, № 12.

[14] ЦГАОР СССР, ф. ДП, д. 2555, т. 3, л. 63.

[15] ЦГИА АзССР, ф. 185, оп. 1, д. 334, л. 312.

[16] Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции, с. 251.

[17] ЦГИА АзССР, ф. 1, оп. 6, д. 2, л. 19; ЦГИА ГССР, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 398.

ного гарнизона, крестьяне из окрестных сел, и 5-тысячная колонна влилась в ряды городских демонстрантов.

У дома губернатора состоялся многолюдный митинг [18]. Ораторы, выступавшие на русском, азербайджанском, армянском языках, выдвинули ряд политических и экономических требований, в том числе потребовали освобождения политзаключенных, среди которых было много железнодорожников. Полиция вынуждена была уступить, и политзаключенные были освобождены. Демонстрация продолжалась до 8 час. вечера. Ее участники пели революционные песни, выкрикивали лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!». Забастовка железнодорожников на станции Елизаветполь проходила под большевистским руководством. Наряду с представителем Бакинского комитета РСДРП большевиком С. Мехмандаровым ею руководили машинист большевик А. Чумак, Л. Рымкевич, кассир С. Колояни, врач железнодорожной станции А. Богораз, инженер С. Камишкирцев и Р. Кулланда [19].

В двадцатых числах октября местные власти и железнодорожная администрация перешли в наступление против железнодорожников [20]. Были изданы соответствующие постановление и циркуляры против бастующих, стали использоваться войска Кавказского военного округа, прибывшие на станции Баку, Аджикабул, Кюрдамир, Акстафа и др. 26 октября на некоторых станциях линии Тифлис — Баку железнодорожники вышли на работу. Но и 28 октября железнодорожная администрация отправила два поезда со станции Баку лишь с помощью военного железнодорожного батальона [21]. Несмотря на действия железнодорожной администрации и на то, что еще 20 октября эсеровское руководство Центрального бюро ВЖС разослало по железным дорогам телеграмму о прекращении стачки [22], большинство железнодорожников было полно решимости продолжать борьбу.

Мешая продвижению поездов, которые сопровождались военными, забастовщики в ряде мест разбирали рельсы, прерывали телефонную и телеграфную связь, опрокидывали вагоны. 30 октября заместитель начальника Закавказской железной дороги доносил, что восстановительные работы и обеспечение нормального движения поездов осуществляются с большими трудностями, а рабочие объявляют бойкот составам, следующим для восстановительных работ. Забастовка на линии Тифлис — Баку была подавлена полностью лишь 30 октября [23].

Упорное сопротивление властям оказывали во время проведения забастовки железнодорожники на линии Баладжары — Дербент. 25 октября начальник местного полицейского управления сообщал наместнику Кавказа, что нормальное движение поездов между Ростовом и другими станциями началось, но баладжарцы блокируют его, и поезда из Дербента возвращаются в Ростов. На следующий день начальник Владикавказской железной дороги передал в Петербург, что подавление стачки на линии Баладжары — Дербент чревато опасностью: забастовка может получить широкий размах. Председатель Совета Министров С. Ю. Витте вынужден был сделать официальное заявление о намечаемом увеличении заработной платы железнодорожникам; организации комиссий по вопросам труда и быта; разрешении на создание кооперативных и профсоюзных организаций; ликвидации на железных дорогах военного положения и др.

28 октября начальник Владикавказской дороги сообщил, что на всех линиях, за исключением Баладжары — Дербент, началось движение поездов [24]. Баладжарцы возобновили работу 29 октября. Обещания Витте, обращение ВЖС, угроза со стороны войск привели к прекращению октябрьской стачки железнодорожного пролетариата. Но полумесячная забастовочная борьба железнодорожников Азербайджана явилась хорошей школой для пролетариата Восточного Закавказья. Это подтвердили события декабря 1905 г., когда революционные вы-

---

[18] Гусейнов Р. Очерки революционного движения в Азербайджане. Вып. 1. Баку, 1926, с. 50.

[19] ЦГИА АзССР, ф. 831, оп. 1, д. 2, лл. 213—214.

[20] Пушкарева И. М. Железнодорожники России — участники Октябрьской политической стачки, с. 168.

[21] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 23/612, д. 15, ч. 10, лл. 59, 77, 218, 223, 358, 360; ЦГИА ГССР, ф. 26, оп. 1, д. 1, лл. 115—116, 177.

[22] Пушкарева И. М. Железнодорожники России — участники Октябрьской политической стачки, с. 162—163.

[23] ЦГИА ГССР, ф. 26, оп. 1, д. 1, л. 198; ЦГИА АзССР, ф. 484, оп. 1, д. 58, л. 33.

[24] ЦГИА ГССР, ф. 26, оп. 1, д. 33, л. 260; ЦГАОР СССР, ф. ДП, д. 2555, т. 3, л. 413; ЦГИА СССР, ф. 273, оп. 12, д. 373, лл. 354, 358, 359, 369, 373, 454.

ступления российского пролетариата достигли наибольшего накала.

5 декабря 1905 г. Московская общегородская конференция большевиков постановила начать 7 декабря всеобщую стачку и перевести ее в вооруженное восстание. К этому решению присоединилась Всероссийская конференция железнодорожников. Конференция и Центральное бюро ВЖС обратились ко всем железнодорожникам России с призывом к стачке. 7 декабря вместе со всем российским пролетариатом стачку объявили 29 железных дорог России [25]. В нее включились и железнодорожники Азербайджана. 8 декабря стачку начали баладжарцы. На следующее утро был проведен многолюдный митинг железнодорожников на станции Баку, которые единогласно постановили присоединиться к всероссийской стачке.

На станциях Баку, Елизаветполь, Баладжары, Акстафа, Евлах, Аджикабул и др. были организованы стачечные бюро. Они выступали как полномочные органы власти. Бакинское стачечное бюро, в состав которого входили передовые рабочие депо Ф. Бакланов, Я. Ковник, А. Трофимов, Ю. Пануров, Г. Румянцев и др., обратилось к рабочим станции с призывом прекратить всякие работы [26]. А когда в связи с забастовкой ухудшилось обеспечение Баку, Тифлиса и других городов Закавказья продуктами питания, бакинское стачечное бюро связалось не только со станциями Баладжары и Аджикабул, но и со стачечными бюро на станциях Северного Кавказа, были приняты все меры для подвоза продовольствия [27]. Для борьбы с ворами и спекулянтами на станциях была создана милиция из рабочих и служащих [28]. На станции Елизаветполь стачечное бюро установило строгий порядок. Железнодорожным транспортом могли пользоваться только люди, выполнявшие революционные поручения, по предъявлении билета со штампом «РСДРП, Елизаветпольская организация». Обязанности дежурного станции, диспетчера, инспектора, кассира выполняли члены бюро А. К. Чумак, братья Л. и В. Рымкевичи, супруги А. и Я. Колояни, Р. Кулланда, А. Богораз, П. Климиев, Г. Члаидзе и др. [29]. Забастовкой руководил председатель стачечного бюро, возглавлявший ранее октябрьскую стачку, Чумак. Бесстрашный, политически грамотный, он пользовался среди рабочих огромным авторитетом.

Боевой революционный отряд Елизаветпольской организации РСДРП вел подготовку к вооруженному восстанию. Работой по снабжению оружием занимались Кузаков, Камишкирцев, Г. Гречко, И. Курякин, А. Гелиев и др. [30]. Забастовщики пытались даже сами изготавливать бомбы. 23 декабря во время жандармских обысков в поселке железнодорожников близ станции Елизаветполь были обнаружены шесть бомб и материалы для их производства [31]. При обыске были найдены также пистолеты, винтовки и др.

В дни декабрьской стачки среди железнодорожников были широко развернуты революционная агитация и пропаганда, распространялись революционные прокламации, листовки, газеты, журналы, нелегальная литература. Во время полицейских обысков на квартирах железнодорожников на станции Аджикабул были обнаружены журнал «Социал-демократ», газета «Кавказский рабочий листок», воззвания и листовки «От стачки к вооруженному восстанию», «Наши требования», «Товарищи!» [32].

Еще в ходе Декабрьского вооруженного восстания в Москве против бастующих железнодорожников Закавказья были приняты самые решительные меры. 14 декабря на железных дорогах было объявлено военное положение, на крупные станции введены армейские части. 15 декабря был занят войсками Бакинский вокзал, хотя по указанию членов стачечного бюро Я. Ковника, А. Трофимова, Ю. Панурова, Ф. Бакланова и других рабочие пытались препятствовать этому. Они опрокинули несколько паровозов, разобрали на некоторых участках рельсы [33]. 22 и 24 декабря начались массовые

---

[25] Подробнее см.: Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях.

[26] Баку, 8.XII.1905; ЦГИА ГССР, ф. 23, оп. 1, д. 383, лл. 5, 312, 2; ф. 1с, оп. 1, д. 210, л. 27; ф. 26с, оп. 1, д. 4, лл. 31, 65—66; ф. 114, оп. 1, д. 179, л. 9; Ибрагимов З. Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане. Баку. 1955, с. 169; Казиев М. А. Из истории революционной борьбы бакинского пролетариата 1905—1907 гг. Баку. 1956, с. 122, 115.

[27] Государственный архив Ростовской области, ф. 26, оп. 1, д. 2519, л. 21.

[28] Партийный архив Азербайджанского филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 2, д. 7, л. 69.

[29] ЦГИА ГССР, ф. 26, оп. 1, д. 4, лл. 65—66.

[30] ЦГИА АзССР, ф. 381, оп. 1, д. 2, лл. 12—15.

[31] Там же.

[32] ЦГИА ГССР, ф. 1с, оп. 1, д. 87, л. 136.

[33] ЦГИА ГССР, ф. 12, оп. 1, д. 179, л. 9; д. 87, л. 16.

аресты, но рабочие продолжали стачку [34]. Декабрьская стачка в Закавказье, в том числе в Азербайджане, полностью была подавлена лишь в начале 1906 года.

Рабочие-железнодорожники Азербайджана, представители разных национальностей, плечом к плечу сражались против самодержавия в октябре — декабре 1905 г., проявляя большое упорство и стойкость. Их борьба — одна из героических страниц первой российской революции.

М. И. Пашаев

[34] Там же, д. 87, л. 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Касьяненко Василий Игнатьевич — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы истории КПСС», автор работ по истории советского общества.

Тюрина Александра Петровна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специалист по социально-экономическим проблемам истории советской деревни. Автор монографий «Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980», «Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946—1958 гг.», разделов в коллективных трудах, статей.

Кулищ Василий Михайлович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Автор книг «Второй фронт», «История второго фронта», «Современная империалистическая военная идеология» (в соавторстве), «Военная сила и международные отношения» (в соавторстве) и многих статей по истории второй мировой войны и современным международным отношениям.

Ким Георгий Федорович — член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Института востоковедения АН СССР. Автор многочисленных публикаций по проблемам новой и новейшей истории стран Азии и Африки, в их числе: «Рабочий класс Кореи — руководящая сила народно-демократической революции», «Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии» (в соавторстве), «От национального освобождения к социальному: социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций», «Революционная демократия и национально-освободительные революции» (в соавторстве).

Дементьев Игорь Петрович — доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского университета. Специалист по истории общественной мысли и исторической науки в США, автор монографий «Американская историография Гражданской войны в США», «Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.)» и многих статей.

Бижанов Кудус Бижанович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Алма-Атинского филиала Джамбулского технологического института пищевой промышленности. Специализируется по истории Советского Казахстана. Автор работ по этой тематике.

Ефремова Ната Павловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры научного коммунизма Московского института тонкой химической технологии. Специализируется по истории общественного движения в России второй половины XIX века. Автор книги «Русская соратница Маркса» и других работ по указанной тематике.

SUMMARIES OF ARTICLES

V. I. KASYANENKO. **Socialist Construction in the USSR and Ideological Struggle of the Two Systems**

The draft of the new wording of the CPSU Programme convincingly demonstrates the anti-humane essence of bourgeois ideology, and the bourgeois media's pernicious role in misleading the people in the interests of the ruling class. Historical record fully confirms this conclusion while facts and documents used in the article testify to the reactionary part played by the capitalist ideology and propaganda in the period when socialism was being built in the main in the USSR. The author graphically shows two conflicting trends operating in the world-wide ideological struggle in the mid-1930s—the deepening spiritual crisis of capitalism manifest in anti-humanism and anti-Sovietism and a mounting wave of working people's solidarity with the Soviet people who was engaged in socialist construction.

A. P. TYURINA. **Economic Relations in Soviet Agriculture**

The author resorts to facts and documents to analyse economic measures adopted between 1965 and 1982 to raise agricultural productivity, and make those working in agriculture more interested in developing social production. She uses data on the economic activity of state and collective farms to establish whether these measures were effective and why they failed to produce desirable results. She shows that the qualitative changes in management and economic relations in the agro-industrial complex undertaken in accordance with the Decision of the CC CPSU and the USSR Council of Ministers "On the Further Perfection of the Agro-Industrial Complex Management" (November 1985) were fully justified.

V. M. KULISH. **Guarding Peace and Security of Nations**

The article deals with the history of the Warsaw Treaty Organisation, a defensive alliance designed to guard security of the socialist nations and to promote peace in Europe. Its creation was a response to the threat of imperialist war against the USSR and other socialist countries. The author looks at the 1955-1975 period marked by international steps towards lesser military confrontation and international tensions in Europe: intensified multilateral cooperation between countries with different social systems, the All-European Conference and the Helsinki Final Act, some treaties and agreements on limiting nuclear armaments, etc. In the context of an aggravated international tension which set in late 1970s, the members of the Warsaw Treaty Organisation, an alliance of peaceful nations, counterpose their policy of struggle for preserving and deepening the detente to the imperialism's aggressive course.

G. F. KIM. **Topical Problems of Historiography of the Modern and Contemporary History of Asian and African Countries**

The article presents a panoramic view of Soviet and foreign viewpoints on some key problems of the modern and contemporary history of Asian and African countries. They include the "Asiatic mode of production", "Oriental feudalism", colonialism and the traditional society in the East, the revolutionary process unfolding today, the role of the national-liberation struggle of African and Asian nations, the role of the Communist parties in the region, historiography of the non-capitalist option, social thought and mass consciousness in Eastern countries. The intensified ideological and political struggle in the contemporary world challenges the Soviet Orientalists with an important scientific and political task of elaborating an adequate and scientifically substantiated conception of the above-mentioned problems based on Marxism-Leninism.

I. P. DEMENTYEV. **The "American Exclusiveness" Theory in US Historiography**

For more than three centuries the theory of "American Exclusiveness" has constituted an important element of bourgeois consciousness, a lynchpin of capitalist apology in the United States. The author follows the evolution of the idea as presented in works of major American historians from the colonial times through the presented an absolutised and distorted interpretation of the US political, social and economic development traits. He draws particular attention to the Puritan ideas about "the city on a hill". George Bancroft's doctrine of political "exclusiveness", Frederick J. Turner's "the frontier theory" and the contemporary neo-conservative concepts of "Americanism".

CONTENTS

"Problems of History", No. 2, 1986

Articles: **V. I. Kasyanenko.** Socialist Construction in the USSR and Ideological Struggle of the Two Systems; **A. P. Tyurina.** Economic Relations in Soviet Agriculture; **V. M. Kulish.** Guarding Peace and Security of Nations; **G. F. Kim, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences.** Topical Problems of Historiography of the Modern and Contemporary History of Asian and African Countries; **I. P. Dementyev.** The "American Exclusiveness" Theory in US Historiography; Historical Essays: **K. B. Bizhanov.** The Pavlodar-Ekibastuz Combine; **N. P. Efremova.** M. K. Tsebrikova — a Revolutionary-Democrat. Historical Science in the USSR and Abroad. **Surveys: T. A. Sivokhina.** Recent Historiography of the Working Class in the Constituent Republics at the Present Stage. **Book Reviews:** During the War. Articles and Essays; M. I. Gioev. The Anti-Denikin Front in the Caucasus; Zh.Zh. Gakayev. The Bolshevik Struggle for the Influence in the Masses During the First World Imperialist War (1914-March 1917); Yu. M. Melnikov. The US Imperialist Policy: Sources and the Present Day; N. N. Moskalenko. Pakistan's Foreign Policy (Its Shaping and Evolution); W. S. Cole. Roosevelt and Isolationists. 1932-1945. Lincoln-Lnd. Notes on Books. Facts, Events, People. Articles in Soviet and Foreign Historical Journals. New Books in the USSR and Abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire » n° 2, 1986

Articles: **V. I. Kassianenko.** L'édification du socialisme en U.R.S.S. et la lutte idéologique de deux mondes ; **A. P. Turina.** Les relations économiques dans l'agriculture de l'U.R.S.S. ; **V. M. Koulich.** A la sauvegarde de la paix et de la sécurité des peuples ; **G. F. Kim, membre correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Les questions d'actualité de l'historiographie de l'histoire des temps modernes et de l'histoire contemporaine des pays d'Asie et d'Afrique ; **I. P. Démentiev.** La théorie de l'« exclusivité américaine » dans la pensée historique des Etats-Unis. Aperçus historiques: **K. B. Bijanov.** Le complexe de Pavlodar-Ekibastouz ; **N. P. Efrémova.** M. K. Tsébrikova, militante de la démocratie révolutionnaire. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Revues: T. A. Sivokhina.** L'historiographie contemporaine de la classe ouvrière des républiques fédérées à l'étape actuelle. **Comptes rendus :** Au cours des années de guerre. Articles et aperçus ; M. I. Guioév. Le front contre Dénikine dans le Caucase ; J. J. Gakaév. Les bolcheviks en lutte pour gagner les masses pendant les années de la première guerre impérialiste mondiale (1914-mars 1917) ; You. M. Melnikov. La politique impériale des Etats-Unis : origines et époque contemporaine ; N. N. Moskalenko. La politique extérieure du Pakistan (Formation et étapes essentielles de l'évolution ; W. S. Cole. Roosevelt et les isolationnistes. En bref sur les livres. Faits, Evénements, Hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

revista «Cuestiones de historia» № 2, 1986

Artículos: **V. I. Kasiánenko.** La edificación del socialismo en la URSS y la lucha ideologica de dos mundos; **A. P. Tiúrina.** Las relaciones económicas en la agricultura de la URSS; **V. M. Kulish.** Salvaguardar la paz y la seguridad de los pueblos; **G. F. Kim, miembro-correspondiente de la AC de la URSS.** Cuestiones actuales de la historiografía de la historia moderna y contemporánea de los países de Asia y Africa; **I. P. Deméntiev.** Teoría de la «exclusividad americana» en el pensamiento histórico de EE. UU. Ensayos históricos: **K. B. Bizhánov.** El complejo de Pavlodar-Ekibastuz; **N. P. Efrémova.** M. K. Tsebrikova, figura de la democracia revolucionaria. Ciencia histórica en la URSS y en el exterior. **Resúmenes: T. A. Sivójina.** Historiografía contemporánea de la clase obrera de las repúblicas federadas en la etapa actual. **Reseñas:** En los años de guerra Artículos y ensayos; M. I. Guióev. El frente anti-Denikin en Caucasia; Zh. Zh. Gakáev. Los bolcheviques en la lucha por las masas en los años de la primera guerra mundial imperialista (de 1914 a marzo de 1917); Yu. M. Mélnikov. La política imperial de EE. UU.: los orígenes y la contemporaneidad; N. N. Moskalenko. La política exterior de Pakistán (la formación y las principales etapas de la evolución); W. S. Cole. Roosevelt and Isolationists. 1932-1945. Lincoln — Lnd. Notas breves de libros. Hechos, sucesos, hombres. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el exterior.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, В. А. ДЬЯКОВ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, В. А. КУМАНЕВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ, И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., ½. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 07.01.86. Подписано к печати 29.01.86. А 00619. Формат 70×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Учетно-изд. л. 19,68. Усл. кр.-отт. 17,33. Тираж 16 000 экз. Изд. № 585. Заказ № 2190.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

БЛАГОЕВ Д. **За младежта.** София. Нар. младеж. 1984. 578 с.

Болгария: 40 лет по пути социализма. Пер. с болг. Сост. Георги Досев и Стефан Желев. София. София-пресс. 1984. 158 с.

Втората световна война. Кратка история, 1939—1945. Н. Г. Андроников, А. И. Бабин, А. В. Басов и др. Междунар. ред. колегия П. А. Жилин, Е. М. Жуков — председатели (СССР) и др. София. Партиздат. 1985. 693 с.

Историческата мисия на работническата класа. (Статии, брошури, речи на бълг. социалисти в периода 1893—9.IX.1944 г.). Съст., авт. на встъп. студия и ред. на ориг. текстове Станка Величкова. София. Профиздат. 1984. 413 с.

МИЛЕВ-ОГИН Б. **Париж гладува, Париж студува, но вече нечувствува** срам. Парижкото въстание—авг. 1944 г. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1984. 183 с.

Севтополис. Т. I. Бит и култура. Димитър П. Димитров, Мария Чичикова, Ана Балканска, Люба Огненова-Маринова. София. Изд-во на БАН. 1984. 227 с.

Странджанско-Сакарски сборник. Ред. съвет: Александър Фол (председател) и др. Т. 1. Доклади от 1-ия интердисциплинарен симпозиум «Странджа». Бургас, 17—19 авг. 1978. Съст. и ред. Стефан Пейков. 370 с. Т. 2. Доклади от 2-ия интердисциплинарен симпозиум «Странджа-Сакар». Малко Търново, 30.IX.—2.X.1980. Съст. Стефан Пейков. Кн. 2. 313 с. Малко Търново. 1984.

FENCSIK L. **Mit kell tudni a világ kommunista pártjairól.** Budapest. Kossuth. 1984. 337 (5). old.

GAL F. **Az úriszék előtt.** Budapest. Kozmos könyvek. 1984. 151 (5). old.

KISS K. **Magyar alvitézek höstettei az újabb üdöszakban.** A köt. szerk, vál., az utószót és a jegyz. Irta Juhász István. Budapest. Magvető. 1984. 369. old.

Kortársak Bajcsy-Zsilinszky Endréről. Szerk. Vigh Károly. 2., böv. kiad. Budapest. Magvető. 1984. 492. old.

Új hasa, új hadsereg. Visszaemlékezések az 1945—1948-as évekre. Szerk. Nagy Gábor és Móricz Lajos. 2-ik böv. kiad. Budapest. Zrinyi. 1985. 319. old.

Die DDR in der Welt des Sozialismus. Autorenkollektiv unter Leitung von Siegmar Quilitzsch: Erhard Crome, Rainer Kuphal, Anton Latzo et al. Berlin. Staatsverlag der DDR. 1985. 237 S.

EICHHOLTZ D. **Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft, 1939—1945.** 3., durchges. Aufl. Bd. 1. 1939—1941. Berlin. Akademie-Verl. 1984. XI, 408 S.

MADER J. **Dr. Sorge-Report.** Ein Dokumentarber über Kundschafter des Friedens mit ausgew. Artikeln von Richard Sorge. 2. Aufl. Berlin. Militärverl. der DDR. 1985. 348 S.

PISKOL J. et al. **Antifaschistisch-demokratische Umwälzung auf dem Lande (1945—1949).** Joachim Piskol, Christel Nehrig, Paul Trixa. Berlin. Dt. Landwirtschaftsverl. 1984. 207 S.

DOBROSIELSKI M. **W kręgu kryzysów.** Eseje. Bialystok. Krajowa agencja wydawnicza. 1984. 188 s.

KANCEWICZ J. **Polska partia socjalistyczna w latach 1892—1896.** Warszawa. PWN. 1984. 507 s.

ŁADOSZ J. **Przeciw pustym frazesom.** Warszawa. KiW. 1984. 379 s.

MODRZEWSKA H. **Osadnictwo obcoetnicze i innoplemienne w Polsce wczésniejszego średniowiecza.** Warszawa. Wyd-wa Uniw. Warszawskiego. 1984. 150 s.

Studia z dziejów epoki Jana III Sobieskiego. Pod red. Krystyna Matwijowskiego. Wrocław. Acta Uniw. Wratislaviensis. 1984. 280 s.

FRĂŢILĂ V. et al. **Dicţionarul toponimic al Banatului.** Vasile Frăţilă, Viorica Goicu, Rodica Sufleţel. /I/. (A—B) XXI, 167 p. Timişoara. Univ. din Timişoara. 1984.

TIMOFTE I., PERVA A. **Viitorul la ordinea zilei.** Anul intern. al tineretului. Participare, Dezvoltare, Pace. Cuv. înainte de Nicu Ceauşescu. Bucureşti. Politica. 1984. 189 p.

HYRŠLOVÁ K. **Česká inteligence a protifašistická fronta.** (K bojům a svazkům třicátych let). Úvodní studii naps. a soubor dobových materiálů vybr., uspoř. Kveta Hyršlová. Praha. Melantrich. 1985. 366 s.

KROPILÁK M. **Povstanie a revolúcia.** Bratislava. Obzor. 1984. 209 s.

KUBIČEK J., FRANĚK O. **Moravská Rovnost, 1940—1945.** Ilegální komunistický časopis Moravská Rovnost a Hlasy z podzemí z let 1940—1945. Brno. Blok. 1985. 210 s.

Veľká októbrová socialistická revolúcia a formovanie svetovej socialistickej sústavy. Zodp. red. Libuša Bahurinská. Bratislava. Veda. 1985. 151 s.

VESELÝ Zd. **Československo a Marshallův plán.** (Příspěvek k problematice mezinárodních souvislostí revolučního procesu v Československu v letech 1945—1948). Praha. Univ. Karlova. 1985. 119 s.

GUČEK M. **Pekoči sneg.** Ljubljana. Partizanska knjiga etc. 1984. 508 s.

KRŽIŠNIK Z. **Patrulja zvestobe.** Kulturniška skupina 14. divizije. Ljubljana. Borec. Partizanska knjiga. 1984. 158 s.

PERIĆ I. **Dubrovačko pomorstvo u 19. i 20. stoljeću.** Zagreb. Jugosl. akad. znanosti i umjetnosti 1984. XII, 336 s.

НОВЫЕ КНИГИ

HELLMUTH L. **Gastfreundschaft und Gastrecht bei den Germanen.** Wien. Österr. Akad. der Wiss. 1984. 382 S.

MOLLAT M. **Les pauvres au Moyen âge.** Bruxelles. Éd. complexe. 1984. 389 p.

Sociedade e política no Brasil pós-64. Bernardo Sorj, Carlos Estevam Martins, Fábio Wanderley Reis et al. Organizadores: Bernardo Sorj, Maria Hermínia Tavares de Almeida. 2-a ed. São Paulo. Brasiliense 1984. 261 p.

LISBOA J. F. **Crônica política do Império.** Introd. e seleçäo de Hildon Rocha. Rio de Janeiro. Alves (Brasília). INL. 1984. 322 p.

FEUCHTWANGER E. J. **Democracy and Empire. Britain, 1865—1914.** London etc. Arnold. 1985. 408 p.

GRABOWSKI K., DUMVILLE D. **Chronicles and Annals of Mediaeval Ireland and Wales.** The Clonmacnoise-group Texts. Woodbridge (Suffolk). The Boydell Press. 1984. X, 242 p.

LAYTON-HENRY Z. **The Politics of Race in Britain.** London. etc. Allen and Unwin. 1984. XVI, 191 p.

REAV B. **The Quakers and the English Revolution.** Forew. by Christopher Hill. London. Temple Smith 1985. XII, 184 p.

MUKERJEE H. **Epic Victory. The Soviet Triumph over Fascism, 1941—1945.** New Delhi etc. Allied Publ. Private, Ltd. 1985. VI, 106. p.

COCHRAN L. E. **Scottish Trade with Ireland in the Eighteenth Century.** Edinburgh. Donald. 1985. VIII, 199 p.

Rapporti tra i Balcani e l'Italia Meridionale nell'età neolitica. Roma. Problemi attuali di scienza e di cultura. 1984. 144 p.

Scavi e richerche archeologiche degli anni 1976—1979. Vol. 1. 461 p. Vol. 2. 517 p. Roma. Consiglio naz. delle richerche. 1985.

BERGH T., HANISCHE T. J. **Vitenskap og politikk. Linjer i norsk sosialøkonomi gjennom 150 år.** Oslo. Aschehoug. 1984. 269 s.

A via de desenvolvimento para vencer a crise. Doc. e intervenções da Conf. Nac. po PCP. Vol. 1. 771 p. Vol. 2. 856 p. Lisboa. Avante!. 1985.

DOLBEARE K. M. **Democracy at Risk.** The Politics of Economic Renewal. Chatham (N. J.). Chatham House Ser. on Change in Amer. Politics. 1984. XV, 239 p.

WHITECOTTON J. W. **The Zapotecs: Princes, Priests and Peasants.** Norman. Univ. of Oklahoma Press. 1984. XIV, 338 p.

KORHONEN K. **Lähettilään päiväkirja.** Helsinki. Otava. 1984. 157 s.

Nationality and Nationalism in Italy and Finland from the Mid—19th Century to 1918. Helsinki. Studia historica. 1984. 191 p.

Deutsche Geschichte in 12 Bd. Hrsg. von Heinrich Pleticha. Bd. 1. Vom Frankenreich zum Deutschen Reich, 500—1024. 384 S. Bd. 2. Von den Saliern zu den Staufern, 1024—1152. 384 S. Bd. 3. Die staufische Zeit, 1152—1254. 383 S. Bd. 4. Vom Interregnum zu Karl IV, 1254—1378. Bd. 5. Das ausgehende Mittelalter, 1378—1517. 383 S. Bd. 6. Reformation und Gegenreformation, 1517—1618. 384 S. Bd. 7. Dreissigjähriger Krieg und Absolutismus, 1618—1740. 384 S. Bd. 8. Aufklärung und Ende des Deutschen Reiches, 1740—1815. 385 S. Bd. 9. Von der Restauration zur Reichsgründung, 1815—1871. 384 S. Bd. 10. Bismarck-Reich und Wilhelminische Zeit, 1871—1918. 383 S. Gütersloh. Lexikothek. 1983—1984.

CARMONA M. **La France de Richelieu.** Paris. Fayard. 1984. 463 p.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи, исторические очерки и публикации объемом в 1—1,5 авторского листа (24—36 стр.); обзоры — до 16 стр.; рецензии, письма и заметки — 6—8 стр.; заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах,—3,5 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через полтора интервала). Вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

Кот 37 д 2 Брюсягин

Цена 90 коп. Индекс 70145

НОВЫЕ КНИГИ

ПРАВДА О ПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Асеевский А. И. **ЦРУ: шпионаж, терроризм, зловещие планы.**— М.: Политиздат, 1985.— 271 с.— 80 к.

Баталов Э. Я., Малашенко И. Е., Мельвиль А. Ю. **Идеологическая стратегия США на мировой арене.**— М.: Международные отношения, 1985.— 230 с.— (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).— 90 к.

Белая книга «холодной войны» — М.: Молодая гвардия, 1985.—272 с., ил.— (Империализм: события, факты, документы).— 60 к.

Житомирский В. А. **Апартеид по-британски.**— М.: Мысль, 1985.—240 с., ил.— (Империализм: события, факты, документы).— 60 к.

Козырев А. В. **Торговля оружием в политике империализма.**— М.: Международные отношения, 1985.—160 с.—35 к.

Кукаркин А. В. **Буржуазная массовая культура:** Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес.— 2-е изд., дораб. и доп.— М.: Политиздат, 1985.— 399 с., ил.— 2 р. 10 к.

Лопухов Б. Р. **Неофашизм: опасность для мира.**— М.: Молодая гвардия, 1985.— 175 с.—35 к.

Марбанов Б. В. **ЦРУ, НТС и афганская контрреволюция.**— М.: Воениздат, 1985.—111 с.—25 к.

Издания, раскрывающие антинародный характер империализма, его политики, идеологии, можно приобрести в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

ВГО «СОЮЗКНИГА»

Вопросы истории, 1986, № 2, 1—192.